

Anna Merz

Шагни в Огонь
Искры

Часть первая, глава 1

37 год Рейки, 4754 всеобщий год

Цусаки — май

Тенки: Путь в Йокола

— Ты куда! Немедленно вернись! — истеричный женский голос стал неслышен, когда мальчишка с силой захлопнул тяжёлую дверь.

— Да двести раз же сказал, успокойся, старая дура, — пробормотал он и поправил съезжающую с плеча сумку. Одарил дверь злым взглядом, презрительно сплюнул на деревянное крыльцо. Коснулся лямок ещё раз и вышел со двора.

За рваными облаками висел тонкий обломок луны, на деревенской улице неровной цепью горели фонари. Лампы поновее были оборудованы заклинанием, включавшим свет при появлении человека, и стоило мальчишке вступить в зону действия магии, как тощую фигурку заливало огнём. Похоже, ему изрядно надоела подобная услужливость: при каждой новой вспышке он машинально вскидывал ладонь к светлой чёлке и шипел под нос что-то явно нелестное.

Полуоткрытую калитку в окружающем деревню заборе мальчишка заметил сразу же и обрадовался удаче, словно хорошей примете — значит, дорога принимает.

— Хой, Тенки! — внезапный возглас донёлся сверху.

Мальчишка остановился, поправил котомку, задрал голову.

На заборе сгорбилась тень. Озий. Озий вечно околачивался рядом с воротами: в них сторожем сидел его отец.

— Ты куда? — с любопытством поинтересовалась тень. — На ночь глядя...

— Да так, — пожал мальчишка плечами, стараясь, чтобы жест выглядел независимым.

— Чё, всё-таки решился? В Йокола?

Тенки молчал, вглядываясь в чёрную фигуру верхом на заборе.

— Ты чё ночью-то! С ума сбрендил?

— А что делать? — зло ответил пацан. — Она ж днём с меня глаз не спускала, я сумку два дня собирал.

— Мать, да? Ну она же беспокоится.

— Иди ты! Беспокоится. Ей важно, чтоб рабочие руки не ушли, вот и всё.

— Не, я думаю, она всё-таки беспокоится, — с сомнением покачал головой Озий. — Матери все беспокоятся. Моя вон тоже, всё время спрашивает, где меня носит. Хоть я и с отцом постоянно. А у ты и... — парень на заборе осёкся.

— Да вы достали уже все! — взорвался мальчишка. — Утоп, ну и утоп, хрен с ним! Что я теперь, всю жизнь у юбки должен сидеть и его заменять? Да идите вы все...

Оборвав на полуслове гневную тираду, он жёстко сощурился и мотнул головой. Снова поднял глаза на невидимого собеседника. Добавил, смиряя голос:

— Да ну на фиг.

— Ты тока магию не кидай. Я ж не со зла.

— Да не кидаю я. Не стал бы, даже если б и умел, — слова прозвучали одновременно

резко и устало.

— Ну теперь-то тебя научат. Если дойдёшь до магика, — сказал Озий, словно утешая.

— Ага. Если дойду, — светловолосый криво усмехнулся и размашисто утёр нос рукавом.

Стоять на месте было холодно.

— Твёрдо решился?

— Ага.

— Медведей, волков, пятнистых не боишься?

— Я берегом пойду.

— Эх. Что ж ты до лета не подождёшь, раз уж ночью идти приспичило? Летом хотя б тепло.

— Дурак ты, что ли, Озий? Я до завтра выждать не могу, а ты — лето. Поскорей бы уж убраться отсюда.

— Чё те не нравится в деревне? — кажется, мимолётные слова обидели парня на заборе. — Море рядом, чем заработать на кусок хлеба, всегда найдётся. Не гнался бы ты за птицей в небе, а? С неба дерьмо часто валится, а проку с него немного!

— Пошёл я, Озий, — мальчишка поправил сползшую с плеча лямку. — Пойду, а то зябко мне тут с тобой балакать. Мне ещё немало топать.

— Твёрдо, значит, да? — повторил ещё раз Озий, уже не ожидая ответа. — Эх...

— Ага, — Тенки усмехнулся. — Ну, бывай!

Дёрнул плечом ещё раз, уже машинально, шмыгнув носом и шагнул к воротам. В сторожке рядом с ними всегда похрапывал немногословный отец Озия — одноногий после встречи с медведем старик Вяльма. Невысокий рост мальчишки отлично позволял ему пробраться как раз под окошком, откуда доносилось громкое неровное дыхание: всего-то сгорбиться и шмыгнуть в узкий проём меж сторожкой и брёвнами ворот.

Хорошо, что Озий приглядывал за отцом: по пьяни старик не заметил бы и десятка бешеных медведей. И частенько оставлял открытой калитку для пешеходов, весьма на руку Тенки, отнюдь не мечтавшему лезть через забор.

Морской ветер, от которого уже не укрывали ворота, крепко ударил в лицо, заставляя мальчугана поёжиться. Сопли, казалось, только и ждали момента, чтобы устремиться из носа с новой силой. Тенки утёрся, глубоко вдохнул знакомый с детства запах тины и остановился, услышав из-за спины негромкий оклик Озия:

— Эй, Тенки. Слушай, а что если магик тот налажал тебе?

— В смысле, — бросил Тенки холодно, не оборачиваясь.

— Ну, ошибся там, когда сказал, что у ты есть сила, или просто... пошутил, типа.

— Пошутил? — зловеще усмехнулся мальчишка, вскидывая голову к забору. — Давай и я тогда... пошучу, а? И спалю всю вашу гнилую деревеньку на хрен морской, а?

Из яростных глаз разве что искры не летели. И Озий, видимо, почувствовав всю неуместность своего вопроса, замолчал, сглотнул как-то по-особенному ощутимо и поспешил исправиться, добавляя дипломатичное:

— Не, ну я-то верю, ты чего...

Чёрная тень исчезла с забора, Тенки услышал мягкий звук прыжка на другой стороне. Из открытой калитки донеслось последнее:

— Ты там поосторожнее, ага?

Тенки снова усмехнулся и устремился прочь от ворот, в холодящую ветром ночную

Тьму.

Первый раз мысль о том, что он переоценил свои силы, появилась в сознании Тенки в районе полуночи. Ориентировочно, ибо часов у него не было, и время он мог определять только наугад.

Дорога мягко стелилась под ноги, ветер овевал разгорячённое лицо, море шелестело с правой стороны, а слева высилась чёрная стена гор. Казалось бы — знай себе иди, топай по нахоженному тракту. Но на исходе второго часа — а может, и третьего? — неизменный пейзаж приелся, однообразная линия моря по правую и нескончаемая громада поросшего лесом утёса по левую руку не давали понять, сколько он уже прошёл и сколько ещё остаётся.

Колени оледенели — стоило прикоснуться к вытертым на коленных чашечках штанам горячей ладонью, как становилась заметна разница. Наверное, от холода они гудели. Впрочем, сам Тенки холода вовсе не чувствовал, совсем наоборот, за ветер, бьющий в лицо несильными порывами, был благодарен, а на лбу даже выступил пот.

Месяц висел впереди над утёсом, по левую сторону, довольно высоко. Чёрные облака ключьями бежали в вышине, опутывая узкий, похожий на обломок ногтя, изогнутый дельфиньей спиной серп. Вроде как на эльфийском древнее название луны и значило что-то типа «дельфины света», по крайней мере, от кого-то Тенки это слышал — сам-то он эльфийского не знал.

Да и не нужен был ему эльфийский — с кем болтать-то? В горной Валиссии эльфы, считай, не жили, оставляя почти целую восьмую материка во владение «безухих» — хотя, конечно, находились чудачки, предпочитающие городскому веселью забытую всеми глушь. Когда-то и в деревне Тенки обретался взявшийся невесть откуда эльф: как все они, высокий, с сумасшедшим взглядом, видно сразу, не от мира сего. Потом ушёл куда-то, ещё когда Тенки был совсем малявкой, и отец был ещё жив. Значит, по привычке подсчитал мальчишка, больше, чем семь лет назад.

А магик приехал в деревню три года назад, если считать от нынешнего момента, — отец уже погиб к тому времени, мать вконец одурела, запрягла их с сестрой в работу, чтобы как-то сводить концы с концами. Да нет, работать надо было, это ясно, жратва с неба не свалится, да Тенки и не возражал особо.

Только когда магик...

Магик раскинул шатёр на площади, у общего колодца. По указанию старосты молодые парни поставили рядом длинный шест, а к шесту приколотили деревянную табличку: «уважаемый господин магических наук Ралло-иль Макущим». Эту табличку, кажется, уважаемый господин везде таскал с собой, уж очень потрёпанный она имела вид.

Сначала народ толпился по краям площади, жался к домам, никто не смел подойти первым, магика не видели в деревне с десяток лет. Потом выскочила какая-то тётка, завела что-то задорное, залихватское, непонятное — залётный гость аж покраснел. И площадь захохотала.

Этот общий грозный смех собравшегося народа Тенки помнил до сих пор: тогда он стоял между взрослыми, мелкий, десятилетний, озирался с раскрытым ртом, ища глазами Алли, сестру. И когда народ захохотал, он тоже, сам не понимая, в чём дело, засмеялся, и

день вдруг показался ясным, и страх потерять в толпе сестру пропал, и окружающие словно вмиг подобтели.

Магик жил на площади с неделю, за чары его и кормили, и развлекали, и всячески пытались услужить. Сестра Тенки вечно крутилась неподалёку, в стайке таких же, как она, девчонок по пятнадцать-шестнадцать лет, привлечённых магией и продажей любовных напитков. Деревенские девки на время позабыли даже богиню любви Иливу, поражённые батареей бутылочек с афродизиаками и приворотными настоями. Каждое утро с рассветом прибегали на площадь и заигрывали с магом, пытаясь своими пусть совсем не магическими чарами добиться его внимания.

Вместе с сестрой на площадь ходил и Тенки. Глазел заворожённо на мешочки с амулетами, свитки защищающих дом заклинаний, магические перья, пузырьки, баночки, бутылочки, коробочки.

Магик, со своей стороны, заметил в пёстрой девчачьей толпе светлую лохматую макушку и любопытные глаза. И как-то заговорил, появляясь внезапно перед мальчишкой, в очередной раз околдованным игрой света на амулетах:

— Ну что, интересно?

Тенки сглотнул, попятился испуганно от прилавка — на всякий случай, чтоб не приняли, чего доброго, за воришку.

— Ты тут чуть ли не каждый день околачиваешься, — выговор у магика был не рыбацкий, скорее горный, чуть картавый, неразборчивый.

Ребёнок молчал, уставясь в глаза взрослого, карие, с желтоватым ободком у зрачка. Магик первый раз говорил с ним.

— Нравится магия, а?

Тенки кивнул — действительно, слова магика эхом отозвались в сердце: нравилась магия, сама магия, наука магии. Те искры её, что воплощались в материальные предметы — амулеты, настойки, механические поделки; часть, оставшаяся энергией — боевая магия, заклинания, магические поединки; и совсем невидимое — знания, покрытые пылью пергаментов с древними словами, необъяснимая сила, которой веяло от чужака.

— Смотри, — поспешил Тенки сказать, пока магик не потерял интереса к деревенскому пацану, — смотри, что умею.

Вытянул ладошку к взрослому, сосредоточился, собирая крупинцы энергии, стягивая отовсюду и почти видя тоненькие струйки, потёкшие от амулетов, развешанных над головой.

На ладошке вспыхнул и заметался крошечный жёлто-зелёный шарик, неправильной формы, полупрозрачный, неустойчивый.

Этому номеру Тенки научился, когда увидел представления заезжего фокусника, тут же, на центральной площади, с полгода назад. Фокусник, правда, творил чудеса помощнее, и магией не пахло от них ни капли, словно волшебство какое, но Тенки научился только так, и оттого, наверное, выходил шарик всегда неказистым. Хотя за полгода мальчишка добился немалых успехов, жёлто-зелёное его творение уже не лопалось сразу.

Магия Тенки произвела впечатление на мужчину: тот широко раскрыл глаза и нервно облизнул губы. Подставил широкую ладонь под распахнутую детскую руку, и мальчуган почувствовал, как увеличивается приток силы, увидел, как разгорается шарик, светлеет, круглеет, становится твёрдым, почти осязательным. На мгновение медленное, спокойное течение энергии изменилось, словно сила пошла огромными водяными пузырями.

Зеленоватое свечение на ладони съжилось, вобралось в шар. И тот — уже настоящим, гладким на ощупь камнем опустился на середину руки. Тяжёлый.

Тенки поднял восхищённые глаза на магика. Горло перехватило — ни слова не произнести.

— Вот так так, — услышал задумчивое, — вот так так...

Улыбка сбежала с губ, рука сама потянулась спрятать круглый зеленоватый камень за спину. Похоже, магик был не рад — во всяком случае хвалить не собирался.

Мужчина вышел из-за прилавка, присел перед мальчишкой на корточки.

— Послушай, — начал серьёзно, всматриваясь в детские глаза. — Ты молодец.

Ага. Кажется, плохого Тенки всё-таки не натворил.

— Тебя кто-нибудь учил?

Пацан помотал головой — кому учить-то? Магика он видел первый раз в жизни.

— Сам научился?

Может, рассказать про фокусника?

— Ну, я это... — начал Тенки, — видел представление, там большие шары из воздуха делали.

— Какое представление?

— Фокусника, — терпеливо объяснил мальчуган. — Приезжал весной, с караваном. Ещё у них лесное чудовище было, только оно громадное, такие на зов не идут.

— Ого, ты и призывать умеешь?

— Ну а как же, — с превосходством сказал Тенки, — мы с отцом когда ходили на рыбалку... — и осёкся, ожидая неминуемого: «А сейчас где твой отец?»

Но вместо этого магик спросил о другом.

— Тебе сколько лет-то?

— Десять, — может, надо было соврать, что хотя бы двенадцать?

— Десять... — магик смешно подвигал ртом. — Слушай, а ты ведь у нас юный талант.

— Чего?

— Молодец, говорю. Маленький, а хват. Вот только десять лет...

Точно, надо было сказать «двенадцать».

— Скоро одиннадцать, — насупился мальчишка — хотя на самом деле оставалось ещё почти полгода.

— В столицу бы тебе, в Валисс. Там из тебя сделают человека. Да только кто ж тебя туда отвезёт. Отец есть?

Ну вот он и прозвучал, этот ненавистный вопрос. Отвечать Тенки не стал, только помотал головой.

— Подрастёшь — езжай в Валисс, — вставая, мужчина потрепал ему волосы. — Найдёшь в тамошней магической школе старика Мака, скажи ему, что Ралло прислал. Повтори.

— Старик Мак, — послушно произнёс Тенки, — сказать, что прислал Ралло.

— Ага, — чему-то улыбаясь, подтвердил магик, — смотри сюда, — и постучал указательным пальцем по табличке на шесте. — Читать умеешь?

— Умею, — несколько обиженно сказал ребёнок. Обижаться причины имелись: читать Тенки научился лет в пять, по сестринскому букварю, ещё перед тем, как пойти в школу.

— Ну вот, Ралло меня звать, запомнишь?

— «Уважаемый господин магических наук Ралло-иль Макущим», — прочёл мальчишка

старательно выведенные буквы.

— Ну, про господина можешь не запоминать, — закашлялся магик, сделал рот куриной гузкой. — Запомни «Ралло» — эт моё имя, и «иль Макущим», эт значит «ученик Макущима», старика Мака, стал-быть.

— Ралло, ученик Макущима, — повторил Тенки вслух слова из солнечного дня трёхгодичной давности. Сейчас, в зыбком ночном мраке, перемешанном с рокотом моря, воспоминания о том лете казались почти что сном.

Валисс. Отсюда, с побережья, до сердца страны и в политическом, и в географическом отношениях, столицы людского мира, пешком не добраться — во всяком случае не за одну ночь. Да и дороги, если честно, Тенки не знал: на пути были горы, а это тебе не топтать ногами по однообразно унылой, зато знакомой с детства линии моря.

Валисс, магическая школа, сказал тогда магик. «Подрастёшь — поезжай».

Тенки усмехнулся бьющему в лицо мягкому ветру. Чтобы попасть в Валисс, сначала надо дойти хотя бы до Йокола. В Йокола есть магик, живёт там уже больше года, к нему и надо идти. И только потом — если тот не откажется помочь, — в столицу. Если магик сочтёт, что Тенки достоин туда попасть, если найдёт в нём достаточно силы.

Горы слева начали уступать, забирая назад с побережья, открывая широкое лесное пространство. Это место Тенки знал: треть пути до Йокола пройдена. Всего треть — а ступни уже устали шаркать по дороге, ноги тяжёлые и гудят. Смертельно хотелось отдохнуть, спрятаться от ветра среди деревьев и сделать привал, может, поспать пару часиков. А там, глядишь, и до рассвета недалеко, и силы снова появятся.

Но Тенки упорно шагал вперёд.

В Йокола Тенки уже бывал, давно, правда, дело было, ещё до приезда магика, лет пять где-то назад. Ходили с матерью и сестрой на ярмарку, тогда от деревни шли целым караваном, весело шли, с песнями. С привалами.

Может, прав был Озий, и зря он дня не подождал, чтобы при солнце топтать. Соснул бы в тепле, перетерпел бы изрядно надоевшую материнскую брань и попрёки малыми заработками, а наутро, едва поднялось бы солнце, прочь из дома — и след простыл. Правда, пойдя Тенки днём, мать не пустила бы, догнала, вернула б в деревню. А ночью — кто же выходит ночью за ворота, лесным зверям да чудовищам на добычу, кому жизнь не дорога? Хотя главная причина состояла, разумеется, вовсе не в этом — а в ежевечерней чарке с горячительным, которую мать уже опрокинула в себя, разомлела и потому, верно, и не побежала.

В башмаки словно песок набился — при каждом шаге ступни саднило. Тенки, однако, старался не обращать на это внимания, как и на усталость в мышцах, тупую тянущую боль в бёдрах и голенях. Механически передвигал ноги, зная, что до Йокола ещё далеко. А стоит присесть, как он уже не сможет потом встать и идти дальше, снова войти в помогающий сейчас продвигаться вперёд машинальный ритм. Шёл, пытаюсь не думать о физических ощущениях.

О том, что может призывать мелких животных и птиц, глупых рыбьих мальков и

насекомых, Тенки знал с самого детства. Сказать вернее, не помнил иного. Сначала окружающие считали его просто удачливым, соседи-рыбаки наперебой зазывали на ловлю, а стоило им с отцом выйти в море, как без хорошей добычи не возвращались. Потом, когда у ребёнка обнаружились и другие способности, сообразили: а мальчик-то, похоже, нескучно одарён Огнём.

Но, конечно, в магии его не прочили: денег отсылать сына в город не имелось, хотя отец задумывался о будущем. Ну а потом пришла та буря, после которой мать вперемешку с проклятиями то благодарила Огонь за ниспосланное в ту ночь стремление во что бы то ни стало удержать возле себя Тенки, то негодовала на море за то, что отняло мужа.

Тенки порой задумывался, как случилось бы, окажись он тогда на лодке с отцом и остальными рыбаками, помогли бы ему те жалкие зачатки магии, что он только начал ощущать и которыми ещё не в состоянии был управлять. И каждый раз приходил к выводу, что нет, не помогли бы, и море, всесильное и равнодушное, поглотило бы лодку всё с той же безразличной лёгкостью.

Далеко справа, над морем, небо начало светлеть. Горы отошли в сторону, теперь по левую руку шёл тёмный, шумящий листьями лес. Тенки с удовольствием спустился бы с дороги, двигаясь по самой кромке моря, подальше от однообразной негостеприимной тени деревьев, но по песку идти было невозможно, ноги вязли и скорость упала бы вдвое.

Сколько часов он уже идёт? Сколько ещё до деревни?

Теперь, вздумайся ему бросить это дело и вернуться, — сама по себе невозможная мысль — кто знает, может, дорога назад уже больше остатка пути до Йокола.

Скоро рассвет, значит, сейчас часа четыре утра. Четыре часа — а вышел он в девять вечера, и ещё болтал у ворот с Озием, как будто делать больше было нечего.

Получается семь часов. Примерно семь.

Но как же по-собачьи холодно!

Отца Тенки помнил уже плохо, ведь море забрало того почти семь лет назад. Оставались только ощущения: тепло, жёсткость загорелых до черноты рук, запахи пота и рыбы от отцовской рубашки.

Алли помнила больше, но спрашивать Тенки не любил, да и вообще не привык считать сестру авторитетом, уж слишком сильный ветер гулял у неё в голове. Мать тоже не поощряла девочку, а один особенно сильный скандал, устроенный сестре, когда та заявила, что бросает школу и едет в Валисс, Тенки помнил и сейчас. Мать таскала Алли за волосы и клялась, что из дома дочь выйдет только через материнский труп, а блажь бросить школу пусть забудет сразу же, иначе не миновать порки отцовым ремнём — широким, кожаным, с тяжёлыми металлическими бляхами, старинное пугало в семье Ли.

После этого скандала мальчишка долго не решался заговорить о себе, о том, что тоже хочет оставить и школу, и вообще деревню, ехать в Валисс. Но слова магика: «подрастёшь — езжай», не забывались.

Втихомолку от родных Тенки учился управлять своей природной, своевольной магией. Толкнувшее в грудь ощущение чужой силы, подаренное магом, просыпалось в воспоминаниях, наполняло сны. Алли не раз жаловалась, что брат бредит чудесами, что после отъезда магика из деревни днём ходит сам не свой, а ночами бормочет непонятное.

На востоке родилась первая яркая полоска, рассекла небо и море сверкающей розовой линией. Только что казавшийся сплошной чёрной громадой лес посветлел, разбился на древесные стволы и ветви, погнал волны ветра по траве.

Тенки покосился влево, не убавляя шага. Саднящая боль в подошвах стала уже постоянной, ноги гнулись плохо, словно судорогой сведённые. А впереди всё продолжалась линия моря, тянулась бесконечно.

Что будет, если он ошибается, и до цели ещё долгие часы пути?

Уже совсем скоро ноги откажутся его нести, уже сейчас с трудом приподнимаются.

Может, надо остановиться и отдохнуть? Светлеет, днём обитатели леса не покажутся на побережье, можно и соснуть, подложив котомку под голову.

Спать.

Зевота подкралась неожиданно, заставила широко разинуть рот, набирая в лёгкие воздух с тинистым привкусом.

Глаза слипались.

Наверное, от подступившей вместе с солнечными лучами дремоты Тенки не сразу сообразил, что лес по правую руку уже не такой густой, а кое-где в изумрудной траве между гордо топорщащими игольчатые ветки кедровыми даже виднеются рыжеватые тропинки.

Сердце встрепенулось, ударило изнутри грудную клетку. Неужели?

Мальчишка свернул с дороги и быстро, как только позволяли измученные ноги, углубился в лес.

Кейла кинул ленивый взгляд на часы с отломанной ножкой, что кособочились на заляпанном столе. Самое начало шестого, до смены ещё почти два часа. Скукота.

Надо бы уговорить старшего, пусть побеседует со старостой. Сделали бы магическую охрану, чего зря людей сна лишать-то, чай, не зря магик в деревне уж больше года обретается. Вот и использовали бы его по надобности, а не их, защитников деревни, дёргали по мелочам.

В конце концов, разве ж дело отряд на сторожей пускать? Зачем тренируемся-то, рубимся друг против друга каждый день на околице? Чтобы по ночам ветры пускать да ждать, пока смена закончится? Кейла в военное дело не для того пошёл. Дождётесь, уйдёт, прямиком в столицу. Там, небось, молодые крепкие парни всегда нужны, авось, и золотишка подзаработать удастся. Пусть и нету сейчас ни с кем войны — у богатеньких-то всегда война, своя, внутренняя. Вот там жизнь и кипит, а не в Йокола. Тут всё ж деревня, хоть и вымахала почти что с город.

Кейла испустил протяжный тоскливый вздох и потянулся на скрипучем стуле во весь рост. Обойти, что ли, сторожку, дрёму отогнать? Ворота открыты уже, первые повозки с рыбой да прочими товарами уж покатали в столицу, деревня просыпается. Обойти — а потом можно будет и прикорнуть, никто не обвинит, небось.

Кейла поднялся и, стянув со стены казённый тесак, пинком отворил дверь. Солнце встало и теперь заливало деревню новорождённым ярким светом.

Спрыгнув через лесенку в три ступеньки, Кейла остановился и, жмурясь, принялся озираться.

Мальчишку он заметил не сразу — на фоне луга, кустов и зелени, узких лесных

вертикалей тощая фигурка, ростом едва ли доходящая стражнику до пояса, сливалась с окружающим. Кейла чертыхнулся. Пацан выглядел измученным, а в глазах горел упорный огонь. Мальчишка пришёл через лес, со стороны побережья, и обитателем деревни он не был — Кейла видел такого в первый раз.

Неужто оборотничий щенок? Такие попадались редко, но всё же, бывало, любопытство приводило глупцов к деревенским воротам. Некоторым даже удавалось потом убежать.

Хотя погодите-ка.

Пацан был одет.

Бывали, конечно, оборотни, что заявлялись в одежде — но те уже постарше. И даже такие не додумывались надеть башмаки: то ли не могли справиться с шнуровками-застёжками, то ли не переносили обувь вовсе.

А ещё на плече у пацана висела сумка.

Всё-таки человек.

Кейла снял руку с тесака, двинулся к мальчишке.

— Ты чей тут? — крикнул повелительно.

Пацан, не спуская с охранника круглых зелёных глаз, утёр нос рукавом. Спросил:

— Это Йокола?

— Ну дык, — Кейла осторожно вглядывался в мальчишку.

— У вас тут, говорят, магик... да? — под усталостью в его голосе прослушивались нотки нетерпеливого ожидания.

— Ну, говорят.

— Мне надо к нему. Покажи, куда идти.

— Ишь ты, шустрый какой. Магик-то спит, небось. Ещё и шести нет.

Мальчишка сморгнул, снова упорно уставился на сторожа. Хороший взгляд, твёрдый, волчий.

— Покажи тогда, где его дом. Буду ждать, пока встанет.

— Успеется ещё, куда торопиться, — Кейла приблизился к пацану почти вплотную, с высоты своего роста уставил взгляд в зелёные глаза. Мальчишка отступил на полшага, повернулся левым боком, недобро прищурился.

— Меня Кейла зовут, — чтобы не пугать малолетку, охранник присел. Теперь лица их находились примерно на одном уровне.

Волосы на лбу пацана слиплись, губы были крепко сжаты. Цвет глаз у него был примечательный, зелёный и прозрачный, как море у самого берега, с пропущенным насквозь солнцем.

— Охранником я здесь. Охраняю, то бишь, деревню. Пользительное дело-то, да больно скучное, потому как таких бравых молодцев, как наша бригада, любые разбойники за версту обходят.

Мальчишка слушал, не раскрывая рта и не сводя со стражника взгляда.

— Пост покинуть не могу, — Кейла выпятил грудь, — а одного тебя, забрёдыша чужого, в деревню пускать не хочу. Потому предложу-ка тебе скоротать время в сторожке, пока моя смена не придёт. А там уж, так и быть, отведу тебя к магику.

Вот и случай посмотреть на магика поблизости, а то прежде Кейла видел его только издали.

— Согласен? — спросил для проформы, потому как ясно было, что деваться мальчугану некуда.

— Ну вот моя берлога, — произнёс расхожую фразу Кейла, открывая перед пацаном дверь.

Тот шмыгнул вовнутрь, остановился, осматриваясь. Сторожка была тесной: два нешироких окна, стол, покрытый испачканной скатёркой, на нём хромоногие часы, пустые, засиженные мухами стаканы, тарелка с остатками ужина. Посередине комнатки старый рассохшийся стул.

Кейла повесил тесак на стену: даже если пацану, вопреки его безобидной внешности, придёт в голову дурацкая мысль атаковать взрослого и сбежать, до оружия малолетке не дотянуться.

— Ну, может, чаю налить? — спросил у неожиданного гостя. Вот теперь можно и гостеприимство показать.

— Так ты откуда? — охранник поставил перед пацанёнком кружку с горячей тёмной жидкостью.

Тот неопределённо дёрнул плечом, приникая к посудине.

— Язык обожжёшь! — засмеялся Кейла.

Мальчишка глотал обжигающий чай и морщился.

— Аксе, — бросил, отставляя кружку.

— Аксе? С юга, что ли? Рыбацкая деревушка?

Пацан кивнул.

— И что тебя в Йокола принесло-то? Как звать-то?

— Зовут — Тенки.

— Ты один, что ли, пришёл?

— Один.

— Что, всю дорогу один прошёл? — Кейла не смог скрыть удивления. — Тебе лет-то сколько?!

— Тринадцать, — отрывисто бросил пацан, хмуро сдвигая брови.

— Тринадцать?! — эта цифра Кейлу тоже удивила: он не дал бы мальчишке больше десяти.

— С половиной, — подчёркнуто добавил мальчуган.

— А зачем тебе магик-то? Плохо кому? Так лучше к доктуру...

Пацан поморщился:

— Хочу, чтобы... Чтоб посмотрел меня.

— Ты сам, что ли, болен? — Кейла взглянул на мальчишку по-другому: упорные глаза, худое тело, мокрые, словно от пота, слипшиеся волосы. Уж не заразный ли, чего доброго?

— Да нет, — Тенки раздражённо мотнул головой. — Пусть посмотрит мою магию.

— Ма-агию? Ты магией умеешь, что ли? — охранник расхохотался. Уж очень не походил заморыш на обладающего Силой.

Тот насупился:

— Ну.

— Не, правда, что ли? И что умеешь-то?

— Что я, дурак совсем, представления устраивать? — разозлился пацан. — Отведи к магику, покажу. Тогда узнаешь.

— Ха-ха, мелкий ещё, а уже такой горячий. Мамка не учила с взрослыми вежливым

быть? — пацанёнок всё-таки Кейле понравился. Целе... как там старшой говорил... целевоустремлённый, вот. — Наш магик-то, говорят, шибко вежливость в других уважает.

Заморыш внимательно слушал.

— Хоть я-то с ним беседы не беседовал, куда нам, рядовым. Эт я тебе по доброте своей всё говорю, чтоб ты знал, когда будешь перед ним навтыяжку стоять. Обращайся вежливо. «Господин», там... «Ваше благородие»...

Тенки не спускал с Кейлы глаз, но вдруг — неожиданно для самого себя — широко зевнул, не успевая закрыть рот отяжелевшими от тепла руками. Сказалась бессонная ночь.

Охранник тут же замолк, смерил его взглядом.

— Так ты всю ночь шёл? — наконец догадался.

Тенки только кивнул, не находя сил ответить подробно.

— Ну так поспи тут, — засуетился парень, вытаскивая из угла изрядно погрызенную молью шерстяную куртку.

Постелил на пол, приглашающе мотнул головой.

Тенки не заставил себя ждать, растянулся на жёстком даже через куртку полу, под щёку сунул котомку. И заснул, едва закрыв глаза.

Магик оказался молодым, высоким. Длинноволосым.

Тенки стоял перед ним, жмурясь от бьющего в глаза солнца, лица мага разобрать не мог, разглядел только выдающийся нос. Кейла, оробев, подпирал стену дома неподалёку, — старательно делая вид, что просто так, гуляет и дышит свежим воздухом.

— Ты, магией? — голос молодого мага звучал высоко, пронзительно. Чуть-чуть высокомерно.

Тенки молча кивнул.

— Ну-ну. Сколько лет? — небрежно.

— Тринадцать.

— А не врёшь?

— А зачем? — и осёкся, вспоминая наказ стражника: быть вежливым.

— Ну-ну, ну-ну, — до каких пор он собирается «нунукать». — Зарегистрирован?

— А? — о чём это он?

Магик холодно усмехнулся:

— Ну-ну. Давай-ка, покажи, что у тебя за магия.

На мгновение мальчишка задумался — что из его немногочисленного арсенала произведёт впечатление на этого человека.

Звать птиц, наполняющих деревню переливистыми трелями, не хотелось — уж больно глупо, да и незрелищно совсем. Творить безделушки-амулетики отвратительного качества — тоже, Тенки до сих пор не научился делать их так же, как тот магик Ралло на деревенской площади три года назад.

Не созидание, не призыв — оставалось одно. Разрушение — то есть атака.

Мир затих, замедлил ход. Птичье пение исчезло, магик возвышался совсем рядом, распущенные его волосы приподнимал ветер, плавно, как течение ласкает водоросли под водой.

Тенки оперся на правую ногу, выставил вперёд левое плечо. Энергия потекла по телу, по рукам, собираясь в податливый упругий шар света между пальцами.

Увидел сощуренными в узкие щёлки глазами, как магик отшатывается, открывает рот, медленно, очень медленно взмахивает руками.

И со всей силы, со всей мощи, чтобы не упустить момента, метнул шар энергии в тёмное горбоносое лицо.

Вспышка ударила в глаза, заставляя зажмуриться, ветер откинул назад. Кувырком летя по пыли, Тенки углядел встревоженное лицо Кейлы с забавно перекошенным ртом. Стражник хватался за пояс, забыв, что тесак остался висеть на стене домика.

Проехав щекой по земле, Тенки остановился. Приподнялся, опираясь на руки, закашлялся от набившейся в лёгкие пыли. Сзади послышались шаги, быстрые, как будто негодующие.

— Восхитительно, — жёсткая рука схватила мальчишку за шиворот, взметнула вверх, ставя на ноги. — Боевая магия, чтоб тебя Огонь подрал. Ты, щенок ты эдакий, откуда взялся?

— Господин магик! — услышал Тенки голос Кейлы. — Ты мальчишку-то не забижай, не со зла он!

Здоровяк подбежал к ним, корча тревожную гримасу. Тенки криво усмехнулся, ощущая твёрдую хватку на загривке. Ноги отчего-то дрожали.

— Такого обидишь, — бросил магик, нагнулся и заглянул Тенки в глаза, тёмные неопределённого цвета волосы рассыпались занавеской.

Взгляд у магика оказался чёрный, жгучий. Горбоносая лошадь. Существой такие в природе, наверняка признали бы своим.

Мальчишка поёжился, не переставая чувствовать на шее чужие пальцы.

— Ты откуда? Сам этому научился? — спросил магик бесцеремонно, сверля его узкими глазами.

Тенки кивнул. Только тогда рука исчезла с шеи, магик выпрямился.

— Ну-ну, — раздалось над головой. — И свалилось же чудо мне на голову, в этой-то Огнём забытой деревушке.

Кейла сжал губы, хмурясь. Ему явно хотелось сказать пару слов в защиту Йокола — как-никак самое большое на здешнем побережье поселение, но перечить магию деревенский охранник не посмел.

— Говоришь, ты из Аксе? — безразлично спросил магик, когда Тенки, отоспавшийся, сытый и переодетый в большой ему наряд, спустился на первый этаж магикова домика. Тело ломило, а подошвы горели, но всё же мальчишка чувствовал себя почти счастливым.

Длинноволосый сидел прямо на полу, у камина, следя за языками пламени. Май на дворе, холодно ему, что ли? Он точно нездешний...

— И хочешь в Валисс? — зачем переспрашивать одно и то же? — В магическую школу?

— В Валисс, — сказал Тенки упрямо, — в магическую школу.

— Ты что же думаешь, она одна там? — холодно произнёс магик.

— А сколько?

— Ну, штук десять будет. Общего профиля. Специализированных — ещё где-то с десятков.

— Ну ни фи... — мальчишка заткнулся. Исправился: — Немало.

Со стороны камина раздался смешок.

— Иди сюда, — велел магик. — Садись.

Интересно, сколько ему лет, подумалось Тенки. Сколько лет вообще надо, чтобы выучиться на магика?

— А на магика долго учиться?

— Ну, — магик неопределённо качнул головой, — в зависимости... Смотря по какой специальности пойдёшь. Учёные — так те вообще всю жизнь учатся.

Ох ты, всю жизнь. Нет, это точно не подходит.

— А самое простое? Чтобы учиться меньше всего?

— Ты, парень, если хочешь магом стать, — назидательно произнёс мужчина, — заранее готовься, что учиться придётся долго, и будет это мучительно больно. За бесцельно прожитые... тьфу ты.

Тенки озадаченно молчал.

— Ну, — начал магик неохотно, — скажем, на техника, или там, повара, учиться немного. Лет трёх хватит. Год общих наук, потом два — специализация.

Через три года ему будет шестнадцать. Уже в шестнадцать — магик?

В груди разлилась блаженная дымка мечтаний.

— Если хочешь стать мастером на все руки, тогда, ну... года четыре, просто учишься управлять со всеми сторонами магии понемногу. Но магом тогда уже не станешь, маги всё-таки специализируются.

— А маг — это... это совсем много учиться, да?

— Маг? Ну, маг первой ступени особо от магика не отличается. Вот я, например, посижу тут ещё пару лет, книжки читаю, а потом поеду в столицу, буду сдавать экзамен на мага, — магик говорил монотонно, словно о совсем будничных вещах.

— А сколько ты учился? — Тенки сглотнул.

— Ты, если в Валисс поедешь, запомни, к старшим обращаются на «Вы». Тыкать невежливо.

— Ага.

— И «ага» тоже лучше не использовать. Лучше — и безопаснее во многих отношениях просто поблагодарить.

— Э-э. Спасибо.

Магик усмехнулся:

— Ты, похоже, быстро учишься, долго в учениках ходить не придётся. Я — пять лет. Общие науки плюс специализация.

— А какая у... Вас специализация?

— Библиотекарь, — длинное лицо магика вновь рассекла усмешка. — Копаться в старых книжках.

— А это не скучно? — вопрос вырвался сам собой.

— Не скучно, — магик не разозлился, ответил беззлобно. — Вовсе наоборот, очень и очень занятно. Знания вообще — ключ ко многим сторонам силы.

— Хм-м... — чтобы не молчать невежливо, Тенки понимающе покивал, хотя прелести «копания в старых книжках» всё-таки оставались ему неясны.

— Ну, значит, — магик неожиданно хлопнул ладонями по бёдрам. — Завтра утром я сплавлю тебя под опеку старшины каравана, ты согласен?

Мальчишка утвердительно кивнул. Ещё бы он был не согласен.

— Мамочку звать, плакать, проситься домой не будешь? — мужчина глядел испытующе.

— Что я, ребёнок, что ли? — свысока ответил Тенки. — Я за себя сам отвечаю.

Магик снова усмехнулся, глянул насмешливо.

— Ну-ну, — произнёс любимое, — давай тогда дуй наверх, спать. Подъём в четыре утра, и чтобы выспался как следует.

Намицу — июнь

Ацу: Сорэнэрэ

— Подойди сюда, сын мой, — красивая стройная женщина подняла руку, подзывая темноволосого подростка. — Моя будущая драгоценность народа элхэ, — в её захватывающем сердце, как древняя песня, голосе звучала лёгкая насмешка.

— Мама, не говорите так, — откликнулся мальчишка, повинуюсь жесту, — мне не хотелось бы обмануть Ваши ожидания.

— Вот уже третий год, как ты вошёл в Королевскую школу, — задумчиво произнесла женщина, ероша волосы присевшему у её кресла подростку. — Завтра заканчивается срок твоих каникул... и ты вновь оставляешь нас с отцом.

— Вас поддержит мой брат, — тихо возразил мальчик — на вид не больше пятнадцати лет. — Вы же знаете, он обожает Вас. Впрочем, я не уступлю ему в этой страсти.

— Вот уже третий год, — она словно не слышала.

Задумчиво улыбнулась собственным мыслям, повернулась, чтобы взглянуть на сына. Встретила твёрдый взгляд чёрно-голубых дымчатых глаз, всмотрелась в лицо, черты которого так напоминали любимого мужа — и одновременно собственное отражение. И снова улыбнулась, ласково, нежно.

— Расскажи мне, как там живётся? Чему вас учат?

— К сожалению, ничему существенному, — он выглядел огорчённым, — мало из того, о чём говорят достопочтенные учителя, является полезным. Пока же нам рассказывают о выдающихся магах прежних времён, заставляют по многу раз переписывать философские изречения да учат составлять настои. Право же, иногда...

— Иногда? — женщина ласково заглянула подростку в глаза.

Тот сжал губы, словно сомневаясь, стоит ли продолжать, но всё же сказал:

— Вы знаете, мне кажется порою, что это так скучно.

И застыл в изумлении, услышав весёлый, ничем не сдерживаемый смех: мать откинулась на спинку кресла и хохотала, будто давно уже не слышала настолько забавной шутки.

— О, прости мне эту слабость, — сказала она, отсмеявшись, но всё ещё сохраняя в уголках рта следы веселья.

— Неужели я сказал что-то поистине забавное, — мальчик ответил недовольным взглядом.

— Прости меня, сын мой, — повторила женщина уже серьёзно. Он опять напомнил ей мужа — и времена больше тридцати лет назад, когда будущий глава семьи, так же приезжая в замок на летние каникулы, жаловался им, своим кузинам, на учителей. Разве что тогда, тридцать лет назад, подвергаемые презрению преподаватели входили в состав не Королевской магической школы, а Университета Вэннье, главного учебного заведения столицы, Хиэй, Огненного Города.

— Твой отец учился в Вэннье, — произнесла она задумчиво, захваченная воспоминаниями.

— Вы хотите сказать, что сожалеете о моих магических способностях? — кажется, мальчик обиделся. — Я стыжусь, что не оправдал Ваших надежд и не смогу всегда охранять Вас, как подобает примерному сыну и как сможет это мой старший брат.

— Мы очень гордимся Вашими магическими способностями, — она опять засмеялась его преувеличенной обиде и пригладила тёмные волосы сына. — Вэннье — хорошее место для простых дворян, но твой путь — путь мага. И мы очень тобой гордимся.

— Но отец не простой дворянин, — тщательно пытаюсь скрыть удовольствие от слов матери, зардевшийся подросток потупился. — Отец — глава рода Мурасе-Ито. Нам не должно забывать о древности нашего рода.

— Родной мой, иногда меня беспокоит твоё стремление забивать голову древностью рода и кровными узами. История с геральдикой — хорошие науки, но «старый» не всегда значит «лучший». Люди — не вино, — в продолговатых чёрных глазах плясала усмешка.

Мальчик склонил голову, но убеждённым не выглядел. Однако женщина не стала развивать тему.

— Скажи мне, нравятся ли тебе твои сокурсники? Много ли у тебя друзей?

— А, все они приятели, не более того, — отмахнулся сын. — Среди них мало поистине достойных, хотя многие происходят из знатных родов. Но встречаются даже, поверите ли, вовсе плебеи... — увидев выразительно изогнутую материнскую бровь, подросток оборвал фразу. — Простите, — сказал он сокрушённо. — Я знаю, Вы не любите подобные разговоры.

— О да, — со вздохом произнесла женщина, — и я была бы так рада, если бы твой отец тоже помнил об этом.

— Но отец очень прислушивается к Вашему мнению.

— Иначе я бы не связала с ним свою жизнь, — мягко улыбнувшись, женщина встала. Двигаясь неторопливо, плавно, отошла к высокому, в два человеческих роста, окну с переплетённой мозаикой тонких решёток, каждая ячейка своего оттенка, разница между которыми едва заметна глазу.

Длинные блестящие чёрные кудри матери спадали на спину, убранные просто — только серебряным венком искусно выделанных веточек. Мать не любила драгоценности, и сейчас на ней красовался минимум подобающих статусу украшений: к венку на чёрных волосах серебряные длинные серьги, на красивой шее два ожерелья, и свадебные браслеты на левом запястье.

— Нижайше прошу простить, — одна из створок двери в залу отворилась, вошёл замковый лакей, поклонился. — Её юная сиятельство умоляют юного господина о возможности перемолвиться парой слов.

— Ацуатари? — вопросительно повернулась мать. — Ллия, твоя кузина?

Подросток переадресовал вопрос слуге, переводя на него взгляд.

— Поистине так, — снова поклонился лакей. — Её юная сиятельство изволили прислать вызов.

— Кристалл, да? — Ацуатари поднялся, направился к выходу.

Лакей услужливо нагнулся, придерживая дверь, подождал, когда подросток выйдет.

— Поистине так, — донеслось в спину привычное.

Ллия. Эллиния Ито-Хиносе, кузина уже неизвестно в каком колене родства, а также наречённая с самых ранних лет. Вместе росли, вместе ходили пешком под стол и учили буквы. Порой, бывало, вместе сбегали от опекунов и учителей, водили за нос слуг, прятались

в лесах и с визгом летели в ручьи, поскользываясь на крутых берегах.

Года два назад, когда Ацу поступил в Королевскую школу, Ллия вместе с родителями уехала на Водный, получать образование там. Отец твердил, что это глупости, что незачем девочке какое-то особое образование, да и на Огненной материке полно хороших учителей, — но Ито-Хиносе всё равно уехали.

Ацу вошёл в комнату связи, закрыл дверь. Строго говоря, изначально тут располагался кабинет отца: огромный письменный стол из коричневого полированного дерева, кресло с высокой спинкой, заполненные книгами шкафы. Два больших окна сейчас были тщательно занавешены: для создания необходимого при сеансе связи полумрака.

Кристалл сиял мутновато-молочным светом, сигнализируя о вызове.

Ацу упал в кресло, попутно посылая необходимый для контакта импульс — привилегия магов, способных управлять схемами напрямую. Кристалл разгорелся, создавая изображение: хорошенькая кудрявая девочка в пышном платье, с кокетливо-задумчивым ожиданием на лице.

— Ах, Ацуатари! — воскликнула девочка, замечая оживление кристалла. — Как давно мы не виделись!

Ацу сухо кивнул. На летних каникулах Ллия присылала вызов чуть ли не каждую неделю, пользуясь шансом пообщаться с кузенком, прежде чем тот снова пропадёт в недоступной для светской болтовни Королевской школе. Простой разговор состоялся как раз дней пять тому назад.

— Как Ваши дела, что нового? — когда это у неё, интересно, появилась эта манера обращаться на «Вы», ведь они тыкали друг другу с детства. Может, считает, что это очень по-взрослому?

— Всё по-старому, — нехотя ответил подросток. — Завтра уезжаю в Хиэй.

— Вот как, — девочка перед другим кристаллом надула губки. — И мы снова не сможем поговорить вплоть до Ваших следующих каникул, не так ли?

— Как ни жаль, — неискренне сказал Ацу.

— Вы знаете, — Ллия вдруг оживилась, — недавно мне сделали комплимент, и я была так польщена!

— Неужели? — поддакнул подросток без малейшей искры интереса.

— О да! — Ллия хитро улыбнулась. — Сказали, что у меня талант к арифметике! — она расхохоталась. — И всё! Вы ведь не подумали, что я могу увлечься кем-то другим, ведь правда же?

— Нет-нет, что Вы... — как ей ещё не надоели эти бессмысленные разговоры.

— Я уже давно зову Вас сюда, на Водный, — девочка переменила тему, — может, Вы наконец уже назначите определённую дату? Это было бы так замечательно!

— К сожалению, порядки в Королевской школе весьма строги, — Ацу начал привычные оправдания, — ученикам не позволено путешествовать без сопровождения взрослых, тем более так далеко. А мой отец, увы, постоянно занят.

— Может, её сиятельство соблаговолила бы? — Ллия приблизила к кристаллу лицо, состроила умоляющую рожицу.

— Мне очень жаль, но я боюсь, положение не позволит ей оставить отца, — поспешил возразить Ацуатари, пока Ллия не потребовала позвать мать.

— Вот как, — кузина снова капризно надула губы. — Но я хочу с Вами увидеться!

Последний раз мы пожимали друг другу руки в прошлом году!

— Да, я разделяю Ваши чувства, — вынужденно поддакнул Ацу. — Но увы, скорее всего, придётся подождать до будущего лета. Я уже перейду в последний младший класс, и кое-какие послабления непременно появятся, — подросток осёкся, сообразив, что невольно говорит правду, и это, без сомнений, сполна отзовется на нём через год.

— Ах, ну тогда придётся ждать лета, — Ллия разочарованно выдохнула и сжала руки.

— Простите, — сказал Ацу, стараясь реалистично, не слишком воровато оглянуться. — Кажется, меня зовут. Видимо, я понадобился отцу.

— Ну вот! — локоны её метнулись волной, когда она картинно качнула головой, выказывая негодование. — Ах, право же, иногда мне кажется, что родителей ничуть не интересует наше мнение! Они обращаются с нами хуже, чем со слугами!

— Простите, — повторил подросток, вскакивая с кресла. — До следующей связи. Передайте моё нижайшее почтение Вашим достойнейшим отцу и матери. Скажите, что я скучаю по дядюшке с тётушкой.

— А по мне? — кокетливо спросила девочка, устремляя на кузена хитрый взгляд.

— Да, разумеется, и по Вам тоже, — привычно солгал Ацу, сгибаясь в прощальном поклоне. Огонь бы побрал эти треклятые обычаи говорить истасканные вежливости на прощание.

Не дожидаясь, когда Ллия ввернёт ещё что-нибудь, подросток потушил кристалл. Выпрямился, с опаской посмотрел на письменный стол — не остались ли следы мысленной связи. Вдохнул облегчённо.

Как всё-таки хорошо, что завтра его здесь не будет, и кухня не сможет больше надоедать бессмысленными беседами.

Ацуатари отнюдь не ненавидел Ллию, вовсе нет. Дело было только в её любви к этим долгим разговорам ни о чём — подобное он никогда не понимал.

Сегодня последний день в родительском замке. Завтра утром с помощью портала Ацу отправится в столицу материка напрямик отсюда. Испытанный и успевший приесться способ путешествия. За два года обучения сколько раз уже приходилось младшему отпрыску семьи Мурасе-Ито возвращаться домой и снова покидать Сорэнэрэ, пользуясь именно этим порталом. А ведь когда-то, подумать только, поджилки тряслись и не покидало лихорадочное возбуждение при одной лишь мысли — проход через магический зев.

Как быстро приедается новое.

Тогда, два с лишним года назад, когда отец позвал его к себе и сообщил, что с июня Ацуатари отправляется в Огненный город, учеником Королевской магической школы, Ацу не мог поверить своему счастью. Изучать магию — да не где-нибудь, а в самой Королевской школе, туда не берут кого попало!

О том, что младший сын семьи Мурасе-Ито обладает незаурядными магическими способностями, за пределами замка стало известно лишь после отъезда Ацуатари. Но и члены семьи, и слуги, и весь род знали об этом издавна: впервые мальчик продемонстрировал своё дарование задолго до одиннадцати лет, момента, с которого маленький маг официально считается несущим ответственность за свои действия.

Сам Ацу не помнил уже, когда обнаружил в себе Силу, — она просто всегда была с ним, дремала, как огонь дремлет под земной корой, чтобы в нужное мгновение выплеснуться неуправляемой природной мощью.

Мать рассказывала, что в шесть лет Ацуатари пользовался магией, чтобы заморочить головы многочисленным нянькам и гувернанткам, отводя глаза и самым прозорливым, — но подросток этого не помнил и даже под пытками не смог бы объяснить, как ему удавались подобные трюки. Даже сейчас, после двух лет обучения.

Или, может, лучше сказать «особенно сейчас»?

Обучение в Королевской школе, как ни грустно было бы признаться, мальчика разочаровало.

Он ожидал зрелищных чудес, рассказов о смертельных заклинаниях и невероятных историй о магах древности, и, самое главное — феерических поединков, ибо лучшие выпускники Королевской школы испокон веку становились боевыми магами Её Величества Хиэлие, Огненной девы, а какие боевые маги без магических поединков? Вместо этого им преподают никому не нужные науки, всякую арифметику и литературу, и дисциплины вроде стихосложения на древнеэлхеском. Всё это с таким же успехом можно изучать, и не будучи магом.

Право же, как он жаловался недавно матери, порой Ацу и впрямь казалось, что преподаватели Королевской школы — все сплошь выжившие из ума учёные прежних веков, и ни одного, ну буквально ни одного выдающегося боевого мага среди них не найти, как ни старайся.

Подросток недовольно хмурил брови, продвигаясь по тенистой, напоенной густыми цветочными ароматами аллее, вдыхая влажный воздух богатой водою южной провинции Сорэнэрэ. Ацу шёл к Пруду белых лилий, любимому месту для уединённых размышлений. В начале июня у пруда расцветало множество лилий, не только белых, как следовало бы из его названия, но и тигровых с фиолетовыми крапинками, оранжево-алых, светло-жёлтых, наполняя воздух тяжеловатым, но приятным запахом.

Ацуатари остановился у поворота, приподнял виноградные лозы, укрывавшие вход в беседку для любования. Уже отсюда были видны зелёная гладь и яркие цвета лилий.

Подросток прикрыл глаза, отдаваясь природе, впитывая шёпот растений, пронизывающие грудь песни южных птиц, родные ароматы родительского сада. Уже завтра Ацу попрощается с дорогими сердцу местами, не увидит лилий до будущего лета, не услышит уже этих птиц, до следующих каникул не вдохнёт влажного воздуха Сорэнэрэ.

Глубокий вздох вырвался сам собой.

Нет, Хиэй тоже прекрасное место, это бесспорно. Живое доказательство могущества Огня, город-цветок, столица материка.

Но всё-таки не Сорэнэрэ.

Извивающуюся на полу беседки огромную гусеницу подросток заметил не сразу.

Плотное, с большой палец толщиной коричневато-бежевое тельце судорожно изгибалось, повторяя одно и то же движение, словно маятник. Из одного конца у гусеницы торчало что-то отвратно белое, кремовидное. Насекомое дёргалось и тащило за собой это кремовидное выделение, нитеподобными кляксами размазывая по дощатому полу.

Видно, какая-то ревностная служанка, подметая беседку, наступила и не заметила.

Ацу не колебался. Стремительно присел рядом с насекомым, протянул руку. Заклинанию лишения жизни их не учили на практике, но как убить магией паука или муху, знал любой из третъякклассников. Послать импульс, затушая всю энергию в гусенице, — дело

мгновения.

Одна мысль, и тельце перестало извиваться.

Отведя ладонь, Ацу с огорчением посмотрел на гусеницу. Надо сказать этим служанкам, чтобы смотрели, куда идут. Гусеницы — и им подобные — тоже живые существа, и смерть их — такая же смерть, как любая другая.

Как тот крысёныш...

Несколько лет назад Ацу увидел, как умирает крысёныш. В замковых подвалах завелись крысы, которых, конечно, тотчас же вычистил замковый магик, но один молоденький совсем крысёныш ухитрился выбраться из пут магии, вылезти из гибельных подвалов наружу. И свалился у стены замка, не в силах двинуться дальше, уже смертельно затронутый творившейся в подвалах магией.

Там его и увидел Ацу.

Мелкий, с ладонь, желтовато-серый крысёныш щурил тускловатые глазёнки, кончик носа не останавливаясь шевелился. Видимо, магия ослепила зверёныша, затягивая бельмами тёмные обычно крысиные глаза, и он непрерывно дрожал.

Умей тогда Ацу убивать, он бы, не задумываясь, прикончил крысёныша. Тому не выжить было всё равно, приближающаяся смерть уже веяла над телом крысы. Магия уничтожила что-то важное внутри зверька, отравила какие-то органы — и крысёныш умирал, подрагивая то ли от боли, то ли от предсмертных судорог.

Но Ацу не умел тогда ничего. Ровным счётом ничего, и, когда не смог больше смотреть, попятился, не спуская глаз с грязно-жёлтого мехового тельца, повернулся и убежал. Забрался в заросли сада и долго сидел там, переживая увиденное.

Его не искали: младший сын семьи Мурасе-Ито нередко пропадал в замковых лесах, предаваясь размышлениям и любованию природой.

Лет пять назад это было — жёлто-серый крысёныш со слепыми белёсыми глазами.

С той поры Ацу научился лишать жизни тех, помочь кому уже не мог.

Почтительным взглядом отдав гусенице дань уважения к смерти, Ацу поднялся, обращаясь лицом к зелёному зеркалу воды. Ступил на деревянный настил ведущих к пруду подмостков; облокотился о перила, отдаваясь созерцанию восхитительных лилий на заросших изумрудными растениями берегах.

Пруд белых лилий он увезёт с собой, всегда напоминающей о родине живописной картиной перед внутренним взором.

Хиэй, Огненный город

Ацу оказался в школе одним из первых — многие придут к вечеру, некоторые не появятся вплоть до завтрашнего утра. Торопиться не к чему, занятия начнутся лишь через день, но отец Ацу всегда настаивал на том, чтобы отпрыск досконально подчинялся требованиям школы. А оные гласили: с первым днём намицу, июня, заканчиваются летние каникулы.

Пустынные стены Королевской школы гулко повторяли эхо шагов. В этих коридорах, тёмных, прохладных, казалось странной мысль о заливавшей сейчас город солнечной жаре.

Впервые отзвуки разговора коснулись слуха Ацу, когда он, пройдя насквозь учебное крыло младших курсов, по длинному переходу устремился в здание общежития для

учеников. Похоже, собравшиеся в школе сокурсники предпочли пустым классам не очень просторную, но зато уютную общую комнату на первом этаже.

— Ацу! — раздалось приветственное, когда ученики увидели вновь пришедшего. — Как обычно, ты из ранних!

Подросток оглядел собравшихся. Так и есть, Виллиэ, Тардис и Сельви — привычная компания.

Виллиэ вообще не возвращался на каникулы: его семья жила тут же, в Огненном городе, и он мог посещать родительский дом чуть ли не каждые выходные, чем умело пользовался, чтобы прикрывать свои похождения в цветочных районах столицы. Тардис и Сельви тоже каждый раз появлялись в числе первых: оба они жили в северном Щинге, и, верно, жаркое лето кипящей жизнью столицы казалось им предпочтительней прохлады родной провинции.

Все трое, как и Ацуатари, успешно перешли в третий класс, и в общении друг с другом могли не использовать вежливую речь.

— Что нового? — Ацу хотел занять место в одном из кресел, как заметил необычное возбуждение на лицах сокурсников.

Тардис бегал глазами с Виллиэ на Сельви, словно едва сдерживался, чтобы не выпалить взрывную новость, Сельви же, наоборот, смотрел в окно с до странности небрежным выражением лица.

— А у нас новенький, — как и следовало ожидать, первым заговорил Виллиэ, старший по возрасту.

Ацу ждал, удивлённо приподняв бровь: новенькие появлялись каждый год, дело обычное.

— Ты когда-нибудь видел нинье? — Виллиэ начал издалека.

— Живое — пока не приходилось, — осторожно ответил Ацу. — Только изображения.

Нинье — почти четверть населения страны, конечно, они должны быть и в Огненном городе. Неуклюжие, коренастые, грубоголосоые, со странной формой ушей и маленькими, спрятанными под надбровными дугами глазками — учебник мироведения достаточно подробно о них рассказывал, с детальными иллюстрациями. Одних только иллюстраций хватило бы, чтобы пробудить презрительную жалость к обиженным Огнём, но настоящее нинье Ацу ещё не встречал — кто знает, может, на него и смотреть нельзя без отвращения.

— Я видел. Правда, никогда с ними не разговаривал, — вмешался Тардис. — В Умане их полно.

— Лезут во все щели, словно тараканы, — нехотя поддакнул Сельви. — Некрасивы, грубы, зачастую плохо образованны. Но с некоторыми можно общаться.

Ацу с интересом уставился на Сельви — неужели ему приходилось общаться с каким-нибудь нинье?

— Так вот, — веско проронил Виллиэ, снова приковывая к себе внимание, — с этого года на первом младшем будет учиться нинье.

Комнатой завладело молчание.

Нинье? Нинье в Королевской школе?

— Виллиэ как раз сидел в читальной комнате, когда его привели, — заговорил Тардис. — Его и ещё троих, обычных элхе, но Виллиэ сразу понял, что это нинье. Оно, понимаешь, совсем другое всё-таки, совсем. И оно...

— Не части, Тардис, — Виллиэ лениво махнул рукой, останавливая сокурсника. — Дай мне самому объяснить, уж слишком бестолково у тебя получается.

Взгляд Виллиэ обратился к Мурасе-Ито.

— Так вот, Ацу, я уже рассказал Тардису и Сельви, как ты понимаешь; скажу и тебе. Он, этот нинье, совсем карлик — хотя лицом выглядит лет на пятнадцать. Оглядывался по сторонам, как зевака-провинциал на столичном фестивале. Пялил глаза на убранство школы, небось, ручонки так и чесались что-нибудь стянуть, ты же понимаешь, у нинье это в крови. Его отвели в канцелярию, оформлять документы, всё как полагается.

— Я и не заметил, — с изумлением произнёс Ацу. — Прошёл через главный холл, а в канцелярию и не заглянул.

— Ой, так пойдёмте посмотрим на него сейчас! — от возбуждения Тардис вскочил. — Я тоже хочу посмотреть на нинье вблизи!

Он сидел в кресле, забравшись с ногами, и зыркал по сторонам затравленным взглядом. Маленький, тощий, но, как и свойственно нинье, ширококостный, что создавало странный диссонанс в облике. Виллиэ был прав, новенький был похож на карлика — низкорослое непропорциональное тело и взрослое лицо.

Кроме него в комнате находились ещё трое ребят, обычные дети; они тесным рядком сидели на диване. Надзиратель школы разговаривал с посетителями в официальных костюмах, незнакомыми, верно, теми, кто привёл новичков.

Ацу, замерев, смотрел на нинье.

В груди просыпающейся от спячки змеёй вяло шевельнулось, разворачиваясь, смутное чувство узнавания. Человеческий детёныш, вжимающий голову в плечи, лихорадочно сверкающий дикими глазами, съёжившийся в кресле — кого-то, что-то напоминал.

Подобное уже происходило.

Нечто совсем чужеродное, иное.

Не должно существовать.

Крысёныш.

Оцепенев от неясного ощущения случившейся беды, Ацу смотрел на нинье и вспоминал умирающего крысёныша. Серо-жёлтый мех, дрожащее тельце, пронизывающий взор ослепших глаз.

Из милосердия, из жалости, ради справедливости в мире — кто-нибудь, подарите ему смерть.

1990 год от Рождества Христова

Каннаци — октябрь

Из тёмной комнаты башни окно казалось вырезанным прямоугольником серо-голубого вечернего неба, с паучьим перекрестьем тонких решёток. Солнце уже село, снаружи выл ветер, но небо не темнело, сияя холодной далёкой голубизной.

Высокий мужчина постоял у окна, задумчиво глядя вверх. Звёзды ещё не начали зажигаться, ещё лишь ранний вечер осеннего месяца каннаци.

В прошлый раз мужчина заходил сюда две с половиной недели назад: посещение башни дважды в месяц значилось в его расписании, и изменять написанному мужчина не любил. Сегодня тринадцатое число, там — суббота, у них — так называемый выходной.

Что-то сегодня покажет хрустальный шар?

Огромный, в две человеческих головы, круглый прозрачный шар затеплился матовым светом, когда мужчина сел в кресло перед столом и откинулся на длинную жёсткую спинку. Осветил колеблющимся сиянием продолговатые стальные глаза, тонкий нос, суровую линию губ и длинные изящные уши.

— Посмотрим, — прошептал мужчина, и медленно, вязкой лавой, текучим пламенем в шаре стала проступать картинка.

Хиден, Тайо: Таллинн

Осень рвала с деревьев красно-жёлтые листья, взметала, разбрасывая по зелёной ещё, яркой, сочной траве. В этом году осень выдалась тёплая, сухая, продолжительное «бабье лето». Видимо, поэтому в ранний этот вечер на дорожках парка «Кадриорг» гуляло немало людей.

У Лебединого пруда, опираясь на металлические решётки перил, стояли двое: мужчина и женщина. Как иногда бывает у пар, эти двое, казалось, были полностью противоположны друг другу. Он высокий, с едва наметившимися морщинками на лбу и в уголках глаз, отрешённый, похожий на бродячего художника; светлые волосы касались плеч. Она маленькая, смешливая, при разговоре любящая жестикулировать, досконально описывая свои чувства. И в то же время эти совсем непохожие двое с одинаковым выражением абсолютно разных лиц смотрели на воду, на отражение неба в пруду, поддакивали словам другого в те самые единственно правильные моменты, когда и надо поддакнуть, замолкали, давая собеседнику право голоса, и заговаривали, понимая, когда настанет миг говорить. В каком-то смысле эти двое составляли замечательную, идеальную пару — идеальную невозможно, таких не бывает.

Но они были.

— А вот хотелось бы в Ирак или на Янцзы, или в Египет, — мечтательно произнёс мужчина.

— В Египте всю копают, — подхватила женщина. — А хорошо бы. Только пустят ли?

— И детей не оставишь, — согласился он. — Значит, только по Союзу.

— В Пскове мне понравилось, хоть и не наш профиль. Да и недалеко было, удобно.

— И какие находки...

Недалеко от пары, на краю пруда, занимались неким важным делом двое детишек, мальчик и девочка, по виду одногодки. Сторонний человек сразу провёл бы параллель между ними и взрослыми: девочка походила на отца, тоненькая, изящная, а мальчик был портретом матери, крепкий темноволосый пацан с серьёзным взглядом.

На родителей они, самостоятельные личности, внимания не обращали.

— Дай булку, — скомандовала девочка, кинув взгляд на водную гладь, — будем кормить уток.

Мальчик послушно начал рыться в карманах куртки, достал аппетитную горбушку с жёлто-коричневой шкуркой. Протянул сестре.

Та, присев, стала крошить булку в воду, приманивая в изобилии плавающих в пруду птиц. Мальчик смотрел.

Взрослые совсем рядом продолжали неспешную беседу.

— Хиден-эли, — прошептал длинноухий мужчина, нежно любясь девочкой в хрустальном шаре. — Потерпи, малютка, скоро я тебе всё расскажу. Вытащу тебя оттуда.

Девочка развивалась хорошо, обгоняя многих своих ровесников. Поначалу он наблюдал за ней через каждые три дня: когда она ещё младенцем лежала в колыбели и вопила, требуя внимания; потом, убедившись, что всё обстоит благополучно, стал заглядывать в шар не чаще раза в месяц, а то и в два месяца. Был даже период, когда он, полностью уверенный в успехе дела, не пользовался хрусталём около полугода; и вот, в последнее время снова начал наведываться в башню дважды в месяц.

— Уже скоро, — повторил мужчина сам себе.

Ей уже девять, через годик-полтора девочка будет поддаваться обучению. Тогда и наступит время открыть ей правду.

— Когда Хиден только родилась, — сказала женщина, наблюдая за целеустремлённым выражением на лице дочери, — я по первости напугалась, что девочка у нас больна, да и врачи качали головами: она такая беленькая. Подозревали альбинизм.

— Я помню. И эти диагнозы, что-то про отсутствие пигмента, да?

— Как ты запомнил? — засмеялась она. — С твоей-то катастрофической рассеянностью?

— Любимая, она же всё-таки моя дочь.

— А дело-то было в тебе, твоя наследственность. Но я-то всегда понимала, что никакая она не альбиночка — глазки у неё ясные, голубые.

— Я тебя люблю, — невпопад сказал мужчина.

— И я тебя тоже, — развеселилась жена. — Куда же я без тебя, горе ты моё луковое.

— Иногда мне кажется, — интонация была серьёзной, — что я не существовал до встречи с тобой. Знаешь, всё, что было до, — словно покрыто туманом, и только с твоим появлением моя жизнь обрела краски.

— Скажешь тоже, — живо возразила женщина, смущённо улыбнулась.

— Но это правда. Я помню, конечно, своё детство, первое сентября и школу, университет; помню, как решил заниматься археологией, но знаешь — это всё так плоско и бессмысленно по сравнению с яркостью моей жизни после встречи с тобой.

Слегка зарумянившись, она прильнула к нему, утыкаясь в складки пальто, вечно нечищеного пальто — он всегда забывает сказать ей, чтобы почистила, никогда не замечает. Муж обнял её, лёгким движением погладил по макушке, прижался губами к тёмным волосам.

Дети на краю пруда, окружённые стаей голодных уток, что-то бурно обсуждали.

Мужчина в тёмной комнате досадливо поморщился, кинул взгляд на окно. Прямоугольник казался чёрным, прутья решётки поглотила ночь — стемнело быстро.

Снова посмотрел в хрустальный шар, на пруд в чужом мире, на обнявшуюся пару.

С коротким вздохом прошептал:

— Несчастные слепцы...

Сомицу — ноябрь

Азраэль: Таллинн

В узком коридорчике «сталинской» квартиры с высокими потолками задребезжал телефон.

Женщина средних лет, в фартуке, с руками в мыльной пене, выглянула из кухни. С опаской посмотрела на приоткрытую дверь в комнату, быстро вытерла ладони о висящее на ручке кухонной двери полотенце, побежала в коридор. Зашелестела занавеска из деревянных нитей, составляющих порядком выцветшую мозаичную картинку.

Хозяйка квартиры сняла трубку, шепнула:

— Ало?

— Светланпетровна? — спросила трубка знакомым голосом.

— А, Валентина Яковлевна! — обрадовалась женщина. — Как ваши дела? Какие новости?

— Ой, да у меня-то всё по-старому, муж да дети, верчусь, как белка в колесе, — собеседница словоохотливо пустилась в разговор. — У младшего-то, Семёна моего, представляете, в школе порядки какие-то новые завели, денег требуют!

— На что?

— Ой, я даже и не знаю, питание — не питание, а Сёмочка мне так невнятно объясняет! Хотела спросить у старшего, он же в той же школе учится, так тот плечами пожимает, мол, ему на питание денег не надо, ты, мамка, на расходы побольше давай! Ой, кстати!.. — тут в голосе Валентины Яковлевны прорезалось плохо скрываемое стремление скорее поделиться. — Моему старшенькому-то! Девицы так и названивают, так и названивают!

— Да вы что. Ему же только пятнадцать вроде.

— Да-да, а звонят уже такие девушки, взрослые такие — я же по голосу слышу! Спрашивала его на днях: «А девочка-то тебе какая-нибудь нравится?» — а он отмахивается, да ну, мол, надоели! — собеседница хихикнула.

Из вежливости Светлана Петровна заохала.

— А ваш-то как? — поинтересовалась знакомая. — Большой, небось, мальчишка-то уже?

— Десять исполняется, — Светлана Петровна понизила голос, прильнула к трубке: — Да странности с ним какие-то творятся, Валентина Яковлевна, и говорить-то страшно.

— Да вы что, — озадаченно отозвались на другом конце провода. — Какие-такие странности?

— Я даже не знаю, как назвать... Лунатизм не лунатизм... По ночам-то он не ходит, — женщина докладывалась и поминутно оглядывалась на незакрытую дверь, очертания которой проглядывали сквозь занавеску, — ходить-то по ночам не ходит, но снится ему что-то, бормочет всякое непонятное, и ведёт себя странно.

— А что бормочет?

— Глупости какие-то бормочет! Азраила какого-то призывает, несёт что-то про бога на земле и воплощение в человеческое тело. А сам ведь ребёнок совсем!

— Кто это Азраил такой?!

— Кто его знает, ангел вроде с огненным мечом. Из Священного Писания. Я сама не знаю, слыхала где-то.

— Ой, подождите, у мужа спрошу, он у меня всё знает, — трубка издала гулкий стук и невнятно зашелестела.

Светлана Петровна оглянулась ещё раз, прислушалась, но в квартире царила тишина.

Племянник, похоже, не интересовался тёткиной болтовнёй.

Трубка снова ожила, пошуршав, выплюнула возбуждённые слова:

— Бог смерти, говорит! Принимает души в Божье царство!

— Ох ты, в наш-то век безверия и атеизма! — Светлана Петровна с трудом подавила желание перекреститься. — И откуда у мальчика такое в голове только берётся?

— Вы, Светланпетровна, — посоветовала Валентина Яковлевна, — отведите его к психиатру. Там скажут, что делать.

— Ох, и правда, и правда, — согласилась женщина. — Но вы подумайте, столько лет ничего не было, а тут вдруг началось!

— Да вы что...

— И рисовать начал. То есть рисовать-то он и раньше рисовал, хорошо рисовал, ещё родители живы были, а тут словно одержимый стал. Только и делает что рисует, ничего кругом не слышит. А ночами — сны эти странные, кошмары. Я уж думаю, может, родителей вспоминает? Ведь никто ж не знает, как они умерли, милиция дело так и забыла. То ли самовозгорание какое, то ли воры подожгли. То ли, грех сказать, маньяк забрался. Хорошо, мальчик сам жив остался.

— Вы молодец всё-таки, Светланпетровна, — посочувствовала трубка. — Не всякая бы решилась в такой ситуации ребёнка взять.

— А что же делать? — вздохнула она. — Как его одного оставишь.

И снова оглянулась на приоткрытую дверь.

Сувацци — декабрь

Дарина: Токио

Девочка-подросток в тёмно-синей школьной юбке, длинном свитере, форменных чёрных гольфах, цветом сливающихся с ботинками, возвращалась домой. По улице гулял ветер, подхватывал волосы, хлестал по лицу. Поёживаясь, девочка шмыгала носом.

Солнце садилось. Дарина задрала рукав, прикрывающий кончики пальцев: защита от зимнего холода, замена перчаток, — посмотрела на часы. Пять вечера — дневное светило неторопливо катилось за черепичные крыши домов. На востоке уже изгибался неподвижный месяц, ещё почти невидимый, одного цвета с плывущими высоко в голубом небе облаками.

Тяжёлая сумка неудобно била по боку, девочка остановилась, устраивая содержимое поудобнее.

Всё в порядке? Всё в порядке?..

Дарина тревожно оглянулась, потом опустила глаза, застыла, стискивая ледяными пальцами перекинутый через грудь ремень. Землетрясение? Показалось, земля под ногами чуть заметно дрогнула, готовясь подбросить. В ушах звенело.

Что-то надвигалось. Что-то опасное.

Школьная сумка показалась предательски тяжёлой, мёртвым грузом, тянущим ко дну. Нельзя здесь стоять! На дорогу, подальше от домов — рядом со зданиями слишком опасно, здесь — опасно, Дарина знала, чувствовала каждым волоском.

Она скинула через голову ремень, сумка беззащитно шлёпнулась на асфальт. Бросить тут? Дарина снова застыла, растерянно смотря на истёртую коричневую кожу. Там же все вещи, учебники, кошелёк...

Быстрее!

Девочка шагнула на проезжую часть. Позади набухало, наливалось силой что-то ужасное. Что-то охотилось на неё, на Дарину.

Не медли!

Она побежала. Помчалась стремглав, не понимая, от чего спасается, наперерез через дорогу, краем глаза едва успев удостовериться, что она пуста.

Нельзя!

Сердце взвизгнуло испуганной собачонкой. Дарина затормозила посреди проезжей части, оглянулась, судорожно дыша. Позади не было ничего, лишь брошенный портфель лежал сиротливой тушкой. Закатное солнце, длинная тень столба рядом с коричневым улиточным горбом, тишина, и внутренним набатом стучит предчувствие: нельзя, нельзя, возвращаться нельзя, уходи, уходи! Немедленно!

Дарина попятилась и вздрогнула, пронизанная насквозь высокоголосым рёвом. Обернулась.

Слева нёсся небольшой грузовик, за рулём перекашивал рот водитель. Лицо его, свирепое и слегка испуганное, однозначно предупреждало девочку: шаг вперёд, и она попадёт под колёса.

Но стоять на месте было нельзя.

Дарина бросилась наперерез грузовику, раскидывая руки, словно собиралась лететь.

Идиотка, очутившаяся на самой середине проезжей части, девчонка в школьной форме, от гудка не только не убралась в сторону, но и, как сумасшедшая, метнулась вперёд. Самоубийца, проклятая малолетняя самоубийца, как много их развелось в последнее время, но кто ж мог предполагать, что Икэгами сам напорется на одну из них?!

Шофёр ударил по тормозам, выворачивая руль влево, на безлюдный тротуар. Развевающиеся волосы, рвущий форменную юбку ветер, непропорционально длинные ноги в чёрных гольфах, бледное решительное лицо. Девчонка была совсем близко, метрах в трёх, он не успеет, он заденет её в любом случае, чокнутая добьётся своего. Что за дура, что за мода бросаться под машины?!

Справа вспыхнул свет. Ослепительный белый круг с девчонкой в центре, разбухающий снежно-молочной сферой. Да что ж это такое, взрыв?!

Водитель грузовика выкрикнул проклятие и, бросая руль, закрыл голову обеими руками. Его кинуло вперёд, ремни впились в тело, рулевое колесо больно ударило в грудь. Что-то где-то взвыло, скрипнуло страшно и протяжно, трянуло, переднее стекло осыпалось звонким дождём.

Мир затих.

Дрожащими руками человек в кабине нащупал защёлку пристежного ремня, с трудом смог высвободиться. Справившись с дверью, вывалился наружу.

Вдалеке послышался вой сирены.

С ужасом водитель оглянулся вокруг, ища тело школьницы. Всё плыло в глазах, хотя земля уже успокоилась, перестала качать. Всё плыло, и, видимо, от этого он никак не мог разглядеть, где девчонка.

На непослушных ногах подбежал к капоту, покорёженному, засыпанному белыми осколками. Затуманенным, непослушным разумом сообразил, что машина врезалась в дерево, огромный крепкий вяз, растущий на краю тротуара.

Девчонки не было.

Шофёр оглянулся ещё раз, обошёл весь грузовик, раз, другой, не в состоянии сообразить, подействовала авария на его зрительные и умственные способности, или же — школьницы и в самом деле здесь нет.

Сирены приближались.

Девчонки не было.

Водитель остановился, в сердцах плюнул, смиряясь с участью психически больного, и сел на край тротуара — дожидаться «скорую».

Под ладонями был тёплый шероховатый камень. Воздух ласково обнимал за плечи, в зимнем свитере стало жарко. Волосы рассыпались перед лицом, заграждая зрение.

Дарина несмело подняла голову, убрала за уши длинные пряди.

Перед ней стоял храм. Небольшое сооружение из светлого камня, с колоннами у входа, с лестницей из нескольких широких ступеней. С резными дверьми, готовыми распахнуться. С узорами витых листьев, гроздьев винограда, прожилками лиан на стенах.

Девочка не знала, откуда пришло понимание — но перед ней действительно возвышался храм: простой, уютный и родной, как ничто иное в мире. Она сидела на коленях посередине вымощенной ровными плитами аллеи; деревья по обеим сторонам приветственно шумели, шелестели листьями. Многочисленные птицы, затаившиеся в ветвях, невидимые, тоже щебетали, пели для неё — мелодию возвращения домой.

Домой.

Она дома.

Дарина неуверенно поднялась на ноги и застыла посреди аллеи. Впилась взглядом в белые плотные колонны храма — отныне её храма.

Закрыла глаза, продолжая видеть сквозь веки, ощущать всем телом, утопая в потоках то ли знаний, то ли воспоминаний, в мелькающих перед внутренним взором картинах: отражение круглой лимонно-бежевой луны на синей глади озера; струи водопада, с высоких скал бьющие в озёрное зеркало; священная роща, в ней ритуальный круг колонн; сад лекарственных трав, где часто пропадала мать; любимая с детства тёмная пещера в дальнем уголке храмовых лесов; улыбка отца...

Как могла она позабыть?

Как ей удалось прожить без памяти о храме, без этой наполняющей воздух энергии, как она существовала в другом мире, не понимая, почему у неё есть такая странная Сила: излечивать животных, говорить с камнями и растениями, слушать ветер; откуда уверенность в существовании иного пространства, смутные сны о других родителях, не о теперешних, не о супругах Такаси?

Конечно. Пришло время.

Ветер приветственным толчком ударил в грудь, закружил длинные тёмные волосы, школьную юбку, охватил бурным вихрем. Образ храма огненным ореолом загорелся в сознании Дарины и дрогнул, расплываясь, дробясь, растекаясь до самых уголков её существа. Междумирье принимало её, красило в свои цвета, давало новую жизнь и новые силы.

Ветер успокоился, смиряясь, преклоняясь, повинуюсь; тёмные с фиолетовым отливом волосы опустились на плечи. Дарина открыла жёлто-оранжевые глаза.

Вздохнула, глубоко-глубоко, так, словно хотела бы вобрать в себя весь мир.

Всё закончилось, и новое, неземное спокойствие поселилось в груди.

Храм принял новую жрицу.

Часть первая, глава 3

37 год Рейки, 4754 всеобщий год, ноябрь

Хиэй, Огненный город

Королевская школа опустела: зимние каникулы. Почти все разъехались по домам, возвращаясь к семьям; впереди ждали праздники окончания года, шумные фестивали Инея.

В Валиссии, в Аксе, сейчас, писала мать, деревенские готовятся к заморозкам. Оно и неудивительно, ноябрь на дворе. Море у берегов, наверное, замёрзло уже, солнце встаёт поздно, и по утрам холодный, засыпанный снегом берег кажется владениями Ледяной девы, как будто не страна Огня вовсе, а суровый северный материк Воздуха, что стоит в снегах большую часть года. Небо такое бледное, что режет глаза, а горы высятся на его фоне чёрной тенью.

Здесь совсем по-другому.

Хоть и ноябрь уже, снега нет. Всё время идёт только мелкий надоедливый дождь, почти каждый день, за окнами серо. Огненный город готовится к зиме, объяснили Тенки, это ежегодный сезон дождей, неизбежный при смене времени года. Дожди шли и в июне, когда Тенки привезли в столицу материка. Но тогда с неба лились тёплые, на удивление ласковые струи, словно приветствуя впервые очутившегося в Хиэй нинье.

Точно, поначалу стояла жуткая жара, но через несколько дней погода испортилась — так говорили они, но для Тенки она, наоборот, «исправилась», давая возможность привыкнуть к новому окружению.

А в тот день, когда Тенки в первый раз ступил под крышу Королевской школы, снаружи оглушительно стрекотали неизвестные насекомые, и сперва он даже принял этот звук за необычный шум волн.

«Что это?» — хотел было спросить Тенки у провожатого, под опеку которого перешёл сразу же по выходу из портала. Шум был странный, непривычный, похожий на накатывающие на берег волны, то затихая, то возобновляясь с новой силой; но волнами это не являлось: в Хиэй нет ни моря, ни больших озёр, и это Тенки знал.

Хотел спросить, но не осмелился: надменное лицо эльфа пугало.

Полгода назад, Валисс

Последние дни летели стремительно, как никогда раньше. Тенки даже опасался, что ещё чуть-чуть, и он перестанет запоминать события, происходящие с ним, запутается в ярких впечатлениях.

Магик из Йокола — своего имени мальчишке он так и не сказал — снабдил Тенки сопроводительным письмом с описанием дара и перечнем у Тенки же выпрошенных личных сведений и, как обещал, сдал на руки старшине каравана, идущего в Валисс. Старшиной оказался неразговорчивый, но добродушный на вид мужчина с густой коричневой бородой; впрочем, добродушие своё он, похоже, предпочитал тщательно скрывать, то ли дело властно покрикивая на подчинённых и на подброшенного ему мальчишку заодно. Старшина даже не спросил, за какой вдруг надобностью малолетний

пацан в одиночку собрался в Валисс. Наверное, счёл правильным не вмешиваться в магиковы дела, незачем.

Ехать Тенки понравилось; ему отвели место на самой первой повозке, мальчишка сидел на козлах и оживлённо вертел головой, разглядывая незнакомые места: так глубоко в горах бывать ему раньше не приходилось.

Дорога сначала шла по лесу, потом влилась в широкое изъезженное ущелье, потянулась между скалами. Пару раз проезжали деревеньки, дома в которых кое-где причудливо лепились к этим скалам, словно птичьи гнёзда.

— А чего они в таком месте дома строят? — не стерпев, Тенки обратился к молчаливому водителю, длинному парню с красными глазами и носом, который он постоянно сморкал в огромный полосатый платок.

— А, чего? — парень оторопело посмотрел на него, глаза слезились.

— Чего, спрашиваю, они прямо на скалах живут?

— А где ж им ещё, — безразлично двинул плечом водитель. — Тут же сплошные горы. Валиссия-то знаешь, почему так называется?

— Название как название...

— Название-то названием, да всё ж не просто так. По-эльфовски это ж Уэллисс звалось, а Уэллисс значит «Клыки», Ирирдьяс Уэллисс, «Голодные Клыки», стало быть.

— Ух ты! — таких подробностей о родной стране Тенки раньше не знал. — А чего это так?

— Ну потому как похоже, — неопределённо ответил парень. — Особенно если с моря смотреть — видел когда-нить?

— Видел, конечно, — ещё бы не видеть, да только... Да только ему самому берег никогда никакие клыки не напоминал, хоть название и в самом деле клёвое.

— Но наши «Клыки» — не единственные, — парень устроился поудобнее, словно на сходке бывалых путешественников, когда рассказчик усаживается у костра и заводит истории о своих приключениях, глянул свысока. — В море есть ещё одни, и уж те-то точно «Голодные», и немало душ они поглотили.

Возница и впрямь будто вознамерился сказку рассказывать, даже интонации поменялись.

Тенки обеспокоенно глянул вперёд: как бы не втюхариться им во встречные обозы, или же, что ещё лучше — в те же скалы, грозно подступающие к дороге.

— Слышал, небось, легенду? Если выйти в море в глухую ночь, когда буря подходит к земле, да поплыть напрямик на восток, по звезде Окари ориентируясь, тогда, если милостив будет Огонь, пройдёшь сквозь сердце бури и окажешься у чёрных скал, что острыми клыками вздымаются в небо.

Мальчишка послушно кивнул, чтобы парень не сильно огорчился, — легенды легендами, но в подобное самоубийство в бурю он не очень-то верил. Это ж каким дураком надо быть?

— Но вечное проклятие лежит на горах тех, — продолжал возница, стараясь подражать напевным интонациям эльфийских баллад — да из-за гнусавого голоса не шибко получалось. — И обречены добравшиеся до них вечно жить там, и никогда уже не суждено им вернуться до дому. Разрываются сердца их об оставленных дома жёнах да детишках малых, но велико проклятие на горах тех, и не родился ещё тот, кто снимет его.

Горло сжало вдруг тугим жгутом, от неожиданного спазма Тенки даже закашлялся.

Отец.

— Фигня это всё, сказки ваши, — грубо бросил Тенки и полез назад с козел, под навес. «Коли дремота одолеет — сказал старший, — залезай туда да прикорни, коли уж совсем невмоготу станет». Дело было не в дремоте, но сидеть на козлах Тенки больше и правда не мог.

Внутри повозки свободного от теснившихся ящиков с рыбой места оставалось немного, но тощий мальчишка расположился даже с комфортом.

— Не скажи, — донёсся снаружи насморочный голос, — сказки сказками, да в них руководство нам, теперешним, как жить да куда стремиться. Подрастёшь — поймёшь ещё, мал ты, вот что скажу.

Кажется, слова Тенки вознищу обидели.

Ну и сам виноват.

Тенки подложил ладонь под щёку, лениво глядя на зазор между навесом и бортом повозки: виднелась убегающая назад земля. Дурацкий вздох вырвался сам собой. «Руководство», скажет тоже... Что теперь ему, брать лодку и плыть на восток, да? Надеюсь, что приплывёт к идиотским каким-то «клыкам», а там отец, обросший порядочно за семь-то лет, взмахнёт, значит, руками радостно и велит править домой.

Ага. Конечно.

Все семь лет стоял на берегу и дожидался, ага.

Да есть ли там ещё берега эти-то, скалы ведь всё же...

Да ну и хрен с ними.

В Валиссе он жил несколько дней.

Старшина каравана отвёл его в большой просторный дом, аж в несколько этажей, с собственным садом, примыкающим к заднему выходу. Дом принадлежал магу — это Тенки сообразил потом, а поначалу даже не увидел хозяина; им занималась полная домоправительница, властная, строгая. Ещё довелось глазком взглянуть на хозяйку — красивая, высокая, волосы спадают пшеничной волной, но та в основном находилась в своих комнатах, особенно по дому не расхаживая, и голос её Тенки слышал только один раз:

— Мальчик? Пусть подождёт тогда Овера. Накорми его, если голоден.

Его накормили. Показали, где можно ждать, на второй и выше этажи забираться не велели, да ему, впрочем, не особо-то и хотелось.

Местечко себе Тенки нашёл быстро — больше всего мальчишке понравилось сидеть на кухне, наблюдая за сноровистыми движениями домоправительницы; на плите пыхтели глубокие кастрюли, плыли аппетитные запахи, от огня веяло теплом, и неизвестно откуда перед пацаном вдруг появилась вазочка со сладостями. И можно было покачиваться на стуле с кривой ножкой, тащить в рот лакомые кусочки и блаженно щурить глаза от такой приятной возможности ничего не делать, никуда не бежать, просто быть. Ждать.

Маг, учитель одной из магических школ Валисса, достопочтенный господин Овер Верьес, появился к вечеру.

Распахнулись двери где-то вдали от кухни, зашумели слуги, зазвучали голоса. Домоправительница сунула поварёшку девчонке с прилежно убранными под косынку волосами, велела мешать не переставая и, повелительно кивнув Тенки, степенно выплыла из

кухни, вытирая руки о фартук. Мальчишка последовал за ней, поспешно дожёвывая только что положенное в рот.

Овер Верьес оказался невысоким, чуть полноватым мужчиной, на голове намечающиеся залысины, на носу очки, вид почтенный, вызывающий уважение.

— Вот тут мальчика привели, — сообщила женщина хозяину, указывая на Тенки. Мальчишка держался поодаль, не зная, как надо приветствовать настоящего мага.

От мужчины ощутимо веяло силой, словно дыханием моря, и почему-то Тенки представились глухо, ритмично бьющие берег волны.

— Да-да, — сказал маг, поправляя очки мизинцем правой руки — странный жест.

Он смотрел прямо на Тенки, и подросток сошёл за лучшее поклониться, пусть неуклюже, но старательно.

— Мне сообщали, — ни к кому в особенности не обращаясь, произнёс господин Верьес. — После ужина пусть поднимется в мой кабинет. А ужин сервируйте мне на втором этаже, в библиотеке.

— Будет исполнено, — поклонилась домоправительница и поспешила назад, на кухню, не обращая более на Тенки внимания.

Овер Верьес тоже не смотрел на мальчишку, и Тенки растерялся, не зная, как поступить. Уходить не осмелился, так и застыл в углу, рядом с широколистным деревцем в большой кадке, ростом едва ли не больше его самого. Маг прошёл мимо, бросил на него единственный небрежный взгляд.

Чувствуя себя последней деревенщиной — собственно, он им и был, Тенки поплёлся на кухню — уж там не станут пытаться этими закрученными обычаями вежливости.

— Значит, так, — маг по-прежнему не глядел на него, шелестя бумагами. На письменном столе в кабинете скопилось немало документов, грамот с завитушками на непонятном языке, чистеньких пергаментов — что ни говори, было чем пошелестеть. — Имя? Возраст? Происхождение?

— Э-э, Тенки Ли, тринадцать лет, деревня Аксе на побережье.

Огни свечей причудливо играли на прикрытой реденькими волосами лысине. Маг скрипел пером.

— Магический талант когда обнаружил?

— Не помню.

Мужчина поднял голову, смерил Тенки суровым взглядом.

— Я правда не помню, — поспешил сказать подросток. — Наверно, ещё когда маленький был. По-настоящему, может, где-то в десять...

— Что умеешь?

Тенки замялся. Умел он немного, да и тому научился не по книгам, не у знающих людей, а на своём опыте, пробами-ошибками. Да и как сказать об этом, ведь он даже слов подходящих не знает?

— Умею призывать, — неуверенно начал мальчишка, — рыб мелких, птиц, белок, там. Могу амулеты делать на продажу, только они не вечные. Могу человеку отвести глаза, но ненадолго, может, минут на двадцать. Но зато он тогда уже совсем будет как неживой, ничего не заметит. Правда, надо, чтобы он смиренно сидел...

Овер Верьес ничего не сказал, но Тенки осёкся. Разболтался. Чушь какую-то несёт, ей-ей. Ещё чуть-чуть, и этот маг его выставит.

Наступила тишина.

— Ясно, — подытожил наконец мужчина, отрываясь от пергамента, на котором безостановочно что-то черкал. — Будешь в моём доме две ночи, послезавтра соберётся комиссия. Там покажешь, что умеешь. Свободен.

Тенки поклонился. Разогнувшись, снова увидел поблёскивающее в свечном огне темечко и поспешил ретироваться. Больше ему ничего не скажут.

— Тенки Ли, тринадцать лет, — прозвучал над головой нечеловеческий голос, усиленный многократно и от этого подобный свисту ветра в горах, так что Тенки с трудом разобрал слова. — Войдите.

Тенки схватился за круглую металлическую рукоятку, повернул её, толкая тяжёлую дверь. Комната открывалась по частям, сперва показалось — узкая, маленькая, потом увидел — просторная. В середине длинный стол, поставленный поперёк помещения, за столом в ряд — люди, несколько.

Овер Верьес сидел вторым от окна, взгляд выхватил его лицо и сосредоточился на знакомых чертах. Но заговорил с Тенки другой:

— Тринадцать лет, да? Деревня Аксе?

Подросток метнулся глазами к говорящему, увидел благородного вида старика с белыми коротко подстриженными волосами. На лбу у старика красовалась кожаная лента с повторяющимся красно-зелёным узором, на груди, на бежевой просторной блузе — оранжевато-жёлтое ожерелье. Это ожерелье сразу притянуло взгляд Тенки, заставив нечаянно сглотнуть: крупные переливающиеся бусины были живыми, в оранжевой глубине мелькали коричневые тени, заманивая и завораживая.

— Да, — усилием воли выдернув себя из отупляющего созерцания, поторопился ответить Тенки.

— Вы знаете, что для поступления в магическую школу необходимо сдать экзамен, — старик, похоже, не ждал ответа, говорил привычные формулы. — Вы подтверждаете, что уже два года несёте ответственность за возможное выполнение магических действий, могущих нанести вред окружающим. Вы желаете развивать ваши магические таланты на пользу королеве и государству.

Не зная, что ответить, Тенки ограничился подтверждающим кивком.

— Итак, — старик откинулся на спинку кресла. — Мы начинаем экзамен.

В ту же секунду раскрылись двери в стене слева — а он и не заметил, что там были двери, — вбежали двое молодых парней, втащили столик, покрытый белой скатёркой.

Столик прикатали к Тенки, установили перед ним, опуская опоры на ножные колёсики. Подросток с любопытством вытянул шею, стараясь, однако, чтобы действие это не было сочтено невежливым, на всякий случай сделал почтительный вид.

На столе в полном беспорядке лежала куча вещей: длинное переливчатое перо неизвестной птицы, тупой на вид, но симпатичный кинжал, красивых оттенков камешки — вот бы Алли сюда, за шиворот не оттащили бы, — два серебряных браслета, невзрачная статуэтка в виде ящерицы из неизвестного материала и ещё добрый ворох других безделушек.

Статуэтка выглядела загадочной. Тенки бы с удовольствием рассмотрел её поблизости,

но в следующий миг заметил кое-что поинтереснее.

— Задание первое, — начал старик, — вам надо...

Тенки слушал вполуха, привлечённый ясно различимым пульсированием от простого, обыденного на вид медного ключа на самом краю столика. Биение ключа отдавалось в висках, медленное, размеренное; успокаивало.

— ...среди предметов перед вами такой, какой обладал бы магической сущностью, — скучным голосом продолжал старик, но Тенки уже почти не слышал.

Не думая, он протянул руку и коснулся ключа; пальцы пронзил резкий, дёргающий удар и тут же сменился обжигающим покалыванием, будто приветствуя.

Зажав в ладони ключ, Тенки поднял глаза на старика и впервые встретил его взгляд: молодой, заинтересованный.

— Задание выполнено, — произнёс старик звонко.

С правой от него стороны зашевелились, послышался негодующий шёпот:

— Вы забыли спросить, уверен ли он, Председатель.

— О, — сказал старик, сверля взглядом Тенкины глаза, — право же, это ни к чему.

— Говорят, ты магом будешь, да? — девчонка с любопытством глядела на Тенки.

Подросток ещё не успел опомниться от экзамена, казалось, тот закончился только что, хотя прошло уже несколько часов, и он давно сидел на кухне Овера Верьеса. Девчонка-помощница, подчинённая грозной полной домоправительницы, заговорила с пришельцем сама и заговорила довольно-таки неожиданно, улучив момент, когда женщина удалилась с кухни.

Тенки смерил взглядом девчонку: возраста она была примерно одного с Алли, лет на пять старше него. Пожал плечами:

— Смотря как повернётся.

— Ну, тебя хозяин хвалил, — она облизнула ложку, которой только что мешала суп. — Я слышала, как он рассказывал хозяйке. У тебя же сегодня экзамен был, да? Здорово...

— Ты только не мешай теперь этим, — предупредил Тенки, пренебрежительно смотря на ложку. — А то я такое есть не буду, — дома, в родной деревне, ему и в голову бы не пришло ничего ляпнуть, но тут хотелось щегольнуть. Слово он знатная персона, которой облизанная ложка может испортить весь аппетит.

— П-фи, как будто тебя спрашивать кто станет, — фыркнула девчонка, но ложку бросила в раковину. — Ты расскажи, что было?

— Зачем тебе? Тебе ж всё равно магия на х... — с опозданием Тенки вспомнил о хороших манерах, — совсем не нужна, в смысле.

— Ну интересно! Хозяин, между прочим, маг, и я разбираюсь!

— Много будешь разбираться, ведьмой станешь, — мальчишка с превосходством посмотрел на неё. Отсюда, с подоконника, где, скрестив ноги, сидел Тенки, очень удобно было смотреть с превосходством: подоконник располагался высоко от пола.

— А ты будешь много выпендриваться, по лбу получишь, — отпарировала девчонка, доставая из ящика чистую ложку.

— От тебя, что ли, да? — после всех этих крутых магов Тенки с удовольствием пикировался с почти что сверстницей. Ну, по сравнению с остальными.

— А хотя бы!

— Не дотянешься.

— Это до тебя-то, малявка? — она расхохоталась, показывая мелкие зубки.

Тенки вскочил на подоконнике, радуясь, как послушно ему тело — после всего, что случилось на экзамене, — застыл, балансируя, рукой опёрся о стекло. Высокое окно вполне позволяло выпрямиться в полный рост — наглядное доказательство правоты язвы-девчонки.

— Я вырасту, — сказал он уверенно, — а ты — уже нет.

— Эй, не вывались там, — смех сменился испугом. — Мне ж за тебя по шее надают.

— Ага, — с удовольствием поддакнул Тенки, — так тебе и надо.

— Слезай давай.

— Чего ты боишься? — Тенки прижался носом к стеклу. Даже если он и навернётся наружу, что маловероятно само по себе, падать тут — расстояние кот наплакал, первый этаж. — Тут до земли два шага.

— Ой, ну слезь уже! — притопнула девчонка ногой. — Видеть не могу!

Пожав плечами, Тенки сел, спустил ноги:

— Ты чего такая нежная? Первый этаж!

— Первый не первый, — бросила она, возвращаясь к помешиванию, — смотреть страшно. Я, конечно, понимаю, что вы, маги, все немножко ненормальные...

— Хе-е, слышал бы тебя хозяин, — насмешливо протянул Тенки.

Она независимо дёрнула плечом.

«Вы, маги», она сказала. Фраза эта приятно царапнула сердце.

Тенки обернулся через плечо, на темнеющее, но светлое покуда небо. Неподальёку снаружи росло дерево, по виду слива, протягивая вверх зелёные ветки. Уютно, мирно. Хорошо.

Скоро будет ужин, после того, как хозяйева, как выразилась домоправительница, «откушают». А потом — спать, и наутро... наутро...

Одним заданием дело не кончилось.

После столика принесли клетку с двумя чёрными желтоклювыми птицами — кажется, дрозды. Не проронивший ни слова взрослый парень распахнул дверцу клетки, выпуская птиц. Но лететь те не желали, и парень попытался прогнать их, просовывая сквозь прутья клетки пальцы и отчаянно ими шевеля. Только после того, как прислужник, плюнувший на все усилия, просто вытряхнул дроздов наружу, птицы взлетели и метнулись прочь от клетки.

Старик с лентой на лбу велел экзаменуемому подозвать их к себе, заставить сесть на руку.

Тенки попробовал. Однако на руку усадить не получилось: бойкие дрозды летали над головой и упорно не желали утихомириваться.

Мальчишка залился потом, с ужасом думая, что провалил экзамен. Теперь его точно вышвырнут обратно в Аксе. Хорошо ещё, если не станут доводить прямо до деревни — тогда он сможет остаться в Валиссе, тренироваться и через время попробовать в другой школе, ведь магик сказал же, что их несколько. От вихрем круживших в голове мыслей зов выходил всё более и более неправдоподобным, наконец птицы и вовсе отлетели от Тенки и принялись метаться по всей комнате.

Тогда старик махнул рукой, человек, сидевший ближе всего к двери, зачмокал, засвистел, похлопал в ладоши, и дрозды слаженно спикировали к нему, словно нитью притянутые.

Тенки остался стоять со взмокшим лбом — и бесповоротной уверенностью, что провалил всё дело.

После клетки с птицами настал черёд пергамента, который велели сдуть со стола — бумажка полетела славно, после недавнего поражения Тенки не скупился в стараниях; после пергамента принесли свечу и велели зажечь — это тоже вышло легко.

Старик веселел с каждым заданием, да и остальные четверо посветлели, посматривать стали благодушно.

Тенки приободрился: может, неудача с птицами окажет не такое уж сильное влияние?

— Наконец последнее задание, — слова главного прозвучали неожиданно.

Последнее? Уже всё?!

— Творение магии на свободную тему. Выбор за испытующим, — и пять пар глаз выжидательно уставились на тощего светловолосого мальчишку.

Свободная тема?! Что они от него хотят?

Тенки ошеломлённо водил глазами по лицам, показавшимся вдруг совершенно одинаковыми. Все мужчины, все, кроме старика, средних лет, примерно ровесники его матери. И у всех пятерых во взгляде это слегка пугающее настойчивое любопытство.

Что они хотят?! Что ему делать?!

«Боевая магия, чтоб тебя Огонь подрал».

Всплыло внезапно в памяти длинное носатое лицо мага из Йокола, вспомнилась жёсткая хватка на шее.

«Боевая магия», сказал тогда магик. А ведь Тенки всего лишь пустил шар энергии, какая там боевая магия... Но если это произвело на мага такое впечатление, значит...

Ладно.

Тенки сконцентрировался, умерил дыхание. Вдохнул глубоко-глубоко, чувствуя, как медленно течёт энергия по жилам, сходится, сбегает вниз, накапливается в ладонях, заставляя запястья пульсировать. Руки становились тяжёлыми, каменными, неподвижными, словно валуны на горной дороге.

Выдохнуть. Поднять голову. Посмотреть на важных мэтров.

Энергия вырвалась словно без спросу. Полетела, увлекая за собой кончики пальцев, выкручивая тело. Ринулась к неподвижным лицам длинными сине-зелёными молниями, глухо бухнула в уши.

Комната вспыхнула, вздрогнула от грохота: сине-зелёные лучи, трепеща, вонзались в белую, неизвестно откуда взявшуюся стену между Тенки и экзаменаторами, змеились и разлетались в стороны.

Тенки оторопело закрылся полегчавшими ладонями, но не успел: сине-зелёный свет мелькнул перед глазами и вдруг закружило, повело, мир стал нечётким.

— Что с ним?! — услышал он чей-то встревоженный голос, заваливаясь на пол — ноги не держали. — Уберите защиту!

Последней ему запомнилась яркая картинка: качающиеся перед лицом оранжевые горящие бусины, а в глубине их плавится, переплетаясь, нечто ужасное и одновременно безумно привлекательное.

Голоса доносились глухо, в уши словно залилась вода, мешала слушать. Сквозь эту плёнку проходили только непонятные обрывки фраз:

— ...Королевская школа.

— ...уровень для Королевской школы...

— ...самородок, ха-ха...

— ...боевая магия...

Потом туман в голове рассеялся, Тенки почувствовал, что кто-то его приподнимает, помогает сесть. Очумело мальчишка оглянулся. Поддерживал его один из проверяющих, невзрачный мужчина с серыми волосами, тот, который приманивал дроздов. От него тоже исходило сильное дыхание магии, в глаза Тенки предпочёл не смотреть — почему-то казалось, стоит взглянуть — и его увидят насквозь.

Вместо этого посмотрел вокруг: у окна стоял Овер Верьес с другим мужчиной из экзаменаторов, а два парня-прислужника намывали пол — с чего вдруг такая страсть к чистоте?

Ужасно хотелось сплюнуть, во рту чувствовался противный кислый привкус. И ещё хотелось пить.

— Воды? — очень кстати спросил сероволосый мужчина.

Тенки кивнул, жадно приник к протянутому стакану.

— В порядке он? — спросили от окна. — Его так неожиданно вытошнило.

Мальчишка оторопел. Его? «Вытошнило»?

Это ж надо, как ему, получается, досталось. Случая, когда бы Тенки одолела рвота, он припомнить не мог, стало быть, это первый раз.

Надо же, какая гадость. Его ведь не вышвырнут из-за этого?

Словно отвечая его мыслям, Верьес приблизился, глянул свысока:

— Здесь тебе не место.

Сердце захолонуло.

— Отправишься в Огненный город, там тебя посмотрят маги Королевской школы. Завтра утром я отведу тебя к порталу.

— Разве не все магические школы — королевские? — осторожно спросил Тенки у мага, когда они возвращались домой по узким улицам города.

На экзамен шли пешком, но после инцидента с отразившейся от щита магией — так вот что это было! — ноги у мальчишки ослабели, да и мир ещё не перестал слегка кружиться в глазах — и Верьес взял повозку. И теперь они сидели бок о бок в тесноте открытой колымаги, трясясь по вымощенной крупными булыжниками дороге.

— Большинство, — ответил маг равнодушно.

— А зачем тогда ехать в Огненный город?

Мужчина кинул на Тенки надменный взгляд.

— В Огненном городе, — вздохнул маг, — находится Королевская высшая магическая школа, — и замолчал, как будто одним уже этим изречением всё сказал.

Тенки решил выждать и за терпение оказался вознаграждён.

— Магию можно изучать, бесспорно, во многих местах, — продолжил Верьес через пару минут, — но если дело касается боевой магии, традиции Королевской школы неоспоримы. В данный момент она не только ведущая — можно сказать, это единственная

школа, поставляющая боевых магов на службу Огненной девы.

Тенки молчал, слушал.

— На экзамене ты показал определённые способности к боевой магии, — Верьес говорил монотонно, будто нехотя, — и по результатам совещания было решено направить тебя в столицу. Там много специалистов именно в этой области. Они тобой займутся.

Сердце сладко сжималось в предчувствии неизвестного.

— Боевая магия — не так уж и плохо, — проронил маг скорее себе под нос. — Королевские маги хорошо зарабатывают, хоть и часто рискуют жизнью.

Боевая магия — не так уж и плохо?! Много он понимает!

Значит, Тенки отправляется в Огненный город!

В груди билась сумасшедшая жар-птица.

— Ну, я пойду спать, — с удовлетворённым вздохом мамаша Вейзерг откинулась от стола. — Вы двое уберите тут всё. Мальчика оставляю на тебя, поняла, Калли?

Калли махнула тяжёлой косой, наскоро заплетённой перед тем, как сели за ужин: мамаша Вейзерг не любила распущенные волосы.

— Поняла я, тётя Галлия, — с едва заметным раздражением ответила девчонка. — Всё сделаем, — и кинула заговорщический взгляд на Тенки — благополучно тем не замеченный.

Домоправительница тяжело поднялась, прошествовала мимо, задевая Калли широкими рукавами. Мамаша Вейзерг занимала достаточно места в пространстве, чтобы иметь хороший шанс задеть не одно, так другое, так что, можно сказать, Калли повезло, что это оказались только рукава.

— Завтра уезжаешь, да? — проследив, как за Галлией Вейзерг закрылась дверь, девчонка обратилась к Тенки.

— Ага, — кивнул тот и потянул в рот пирожок с блюда — кулинарное произведение кухарки-домоправительницы.

— В Огненный город?

— Угу, — подтвердил мальчишка, запихивая пирожок в рот целиком.

— Прямо как хомяк, — насмешливо хихикнула Калли.

Тенки старательно жевал, разглядывая опустевшую тарелку.

— Может, тебе ещё положить? — на правах хозяйки спросила девушка.

— М-м-м, — казалось, он всерьёз задумался. Наконец, проглотив то, что находилось во рту, бросил: — Нет, пожалуй. Хватит, а то я сегодня блеванул.

— Фу-у! — Калли взглянула на него с негодованием. — Как можно употреблять такие слова за столом!

— А чего? — мальчишка нагло ухмыльнулся. — Я и пострашнее слова знаю. Научить?

— Нет уж, благодарствую покорно, — отрезала она и встала, демонстративно начиная убирать со стола.

— Слышь, а ты тут всю жизнь живёшь?

— Я тут не живу! — удивлённо откликнулась Калли. — Я тут прихожу, помогаю, а ночью дома.

— А-а...

— Но тут недалеко! Соседняя улица. Вообще тётя Галлия — моя крёстная перед Огнём,

она меня сюда и устроила.

— Крёстная? Так ты, — мальчишка усмехнулся, — когда вырастешь, тоже такая будешь? — Тенки растопырил руки, показывая объёмы домоправительницы.

От возмущения Калли замахнулась на паршивца грязным кухонным полотенцем.

— Молчал бы, малявка! Какая связь, она же мне просто крёстная по Огню, а не родная!

— Ха-ха! А злишься, как будто совсем родная!

— Огня на тебя не хватает, вот чего!

— На воре шапка горит, — ответил он невпопад, вскочил. Зелёные глаза сверкали. — Меня-то не крестили, и Огонь надо мной не властен.

— Не кощунствуй, — ахнула Калли, — Огонь поглотит!

— Я-то думал, в городе все как люди, — мальчишка кривлялся, — а они такие же глупые, как в деревне, во всякую чушь верят.

Не раздумывая, девушка подняла руку, собираясь шлёпнуть святотатца по губам, — но пацан ловко перехватил другой конец застиранного полотенца, сильно дёрнул, заставляя Калли пошатнуться, и шмыгнул к двери.

— Ты куда это?! А убирать?

— А кто тут звонкую монету получает? — наглый паршивец показал ей язык, и в тот же момент дверь за ним захлопнулась.

Кипя гневом, Калли принялась выстраивать в раковину грязные чашки и тарелки. Что за нахала пригрел хозяин?! А ведь она ещё собиралась рассказать пацану о подслушанном разговоре, о лестных словах, которыми хозяин осыпал забредшего мальчишку. Ну уж нет, ничего теперь она ему не скажет! Даром что хорошенький, много о себе думает! Негодник!

А хозяин говорил...

— Майта, это нечто, а не ребёнок, — сказал хозяин после ужина, набивая трубочку шеньским табаком, привезённым аж с далёкого материка Земли.

Калли застыла перед дверью с подносом в руках: обязательный ежевечерний кофе. Прислушалась: о ком речь?

— Ты не поверишь, что он вытворял сегодня, — продолжал хозяин. — Атаковал комиссию «ветвями Пойскавы — Милого». А ведь, я бы головой поклялся, — никто ему принципа не растолковывал. Бесспорно, «ветви» у него получились не самые совершенные, но ведь сам факт! Безродный мальчишка, в жизни магию не учил.

Хозяин покачал головой и сунул трубочку в рот. Проговорил неразборчиво:

— Хотел бы я видеть лица этих элхеских пижонов из Королевской школы. Такой изумруд — и, как они выражаются, «нинье»! Ха-ха!

Королевская школа? Та самая, которая в Огненном городе? Так мальчик тут не останется?

Калли разочарованно надула губы и тут же спохватилась — надо поторапливаться, пока кофе не остыл. Тронула пальцем бок кофейника — горяченный, всё хорошо. И собралась войти, когда из комнаты раздался голос хозяйки, красивый, равнодушный.

— Овер, ты ведь не жалеешь, что не стал боевым магом?

Хозяин молчал. Калли осторожно заглянула в щель приоткрытой двери: хозяйева сидели

в потёмках, видны только силуэты и лишь кольца дыма поднимаются над одним из кресел.

— Овер, я думала, ты покончил с сожалениями, — красивый голос хозяйки бил по ушам холодным металлом.

Хозяин молчал.

— Прошу простить меня, — не стерпев, Калли неуклюже затопала за дверь, делая вид, что только что поднялась с лестницы, — ваш вечерний кофе.

Сервируя на столе лёгкие чашечки, девушка с ненавистью посмотрела на хозяйку — зачем она мучает хозяина?

Но жена мага Овера Верьеса, бездетная красавица Майта Верьес, не заметила этого взгляда — да и к чему обращать внимание на прислугу.

— Ты сделал правильный выбор, Овер, ты не ошибся. Быть боевым магом — почётно, но редко кто из них доживает до старости.

Майта смотрела на мужа больными, безумными глазами.

— Ты не ошибся, Овер, ты не ошибся. Они все умирают.

Калли тихо закрыла за собой дверь, оставляя позади гробовую тишину. На мгновение даже пожалела о минутной ненависти, вызванной вздорностью хозяйки. Как она могла забыть, что рассказывала тётя Галлия?

Ведь наречённый госпожи Майты был боевым магом. Говорят, последним боевым магом в Королевской школе, происходящим из рода людей.

Интересно, госпожа Майта его сильно любила?

Ноябрь, Огненный город

Первый младший курс по домам разъехался поголовно; кроме Тенки, не осталось никого.

Неудивительно: родители новичков горели желанием приласкать детей, которых не видели полгода, повозить по гостям в преддверии праздников, похвастаться способным чадом.

Тенки, наверное, тоже мог бы отправиться домой, какие-то деньги у него имелись, государство не жадничало, выплачивая нуждающимся небольшую стипендию. Заявление на эту стипендию Тенки подал ещё в первый день в школе, когда их, новичков, привели в канцелярию — регистрироваться. Но деньги деньгами, а поедь он домой — времени на учёбу не останется, мать не преминет воспользоваться физической силой единственного сыночка, — уж чего-чего, а сладких мечтаний о ласковой встрече Тенки не питал.

На эти каникулы он поставил перед собой цель и собирался приложить все усилия по её достижению.

Выучить, наконец, этот идиотский эльфийский.

Тенки окопался в библиотеке — выбираясь отсюда только по естественным надобностям. Облюбовал глубокое удобное кресло у окна: на расстоянии протянутой руки шкафы с учебниками младших курсов, совсем рядом — низкий полированный стол. Всё чёрное — от кожи кресла до столешницы, — даже школьная форма чёрная, и, помнится, поначалу Тенки изрядно поразила эта малопонятная страсть к отсутствию цвета.

На первом уроке, когда учитель, приведя его в класс, что-то долго и заунывно объяснял

будущим соученикам, Тенки обвёл взглядом класс — и обомлел. Все они — глазастые, длинноухие, пестроволосые — были одинаковыми. Куда ни посмотри, одно и то же лицо, размноженное на добрый десяток, сплошной чёрный цвет формы с жёсткими стоячими воротниками и белые полосы рубах из-под них. И одинаковая заинтересованность в чужих непривычно огромных глазах.

Тенки понадобилось немало времени, чтобы свыкнуться с ними, а им — чтобы начать считать его не то чтобы своим — просто хотя бы равным. Таким же живым и мыслящим существом.

На первых порах всё общение между ними сводилось к одной схеме: Тенки сидел молча, а когда кто-то считал нужным к нему обратиться, твердил одно: «а эйени веле» — «я не понимаю». Потом, когда словарный запас чуть увеличился, подросток научился понимать и строить самые простые фразы вроде: «что это» и «куда идти». Узнал вопросы «кто», «где» и «когда». Понял, что его называют «нинье» — «иной человек», а они — «элхе». И выучил главное слово для каждого ученика Королевской школы — «махиэ» — магия.

Через пару-тройку месяцев безмолвия Тенки вдруг понял, что вполне сносно может общаться. Откуда-то сами собой вылезали подходящие слова, грамматика связывала их в предложения, и даже переливистым интонациям эльфийской речи он, кажется, научился подражать. Соученики привыкли к «паршивой ниньеской овце в порядочной элхеской стае» и порой спрашивали совета по математике — единственному предмету, где Тенки не то что не отставал, а вовсе и опережал свой класс — во многом по той простой причине, что математика не требовала знания эльфийского. Словом, всё шло хорошо, пока...

Пока не начались каникулы.

Сокурсники исчезли вмиг — кое-где по школе ещё бродили призраками старшие ученики, но все новенькие уже уехали домой, сопровождаемые внимательными взглядами родителей. Говорить стало не с кем: учителя тоже проводили отпускное время где угодно, но не в школе, а оставались тут разве что молчаливые смотрители да приходящие раз в три дня уборщики.

Тенки чувствовал, что эльфийский выветривается из головы бешеными темпами.

— Хм, как-как? «Удвоение согласной основы глагола с последующим твёрдым «э» даёт повелительное наклонение», — склонясь над учебником, который притащил ему один из сердобольных преподавателей — старое издание на языке нинье, Тенки попробовал прочесть написанное вслух. — Что за хренотень?! Ага, вот примеры...

Почти разлэгшись на столе, Тенки принялся увлечённо переписывать правило: так верней запомнится. Эльфийские каракули из того же цирка — чем больше пишешь, тем лучше получается. И зачем у них такие непонятные буквы, чем им всеобщий не нравится? Зачем вообще всеобщий придумали, если они тут его не признают?

— Лейе-са, — незнакомый голос раздался внезапно.

— Лейе-са, — оторопело откликнулся мальчишка, поднимая голову.

Рядом стоял эльф из старшей группы, третий, кажется, курс. Тоже одетый в школьную форму — но ворот чёрного «илерам», который по правилам школы полагалось тщательно застёгивать, небрежно раскрыт, торчит белоснежная рубаха. Как все они, элхе, появившийся старшекурсник тоже высокий и большеглазый, длинные узкие уши прижаты к черепу.

— Что ты тут делаешь? — спросил старший со свойственной местным небрежной невозмутимостью.

— Так, решил позаниматься, — уклончиво ответил Тенки: не хотелось признаваться, что корпит сейчас над эльфийским языком.

— Ты же в этом году приехал? Почему не возвращаешься домой? — по тону спрашивающего никак нельзя было сказать, что ему интересен ответ, но Тенки знал: старшие всегда говорят так с младшими — чтобы уважали.

Дурацкие обычаи.

— Здесь заниматься лучше, — Тенки подобрал обтекаемую формулировку, которую мог выговорить без проблем.

— Уши? — элхе не понял.

— Лучше! — повторил Тенки, кляня про себя дурацкие четыре тона эльфийского языка: не так скажешь — не дойдёт.

— Как твоё имя? — не заостря внимания на произношении, эльф сменил тему.

— Тенки. Тенки Ли, младший первый курс, — общепринятая формула самопредставления.

— Сколько тебе лет? — ага, всё-таки Тенки его жутко интересовал, в почти непроницаемых эльфийских глазах бегали огоньки жаркого любопытства.

— Тринадцать, — нехотя произнёс мальчишка. Эти дурацкие правила, по которым нельзя было игнорировать вопрос старшего, его раздражали.

— Тринадцать?! — собеседник основательно удивился, чуть не потеряв свой так старательно оберегаемый авторитет.

Поначалу они все удивлялись — только не так, как в Валиссии. На взгляд нинье Тенки всегда выглядел младше своего возраста, и это порой весьма его донимало, но тут — тут они поражались другому, узнавая цифру, — по их меркам Тенки дали бы как минимум лет пятнадцать-шестнадцать.

По своим соученикам Тенки заметил то же самое — почти все они были старше Тенки, но вели себя как десятилетние, как будто совсем ещё младенцы. «Долгие, — язвительно твердила ниньеская гордость, — замедленное развитие».

— Язык элхе! — эльф всё-таки разобрал среди букв ниньеского языка в учебнике родные закорючки. — Ты учишь язык элхе?

Тенки независимо двинул плечом — и наплевать, если этот придурок примет его жест за оскорбление. Отвечать не стал — и так же ясно.

— Сложно, да? — старший оторвался от учебника, взглянул на нинье. В его голосе слышалось противное превосходство.

— Так, обычно, — безразлично ответил Тенки и не удержался от шпильки: — Конечно, нелогичный язык, что поделаешь.

— Да, говорят, нинье он нелегко даётся, — с невозмутимым лицом подтвердил парень. — Редко кто говорит без акцента.

Ох, этот эльфийский переросток у него дождётся.

Пусть только подождёт, через полгода Тенки заткнёт его за пояс с этим их «языком элхе».

Достал уже пялиться в учебник.

Мысли сменяли друг друга.

— Я тебя где-то видел, — неожиданно для себя вымолвил нинье и тут же мысленно выругался: употребил форму обращения к равным, а надо было — к старшим.

Эльф, однако, не стал кочевряжиться.

— Да, — сказал он, снова всматриваясь в Тенки. — Мы видели тебя в канцелярии, когда ты только появился в школе.

В канцелярии... в тот день, когда он появился в школе...

— А! — воскликнул Тенки, вспоминая: четыре чёрных грача, заглядывавших внутрь комнаты через широкое прозрачное окно, разделявшее помещения. Четыре одинаковых башки, отличавшиеся разве что цветом волос. Хотя нет — был среди них парень со странными ушами, таких Тенки ни у кого не видел. — Там был ещё этот, короткоухий!

Парня с маленькими ушами, в отличие от обычных длинноухих рож, Тенки запомнил, сам даже не зная почему. Может, запомнился взгляд, которым одарил его короткоухий через стеклянный барьер канцелярского окна — смесь отвращения и любопытства, — может, именно эти короткие уши, формой близкие к равностороннему треугольнику, а не обычному вытянутому равнобедренному.

Не раз за эти полгода Тенки встречал короткоухого в коридорах школы — благо классы их располагались в одном, младшем, корпусе — и при встрече вежливо кланялся, получая в ответ высокомерный взгляд.

— Короткоухий! — повторил эльф, выкатывая глаза.

И начал сдавленно ржать. Склонившись над столом, неудержимо, заразительно, ни капли не заботясь о драгоценном авторитете. Разве что кулаком по столешнице не стучал.

Тенки чувствовал себя полным дураком.

— Ты очень забавный, Тенки Ли, — эльф наконец отсмеялся. — К слову, меня зовут Виллиэ.

Руки, конечно, он не протянул — всё-таки старший, не положено, но уже то, что эльф назвал своё имя, говорило о многом. Теперь Тенки имеет право называть его «Виллиэ-оодиэ» — по имени с суффиксом общепринятого обращения к старшим.

Только не хочется.

Подросток ограничился кивком, не стараясь быть особо вежливым.

— Ну тогда занимайся, Тенки Ли, — похоже, этот Виллиэ с удовольствием пробовал на вкус непривычное звуко сочетание. — Ещё увидимся.

Часть первая, глава 4

38 год Рейки, 4755 всеобщий год

Январь, Огненный город

— Как же мне надоело это ремесленничество! — мученически шептал Тардис.

Ацу молчал, хотя мнение соученика разделял безоговорочно. Уроки бытовой магии были хуже даже целительства или животноведения. Ходить по подсобным помещениям школы, разбираясь в хитросплетениях труб, кристаллов и магических паутин, пачкаясь сажей, протирая дырки на коленях, пытаться определить, какое заклинание наложено и что в нём пошло не так, — и практические занятия, и длинные нудные лекции с различными толкованиями технических чар и планами соединения кучи разрозненных элементов в единое целое — нет, это точно не относилось к любимым предметам Ацу.

Ну скажите, зачем боевому магу знать, как используется магия, скажем, в кондиционировании? Зачем ему разбираться в сантехнических подробностях? Ацу достаточно того, что летом в школе приятная прохлада, а зимой тепло, и туалеты, Огонь их выжги, работают, как должно. Это всё, что требуется боевому магу от технической магии.

Но преподаватели Королевской школы, похоже, это мнение не разделяли.

— Ох, — вздохнул Тардис, — скажите мне кто-нибудь, почему эта штука не хочет работать? Я не могу решить эту наиглупейшую задачу! У неё просто нет решения!

— Тише, Тардис, — бросил Сельви, — учитель услышит.

Тардис не смирился, картинно заламывая брови, но негодовать продолжил неслышным шёпотом.

Учитель Астеаки, важный мужчина средних лет, с коротко подстриженной узенькой бородкой — редкость среди элхе, — ходил между рядами, сурово поглядывая поверх опущенных над тетрадами голов. Учитель был скор на руку, а ученики младших курсов ещё не освобождались от возможности оказаться телесно наказанными, и бамбуковая палка, прислонённая к доске, иногда находила себе жертву.

Надо напомнить об этом Тардису: стоит учителю заметить выражение его лица, как не миновать тому пары ударов по плечам.

Впрочем, никто не рискнёт напомнить — особенно сейчас, когда Астеаки-илиэ стоит в двух шагах.

Может, Тардис ещё спохватится?..

— Послушай, Ацу, — небрежно позвал Виллиэ, когда ученики третьего младшего класса, разбившись на кучки, спускались по широкой лестнице главного корпуса в школьную столовую.

Тардис шёл впереди, ёжась и подёргивая плечами, и не переставая жаловался на вздорность учителя Астеаки, а благоразумный Сельви успокаивающе кивал, не забывая смотреть по сторонам, чтобы никто Тардисовых излияний ненароком не услышал — а то достанется всем, даже самым невинным.

— Почему ты не стараешься? С твоей интуицией ты бы щёлкал эти задачи, как фисташковые орешки. — Виллиэ внимательно на него взглянул.

Ацу почувствовал лёгкое раздражение. Зачем Виллиэ лезет не в свои дела?

— Да нет у меня никакой особой интуиции, — сухо ответил он. — Так же, как у всех.

— Я не сказал бы, — Виллиэ покачал головой. — Всё, что касается боевой магии или просто даже управления чистой энергией, тебе как на флейте гимн Огню сыграть.

— Преувеличиваешь.

— Прости, что интересуюсь твоими делами.

— Ничего. Но повторяю, ты преувеличиваешь.

— Пусть будет так.

Голос Тардиса разбил упавшее между ними молчание.

— Смотрите, вон тот нинье! — от возбуждения чуть ли не пальцем тыча в сторону устроившихся в столовой первоклашек, воскликнул однокурсник. — Первый раз вижу его после каникул. Слушайте, вам не кажется, он как-то больше стал?

— Дети растут, — снисходительно сказал Виллиэ, — дети нинье — тоже.

Светловолосый ниньеский крысёныш и впрямь будто подрос слегка за два месяца каникул. Он по-прежнему был ниже всех своих соучеников, но уже не настолько, чтобы это бросалось в глаза. Издали первый младший класс не составляло большого труда принять за однородную группу элхе.

Ацу поморщился.

— Кстати! — снова воскликнул Тардис: похоже, палка учителя Астеаки подарила ему массу энергии, молчать соученик просто не мог. — Этот нинье же назвал тебя, Ацу, короткоухим!

Время остановилось.

Тардис побледнел, проклиная себя за болтливый язык, — на лице его был написан ужас. Сельви попятился, взглянув на Ацу. Виллиэ молчал.

— Что? — спросил Ацу, не слыша своего голоса.

И повернулся, ища глазами крысёныша.

Кровь стучала в ушах.

Это отродье, эта пародия на элхе, низкая тварь, как она осмелилась?! Это жалкое существо, обречённое в муках доживать последние дни, — этот сын народа, в древности презрительно называемого «безухими», обнаглел настолько, что пытается иронизировать над чистокровным элхе?!

— Ацу, держи себя в руках, — сквозь монотонный шум прорезался голос Сельви. — Нинье наверняка не хотел ничего плохого. Кто тебе это сказал, Тардис?

— Виллиэ, — растерянно ответил сокурсник. — Только он просил молчать.

Ацу перевёл тяжёлый взгляд на Виллиэ. Значит, тот слышал оскорбление и не убил наглеца на месте? Не всадил в его зловонную пасть энергетический удар?

— Ты замечательно выполняешь просьбы, мой дорогой соученик, — издевательски произнёс Виллиэ.

Посмотрел на Ацу, пристально, серьёзно.

— Он — всего лишь глупый маленький нинье, — сказал с расстановкой. — Но за каникулы он научился говорить на языке элхе так, что его оценки полетели вверх — до невероятности стремительно. Мы думали, что он глупец, в первые три месяца, когда все знали о его плохой успеваемости. Но с начала января о нём жужжит вся школа — говорят,

что нинье изучает сейчас книги третьего года. Самостоятельно.

Ярость не прошла, сжимая сердце длинными когтями. Но гневный туман перед глазами рассеивался, давая словам Виллиэ беспрепятственно вливаться в сознание.

— Мы только что говорили об учёбе, и я сказал тебе, что ты способен на большее. Ты и правда способен, и я вполне объективно считаю, что у тебя есть все шансы стать лучшим на курсе. Если ты поставишь перед собой такую цель. Если справишься с неприязнью к технике и животноведению.

Виллиэ, не смотря уже на сокурсника, сел на стул, небрежным жестом подхватил меню. Положил ногу на ногу.

Ацу стоял, сжимая кулаки, мечтая встретить когда-нибудь нинье в безлюдном месте — и хорошенько вдарить ему за пережитые эмоции.

И слушал. Слушал дальше.

— Но ему не надо справляться с никакой неприязнью, — продолжал Виллиэ словно сам себе, — по этим предметам его уровень — первоклассника! — уже опережает, скажем, мой. А мои оценки лучше твоих, Ацу. И он прирождённый боевой маг, в отличие от меня, потому что я ещё не решил, по какому пути следовать. Но он — боевой маг, как и ты, Ацу. Вам сражаться на одном поле.

Виллиэ пробежался взглядом по строчкам меню, хлопнул кожаной книжечкой о стол. Крикнул официанту:

— Номер пять! — и снова обратился к Ацу, застывшему безмолвной статуей, произнёс тихо, безлично:

— Я бы поберёгся на твоём месте, Мурасе-Ито.

Март, Огненный город

Сейчас Ацу уже не мог бы сказать себе, когда именно понял, что Виллиэ прав.

Ниньеское отродье делало успехи, поражая всех: и старших, и младших; с февраля крысёньшу официально разрешили посещать лекции второго курса. Говорили, что тот требовал перевода на третий — что за наглость? — но общий совет преподавателей решил повременить.

Тардис, как нарочно, не оставлял разговоров о нинье и даже на уроке мироведения ухитрился задать учителю потрясающий наивностью вопрос:

— Онирей-илиэ, почему нинье такой умный?

Онирей-илиэ погладил узкий острый подбородок, отошёл к окну: видимо, любопытство ученика застало его врасплох; а остальные заинтересованно притихли: втайне эта мысль беспокоила всю школу.

Учитель начал издалека.

— Вы знаете, что нинье живут намного меньше элхе, — не отнимая ладони от подбородка, проговорил мужчина. — Скажи мне, Эвисто, среднюю продолжительность жизни нинье.

Поднятый с места Эвисто замялся, копаясь в воспоминаниях о прошлых занятиях. Наконец вымолвил неуверенно:

— Шестьдесят лет?

— Ну, примерно, — Онирей-илиэ отошёл от окна, повернулся к классу лицом. — Можешь сесть. Средняя продолжительность ниньеской жизни — около шестидесяти пяти

лет. У нас, на Огненном материке, они живут около семидесяти, точнее, шестьдесят девять, komma, семь, а, скажем, на Воздушном, где общие условия жизни весьма тяжелы, только пятьдесят три, komma, три.

Класс молчал. Кое-кто даже записывал в конспект, хотя Ацу презрительно поморщился: всё это они уже проходили, проходили едва с месяц назад.

— По сравнению с этим продолжительность жизни элхе... — учитель заметался глазами по лицам учеников, выискивая новую жертву, — Химилиэ.

— Примерно сто двадцать? — Химилиэ никого не смог бы обмануть — ответа он явно не знал.

— Плохо. Садись, — ученики опускали глаза под взором Онирей-илиэ, никто не питал желания отвечать.

Уткнулись в конспекты — все.

Ацу упорно сверлил взглядом тонкие очки на переносице учителя. Не убегая от соприкосновения глаз.

— Мурасе-Ито.

С шумом отодвигая стул, Ацу поднялся. Отчеканил:

— Сто три целых семь десятых года.

Цифры стояли в сознании, как начертанные огненными письменами.

Онирей-илиэ сделал пометку в классной книге. Захлопнул чёрную обложку из кожи.

— Верно. Садись.

Заложив руки с чёрным журналом в них за спину, Онирей-илиэ пошёл по рядам. Медленно, важно ступая, неторопливо говорил:

— Итак, элхе живут в общей сложности более ста лет. Нинье — почти вполовину меньше. Элхе видят на своём веку пять, а то и шесть поколений нинье. Что же из этого следует? Орувери.

Заскрежетал стул Виллиэ.

— Чтобы успешно конкурировать с элхе, нинье вынуждены быстрее развиваться, — процитировал сокурсник строчку из учебника.

— Верно. Садись. Итак, нинье вынуждены за свои шестьдесят лет пробегать полный цикл жизни элхе, чтобы успеть возмужать, наплодить потомство и вырастить его. В связи с этим среди них распространены ранние браки: в двадцать, двадцать два, ранние беременности и роды. Ребёнок нинье достигает половозрелости к пятнадцати-шестнадцати годам, дети элхе — к двадцати, двадцати одному. Общепринятый возраст для браков у нинье — около двадцати лет, у элхе — после двадцати пяти. Однако мы живём в одном государстве, и поэтому наши законы относятся к обоим народам. Как то: ребёнок признаётся магом с одиннадцати лет, находится под опекой родителей до семнадцати и свободен вступать в брак по собственному желанию с двадцати.

— Однако же, — продолжал учитель, возвышаясь над притихшим, старательно записывающим его слова классом, — хоть наши народы и уравниены в правах государством, физиология берёт своё. И дети нинье взрослеют раньше, а в детстве обладают большей силой к сосредоточению и склонны вдумчиво оценивать обстановку вокруг себя. Разница между народами больше всего заметна именно в детстве — взрослые особи отличаются уже не так сильно. За исключением мелких физиологических признаков, разумеется.

Ацу посмотрел на бесстрастное лицо Виллиэ. Вот в чём секрет успехов нинье. Эта тварь так же недолговечна, как ночная бабочка, и торопится скорее узнать жизнь. Вот и всё.

Жалкое существо всего лишь тщится прожить отведённый ему срок.

Паршивое отродье.

— Опять же вернёмся к точке зрения государства. Вы, без сомнения, знаете, что браки между народами запрещены. Кто сможет сказать почему?

Взгляд Онирей-илиэ вновь забегал по ученическим макушкам. Остановился рядом с Ацу.

— Намари? — интонация была приказательно-вопросительной: Сельви не искал случая ответить.

— Говорят, что от элхе и нинье рождаются чудовища, — голос соученика звучал неуверенно.

— Это знание, трансформировавшееся в поверие, — кивнул учитель. — Если ребёнок и появится на свет, что само по себе сопряжено с немалыми трудностями, то вероятность полного отсутствия у младенца каких-либо уродств — не более десяти процентов, а гарантии о его благополучном развитии не может дать никто. По ряду физиологических признаков пара элхе и нинье практически неспособна дать здоровое потомство. Они несовместимы.

Да они изначально уроды. Как Огонь позволил таким появиться?

— Поэтому, чтобы обезопасить страну от нежизнеспособных мутантов, законом и запрещаются браки между народами. И процент выживших полукровок в населении Огненного материка составляет не более четырёх целых, трёх десятых. Девяносто девять процентов из них — стерильны. Впрочем, мы углубляемся в весьма объёмистую тему. Боюсь, мой урок не в состоянии дать вам исчерпывающие сведения о физиологии нинье. Попробуйте спросить на лекции животноведения.

Последние слова Онирей-илиэ упали в тишину — и сразу вслед за ними, словно момент этот тщательно выверили, раздалась мелодия: первые ноты гимна Огню, сигнал об окончании урока.

Класс, превратившийся в шумную нестройную толпу, вывалился из аудитории. Ацу оглядел соучеников, выискивая кого-нибудь в попугачики и сотрапезники: после урока мироведения наступал обеденный перерыв.

К Ацу подбежал Тардис и, не теряя обычной своей живости, ещё издали воскликнул:

— «Спросите на животноведении», ты слышал? Ха-ха, как будто нинье — птица, там, или мышка для опытов!

— Крыса он, — грубо бросил Ацу, сам не ожидая от себя подобной вспышки.

Повернулся, чтобы идти вперёд, замечая золотоволосую макушку Сельви совсем рядом — нагонит.

И увидел нинье.

Тощий мелкий крысёныш появился из дверей соседней аудитории, где только что, Ацу знал это точно, закончился урок второго младшего курса.

Значит, это правда. Нинье и в самом деле суёт нос на лекции старших.

Маленькое ничтожество.

— Смотри, вот и он! — Тардис дёргал Ацу за плечо, беспокойно кривясь и подмигиванием указывая на нинье.

— Вижу, — холодно отозвался подросток.

Жёсткая ледяная злость трепетала где-то в горле, жгла, заставляя голосовые связки

сжиматься. Перед глазами расплывалось всё, утекая за поле зрения, только в центре удивительно чётким и ясным виделось лицо мелкой крысы.

Нинье смеялся, разговаривая с каким-то глупцом из второго младшего. Смеялся. Разговаривая с элхе. Грязная тварь.

— Эй, ты, — Ацу не заметил, как изо рта вырвалось презрительное обращение.

Нинье удивлённо поднял глаза, уставился на подошедшего.

— Смотрите-ка, грязная крыска, — прошипел Ацу сквозь зубы, смеривая взглядом недоростка. — Замешалась среди избранного народа, думает, что сможет притвориться элхе, видит сны о признании и могуществе.

В тусклых зеленоватых глазках нинье мелькали огоньки. Мальчишка шурился, глядел исподлобья, дышал тяжело. Но молчал.

Ацу усмехнулся.

— Несчастное отродье, — сказал, словно сплюнул. — Отживай скорее свой жалкий срок, сдохни и избавь наш мир от своего присутствия. И от своих сородичей заодно, пропадите вы все. Голодные тощие крысы.

Бешеный огонь в глазах крысёныша грел душу. Яростным пламенем растоплял ледяную хватку злости.

— Жалкая тварь, — почти нежно произнёс элхе. И улыбнулся, утопая в свирепом блаженстве.

Нинье молчал.

Вдох. Глубокий, медленный. Руки поднимаются вверх. Выдох. Остановились. Вдох, плавный, неторопливый. Нацелиться. Выдох. Остановиться. Вдох. Вечный, нескончаемый. мир вливается в лёгкие. Мишень несётся навстречу, застывает в глазах чётко очерченным кружком. Тетива дрожит от напряжения. Ствол стрелы плотно прилегает к щеке. Воздух... мир... вдох...

Выстрел.

Удар. Ответ поражённой мишени — эхом по сердцу.

Ацу опустил руки. Вернул лук в ритуальное положение — левая ладонь у бедра, сошёл с места, поклонился мишени. Несколько шагов, ещё один поклон — символу Огня.

И выход — за пределы стрельбища.

Всё.

Теперь можно расслабиться.

— Тренировка к празднику весеннего равноденствия? — его встретил голос Сельви, как обычно, тихий и флегматичный.

Вместо ответа Ацу кивнул.

Сокурсник тоже пришёл тренироваться — чтобы понять это, достаточно было взгляда на его наряд: белый ворот запахнутого на правую сторону «инги», длинные просторные штаны ритуального одеяния «самайе».

Тот же костюм, что на Ацу, — одежда для тренировок в стрельбе. И высокий изогнутый лук в левой руке — красавец «Листе», верное оружие Сельви.

— В этом году наша очередь предстать перед Огнём, — продолжал сокурсник. — Должен признаться, меня весьма беспокоит наше выступление. Не хотелось бы опозориться.

— Чем больше времени уделять тренировкам, тем легче будет впоследствии, — философски пожал плечами Ацу. Двинулся мимо Сельви, вернул лук в стойку, присел на колено — расшнуровать перчатку на правой руке. Пора сходить за стрелами, последнюю Ацу только что всадил в мишень.

— Ацуатари, — услышал снова бесстрастные слова соученика, — в празднествах нам будут помогать первый и второй классы. Как мы сами помогали старшим ранее. Среди них и тот самый новенький.

Стаскивая с ладони кожаную перчатку — скорее просто напалечник, чтобы тетива не резала большой палец, Ацу молчал, предоставляя Сельви высказаться до конца.

— Тебе не кажется, что ты безосновательно строг к ниньескому ребёнку?

Ноздри шевельнулись, словно в лицо ударила вонь. Ацу бережно положил перчатку на низкий столик поблизости, стремительно поднялся. Глаза сами по себе сузились, наполняясь презрением.

— Я не стану мешать ему выполнять своё дело, — сухо произнёс элхе. — Пусть ведёт себя как должно первокурснику.

— Он не делает ничего недостойного.

— Он должен знать своё место.

Сельви замолчал, словно не находя слов для ответа. Бросив короткий взгляд на лицо сокурсника, Ацу воспользовался этим молчанием, чтобы идти за стрелами.

Длинные тонкие стволы холодили ладони. Вытаскивая стрелы из плотной клеёчатой ткани, натянутой на деревянный обод мишени, Ацу невольно вспомнил злые глаза нинье.

Неделю назад...

Нинье появился на урок технической магии. Практические занятия — их вёл Лестани-илиэ, добродушный немолодой мужчина, спокойный и приветливый, словно взрослый Сельви.

Лекции Лестани-илиэ служили истинным отдохновением для бездельников: учитель никогда не обращал внимания на спящих или занимающихся своими делами — лишь бы вели себя тихо. Полная противоположность своему грозному коллеге — Астеаки-илиэ с его безотказной бамбуковой палкой.

С утра всё шло как обычно. Отслушав уже пару лекций, третий младший собрался у дверей аудитории практических занятий. Неспешно беседовали, смеялись, ругали теорию: опять Астеаки-илиэ задал непомерное количество сложнейших вопросов, а ответы велел предоставить через три дня.

Тогда и появился ниньеский крысёныш. Подошёл неизвестно откуда, остановился в двух шагах от плотной толпы, независимо прислонился к стене. Повозился, доставая учебник, с шелестом полетели переворачиваться страницы.

— Ацу, — довольный смех и болтовню Тардуса оборвал голос Виллиэ. — Ты ведь не станешь устраивать тут скандала? — издёвка проступала в его интонациях.

Ацу грубо двинул плечом: какая тебе разница? Продолжал смотреть на нинье, тяжёлым тёмным взглядом.

Светловолосое отродье делало вид, что ничего не замечает.

— Бедный нинье просто не может поступать по-другому, — издёвка сменилась

преувеличенной жалостью, будто Виллиэ и впрямь сочувствовал крысёнышу. — Он же не понимает, что нарушает обычаи. Прости неведающему.

Ацу взглянул на соучеников. В глазах Сельви застыла укоризна — к кому она обращена? Тардис смотрел то на Виллиэ, то на Ацу, явно не зная, что сказать и надо ли вообще говорить. Виллиэ, как всегда, непроницаем.

— Да и что ты можешь сделать? — сокурсник усмехнулся. — Пойти против правил школы и выставить нинье вон? Невозможно. Если он тут, значит, это согласовано.

— На прошлой неделе он вышел из аудитории второго курса, — медленно проговорил Ацу. — Теперь эта крыса осмелилась приползти к нам?!

Краем глаза Ацу посмотрел на нинье — тот читал учебник, словно не было вокруг ничего, могущего его заинтересовать.

— Да, ты прав, — мысль, пришедшая в голову, заставила дыхание ускориться. — Ты прав, я не могу повлиять на учительский совет. Но на нинье — да. Всё исключительно просто...

Пренебрегая возмущением, родившимся во взгляде Сельви, Ацу повернулся к крысёнышу.

— Надо только заставить нинье самого отказаться от посещения наших уроков, — задумчивый голос Виллиэ продолжил недосказанное. — Что ж, попробуй...

Ацу больше не слушал.

Нинье съёжился, втянул голову в плечи, когда элхеский подросток вырвал учебник из его рук. Гневно блеснул глазами, прижимаясь к стене, зубы ощерились. Ни дать ни взять загнанная в угол крыса.

— Не знаешь своего места, глупое животное? — пользуясь преимуществом в росте, Ацу отвёл руку с книгой вверх — нинье при всём желании не достать. — Здесь урок у третьего класса, похоже, ты заблудился?

Попыток вырвать учебник нинье не делал, а жаль. Прыжки дрессированной крыски могли бы весьма повеселить третий младший.

— Ты ещё не понял, что находишься здесь по нашей милости? Не можешь ограничиться тем, что дают, всё норовишь сожрать побольше?

Страх и бешенство нинье плясали в воздухе, подогревая Ацу.

— Отдай, — гадко прищуривав глазки, твякнула крыса с грубой ниньеской интонацией.

— Что-что ты там пищишь? Не знаешь, как надо обращаться к старшим? Где твоя вежливая речь?

— Пожалуйста, отдайте, — сквозь зубы выдавил нинье на элхеском с ужасным акцентом.

— Просить принято, встав на колени, — зелёные глаза человеческого детёныша сверкали — забавно. — Ну, чего же ты медлишь?

Только теперь он рванулся вперёд, то ли пытаясь поймать воздетую руку Ацу, то ли норовя просто толкнуть мучителя и выхватить книгу, пользуясь замешательством. Однако Ацу ждал этого заранее — уйти от соприкосновения, оказываясь за спиной у мальчишки, труда не составило. Быстрый пинок, и светловолосый полетел на пол. Развернулся, как кошка, вскочил, ринулся к обидчику.

Но было поздно.

Книга вертелась в воздухе над раскрытой ладонью элхе. И пылала.

— Вот тебе и практическая магия, — растерянно прошептал кто-то из сокурсников — лица в тесной толпе сливались в неразличимую тень. Третий младший класс затаил готовые вырваться возгласы: зажечь книгу с такой лёгкостью, настолько походя, словно не прилагая ни малейшего усилия — задача экзаменационного уровня.

Управление чистой энергией с самого детства давалось Ацу лучше всего. А теория, как бы ни не хотелось этого признавать, только помогла его способностям развиваться.

Нинье застыл, щуря на огонь глаза.

Не сделал попытки погасить пламя, хотя Ацу видел, как дрогнули его ладони, сжимаясь, и вспышка магической энергии, не родившись, растворилась в полумраке коридора. Не отрываясь смотрел, как сгорает его учебник, не оставляя даже пепла, целиком превращается в огненный жар. И когда пламя стало утихать, сжирая последние страницы, перевёл взгляд на Ацу. Упорный немигающий взгляд.

— (Я принимаю твой вызов), — вторжение в разум, грубое, жестокое и неумелое, — (посмотрим, за кем из нас останется победа).

Между ними упала мертвенная, почти мучительная тишина. Казалось, они вечность стоят в полутёмном коридоре, меряя друг друга ненавидящими взглядами.

Их освободила лишь мелодия сигнала на урок; ударила внезапно, полоснув по натянутым сознаниям.

Когда Ацу вернулся со стрелами, Сельви уже повязывал на руку перчатку. Незаметно для сокурсника Ацу испустил облегчённый вздох: кажется, Сельви оставил мысль упрекать его по поводу ниньеского мальчишки. Тем более что все усилия стали бы напрасными. Ацу не собирался признавать себя виноватым.

Любопытно только, что руководит Сельви. Почему он интересуется чужими делами, да ещё и вступает за абсолютно далёкого ему первокурсника.

Вопрос чесался на кончике языка.

— Сельви, — не выдержал подросток, — позволь мне спросить тебя о личном.

Соученик оглянулся, в руке лук, вторая перебирает стрелы. Удивлённо поднял брови:

— Я слушаю тебя.

— Почему ты защищаешь нинье?

Сельви поставил лук обратно. Подошёл к Ацу, сел на деревянный, до блеска отполированный пол, скрестил ноги. Сказал медленно, тщательно выверяя каждое слово:

— Мне кажется, он не совершает недостойных поступков.

— Но он выскочка. Он заявляется на лекции старших. Не знает своего места. Даже вежливую речь не может использовать как следует, — чтобы не заставлять Сельви смотреть на него снизу вверх, Ацу присел рядом.

— Ты слишком строг. Язык элхе ему неродной, нельзя ожидать, что его речь будет идеальной. Он говорит, как может.

— Неужели все нинье так скверно говорят?

— Нет, не все, но он родился и был воспитан в глухой деревне. Я не думаю, что там жило много элхе. Надо простить ему акцент и проблемы с вежливостью. Я думаю, он научится.

— Если не сдохнет раньше, — вырвалось в сердцах. — Но до его появления в школе я не

знал, что нинье так глупы!

— Они вовсе не глупы, — возразил Сельви, — и разве ты не помнишь слов Ониреи-илиэ? Он говорил чистую правду — они и впрямь развиваются немного быстрее нас.

— Ты знаешь много нинье?

Сельви замялся. Бездумно подёргал завязки напалечника, который облегал его правую руку.

— Нет, немного, — ответил наконец. — А достаточно близко, чтобы можно было судить, и вовсе одного.

— Кого? — вопрос вырвался раньше, чем Ацу сообразил, что, возможно, заходит за дозволенные рамки. Подросток тут же поспешил исправиться: — Прости, если я задаю слишком личные вопросы.

— В Умане много нинье, — сказал Сельви вроде бы без особого смысла. — Нельзя жить там и не встречаться с ними. У меня есть... один знакомый. Он, правда, безумен.

— Сумасшедший? — Ацу широко раскрыл глаза.

— Обычно-то он вполне нормален. Сразу и не заметишь, — или виновато было воображение, или в голосе Сельви и впрямь проскальзывали нотки горечи.

— А что с ним?..

— Он влюблён в мою сестру, — вымолвив эти невероятные слова, Сельви грустно усмехнулся.

— Нинье!! — никакая интонация не могла выразить изумления Ацу, изумления почти невежливого. — Как это?! Как он смеет?! А твоя сестра...

— Нет, она этого не допускает, — Сельви договорил за него. — Разумеется, это невозможно. Да он и не требует уже, нам кажется, он смирился. Только не знаю, что будет, когда ей настанет пора уходить в другую семью.

— Вы же можете пожаловаться на него!

— Он не делает ничего предосудительного. Поначалу он преследовал Элие — так зовут мою сестру — теперь уже оставил попытки. Они общаются как друзья.

— Друзья?! Но он же нинье!

— Ну и что? — теперь Сельви усмехнулся ему в глаза. — Нинье — такие же люди, как и мы. Они давно дружат, уже несколько лет.

— А сколько лет твоей сестре?

— Элие двадцать шесть. Она вполне здравомыслящий взрослый человек. Теоретически она может сама устраивать свою жизнь. Хотя, конечно, сбежать из дому с нинье моя сестра себе не позволит.

Ацу молчал, ошеломлённый услышанным. Мысли тяжело ворочались в голове, не желая укладываться. Сестра Сельви общается с нинье! Более того, как сказал соученик, — «дружит»!

— Они... только дружат? — Ацу почувствовал, как краска заливает лицо, и едва удержался от соблазна зажмуриться. Вылетевшие изо рта слова хотелось схватить за отсутствующий у них хвост и скорее водворить обратно. Зачем он вообще спрашивает такую глупость?!

Сельви метнул на него короткий острый взгляд.

Ацу закусил губу, сожалея о реплике. Такого нарушения личных границ сокурсник не простит. Но и извинения не исправят дело, только ухудшат.

Оставалось сидеть молча, терзая правой рукой ненадетую перчатку.

— Для блага наших семей предпочитаю думать, что да, только дружат, — Сельви всё-таки разомкнул губы, но тон его отдавал металлическим холодом.

Опустив голову, Ацу невидящим взглядом впился в доски пола.

В голове бешеным водоворотом крутились самые разные мысли.

Надо срочно найти подходящую тему для нового разговора. Продолжать спрашивать Сельви о его семье не представлялось возможным.

— Послушай, нинье говорил со мною мысленно! — остановилась наконец одна картинка из мелькавших в сознании: наполненные злостью глаза крысёныша и чужой ледяной голос в своей голове. Вторжение.

— Мысленно?! Но это невозможно!

— Я и сам удивился. Но это точно был он.

— Что он сказал? Как? На каком языке? — любопытство Сельви выдавало его неосведомлённость в мыслепередаче.

Ацу задумался. И в самом деле, на каком языке говорил крысёныш? Мысль звучала, как элхеский чистой воды, красивая правильная речь. Крысёныш при всём желании не смог бы так чётко сформулировать.

— Н-не знаю. Я думаю, он говорил по-элхески.

— Но ведь мыслепередачу изучают на старших курсах! — в интонациях Сельви прорезался настоящий восторг. — Не раньше чем третий старший, а то и четвёртый!

Эти слова заставили Ацу недовольно нахмуриться. Опять крысёныш показывает свои способности. Наглый маленький выскочка.

— Может, это зависит и от того, кому направлено сообщение? Тогда понятно, почему вы поняли друг друга, у тебя ведь тоже хорошо обстоят дела с практикой.

Похвала Сельви звучала бы весьма приятно. Если бы не мимолётное «тоже».

— Говорят, чем ближе магические профили, тем легче передавать информацию. Тогда, если вы оба, как говорит Виллиэ, ярко выраженные боевые маги, может быть, это и не так удивительно.

Ацу презрительно фыркнул. Зачем они с Виллиэ так стремятся засунуть его в одну категорию со светловолосым?

— Тем не менее, он ведь всего лишь первокурсник! — Сельви восхищался нинье будто соученику назло.

— Ладно, я совсем позабыл — ведь я пришёл тренироваться! — подросток вскочил на ноги.

Сельви задумчиво посмотрел вслед сокурснику. Неудивительно, что Виллиэ не может порой подавить усмешку. Иногда Ацу понятен настолько, как не всегда бывают понятны чёрные строки на белом листе. Захватывающее наблюдение.

Лишь бы не дошло до беды.

До равноденствия оставалась неделя, и Королевская школа кипела приготовлениями. Старшие расхаживали павлинами: они пережили своё в бытность младшими, теперь можно было лениво ступать по взбудораженным коридорам и разглядывать суету, не принимая в ней участия. Младшие же говорили только о приближающемся празднике — в день равноденствия главная роль принадлежала им.

Уроки третьего младшего превратились в тайное обсуждение предстоящего выступления. Как из года в год свершалось и прежде, этой весной третий младший «предстанет перед Огнём», иначе говоря, стрельбой вознесёт славу стихии. Результат — количество стрел, что поразят мишени, — предскажет будущее Королевской школы на целый год. Чем меньше окажется промахов, тем меньше вероятности, что Огонь взбунтуется и покарает за пренебрежение; чем меньше окажется промахов, тем счастливее станет год и тем больше уважения заслужат лучники. И пусть стрельба в день равноденствия — всего лишь дань традиции, в размеренной жизни Королевской школы праздник играл немалую роль.

— Ну и как? Бойцы уже отобраны? — небрежно поинтересовался Виллиэ.

Виллиэ стрельбу не привечал, на тренировки являлся нечасто. Тем не менее участие в празднествах обязательно для всех, и Виллиэ тоже будет сидеть в зале перед Огнём, пристально обводить взглядом стреляющих и помогать выступлению пройти как следует.

Сельви кивнул.

— Великое пламя — я, — сокурсник начал перечислять бойцов — долг капитана, — второй всполох — Мурасе-Ито, дым — Эвисто, пепел — Дени-эльви.

— Четверо, значит?

Сельви снова кивнул:

— Тебя я попрошу быть смотрящим.

Виллиэ слегка наклонил голову.

— Поджилки трясутся, — смущённо и одновременно радостно признался Тардис, — ведь перед всей школой выступать.

Ацу разделял его чувства, при мысли о стрельбе у всех на виду его грудь словно захлёстывали тугие змеиные кольца. Сельви же казался спокойным, как камень.

Виллиэ барабанил пальцами по краю стола.

— О, — произнёс он вполголоса, всматриваясь во что-то за спиной Сельви.

Столовая шумела, переключиваясь ребячьими голосами, отдельные группки из первого и второго младших клеили на столах какие-то плакаты, макеты, то и дело в зал забегали одни и выбегали прочь другие.

Невольно все трое: и Сельви, и Тардис, и Ацу — обернулись, выискивая, что вызвало интерес Виллиэ.

Конечно.

Опять этот нинье.

Светловолосый мальчишка забился в угол столовой, сидел, отгородившись от шума раскрытой книгой, свободной рукой подносил ко рту кружку.

— Как мило, что Хиэлиэ предоставляет беднякам стипендию, — благодушно сказал Виллиэ, разваливаясь в кресле. — Иначе неимущие не смогли бы здесь учиться.

— Виллиэ, — предостерегающе вымолвил Сельви.

— Я вовсе не против нинье, что ты, — удивлённо взглянул соученик. — Даже наоборот, мне нравится, что в Королевскую школу путь доступен всем: и бедным, и богатым, и знатым, и не очень. И элхе, и нинье. Да чего там, скоро сюда и полукровок станут брать.

— Виллиэ, прошу тебя, остановись, — Сельви выглядел безмятежным, но в его голосе слышались опасные нотки.

— Ты что-то имеешь против полукровок? — раздалось в ответ беспечное.

Сельви встал.

На одно ужасное мгновение Ацу показалось, что он ударит Виллиэ, но Сельви лишь смерил собеседника ледяным взглядом, повернулся и зашагал прочь.

— Ой, — пискнул Тардис.

На лице Виллиэ проступила тень раскаяния.

— Огонь, и чего это он так взъелся? Он или помешан на этих нинье, или ненавидит их всей душой. Знаешь что-нибудь? — вопрос был обращён к Ацу.

— Нет.

— Вот ведь, — Виллиэ смотрел мимо Ацу, в самый угол столовой, — надоели уже эти нинье.

Поворачиваться не хотелось, но тело действовало по своей собственной воле. Ацу взглянул назад, на спрятавшегося в углу крысёныша.

— Жуёт себе, — раздался тихий голос Виллиэ, — на казённые деньги.

Сокурсник коротко хохотнул. Холодное веселье его подхватил неуверенный смех Тардиса:

— Ха-ха.

Светловолосый и впрямь жевал. Набивал щёки.

Знакомая злость дохнула в лицо. Сельви обиделся на них из-за крысиных соплеменников, а этот жуёт себе как ни в чём не бывало. Да ещё и книгу читает, прямо как настоящий элхе.

С грохотом отъехал стул — Ацу поднялся.

Направился к нинье, ступая очень медленно. Маленькая фигурка светловолосого приближалась рывками, с каждым шагом становясь всё отчётливее.

Когда ж он почувствует приближение?

Словно услышав эту мысль, крыса вскинула голову.

Часть первая, глава 5

Школа гудела ощущением предстоящего праздника. Весеннее равноденствие — шептались везде, — не посрамить! сделать тщательно! стараться! — и Тенки казалось, что весь мир вдруг сошёл с ума — хотя, помнится, что-то похожее творилось и осенью. Тогда, правда, он ещё не настолько вжился в этот эльфийский уклад, ещё не до конца понимал, что происходит вокруг. Теперь же, увы, сполна.

Третий младший будет выполнять церемониальную стрельбу перед Огнём. А они — первый и второй — должны помогать старшим, выполняя мелкую рутинную работу: бегать за стрелами, менять пробитые мишени, подбадривать стрелков ритуальными возгласами.

Муть какая-то, ей-ей.

Занятия стрельбой считались обязательными. Для всех, с первого младшего курса до половины четвёртого, до октября. После зимних каникул четвёртый курс с головой погружался в учёбу, а в конце марта наступало время переводных экзаменов.

После них Королевская школа лишалась одной пятой бывших младшекурсников. Кто поступал в другую школу, кто бросал обучение, кто, потеряв надежду стать боевым магом, выбирал более мирную профессию; причины, по слухам, были разные. И только после перехода на старшие курсы в Королевской школе начиналось истинное обучение боевой магии.

Туда Тенки и хотел попасть. Как можно скорее.

В феврале ему удалось уговорить преподавателей разрешить ему посещения старших: второго, третьего, четвёртого курсов. Несколько месяцев он сидел в углу тихонько, слушая лекции. Теперь — каких трудов ему стоило этого добиться! — неповоротливая машина эльфийской бюрократии медленно катилась в нужную сторону — Тенки подал заявку на перевод в третью младшую группу.

Эх, ему хотелось, на самом деле, попытаться сдавать экзамены уже в этом году, вместе с нынешними четверокурсниками — но, как ни жаль, шансы пройти были слишком малы. И так уже учительский совет скрипел мозгами, рассматривая его заявление, и проклинал, небось, тот дурацкий день, когда дал согласие пустить в школу безродного нинье.

Опустив голову над учебником, Тенки усмехнулся.

Они ещё посмотрят.

Главное сейчас — попасть на третий курс. Если ему позволят, через год он станет старшим и сможет сам выбирать: заниматься ему всякими глупостями вроде стрельбы из лука или посвятить свободное время более полезным делам. Не надо будет слушаться идиотов-старшекласников.

И только одна маленькая проблема...

В третьем младшем учится тот, короткоухий.

И чего эльф к нему привязался?

По правде говоря, выходки короткоухого начали переполнять чашу терпения Тенки. На днях этот придурок сжёг учебник — школьный, между прочим, учебник, в библиотеке потом пришлось плести несусветную чушь. Пожилой мужчина смотрел на Тенки с явным подозрением, хотя треклятая элхеская вежливость не позволила библиотекарю ничего

сказать.

Ну и на том спасибо, в кои-то веки есть польза и от их вежливости.

И всё-таки, чего тому дикому эльфу от него надо?

И что это за дурацкое ощущение...

Как будто кто-то на него сейчас глазееет...

Первой реплики нинье не понял. Слишком неразборчивой оказалась интонация, слишком смятым — произношение. Очень быстрая, скомканная фраза.

Но ясно одно — недобрая.

Неизвестно откуда взявшийся короткоухий подлетел к его столику, остановился, сжимая челюсти, кидая на Тенки угрожающие взгляды.

За спиной темноволосого элхе виднелись лица его друзей: один с перепуганной рожей, но в глазах светится жадный интерес, а другого Тенки знал — тот самый Виллиэ-«оодиэ», встречать приходилось. И даже разговаривать — не раз.

Виллиэ смотрел со странным любопытством, словно изучал загадочную жизненную форму.

— Приятно проводишь время? — прошипел нависший над Тенки короткоухий. Теперь слова его звучали разборчиво: видно, эльф ухитрился взять себя в руки.

Отвечать, это ясно — глупо.

Тенки презрительно дёрнул плечом.

— Всё ещё не знаешь своего места, щенок? — гнев в голосе непонятого старшеклассника угасал, интонации становились ледяными.

Плохой знак, лучше бы орал и плевался огнём.

Тенки оторвал глаза, прилипшие к одной строчке в учебнике, искоса взглянул на короткоухого. Лишь бы и эту книжку не сжёг в припадке буйства. Второго визита библиотекарь не простит.

— Хотя откуда тебе знать? — эльф говорил почти что ласково. — Ведь никто не станет тратить своё время, чтобы научить тебя вежливости.

В воздухе чуть ли не молнии сверкали. Пахло пылью, как перед грозой.

— Кроме меня. Запомни и будь благодарен, — как они могут излагать так певуче?

Тонкокостная длиннопалая рука выхватила из-под носа у Тенки тарелку.

— Эй! — вырвалось невольное.

Тенки вскочил, оказываясь лицом к лицу с короткоухим. Рука сжимала позабытую от злости книгу — до боли в пальцах.

Короткоухий смотрел на него и улыбался.

Лупоглазый придурок.

— Я покажу тебе твоё место, животное, — ласково произнёс эльф. Изящно наклонился, опуская тарелку на пол. — Жри.

В ушах зазвенело.

Ну уж нет. Хватит с него.

— Козёл, — сказал Тенки громко. По-ниньески, не утруждая себя подбором правильных тонов эльфийского языка. — Сам жри. Яйца свои сожри, придурок.

На красивеньком лице старшеклассника махровым цветом расцвело недоумение. Непонимание.

— Да пошёл ты, — добавил Тенки для острастки — что взять с Огнём обиженного? —

Пошёл-ка ты, слышишь, ты, эльф хренов!

С трудом удержавшись от желания шваркнуть парню книгой по роже, Тенки вильнул между столиками и вылетел в коридор.

Какая жалость, что этот идиот не понимает ниньеского!

Празднества Весны

— Приветствие Огню! — раздалась команда, и более тридцати человек качнулось в едином ритме, становясь на колено.

— Очищение! — глаза на ребячьих лицах закрылись одновременно.

— Прекратить! — выражения лиц не меняются, только поднялись веки. — Поклон!

Головы склонились, плечи почти касаются отполированных досок пола. Ладони лежат перед лицом, разведённые на тщательно отмеренное расстояние. Выдохнуть.

Медленно, вместе со всеми, вернуться в прямое положение.

Вместе со всеми, одним и тем же движением вытянуть перед собой руки. Развести ладони на ширину плеч. Вместе со всеми.

Хлопок.

Ещё один.

И вновь склониться в поклоне, почти доставая лбом до пола. Тут можно сжульничать, краем глаза покоситься на соседа: правильно ли лежат руки, не опоздаешь ли подняться.

Тихий шорох «самайе» и шуршание рукавов «инги» по отполированным доскам — головы поднялись.

Намари, третьекурсник, капитан, повернулся к своим воинам. За спиной его пылал огонь — символ стихии.

— Итак, — начал было капитан, а возглас получился смешным: горло пересохло. Откашлявшись, Намари продолжил: — Вот и пришло время весенних празднеств.

Взгляд капитана просвечивал каждого насквозь.

— Имена бойцов уже известны. Остальные воины подарят им свою помощь. Мы должны не посрамить оодиэ-старших. Многие из них придут сегодня смотреть на церемонию. Давайте же сохраним боевую славу Королевской школы. Да будет милостив Огонь!

— Да будет так! — грянул мощный хор.

— Надо разделиться на пары! Перед тем, как начнётся расстановка мишеней!

— Зачем перед? Можно и после.

— Постойте, а где обувь для выхода на поле? Её хватит?

— Зачем ритуальная обувь? Сегодня можно в своей, всё равно на общем поле!

— Скоро расстановка!

— Дени-эльви-оодиэ ищет стрелы! Кто-нибудь, сбегайте посмотрите в зале!

— Не в зале, на стрельбище! Там, где всё время тренируемся!

— Так мы будем делиться на пары?!

— Да зачем же? Потом!

— Времени нет!

Ох, чего же всё так бестолково-то?

Тенки стоял в тесном коридоре в кругу одноклассников. Первый младший шумел и волновался. Никто не знал чётко, что делать. И поблизости не вертелся никто из второкурсников, чтобы можно было спросить указания, а без указаний эти элхе действовать не умели.

— Так давайте всё-таки разделимся на пары! — да когда ж ему надоест?

Тенки с неодобрением взглянул на неуёмного — парень с первой парты, как же его зовут... все эти эльфийские имена длинные, как хвост морского змея, и путаются, будто сети в бурю. Нага... Тага... Савага...

— Расставить мишени! — полетел над головами голос Намари-оодиэ, обрывая споры.

Первый и второй младшие вылетели на траву, двумя рядами выстроились вдоль «пути стрелы» — широкого поля, сквозь которое просвистят выпущенные лучниками снаряды.

— Ра-аз-два! — дал сигнал второкурсник, стоящий в начале цепочки, ближе всего к земляным насыпям, где надлежало устанавливать мишени.

Прокатились два отзвука — хлопки в ладоши, и вслед за ними общий крик:

— К расстановке готовы!

— «Великое пламя» — Сельвисте Намари, — громким бесстрастным голосом объявлял Виллиэ.

Зрители, набившиеся по обеим сторонам «пути стрелы», плескали волнами аплодисментов при звуке каждого имени.

— «Второй всполох» — Ацуатари Мурасе-Ито.

Тенки покосился на короткоухого идиота. Тот стоял с прямой спиной, по вороту белого «инги» шла вышивка из зелёных побегов. «Самайе» тоже парадные, с вышивкой. С того места, где сидел первый курс, бойцы виднелись только в полупрофиль, глаз короткоухого Тенки разглядеть не мог.

Вот и ладно.

— «Дым» — Реикаэ Эвисто, — продолжал Виллиэ, с удивительной точностью выбирая именно тот миг, когда аплодисменты стихали, давая словам говорящего свободно лететь в прозрачном воздухе. — «Пепел» — Тардис Дени-эльви.

Последняя волна аплодисментов.

— Да будет милостив Огонь! — прозвучала обязательная фраза, и Виллиэ, поклонившись, отошёл назад, опустился на колено, пальцами ног упёрся в скользкий пол. Ему предстоит провести так всю церемонию.

Ужасная поза, ещё хуже чем сидеть среди первокурсников, сзади, со скрещёнными ногами. Виллиэ — «смотрящий», сегодня он будет наблюдать за стрелками, выполняя роль секунданта между бойцами и Огнём.

В руках Виллиэ придерживал пузатые бутылочки: с серым порошком — для левой ладони, чтобы ствол лука не выскальзывал; с желтоватым — для перчатки на правой руке, чтобы не подвели сомкнутые пальцы. В перерывах между стрельбой бойцы будут втирать в ладони содержимое бутылочек.

Позади «смотрящего» — помощник-второкурсник, на коленях доска с плетёнными колечками. На этих колечках намотана запасная тетива, по числу стреляющих. У каждого лука тетива своя.

Подумать только, Тенки тут всего десять месяцев, добрую половину из которых прогуливал тренировки напропалую — а как врезались в память эти знания, говоря объективно-то — лишние.

Или постоит — уже десять месяцев?

Быстро летит время.

Намари — «великое пламя», первая стрела за ним. «Великое пламя» обязано попадать, пламя открывает церемонию. Зажигает.

Попадёт ли?

Старший поднял лук над головой. Медленно направил его в сторону мишени. Остановился.

И растянул — плавным, быстрым, текучим движением.

Кисть правой руки застыла над ухом, непоколебимо, как железная. Левая вытянута вперёд и направлена в мишень, сжимает ствол лука. Стрела лежит недвижимо, словно приросла к тугому дереву и щеке стреляющего. И кажется, что времени больше не существует.

Выстрел.

Тенки метнулся взглядом за стрелой — в школе не используются улучшенные магией снаряды, поэтому их скорость невелика. Тонкий ствол блеснул в солнечных лучах.

Хлопок. Попал!

Правая мишень раскрылась огненным цветком.

— Верно!! — грудь заболела, то ли от крика, то ли от восторга. Ритуальный возглас подхватила толпа зрителей — огромное поле взорвалось единоголосым подбадривающим воплем.

«Второй всполох». Теперь очередь этого, как его, Мурасе-Ито.

Короткоухий уставился в мишень. Руки с зажатым в них луком поднялись над головой. Плавное нежное движение — и наконечник стрелы нашёл мишень, провёл прямую линию между стрелком и целью. Ничтожная, едва заметная пауза.

Натяжение.

Короткоухий хорошо стоял — даже с небольшим опытом Тенки это было заметно. Красиво — и расставленные в ритуальной стойке ноги, чуть наклонённое вперёд тело, прямое, как доска, и руки, натягивающие лук. Стрела параллельна земле, смотрит в мишень.

Наверняка попадёт.

Выстрел.

Хлопок!

Вторая мишень расцвела оранжево-алым пламенем.

— Верно! — заорал зал.

Быстрое, почти не уловимое взглядом движение — и лук в левой руке стрелка возвращается в церемониальное положение, стиснутый кулак прижат к бедру.

Каждый боец сделает двадцать выстрелов, всего бойцов четверо: получается восемьдесят. В прошлом году из восьмидесяти стрел было шестьдесят восемь попаданий — замечательный результат, лучший за последние пять лет. Он стал негласной целью для третьеклассников этого года. Прославить родную школу, добиться нового показателя, оставить свои имена на школьной памятной доске и поднять планку для лучников

последующих классов — вне всякого сомнения, каждый из бойцов мечтал об этом. И мечтания должны были будоражить грудь, спутывать мысли, увеличивая возможность ошибки — Тенки знал по себе: чем больше хочешь попасть, тем больше вероятности промахнуться.

Не то чтобы один-другой промах имел большой вес. Промажет, скажем, «великое пламя», и это станет всего лишь одной стрелой из восьмидесяти, подобную дыру с лёгкостью залатают стоящие позади.

Но случается, что промах ударит по сердцам стреляющих, и словно проклятие упадёт на бойцов — они перестанут попадать вовсе.

Поражение мишени, учили Тенки, достигается путём слияния. С луком, с мишенью, со стрелами. С самим залом и мёртвым молчанием за спиной, со взглядами соратников.

Четыре стрелка превращаются в один механизм, сражаются не друг с другом и даже не с огнём. Сами с собой. Бойцы не смотрят по сторонам, только перед собой.

Невидящий взгляд пробегает по перекрестью лука и стрелы, проверяет, в порядке ли тетива. Двигаясь по стреле, направленной в сердце мишени, находит цель. И не отпускает.

Пока продолжение взгляда — стрела — не поразит маленький бело-красный кружок.

— Ли! — кто-то осторожно дотронулся до плеча Тенки.

Эвите Ллайне, сокурсник. Тенки определили с ним в пару — наблюдать за мишенями и вытаскивать стрелы. Их черёд приходился как раз на второй заход.

— Наша очередь сразу после этого, — громким шёпотом напомнил Эвите.

Тенки кивнул и поспешил вернуться к наблюдению.

«Дым» уже застыл в напряжении, прямым телом образуя вертикальную сердцевину своего лука. Руки его чуть заметно дрожали.

Не замечая боли, Тенки закусил нижнюю губу.

Выстрел.

Тихий глухой удар.

Песок.

Стрела вонзилась в песок, в землю, насыпанную валом. Гневно дрожала, успокаиваясь.

Промахнулся...

Тенки опустил глаза, уставился в пол. Почему-то казалось невежливым смотреть сейчас на бойца. словно этим смакуешь его огорчение от провала.

Послышался шорох, двинулись тени — «дым» сошёл с позиции, встал рядом с соратниками.

Зашевелился «пепел», вытягиваясь стрункой. Натянул лук.

С промахом «дыма» почти кожей осязаемое напряжение в зале чуть спало. Полного «венца» не будет, и можно уже не надеяться. Не бояться неизбежного промаха, не ждать его.

И «пепел» действовал красиво, ловко. Облегчённо. На нём больше не лежала ответственность обязательно попасть, ведь всё равно полного «венца» не достичь.

Выпустил стрелу, пронзил натянутую ткань мишени. Заставил пламя вылететь и опасть ярко-рыжими лепестками.

Грянули аплодисменты.

— Верно! — крикнул зал.

Эх, всё-таки это было прекрасно. Даже если «венец» не получился идеальным.

Но это только первый заход. Всего их пять.

— Ли, пойдём!

Быстро, пока стрелки не подготовились к новому выходу, Эвите и Тенки помчались по узкому коридору с натянутой вдоль поля сеткой — необходимая предосторожность во избежание несчастных случаев при стрельбе.

Устроились в тесном закутке кабинки наблюдений.

Эвите пошарил в углу, вытаскивая наполненный энергией жезл: если что-то пойдёт не так и наложенное на мишени заклинание не сработает, при попадании школьникам придётся вызывать пламя вручную.

Тенки вытянул шею, заглядывая в маленькое прямоугольное окошечко, прикрытое толстым слоем стекла: отсюда видны были фигуры стрелков.

Бойцы уже занимали свои места. Поклонившись, повернулись вбок к мишеням, одинаковым движением поднесли стрелы к лукам, вдевая в тетиву.

— Красиво, — выдохнул Эвите, тоже прикивая к окошку. — Представляешь, через пару лет там будем мы.

Тенки криво усмехнулся. Лучше уж ему там не быть, готов отречься от возможности подобным образом покрасоваться. Зато — если удастся поступить в третий младший — жалеть о потерянном шансе он не станет. Даже если и так «красиво».

Поднялся лук Намари.

Тенки оторвался от окошка, присел на корточки. В проёме выхода виднелся длинный земляной вал с четырьмя кружками мишеней в профиль. Деревянные ободы, насаженные на бамбуковые колышки. Ткань истыкана попавшими в первом заходе стрелами, зияют круглые прорехи. После пятого мишени поменяют — для заключительной церемонии.

Эвите коротко выдохнул — и в тот же миг стрела вонзилась совсем рядом — хлопок! — в центр первой красно-белой мишени. Задрожала, ещё не растратив до конца боевую энергию, а пламя уже расцветало вокруг деревянного обода.

Тенки отпрянул невольно, но пламя не жгло. Иллюзия!

— Верно! — раздался далёкий хор.

— Молодец, Намари-оодиэ, — одобрительно заметил Эвите. — Бьёт без промаха.

— Слушай, — Тенки решил дать волю любопытству, в кои-то веки можно раскрыть рот, не опасаясь шиканья со стороны старших, — а этот, Мурасе-Ито, хорошо стреляет, да?

Одноклассник захихикал:

— Мурасе-Ито? Ну ты даёшь...

— А в чём дело?

— Прямо по фамилии, без никаких суффиксов? Мурасе-Ито-оодиэ!

Ох, опять эта их вежливость! Тенки с трудом подавил досадливую гримасу.

— Ну да, короче, он. Хорошо стреляет ведь, а?

Хлопок! Пламя.

— Верно!!

— Как видишь, — ухмыльнулся Эвите, жмурясь на языки прозрачно-алого огня вокруг второй мишени.

— Да-а...

— На празднества Весны плохих бойцов не поставят, — небрежно заметил одноклассник, снова заглядывая в окошечко.

Объективно говоря, второй заход оказался неудачнее первого. Чуть больше промахов,

чуть дальше расстояние между всажёнными в мишень стрелами. Даже хвалёный Мурасе-Ито пропустил свою третью стрелу, не говоря уж о «дыме» и «пепле» — и только Намари втыкал стрелы в сердце мишени, впритык друг к дружке.

— Пять промахов! — ужаснулся Эвите. — В первом заходе был только один!

— Скоро нам выходить, — негромко предупредил напарника Тенки. — Кто докладывает?

— Давай я, — сокурснику с сомнением посмотрел на нинье, видно, не доверяя его произношению. — Ты тогда, когда закончу, начинай собирать стрелы от «великого пламени».

Тенки кивнул.

Свист стрелы, хлопок! Третья мишень выплонула иллюзионный огонь. «Дым».

Следующая стрела — последняя.

Эвите протиснулся к выходу, ненавязчиво отодвигая соученика.

Мальчишки замерли.

Смотреть в окошко Тенки уже не полез: вот-вот послышится звон высвобождаемой тетивы — и свист.

Хлопок! «Пепел» расплылся в огненной занавеси.

— Верно!! — вопль из зала потонул в аплодисментах. «Венец»?

А — и правда, горизонтальный «венец», попали все стрелки в одном кругу.

— Прошу подтверждения! — донёсся до них крик.

— Произвожу подтверждение! — Эвите выскочил из кабинки, остановился справа от мишени, лицом к стрельбищу. — «Великое пламя» — «венец»! «Второй всполох» — три есть! «Дым» — половина! «Пепел» — половина!

— Принято!

— Есть! — вместе с этим возгласом Эвите нырнул к мишеням, нагнулся над «дымом», вытаскивая стрелы.

Тенки поспешил присоединиться к сокурснику, оставил кабинку, склонился у «великого пламени». Стрелы вонзились неожиданно глубоко, приходилось прилагать ощутимые усилия, чтобы вытаскивать тонкие бамбуковые стволы. Как назло, в голову полезли посторонние, совершенно идиотские мысли.

Короткоухий Мурасе-Ито промазал один раз, его третья стрела торчала совсем рядом с краем мишени: чуть влево — и попадание оказалось бы засчитано. Но — не повезло.

С таким умением стрелять, захоти короткоухий подбить его, Тенки, небось, хватило бы одной стрелы. И выпускать эту стрелу надо было бы как раз сейчас, когда нинье маячит на поле, согнувшись перед мишенью. Даже не стоит особо напрягаться — всё равно что пытаешься попасть в свой обычный «второй всполох».

Иррациональный страх холодил загривок.

Тем более иррациональный, что Тенки отлично понимал — это невозможно. Бойцы располагают всего четырьмя стрелами — и все они сейчас торчат здесь, ждут, пока их вытащат младшие и вернут хозяевам, для продолжения церемонии. Хотя, конечно, у них есть и другой комплект...

Но это всё равно было невозможным — да и кто даст вдруг короткоухому стрелять? Да и не похож он на любителя действовать исподтишка, да и готовности рисковать местом в школе у него не наблюдалось, да и разве мыслимо нарушить таким образом праздник? Нет уж, для помешанных на церемониях элхе подобное точно должно считаться невозможным.

И всё же, невзирая за все попытки призвать здравомыслие, страх не оставлял Тенки до самого конца — пока они с Ллайне не покинули поле и быстрый взгляд, брошенный в зал, не сказал нинье, что опасения его и впрямь напрасны: бойцы сбились в кучку и, похоже, вовсе не интересовались происходящим на поле.

Только тогда получилось вздохнуть спокойно и поразиться выступившему под мышками поту.

Собранные стрелы первокурсники вытерли специально предназначенными полотенцами, стряхивая влажный песок, приставший к бамбуку. Мимо метнулись два элхе — следующие наблюдатели.

— Сразу не понесём, — предупредил Эвите. — Они уже пошли на третий.

— Угу.

Они остановились в коридорчике рядом со входом в зал, уселись на скамеечку, бережно придерживая ладонями стрелы. Отсюда лучников видно не было, только мишени и вздымающееся вокруг них пламя.

— Хорошо стреляют, — отозвался о старших Эвите, — заглядеться можно.

Тенки молчал, уставившись в сторону мишеней.

— У тебя сколько рекорд? Больше всего попаданий?

— У меня? — нинье усмехнулся. — Два.

— Из двадцати?! — Эвите вылупил глаза.

— Тише ты. Услышат — по ушам надают. Ага, из двадцати. Что, много? — Тенки откровенно смеялся.

— Мало! — Эвите то ли принял насмешку всерьёз, то ли действительно изумился настолько, что забыл о вежливости. — У меня — восемь, почти половина!

— Ну молодец, что тут скажешь, — философски ответил Тенки.

Сокурсник замолчал, словно не находя подходящих для дальнейшей беседы выражений. И вовремя — из зала выглянул старший, второкурсник.

— Тихо! — строго оглядел младших. — Ли!

Тенки невольно выпрямился. Вскинул глаза на второкурсника.

— Когда ты выскочил стрелы собирать, ты к залу спиной повернулся. Это невежливо, постарайся так больше не делать.

Мальчишка застыл. В голове заметались красочные эпитеты, подходящие к ситуации.

— Понял?

Через силу сглотнув, Тенки кивнул — иначе не отстанут.

Второкурсник исчез, скрываясь в зале. Эвите сидел как пень.

Какого хрена?! Огонь бы их всех побрал, какого хрена их не устраивает обычная человеческая задница?! Не в лицо же он им её суёт?! И всего-то мельком, небось, увидели, всё остальное время он на корточках сидел и ощущал лопатками воображаемый удар!

Идиоты... Безнадёжные эльфийские идиоты...

— Три промаха, три промаха, — шептал Эвите, провожая взглядом предпоследнюю стрелу. — Если Дени-эльви-оодиэ попадёт, три... плюс пять... плюс...

— Один, — подсказал Тенки, сам удивляясь, что помнит цифру. — Всего девять промахов.

— В прошлом году было шестьдесят восемь попаданий, — считал Эвите, — значит, двенадцать промахов... Ещё есть шанс!

Зал взревел: стрела «пепла» вонзилась в мишень.

— Жаль, не «венец», — удручённо вздохнул сокурсник. — Был бы, если б не Эвисто-оодиэ.

— Прошу подтверждения! — крикнули из зала.

Маленькая фигурка выскочила на поле:

— Произвожу подтверждение! «Великое пламя» — «венец»! «Второй всполох» — три есть! «Дым»...

— Пойдём! — велел Эвите. — Надо отнести стрелы.

Только вступая под крышу зала, темноватую после залитого солнцем поля, Тенки сообразил, что принёсшие стрелы сами вручают их бойцам — а значит, ему придётся собственноручно передать их Намари и — придурку Мурасе-Ито.

Мальчишка глянул из-под чёлки на непроницаемое лицо темноволосого элхе. После того как на поле перед мишенями на Тенки нашло временное помрачение, он ощущал себя так, словно и вправду был под угрозой, словно короткоухий и в самом деле целился в него и сжалился, убрал лук, оставляя Тенки жизнь. Словно теперь элхе окончательно признал его равным, стоящим соперником, и дал обет подождать случая встретиться лицом к лицу, не стараясь ударить в спину.

Понять придурка-старшеклассника у Тенки никогда не выйдет. Никогда, но, может быть... Может быть, короткоухий и правда окажется достоин уважения. Хотя бы за меткость. За невозмутимость. И за клятое их элхеское умение разделять личные эмоции и чувство долга.

Не ведающий о Тенкиных мыслях старшеклассник принял стрелы небрежно, но — надо же! — сообразил ответить снисходительным кивком. Снова четверо стрелков сбились в кучу, кулак к кулаку, затянутые в перчатки руки, крикнули громко: «Соле!». И снова пошли зажигаться мишени.

Бойцы отходили в глубь зала, ставили луки в высокие деревянные стойки, негромко переговаривались. Кажется, «дым» сокрушался о чём-то, может, просил прощения, что подвёл остальных, попал меньше всех.

Виллиэ окончил переключку с первокурсником-наблюдающим, просматривал тонкую тетрадку на коленях: результаты боя.

Тенки невольно вытянул шею: как там, как они выступили? Перебит ли рекорд прошлого года, те впечатляющие шестьдесят восемь стрел, о которых гудел первый младший? Но отсюда, разумеется, тонкие красные каракули в тетради Виллиэ прочитать было невозможно. Да он, к тому же, наверняка писал на древнем языке, с этими их совершенно не поддающимися расшифровке иероглифами.

Старшекурсник наконец отложил тетрадку, окинул взглядом зал, младших, сидевших позади в несколько рядов, замерших впереди третькурсников и бойцов, застывших в церемониальных стойках. Встал, сузил глаза. Ровным голосом скомандовал:

— Сбор!

Единым движением зал поднялся.

— Здравствуй, сестра.

— Здравствуй.

— Как родители? Здоровы ли все... дома?

— Все здоровы.

— Спасибо, что приехала. Я был рад знать, что ты смотришь.

— Вы замечательно выступили. Огонь теперь надолго будет усмирён.

— Не хватило лишь одной стрелы...

— Что ты говоришь? Вы поддержали честь школы. Продолжили славу старших. А уж тебя точно не в чем упрекнуть, больше тебя не смог бы сделать никто.

— Шестьдесят восемь стрел... ещё бы одну — и мы прославили бы третий класс.

— Друг мой, ты полон самомнения. Желание самосовершенствоваться — хорошее дело, но не стоит забывать о сохранении здравого мышления.

— Твой смех режет мне сердце.

— Твоя серьёзность заставляет меня смеяться!

— ...ты права. Я поистине смешон.

— Вот так лучше. К цвету твоих глаз подходит лёгкая самоирония. Не забывай улыбаться.

— Не буду... все ли здоровы дома?

— Ты уже спрашивал. Все здоровы.

— Прости.

— Не надо.

— Расскажи, как течёт твоя жизнь в школьных стенах? Твои соученики вытянулись за этот год и не похожи уже на тех детей, что смотрели прошлую церемонию стрельбы с открытыми ртами.

— Забавно, прошёл всего год... Прошлой весной ты произвела впечатление на Дени-эльви, он потом месяц твердил нам, что хочет подобную старшую сестру.

— Мне это очень льстит. Дени-эльви-диэ повзрослел и замечательно стреляет. И, конечно, Эвисто-диэ и Мурасе-Ито-диэ тоже.

— Последний меня беспокоит.

— Что-то случилось?

— Я сообщал вам, что в прошлом году в первый младший пришёл валиссиец.

— Юный гений? Да, я помню. С ним что-то не так?

— С ним — нет. Но он ухитрился задеть Мурасе-Ито — по незнанию. И теперь тот злится и нападает на младшего при каждой встрече.

— Вот как.

— А Орувери умело подогревает конфликт. Ослеплённый же обидой Мурасе-Ито ничего не замечает.

— Вот как...

— Ты хладнокровна. Детские раздоры ничуть тебя не беспокоят.

— Не упрекай меня. Младший Мурасе-Ито неглуп и со временем поймёт свою неправоту. Тебе не стоит беспокоиться об этом.

— Мне кажется, ты слишком просто смотришь на обстоятельства. Одно дело, если бы младший был элхе, но он — нинье.

— И что же?

— Тебя не пугает возможный конфликт между расами?

— Ни капли. И не смотри на меня с таким ужасом. Словно я кощунствую перед Огнём.

— Но Мурасе-Ито действительно злится.

— Это пройдёт. А был ли тот мальчик на выступлении?

— Нинье? Конечно, среди первокурсников. Сейчас они чистят зал.

— Покажи мне его.

— Сейчас... А, вон он. Посмотри на поле, они снимают мишени. Он — тот светловолосый, самый маленький, с башней мишеней в руках.

— Из-за них не видно лица.

— Да и дорогу ему сейчас вряд ли видно. Подожди, сейчас отдаст другому, пойдёт обратно.

— А. Похож на элхе.

— Разве? Вблизи он самый настоящий нинье, никакого сходства.

— Целеустремлённый взгляд.

— Как ты углядела на таком расстоянии? Соколиные глаза.

— Это у нас семейное, дорогой братец. От тебя не убегает ни одна мишень, от меня — человеческие лица.

— Ты разбираешься в нинье лучше, чем в элхе.

— Прости.

— Я не обиделась.

— Прости.

— Не надо.

Апрель, Огненный Город

— Ацу, Ацу! — Тардис запыхался и дышал тяжело. — Ты слышал, ты слышал?

Соученик стоял на пороге, возбуждённый, жадно глотал ртом воздух. В глазах плескалось лихорадочное желание сообщить новость.

— Можно войти?

— Пожалуйста, — Ацу небрежно повёл рукой. — Что случилось?

Выпускные экзамены четвёртого младшего курса закончились.

Сегодня по этому случаю для будущих старших устраивали праздничный вечер. Кто-то из оодиэ просто перейдёт в западный, «взрослый», корпус, но кто-то покинет Королевскую школу навсегда — и для них сегодняшняя ночь станет последней из проведённых здесь.

Поэтому школа гудела в предвкушении вечера, а служители и надзиратели сбивались с ног, пытаясь даже не уследить за почуявшими дух свободы четверокурсниками — просто принять с комфортом их родителей и родственников. Полубоваться на своих отпрысков сегодня приехали многие. Чужими людьми наполнились коридоры школы и классные помещения: взрослые разговаривали, делились успехами детей и ахали, выслушивая истории других; младшие в семье мальчишки глазели на гордых адептов, представляя себя на их месте, а их сёстры, пользуясь шансом, который не представился бы девочкам никак иначе, разгуливали по школе и наблюдали за жизнью будущих королевских магов изнутри.

До начала вечера оставалось несколько часов.

— Нинье! — выпалил Тардис.

В ярко освещённом коридоре жилого корпуса за спиной Тардиса появился Виллиэ. Глянул свысока, прислонился плечом к дверному косяку. Ворота «илерам», как всегда, беззаботно расстёгнут, но сегодня никто не станет придираться к форме одежды.

— С июня нинье перейдёт в нашу группу! — не скрывая эмоций, сообщил Дени-эльви.

Вот как.

Что же, нинье всё-таки добился своего.

Ацу не удивился. Словно знал: рано или поздно нинье был обречён появиться в их классе, у него на пути, впиться в противника злыми зелёными глазами, и не уступить, пока не выяснится, кто сильнее. Кому суждена победа.

— Вот как, — повторил Ацу вслух.

— Ты не сердишься? — Тардис выглядел изумлённым.

— Сердиться? — нет, он не сердился. Все ощущения вообще будто ушли куда-то, пропали, и в сознании оставалось одно лишь рутинное «надо». Что надо? Не понять.

— А сейчас он в зале на первом этаже. Флиртует с какой-то мадемуазель, — слова Виллиэ слышались тонкой издёвкой, ледяной насмешкой — над кем?

Лицо Тардиса медленно проплыло мимо — с расширившимися глазами, рот приоткрылся. Виллиэ выпрямился, блеснул глазами, сжал губы. Отодвинулся, освобождая путь.

— Ты куда? — сзади раздался крик Тардиса.

— Пойдём за ним, — и холодная интонация Виллиэ.

Опять наступило молчание. Тенки не знал, о чём с ней говорить. Ему никогда раньше не приходилось разговаривать с эльфийкой.

Кажется, она испытывала похожие трудности. В лицо ему не смотрела, всё больше оглядывалась по сторонам. Вдалеке слышались оживлённые голоса. У дальней стены весело смеялись и звенели бокалами.

— Я думала, здание школы гораздо больше, — вежливо сказала девочка.

— А-а... — протянул нинье, проклиная себя за идиотизм.

— Я здесь впервые.

— М-м... Э-э... Нравится? — он ведь правильно говорит?

— Что нравится? — огонь, неужели слямзил что-то не то? — Школа?

Она наконец-то посмотрела на мальчишку, с удивлением приподняла брови.

— Мне здесь не учиться. Королевская школа это Королевская школа.

Разговор опять издох.

Тенки уставился на свои руки, вывернул ладони линиями наружу. Как назло, в голову не приходило никакой хорошей темы. О чём вообще полагается беседовать с эльфийскими девами?

Украдкой он глянул на девчонку. Она сидела на самом краешке стула, чинно выпрямив спину, рыжевато-жёлтые волосы заплетены в высокую причёску. Большие эльфийские глаза, со складкой века, что начиналась прямо от внутренних уголков глаз — ещё одна расовая черта, — медленно двигались, осматривая зал.

Она, верно, сейчас жутко злится, что в собеседники ей попался неотёсанный ниньеский болван.

Надо срочно что-нибудь сказать.

— Э-э, — неопределённо пробормотал Тенки, с ужасом вдруг понимая, что не знает, как к ней обратиться — забыл имя!

Большие глаза — тёплого тёмно-карего цвета — повернулись к нему, взглянули вопросительно-высокомерно.

— Скорей бы начался вечер, не правда ли? — промямлил Тенки, теряя малейшую нить смысла в страшном кошмаре, что по недоразумению звался светской беседой.

— Вам надоело моё общество? — она усмехнулась краешками губ, а глаза оставались равнодушными.

— Что вы, — поспешил мальчишка ответить ходовой фразой — благо помнил её до малейших смысловых интонаций, — мне очень приятно с Вами беседовать.

— Говорят, Вы — настоящий гений? — спросила вдруг рыжая, и на бесстрастном лице появился наконец проблеск живой эмоции — слабого интереса.

— Э-э-э... — опять растерялся нинье. По эльфийским правилам прямую похвалу надлежало отрицать, но как назло в голову не лезла ни одна подходящая формула отрицания. — Что вы, — сил хватило лишь повторить недавнее выражение.

— Да-да, — настаивала она, — даже мой кузен упоминал Ваше имя. Да и когда меня представляли Вам, было ведь сказано, что с июня Вы переходите на четвёртый младший курс? Это потрясающе.

— Что вы... — ох, чтоб огонь тут всё пожрал! Когда же эта пытка кончится?

Видимо, из-за его невразумительных ответов не в состоянии придумать, как ещё продолжить разговор, она снова замолчала.

Время таяло в ладонях, как осенний снег. Леттине исподтишка поглядывала на сидящего напротив мальчика — и, незаметно для него, пряча руки под персиково-белыми кружевами, нервно сжимала кулачки.

Она была ему неинтересна, это ясно.

Мальчик отвечал малословно, сам почти не заговаривал. Смотрел куда угодно, только не на неё — за всё время разговора их глаза встретились едва ли раза два, и ей стало понятно, что он тяготится беседой.

Из вежливости Леттине пыталась не дать ему сообразить о её догадке, но всё же такое откровенное пренебрежение огорчало.

Перед девочкой сидел единственный не элхе в Королевской школе. Кузен не раз упоминал об успехах новичка-нинье — да и сказал же один из здешних учеников, когда представлял их друг другу, что с нового учебного года светловолосый мальчик переходит на четвёртый курс. Забавно, это значит, кузен, третьекурсник с июня, теперь станет младшим для недавнего новичка.

Однако Леттине представляла себе знаменитость Королевской школы немного иначе. Более, как бы это сказать... впечатляющим. Перед ней же находился невысокий, на вид совершенно обыкновенный ниньеский подросток. И к тому же не проявлял к собеседнице ни малейшего интереса.

Чтобы не смущать нинье непрерывным глазением, Леттине безразлично осматривала зал. Оттого и целеустремлённо приближающегося к ним темноволосого элхе она заметила первой. Вскочила, хотела было склониться в приветствии, адресуя его и двум следовавшим за темноволосым, но все трое, казалось, её словно не заметили.

Элхе — теперь она его узнала, Мурасе-Ито-диэ, по характерной форме ушных раковин, семейная черта, — остановился перед ними, посмотрел на молчаливого нинье, который тоже вскочил и как будто подобрался.

Леттине непонимающе взглянула на Ли-диэ. Тот не спускал глаз с пришедшего.

Ни поклонов, ни приветствий, ни даже дружеских междометий — что-то случилось?

Орувери-диэ и ещё один, незнакомый, юноша, остановились, не подходя ближе, и тоже хранили молчание.

Леттине решила выждать, пока не заговорит кто-то из окружающих — в конце концов, она девушка, а тут и вообще — гостья, и ей не подобает брать на себя ведущую роль. Скромно свела руки перед грудью, сцепила ладони.

Кто же заговорит первым?

Что-то происходит, но неясно что, и тишина рвёт барабанные перепонки, накаляя воздух меж собравшимися.

Что-то происходит, но неясно что, кто же заговорит первым?

— Что тебе надо?! — резким, пугающим возгласом взвизгнула уничтоженная тишина.

Нинье.

Это было страшно. Почему-то очень страшно — мелькнула непонятная, безэмоциональная усмешка в глазах Мурасе-Ито, дёрнулся уголок его рта, застыл воздух, словно готовясь к непоправимому.

Леттине не сразу поняла, что произошло.

Мелькнула рука элхе, сжатая в кулак, нинье вдруг пошатнулся, разворачиваясь вполоборота от полученного удара, и в ту же секунду, как кошка, распрямился, оказываясь

совсем рядом с ледяным лицом Мурасе-Ито, и теперь уже тот попятился, ладонь прижата к щеке, в глазах жуткое пламя.

Мир раскололся вместе со звонким голосом:

— Дуэль!

Кричал незнакомый ей элхе, стоящий рядом с Орувери-диэ темноволосый молодой человек. Кричал, будто радость и ужас попеременно раздирали его на части.

Словно повинуюсь этому крику, Мурасе-Ито-диэ распрямился, отнял от щеки руку и холодным, мёртвым голосом произнёс:

— Пусть будет так.

Нинье молчал, грудь его тяжело вздымалась.

— Пусть будет так, — повторил элхе. — Я, Ацуатари из рода Мурасе-Ито, предлагаю тебе сразиться и этим решить все разногласия между нами. Пусть Огонь рассудит нас.

Брови светловолосого шевельнулись, но он ничего не отвечал.

— Пусть вызванный назовёт время и место! — крикнул спутник Орувери-диэ.

Нинье метнул взгляд в сторону кричавшего, коротко кивнул.

— Послезавтра... нет, завтра, за час до заката. За полем для соревнований, — выговорил ровно.

Леттине с испугом взглянула на Мурасе-Ито-диэ. Вызов на дуэль? Ужас бешеным замкнутым кругом вращался в груди, проблёскивая невообразимым, каким-то диким восторгом. Вызов на дуэль?!

— Ещё надо выбрать вид оружия! — не унимался стоявший поодаль.

Не сводившие глаз друг с друга двое одновременно повернулись, одаряя крикуна долгим взглядом.

— Магия, — два голоса слились в один.

— Леттине, Леттине!

— Да, мама?

— Леттине, детка моя, неужели это правда?!

— Что?

— Ну как же! Что два адепта устроили дуэль — из-за тебя?!

Боевая магия

Для поединка выбрали заросшую травой площадку, спрятанную далеко за полем соревнований, за подсобными помещениями, чтобы не видно было из окон школы.

С лёгкой руки Тардиса, заявившего о дуэли на весь главный зал, слухи разбежались по всем курсам. Разумеется, о вызове узнали и учителя. Хорошо ещё, что нинье говорил тихо, поэтому о времени и месте никто из посторонних осведомлен не был — кроме светлорыжей элхеской девочки. Но девчонка или умела держать язык за зубами, или тщательно выбирала поверенного для секретов, и поэтому в тени за сараями сейчас стояло только трое.

Беспрестанно оглаживающий волосы, стреляющий глазами по сторонам, невыспавшийся Тардис Дени-эльви из Щинге.

Невысокий, светловолосый, упрямо нагнувший голову валиссийский нинье с

плебейским именем Тенки Ли.

Равнодушный, с непроницаемым взглядом, бесстрастным красивым лицом — Ацуатари, отпрыск древнего рода, родом из провинции Сорэнэрэ, младший сын Мурасе-Ито.

Проклятый эльф выглядел до отвратности спокойным. Лицо — безмятежное, прям как вот это предзакатное небо — Тенки глянул в голубую вышину — ни единого облачка, словно короткоухий всего лишь вышел прогуляться по случаю хорошей погоды.

Впрочем, и то ладно — хорошо хоть не стал ритуально краситься.

В учебнике истории Тенки видел изображения древней элхеской боевой раскраски — полностью закрасенная чёрным область глаз, у некоторых воинов — начисто выбритые брови; чёрным ставились и полосы на виски и скулы — до самых кончиков ушей. Взгляд от этого кажется нечеловеческим, словно сверлит противника из чёрного колодца. Не самое симпатичное личико.

Учебник упоминал о межрасовых войнах довольно скупо, без подробностей, но когда-то эльфы с такой раскраской убивали его предков.

Но уж этому конкретному лупоглазому он не даст себя убить. Не так легко.

Противник засунул руки в карманы и выпрямился, меряя Ацу зелёным взглядом. Элхе холодно усмехнулся в душе: нинье нервничал. И руки в карманы запихнул потому, что иначе просто не знал, куда их деть. Нинье не знакома культура ожидания боя, наслаждение последними минутами до схватки.

Что ж, жаль, он многое теряет.

Косая чёрная тень от сарая накрыла заросшее травой поле, ветер налетал пробирающими до костей порывами. Солнце медленно двигалось к западу.

Вся ненависть Ацу к оскорбившему его когда-то нинье сейчас незаметно истаяла, пропала, не оставив следа. В душе царило спокойствие, глубокое чистое спокойствие — и ветер, вымораживающий сердце, становился крыльями.

Первокурсник топтался на месте, не умея застыть и отдаться холоду. Косился то на Ацу, то на безмолвного секунданта, нетерпеливо ожидал сигнала к началу боя.

Отвращения к крысёнышу больше не было. Ничто не возмущало покоя.

Полное, хладнокровное равнодушие, сродни ледяному ветру апреля, кружило вокруг, стирая эмоции.

Тардис переминался с ноги на ногу, украдкой то и дело поглядывая на часы. До начала оставалось три минуты, и он уже чувствовал, что жалкое это время растянется на столетия.

В ушах слышался и замолкал, замолкал и вновь слышался голос Виллиэ, произносящий одну и ту же фразу: «Я не такой дурак, чтобы идти смотреть. Ты заварил эту кашу, ты и расхлёбывай». Заявив так, Виллиэ с ухмылкой отправился в общую комнату, где в любое время суток толпились ученики.

Тардис понимал, в чём дело: Виллиэ просто озаботился для себя алиби. Не повезёт тому, кого застанут на поле боя, — ни противникам, ни секундантам, ни даже распылившимся рты зевакам. Законы школы строги — хорошо ещё, если виновного просто выкинут вон.

«Я не такой дурак, чтобы...»

Дурак он, Тардис, — какого пламени ему вздумалось повторять слова Виллиэ, брошенные словно невзначай: «Это же формальный повод, дуэль!»

Какого пламени он тоже вскрикнул «Дуэль!», да ещё на весь зал?

Теперь получается, что виноват только он.

Поскорей бы всё это закончилось!

Чего он лупится сюда, эльфийский хрен.

Как восхитительно холоден ветер.

Ещё минута... ещё мгновение... Время!

Поначалу оба двигались осторожно, медленно, обходили поляну по краю, не сводя друг с друга глаз. Сосредоточенно следили за руками: не мелькают ли пальцы, плетущие заклинание.

Тардис с беспокойством оглянулся — вокруг по-прежнему не появился никто посторонний, царствовала тишина, но Тардис отнюдь не чувствовал себя в безопасности. На миг показалась соблазнительной даже идея забраться на крышу сарайчика, раз уж долг секунданта не даёт ему удрать куда подальше.

Первым атаковал Мурасе-Ито — нинье замешкался лишь на долю секунды. Элхе махнул рукой, и с пальцев его слетел чёрно-фиолетовый феникс, издал гневный вопль, стремительно ринулся к нинье. Тардис уважительно покрутил головой: вынутая соучеником из пространства сила мягко бухнула в уши.

Нинье скользнул в сторону, уходя из-под удара, увернулся, словно от пущенного камня. Согнувшись, бросился наперерез высокому элхе, складывая ладони в — Тардис невольно ахнул — символ направленного огня. Это заклинание изучают на старших курсах! И, захваченный действиями нинье, упустил из виду сокурсника — а тот тоже не терял времени даром.

Два потока пролетели рядом, рассыпая искры от соприкосновения.

Яркий зеленовато-рыжий прозрачный огонь — удар нинье — полыхнул рядом с элхе, почти задевая его, прошёл по коже обжигающей волной. Тардис аж закусил губу, представив боль. Мурасе-Ито отпрянул, путаясь ногами в коварной траве, едва удержался от того, чтобы схватиться за плечо.

Нинье повезло меньше. Переливистый чёрно-фиолетовый феникс, пусть сформированный гораздо хуже, нежели огонь светловолосого, — нашёл цель безошибочно. Разбился пламенем о грудь и правую руку нинье, жадными языками полыхнув вниз и вверх — до шеи. Ли повалился на колени с искажённым лицом, но не закричал, замер, опустив голову — и через мгновение силой выдернул себя из пут травы. Поддерживая левой рукой непослушную правую, сосредоточился.

Опять из сомкнутых ладоней полыхнуло рыже-зелёным — видно, направленный огонь удавался нинье лучше всего. Пламя устремилось к замершему на месте элхе. Мурасе-Ито, кажется, получил больше, чем казалось на мимолётный взгляд: его правая рука висела плетью. И от удара он ушёл едва ли не в последний момент, опять оставляя жадному огню лишь слегка лизнуть живое тело.

Только теперь обе его руки повисли неподвижно.

Светловолосый нинье заметил проблемы противника, удовлетворённо ощерился. Медленно двинулся по краю площадки, заставляя противника пятиться, чтобы сохранять

дистанцию.

Руки словно отнялись: видимо, огонь нинье был нацелен не сколько на внешние повреждения, сколько на внутренние. Ацу не чувствовал ничего от предплечий до кончиков пальцев — как бывает иногда, если долго держишь руку в неудобном положении, — конечность затекает, теряется чувствительность.

Нинье и впрямь оказался опасным противником.

Плести сложные заклинания Ацу уже не может, и не может точно нацелиться — значит, остаётся простая грубая сила. Схватка чистой энергии.

Или...

Тенки следил за высоким эльфом, двигавшимся от него с той же ледяной, бесстрастной маской вместо лица. Не хотелось признаваться себе — но он вымотался. Не хватало энергии, чтобы нанести последний, решающий удар — хоть и, конечно, не такой, чтобы убить. Убивать эльфа он не станет, и дело даже не в страхе перед смертной казнью — кажется, она не распространялась на убийство на дуэли, просто... Одно дело — убить, если враг угрожает жизни, а другое — если вот так вот пятится от тебя, не в силах пошевелить руками.

Он не будет убивать.

Впрочем, всё уже сделано.

Эльф сам загонит себя в западню.

Ниньеский крысёныш всё не атаковал. Чего он ждёт? Почему продолжает двигаться по краю площадки, не спуская с Ацу прищуренных глаз?

Хотя это время, лишнее время, пара мгновений, которые могут решить ход...

Боль вонзилась в тело неожиданно. Ацу даже не сразу понял, что случилось, — ведь светловолосый не шевелился, ни двигал руками и от него не шло волн магии.

Против элхе обратилась земля.

Из травы хлынули обжигающие белые лучи, обвили Ацу, пронизывая насквозь, заставляя колени подломиться. Воздуха не хватало, лёгкие не желали работать, и ослепительные молнии метались перед глазами. Светло судорогой.

Ловушка. Нинье поставил ловушку.

Когда упал в траву — якобы от полученного удара — оставил плетёнку заклинания, а потом — оставалось только заставить элхе шагнуть в неё. Вот почему он не атаковал...

Ацу запрокинул голову, ища взглядом противника. Накатывалась стремительная тьма, сужая поле зрения в узкую воронку. На дне её неясным рисунком виднелось лицо нинье. Тот, замерев, смотрел на поверженного элхе.

Нинье и впрямь оказался достойным соперником.

Но нет...

Не праздную победу раньше времени...

Остановившись, Тенки смотрел на упавшего элхе в хватке белых молний. Ловушка сработала, как надо. Расцветшая в траве «звезда Юрисаэ» — это заклинание он опробовал на живом существе в первый раз — вела себя аккуратно, как по книгам. Лишив жертву сознания, она опадёт и растворится, не мешая подойти к телу никому — ни возможному убийце, ни спасителю.

Эльф проиграл.

Дуэль окончена.

Но куда это он смотрит?

Тенки впился взглядом в теряющего сознание противника. Ему не кажется? Этот ненормальный — улыбается?

Чёрная тень сорвалась из-под кроны ветвистого дерева, метнулась к светловолосому. Кинулась в лицо, метя острым жёлтым клювом в глаза — словно с ума сошла. Отбиваясь от птицы, Тенки закрыл глаза ладонью, и бешеное пернатое тут же застучало клювом по раскрытой стороне — ожгло болью, будто кипятком хлестнули.

Что за хренотень?

Отбиваясь от птицы, Тенки глянул на опутанного молниями противника — тот ещё находился в сознании, ловушка не погасла. Блеснули глаза — зло, по-издевательски.

И птица перед лицом нинье взорвалась алым пламенем.

Свет — это белые перья

Не раскрывая глаз, темноволосый подросток брезгливо поморщился, скривился. Во рту было противно, горько и склизко, словно некто заставил Ацу тщательно разжевать пару сырых слизняков. Элхе нахмурил брови, запрокинул голову назад, насколько позволяла плоская подушка. И только тогда поднял веки.

То, что находится в больничном крыле, он понял сразу. Голубоватый тускло светящийся потолок, неудобная подушка, хрустящая простыня, накинутая на тело. Попискивание приборов и мягкое гудение технической магии. И — самый явный признак: запахи целительских трав и снадобий, переплетающиеся в один незабываемый аромат — больница.

Пару раз бывать здесь ему приходилось, но в качестве пациента Ацу очутился тут впервые.

Подросток снова поморщился: по телу волнами ходила какая-то противная, неглубокая боль. Прислушался к себе, сообразил — ныли руки.

Обеспокоенно взглянул на свои плечи, прикрытые простынёй. Отсюда — то ли всё плыло у элхе в глазах, то ли по другой причине — казалось, что ниже плеч у него лежат большие белые колоды, два бревна, закутанные в ткань. Пошевелить руками не удалось, и это тоже не стало для подростка приятной вестью.

Хотя, если судить по этим двум большим буграм по обеим сторонам от тела, всё же конечности остались при владельце.

Горло пересохло, но обращать внимание на мелочи элхе не стал. Гораздо сильнее его интересовало раздающееся в комнате мерное дыхание. Ацу перекатил голову по плоской подушке, глянул вправо.

Так и есть.

На него смотрели зелёные глаза нинье.

То ли виной этому стал голубоватый полумрак в больничном покое, то ли состояние владельца, но глаза эти, казалось, потеряли свойственный им чуть пугающий блеск, потускнели слегка, чуть угасли. И тем не менее, нинье смотрел твёрдо.

Нахлынувшая тишина поглотила и дыхание, и пищание приборов.

Губы светловолосого мальчишки чуть дрогнули.

Испуская едва заметный вздох, Ацу отвернулся, вновь уставился в потолок. Нинье

славно досталось — сознание этого согрело элхе душу. Раны, оставленные клювом птицы, слились с ожогом от взрыва её тушки, — и лицо светловолосого хорошо опухло, а глаза, и без того не слишком большие, превратились в щёлочки. Ещё пара дней — и эта красота бы засинела, зафиолетовела, наглядно свидетельствуя о силе оставившего её, — хотя теперь уже вряд ли. Вылечат.

— У тебя получилась хорошая ловушка, — нехотя произнёс элхе, не глядя на бывшего противника.

Молчание.

— Твоя птичка тоже была ничего, — слабый отзвук усмешки.

— Это ведь была «звезда Юрисаэ»?

— Ты знаешь о ней? Ага...

— Думаешь, ты один умеешь читать книги? — во фразе проскользнула тщательно отмеренная доля пренебрежения: удивление в голосе нинье задело Ацу.

— Эм-м. А, ясно. Просто нам же не преподают ещё ничего толком, вот я и...

— Верно. Настоящая боевая магия начинается лишь после поступления на старшие курсы.

— Какого хрена они так тянут.

Забавно. Негодование в словах нинье было так созвучно его сердцу. Ацу бы усмехнулся, если бы положение это позволило.

В комнату вернулась тишина.

— Слушай, — на этот раз первым заговорил нинье. — Я, это...

— Да? — холодно произнёс Ацу, созерцая голубоватое мерцание потолка. Что он хочет спросить, этот любопытный сын ниньеских деревень?

— Ну... Я... Давно хотел узнать, вообще-то...

До каких пор он собирается мямлить?

— Какого... В смысле, с чего вдруг... То есть я тебе вообще-то чего сделал?

Пришлось снова перевалить голову на правое ухо, приподнять бровь, показывая, что не понял слов собеседника.

— Прости?

— Чего я тебе вообще сделал-то? — повторил нинье. Судя по голосу, он и впрямь любопытствовал, а не пытался устроить в больничной палате продолжение дуэли. — Ну, у тебя ведь были причины... Это из-за того, что я пришёл к вам на уроки?

А... Нинье интересуется изначальным поводом к неприязни.

Как это сложно объяснить.

— Ты назвал меня «короткоухим».

И снова ударило в уши молчание. На этот раз недолгое.

— И всё?! А-а, то есть извини, конечно. Но ты ведь и впрямь короткоухий?!

Ацу долго наблюдал за глазами нинье. Долго — пока любопытный блеск в них не сменился лёгким намёком на раскаяние. Слабое, еле заметное раскаяние. Тогда сказал небрежно:

— Слово «короткоухий» звучит как оскорбление. Наш род — один из древнейших родов народа элхе. Форма ушей — семейная черта. Тебе понятно, круглоухий?

— Никогда не думал, что это так важно, — светловолосый отозвался откровенно.

— Это важно — для нас. Ты теперь среди нас, а не в своей глуши. Теперь ты должен подчиняться нашим законам, — чего ради он тут распинается перед нинье, уча того

правилам элхеской знати?

— Это точно.

Ацу показалось, или с соседней кровати и впрямь раздался тихий вздох?

Мерный писк приборов снова залил комнату, оставляя каждого наедине со своими мыслями.

— Я слишком поздно сообразил, — само собой вылетело из уст Ацу.

— Что? — откликнулся нинье.

— Виллиэ.

— Твой однокурсник?

— Да. Виллиэ Орувери. Мне интересно, чего он хотел добиться. Ты перешёл ему дорогу?

— Я? Почему я? Это же он показал мне, где можно найти «звезду Юрисаэ», как её делать.

— Виллиэ?! — вместе с возгласом вырвалось неподобающее моменту изумление. Виллиэ научил первокурсника? Виллиэ?!

— Ага. Он вообще много чего мне рассказал, помогал по-всякому. С февраля.

Темноволосый подросток закрыл глаза. В темноте под веками плясали голубоватые тени. Чего хотел Виллиэ, чего он добивался? Это его сокурснику нинье обязан своими успехами, его помощи. И в то же время Виллиэ подталкивал Ацу, чтобы...

— Он сталкивал нас, — элхе снова взглянул на соседа по палате. От ясности вставшей перед внутренним взором картины хотелось вскочить, опереться локтями о кровать, яростно рассуждать, помогая словам жестами.

Но тело не слушалось. Оставалось только говорить, тихо и ровно, в одной позе лёжа под простынями.

— Он сталкивал нас, — повторил Ацу. — Он с самого начала этого хотел. Как я сразу не понял. Он нас растил, дабы однажды мы встретились как соперники. Помогал тебе, чтобы ты, ещё совсем неумелый, только явившийся в школу первокурсник, научился управлять собой и своей магией. Влиял на меня, чтобы я занимался больше, чтобы не стал для тебя лёгкой добычей. Пусть Огонь падёт на его голову, Виллиэ!

Ли не смотрел на него. Отвернувшись, упёрся взглядом в потолок. Слушал. И когда элхе окончил речь, хищно вдруг усмехнулся. Отчаянно.

— А он мне нравится.

Что несёт этот нинье?!

— Ну наконец-то я понял, какого хрена он со мной возился. Я-то думал сперва, это ты его ко мне прислал, каждый миг ожидал какой-нибудь подлянки.

— Почему же? — возмутился Ацу.

— Ну... вы же все вместе ходили, дружной четвёрочкой. Про тебя он сказал, мол, ты зовёшь меня крысой.

— Крысённышем, — какого пламени Виллиэ... А, Огонь с ним. — Ладно, я...

Ли молчал.

— Я не стану звать тебя крысой, — с лёгким вздохом выговорил элхе. — Ты хорошо сражался.

Слабый смешок.

— Ну тогда я не стану звать тебя короткоухим, так уж и быть. Твоя птичка мне в кошмарах сниться будет.

— Её было несложно поймать. К тому же у меня не оставалось другого выхода, когда ты лишил меня возможности пользоваться руками, — не хотелось в этом признаваться, но слова нинье звучали приятно.

— Как ты ухитрился нашипиговать её заклинанием? — да уж, он и впрямь истинный боевой маг, и в больничном покое жаждет новых знаний.

— Когда ты гнал меня к ловушке. Мысленно.

— Слушай, ты осознаёшь, что ты совершил невозможное?! — Ли выглядел возбуждённым.

— Твоя «звезда Юрисаз» тоже не образчик творчества младших курсов, — Ацу негромко усмехнулся. — Такой мог бы гордиться и настоящий маг.

— Э-э, — донеслось с соседней кровати смущённое. И новым вопросом: — А что ж теперь будет?

Ацу отлично понял, что беспокоит светловолосого. Только ответа он не знал.

— Может, — невольно в интонацию пролилась пара капель горечи, — Виллиэ пытался избавиться от конкурентов. Ведь на старшие курсы берут не всех.

На этот раз Ли молчал так долго, что показалось — уснул. И только тогда, когда дремота начала уже овладевать и элхе, когда тело смирилось с неудобством несменяемого положения и тупой болью в руках, наконец пришёл тихий и словно потерявший все интонации от чрезмерного изумления голос светловолосого:

— Ну вы, эльфы, и интриганы.

Наутро — хотя Тенки мог лишь предполагать, что наступило утро: в больничном покое не было окон — появились целители.

Первым в комнату вошёл мужчина, длинноволосый светлоглазый врач. За ним — двое в голубых с зелёной вышивкой полумантиях — одежда практикантов целительства.

Мальчишка поспешно закрыл глаза, притворяясь спящим. Не хотелось встречать сейчас осуждающие взгляды врача и приговор, который мог читаться в его зрачках.

Дышать было трудно, словно зверь какой-то забрался под дых и впился изнутри острыми клыками.

Оставят ли Тенки в школе?

Что будет, если...

— Доброе утро, почтенные, — голос целителя разбил надежду избежать разговора. — Просыпайтесь и расскажите мне, как вы себя чувствуете, мои дорогие вояки.

Издевается. Подонок.

— Доброе утро, — эльф с соседней кровати ответил как ни в чём не бывало. А только что посапывал тут, уткнувшись в подушку. — Простите, что мы доставили Вам столько хлопот.

Пошёл закручивать свои многоэтажные вежливые словоформы.

Тенки чуть приоткрыл веки, подглядывая из-под ресниц.

— Ничего-ничего, — целитель принял поданный помощником табурет, ловко поставил его меж кроватями, уселся. — Вам ещё успеют отодрать уши.

Приподнимаясь — притворяться спящим больше не было смысла, — Тенки поморщился. Правая рука слушалась плохо, будто отлѐжанная. Щеки горели. За ночь лицо

покрылось словно засохшей коркой, отзывавшейся болью при каждой гримасе.

— Какие вы у меня красавцы, — целитель по очереди посмотрел на обоих. — Особенно ты, — кивнул он Тенки, — хоть прямо сейчас жени.

— Не надо, — Тенки неуклюже усмехнулся, — мне ваши эльфийки не нравятся.

Сказал и осёкся — отвесил грубость? Сейчас этот бешеный с соседней кровати как накинется на него с кулаками, а желания сражаться у нинье сейчас не больше, чем у снятой с тигра шкуры.

Однако тот молчал, а целитель и вовсе даже рассмеялся, подхватил:

— Гляньте-ка на него, наши девушки ему не по нраву. А каких ты тогда предпочитаешь?

— Ну, наших, — неразборчиво буркнул мальчишка — разговор стремительно улетал куда-то в тартарары, — ниньеских, типа. — «Они понятнее», — добавило сознание.

— Вот как? А чего тогда из-за элхеских девочек в драку лезть? — льноволосяй мужчина на табурете посмеивался, но в строгих глазах плавала суровость.

— А?

— Простите? — ученики среагировали в один голос.

— Я слышал, дуэль вы устроили из-за элхеской девочки? — повторил целитель, и в голосе его появилась неуверенность.

Неудачливые дуэлянты переглянулись.

— Э-э, собственно, — начал было Тенки, но короткоухий его перебил.

— У нас были другие причины. Скорее вызванные внутренними, а не внешними факторами.

— Факторами, — усмехнулся целитель. — Внутренними, говорите? Ну-ну.

Тенки не совсем сообразил, что рассмешило врача, но тот, словно посчитав беседу оконченной, придвинулся к нинье и тонкими прохладными пальцами стал ощупывать корку, в которую превратилось лицо.

— Простите, — не выдержал снова эльф, следящий за манипуляциями врача.

— Да?

— Я предполагал, что, возможно, частью наказания явится непредоставление нам целительского лечения?

Тенки сглотнул. Ходить с маской на роже добрых полмесяца, а правой рукой шевелить только в самых необходимых случаях? Огонь на язык этому эльфу, а если сейчас целитель уйдёт?

— Ну что ты, друг мой, — кажется, однако, тревоги Тенки беспочвенны, — совет Королевской школы — не звери какие. Мы вылечим вас на славу. Так, чтобы члены комиссии, побереги Огонь, не позволили бы вкрасься в свои сердца преступной жалости. Нет, вы будете стоять перед ними навтыяжку, целенькие и здоровенькие, — тут врач усмехнулся поистине погано.

— Комиссия... — голос нинье вдруг охрип.

— Комиссия, друг мой, — подтвердил целитель. — Вот там вам и придётся рассказать обо всех ваших факторах и всех мотивах, и внешних, и внутренних. А теперь помолчи-ка. Халлиэ, подай мне сумку.

Созыва комиссии не пришлось ждать долго.

После трёх дней в больничном крыле, перемежаемых визитами целителя и чтением библиотечных книг — каждая из них виделась теперь последним в жизни сокровищем, один из зелёно-голубых помощников объявил ученикам, что завтра в девять утра их ждут в главной экзаменационной аудитории.

«Плохо дело», — подумал Тенки, взглянул на темноволосого элхе. «Плохо дело», — читалось отражением в чужих чёрно-голубых глазах.

За несколько дней в палате никто, кроме целителя и его подчинённых, не появился. То ли посещение малолетних нарушителей запрещалось советом, то ли все разъехались на каникулы — ведь близился конец апреля, то ли по ещё какой причине, но дни летели однообразно, и бывшим противникам пришлось свыкаться с постоянным обществом друга.

Тенки не мог заглянуть в разум темноволосого, но — как ни удивительно — для него самого пребывание в одной комнате с элхе не стало нестерпимым.

— Слышь, ты что будешь делать, если из школы вытурят? — оторвавшись от книги, Тенки взглянул на пол.

Благодаря усилиям целителя, пусть при лечении порядочно цокавшего языком и проклинавшего «безумную магию безумного нинье», чувствительность в руках темноволосого элхе восстановилась. И теперь, радуясь вернувшейся силе, тот не упускал момента заняться физическими упражнениями. Вот и сейчас он, старательно пыхтя, отжимался на тесном пространстве между двумя кроватями. Всё бы ничего, если бы при этом он не напевал — на однообразный мотив, помогающий не сбиться со счёта.

Обращённый к нему вопрос темноволосый словно не услышал, продолжал ритмично опускать тело вниз и вновь выпрямлять руки, подкидывая вверх.

Тенки прислушался к песенке, послышалось что-то вроде: «шесть десятин восемь... семь десятин...»

Похоже, ненормальный эльф пошёл до ста. Не иначе, выёживается.

Закончив, темноволосый привалился к стенке. Лицо его вспотело, покрылось крупными каплями. Тенки следил за ним поверх книги, не скрывая язвительности во взоре. Подумаешь, сто отжиманий.

— Прости, что ты спросил? — вежливо отозвался элхе, придя в себя.

— Да не, я уже понял. Готовишься идти в гладиаторы.

— Гладиаторов уже много столетий как нет.

— Не волнуйся, ты восстановишь древнюю традицию, — успокоил Тенки ненормального.

— Мне скучно лежать целыми днями в постели, — эльф пожал плечами. — Тебя и впрямь ничего не интересовало?

— Я спрашивал, что ты будешь делать, если нас отсюда вытурят, — неохотно повторил Тенки и сделал вид, будто уткнулся в книгу.

Эльф вздохнул. Довольно тяжко.

— Не знаю, — раздалось с пола. В словах слышались нотки отчаяния. — Не

представляю себя кем-то иным, помимо боевого мага.

— Хм-м... — задумчиво протянул мальчишка, переворачивая страницу.

— Не знаю, какого пламени я с тобой так откровенен, — раздражённо вымолвил темноволосый.

— Хм, может быть, потому, что мы с тобой в одинаковом положении? — откликнулся Тенки, по-прежнему не глядя на собеседника.

— И позволяю тебе обращаться ко мне, как к равному! — продолжалось бухтение внизу.

— Ну так вызови меня опять и прикончи.

— И прикончил бы, — эльф поднялся. — Если бы ты стоял смирно.

— Смирно — это не для меня. Не в тех случаях, когда меня пытаются убить.

— А жаль, тогда убить тебя было бы так просто, — в интонациях собеседника безошибочно чувствовался слабый привкус сожаления.

— Завтра в девять утра, — вспомнил Тенки слова целительского помощника. — Аж целую комиссию ради нас созовут. Сегодня мне точно будут кошмары сниться.

— Приятных снов. Я в душ, — кажется, эльф не горел желанием продолжать безрадостный разговор.

Закрылась дверь в узкую душевую кабинку — уже несколько дней вся их жизнь заключалась в передвижении между кроватями, душем и туалетной комнатой. Неудивительно, что темноволосому не хватает свободы.

Тенки её тоже не хватало. Только позволить себе отжиматься на полу он не мог: при малейшей нагрузке кожа на лице, натянутая, как на спелом помидоре, грозила лопнуть. Руку целитель поправил, а вот рожа заживала медленнее.

Славное заклинание всё-таки эльф запихнул в птицу.

Если повезёт остаться в школе, надо будет потребовать исходники.

Причины и следствия

Высокие тёмно-коричневые двери главной экзаменационной аудитории были плотно закрыты. В комнату ожиданий не доносилось ни звука.

Губы пересохли, и нинье то и дело нервно их облизывал. Впрочем, это не помогало. Смертельно хотелось что-то сказать, нарушить жуткую тишину. Тенки опасался даже сглотнуть, и от этого горло казалось ещё более сухим.

Сюда их привёл практикант-целитель, велел сесть на стулья у стены и ждать, пока не позовут. И отправился восвояси, оставляя притихших младших на попечение надзирателя.

Взгляд эльфа, одетого в форму школьных прислужников, казалось бы, вовсе не следил за нинье, но стоило неловко повернуться, как зрачки наблюдателя возвращались, ощупывали Тенки с ног до головы и снова скрывались под приспущенными веками.

Темноволосый бывший противник застыл неподвижно на краешке соседнего стула. Спина выпрямлена, глаза направлены в пустоту перед собой. Непроницаемое лицо.

Тенки снова облизнул губы.

Что за приговор ожидает провинившихся?

Что будет, если...

Двери ожили, негромко заскрежетав.

Повернулась металлическая ручка; отступила назад, открываясь, одна из створок. В проём неспешно просочился невысокий старец с длинными белыми волосами. По обеим

сторонам лица качнулись две тонких коротких косички, перевязанные тёмно-зелёными ленточками. Знакомая причёска и знакомый сочный цвет лент — к нарушителям школьных устоев вышел секретарь.

— Встать, — ровным голосом приказал он.

Синхронно ученики поднялись.

Не удостаивая их взглядом, старец повернулся к двери и небрежно толкнул вторую створку, открывая вход в экзаменационную аудиторию. В глубине её на помосте для экзаменаторов возвышался стол, за ним в застывших позах ожидали члены совета. Плотный директор со всегда насмешливым взором, рядом с ним его заместитель, «второй директор», с другой стороны — заведующий канцелярией. Вот он — школьный совет.

Начинается, — буркнуло сердце.

Приплыли... — отозвался разум.

— Займите места перед комиссией, — казённым тоном велел секретарь.

На полу красовались два тщательно и заблаговременно вырисованных круга с надписью древним эльфийским, тянувшейся по периметру. Разобрать написанное Тенки не смог, слишком замысловато вились знаки.

Мальчишка шагнул к правому кругу. Элхе, чуть помедлив, встал в левый.

Секретарь обошёл учеников и устроился за высоким пюпитром, по левую руку от комиссии и правую — от провинившихся. Откашлялся, пошуршал бумагами. В действиях его Тенки не видел смысла — похоже, старик или тянул время, или просто нагнетал атмосферу, чтобы хорошенько пробрать мальчишек.

Тихонько нинье вздохнул.

— Начинаем, — вопреки предположениям Тенки, ожидание не слишком затянулось. — Сегодня, в тридцать восьмом году эпохи Рейки, пятом месяце... — секретарь еле слышно бубнил положенные фразы, — ...предстают двое нарушителей... — слова его доносились глухо, как сквозь плотную ткань, а всё внимание нинье оказалось вдруг приковано совсем не к помосту и не к членам совета, важно откинувшимся на своих креслах.

В углу комнаты, спрятавшись в самую тень, верхом на деревянном стуле с высокой спинкой, сидел черноволосый мужчина. Руки его были сложены на спинке стула, подбородок уткнулся в руки, а глаза следили за учениками с равнодушным, почти незаметным интересом, как сытый леопард следит за клюющим остатки его добычи стервятником, — и в больших этих карих глазах горело кровавое пламя.

Это был он.

Красноглазый Йисх.

Обрывки слышанной где-то, вычитанной, слухами донесённой информации взвились в голове. Йисх. Легендарный боевой маг. Натаскивает старшие курсы. Прозвище это — Йисх — взято из ниньеских легенд: «рубиновоокий» Змей, мудрый, жестокий и своевольный.

Красноглазый Йисх — здесь, в этой аудитории, сейчас, сегодня, в день, когда решается их судьба. Хорошо это или плохо?

Маг молчал, наблюдая за ними. В глазах смеялось пламя.

Секретарь откашлялся, возвещая конец вступления. Кинул на дуэлянтов недовольный взгляд, требуя внимания, и снова посыпал скороговоркой канцелярских формулировок. Тенки опустил голову, всматриваясь в пол, в узор древних эльфийских букв по краю вычерченной линии. Секретарь бубнил своё. «Вы совершили неположенное». Голос его

гулко отдавался от стен. «Нарушили правила школы». Фразы лились нескончаемым потоком. «Конфликты запрещены». Вон та букашка похожа на букву «эсте». «Хотите ли вы что-нибудь сказать». Что тут скажешь...

На уши надавила тишина.

Шорох слева послышался неожиданно. Темноволосый элхе сделал шаг вперёд, наступая на жемчужную линию круга, склонился перед возвышением.

Тенки неловко дёрнулся, метнулся взглядом по лицам комиссии — не ждут ли и от него поклонов? Но все смотрели только на темноволосого. Молчали.

— Ответственность полностью лежит на мне, — раздался звонкий голос элхе. Эльфийские слова текли, как их же музыка, странная, необычная, но красивая. — Вызов был сделан с моей стороны, я принудил младшего к нарушению.

Оторопев, Тенки смотрел на говорящего. Челюсть едва не отвисла от изумления, язык не повиновался. Что мелет этот придурок?!

Элхе продолжал:

— Как старший по возрасту и ответственный за произошедшее, я признаю свою вину и прошу надлежащего наказания.

Комиссия перешёптывалась, секретарь застыл на месте, как седая птица, острыми глазами сверлил стоящего на одном колене подростка. На Тенки не смотрел никто. Кроме Йисха.

Тонкие губы исказились в усмешке. Кровавые радужки сверкали.

Красноглазый Йисх наслаждался.

— Ты чокнулся? — набросился Тенки на идиота, когда двери закрылись за ними, оставив комиссию размышлять.

Эльф смотрел незамутнённо. В чёрно-голубом взгляде не прослеживалось ни доли раскаяния, ни капли сожаления.

— Ты хочешь, чтоб они тебя выбросили?

Темноволосый молчал.

— Ну-с, глубокоуважаемые, что вы предлагаете? Да не сидите там, Йисх-ирхе, подойдите. Освободите место, господа, будьте любезны.

Мужчина встал; не раздалось ни шороха. «И впрямь змея, — мелькнуло в уме секретаря, — опасная, текущая по земле, сильная, взрослая, ядовитая змея». Приблизился к стулу, на который указывала широкая ладонь директора Юстеддия, послушно опустился на сиденье.

— Позвольте мне подытожить, — продолжал Юстеддия-илиэ, — что мы имеем? Двое своевольных мальчишек, вообразивших себя взрослыми, устроили драку, опрометчиво решив, что могут называть это дуэлью.

Секретарь презрительно наморщил нос. Неизвестно, что ослушники втемяшили в свои головы, одно несомненно: никто не задумался не только о подаче дуэльного заявления, но и

о том, что никакое разрешение не будет даровано несовершеннолетним. Без разрешения же — хоть заколют друг друга противники, хоть зубами загрызут, хоть магией сожгут — никакая схватка не станет дуэлью, и выживший, буде таковой останется, понесёт наказание по всей строгости, как простой убийца.

Ну а в случае несовершеннолетних понятно, кому отвечать — Королевской школе.

— Хорошо, что у так называемого секунданта сохранились остатки здравого ума и совести — чтобы прибежать сломя голову в школу и сообщить о двух идиотах. В каком виде их обнаружили, ну-ка... — директор похлопал ладонью по столу, разыскивая доклад целителя.

— Значит, Мурасе-Ито... задеты энергетические связи обеих рук, слабый шок от использования «звезды Юрисаэ». Ли — правая рука, открытые раны на голове, лице и шее. Малолетние идиоты, — секретарь поперхнулся — директор не стеснялся в выражениях.

Йисх не сводил внимательного взгляда с главы совета.

— Простите, — секретарь вздрогнул, как от укуса змеи: Красноглазый вдруг заговорил. Свистящим шёпотом, словно нарочно пытаюсь придать себе ещё больше сходства с пресмыкающимся. — Нельзя ли позвать сюда целителя? Я хотел бы спросить его мнения по поводу ранений.

— Целителя? — директор взглянул на мага, поднял брови. — Вересаати, прикажите, пожалуйста, позвать Иневееле.

Секретарь поднялся с места, испепеляя боевого мага негодующим взглядом. Почему к нему директор обращается с уважительной частицей? Не достоин. Пусть даже Йисх — всего лишь прозвище, а не фамилия.

Иневееле появился быстро, будто ждал неподалёку. Коротко поклонился собравшимся, устроился на табурете рядом со столом, замер, ожидая обращённых к нему слов.

— Иневееле, не могли бы вы чуть подробнее рассказать нам о ранах, которые ученики нанесли друг другу?

— Вас интересует что-то конкретное, помимо написанного мною в докладе? — уточнил целитель.

Юстеддия-илиэ переглянулся с боевым магом. Заговорил Красноглазый:

— Нас интересует, насколько сильным вам показалось воздействие этих двух друг на друга. Если бы вы не знали, что это результат детской драки, что бы вы подумали?

Целитель задумчиво сложил кончики пальцев, опустил взгляд.

— Да, я понимаю, — сказал наконец. — Я бы сказал, что это почти вторая ступень.

— Вторая ступень, — Йисх обвёл присутствующих прикипающим к лицам взором. — И они пока ещё не мои ученики. Они — младшие.

Разлилось молчание. Секретарь смотрел на красные огоньки в глазах мага.

— Собственно, я заинтересовался этим, — Йисх говорил плавно, почти лениво, — как только услышал, что один использовал «звезду Юрисаэ», а другой — впрочем, не боевому магу это мало что скажет — заклинание «иггима», совмещённое с управлением животным. Птицей, если я не ошибаюсь.

— В школьной программе младших нет боевой магии, — вставил заведующий канцелярией. — И в школе нет других учителей по этому предмету, кроме Вас, Йисх-ирхе.

Красноглазый медленно кивнул:

— Конечно, и я утверждаю, что мальчишки не могли узнать методику на моих уроках. Впрочем, даже если кто-то из старших и похвалялся своими знаниями перед младшими...

Сила и искусство, с которыми были использованы заклинания, превышают уровень любого из третьекурсников на сей момент. Адепты же четвёртого и пятого курсов уже вышли из подобного ребяческого возраста и отлично понимают ценность магии — и жизни.

— Что вы хотите сказать, Йисх-ирхе? — нахмурился директор. — Простите меня великодушно, но я потерял нить ваших рассуждений.

Секретарь еле скрыл усмешку.

— Вчера я побывал на месте так называемой «дуэли», — Йисх не смутился. — Как я и думал, земля там ещё хранила слабые следы. Остались и следы «звезды», и останки использованного животного с обрывками наложенного заклинания. А ведь прошло несколько дней.

Директор нетерпеливо кивнул.

— Мальчишки — прирождённые гении боевой магии. При надлежащем обучении и тщательном надзоре они прославят нашу школу, — Йисх усмехнулся, будто сам не верил своим словам.

— Э-э, — протянул Юстеддия-илиэ, — и что же, на основании их гениальности вы предлагаете оставить обоих без наказания?

— Нет, господин директор, — тонкий язык облизнул такие же тонкие губы, и секретарь на миг поразился его обыкновенности — а как же раздвоенный кончик? — Это было бы непедагогично.

Директор собирался что-то сказать, но невежа-маг остановил его коротким движением пальцев. Придвинулся на стуле, чёрные волосы упали на лицо.

— Элхеский мальчишка, — произнёс он, накалывая Юстеддия-илиэ на свои зрачки, — очень кстати выступил с признанием ответственности и просьбой о наказании. Пусть получит своё наказание. И оба они успокоятся, воображая, что избежали худшего.

— Какое же наказание вы предлагаете?

— Осмотр воспоминаний.

— Осмотр воспоминаний... Вот как, — директор Юстеддия отвёл взгляд в сторону, пожевал губами, скользя глазами по разложенным на столешнице бумагам.

— Практика широко распространённая, даже полицейские маги уже начинают её применять. Вместо нудных допросов подозреваемых, затяжных пыток воришек и ведьм... Очень быстро, очень результативно и немножко... отрезвляет пациента, ибо является вторжением в личные пределы.

— И всё?

— Я бы не отказался заглянуть в их головы. Было бы немаловажно узнать, как они использовали заклинание, как добивались контроля над силой. Увидеть изнутри эту их дуэль. Не сомневаюсь, результаты наблюдения станут весьма ценными — и для боевой магии как науки прежде всего.

— Вы убедительно говорите, — покачал головой директор. — Нельзя не прислушаться. А вы что скажете, господа?

Посмотрев на лица собравшихся, директор поморщился. Что они могут сказать? Единственный боевой маг здесь — Йисх-ирхе, а остальные — пусть во всех отношениях хорошие работники — увы, всего лишь канцелярские крысы. Да и сам Юстеддия уже позабыл всю магию, ведь школу он закончил раньше, чем этот Красноглазый Йисх и на свет появился.

Делать нечего.

— Позовите детей, Вересаати.

Начало мая

— Всё собрал? — Тенки исподтишка следил за темноволосым.

— О себе побеспокойся, — ответил тот хмуро, затянул ремни на сумке.

Портал уже настроили на Сорэнэрэ, и рама его разгорелась молочной голубизной. Первым отправится элхе, потом работники переведут коридор на Валисса. От Валисса до Аксе придётся взять попутную тележку или присоединиться к каравану.

Тенки побренчал в кармане мелкими монетками — звучало приятно. Остальное он попрятал заранее, надёжно распахал по укромным местам. Денег за год скопилось не ошеломляющее количество, но, с точки зрения бывшего деревенского жителя, приличное. Мать с сестрой обрадуются.

Уже почти год миновал с тех пор, как майской ночью он отправился в Йокола. Изменилось ли что-то на берегу? Не снесло ли забытую огнём Аксе в море одним из редких весенних штормов?

Хотя по крайней мере в марте деревушка ещё стояла на месте — мать присылала письмо.

— Время, — шепнул темноволосый словно себе под нос. Глянул на плывущую перламутровую дымку. Коснулся сумки.

— Постой, — Тенки чуть не зажал рот руками — ведь не собирался же ничего говорить.

Эльф обернулся, посмотрел свысока. Приподнял бровь. Это значило: «Слушаю».

— Я... — начал было нинье и заткнулся. Продолжать было жутко неудобно.

— Ты? — с вежливым интонационным подъёмом на конце слова спросил элхе.

— Спасибо, что ли, — если этот лупоглазый будет продолжать так на него смотреть, Тенки не выдержит. Или двинет в рожу, или намного хуже — покраснеет от идиотской неловкости, словно девица элхеских кровей.

— М-м, — кажется, неуместная Тенкина благодарность ввела темноволосого в ступор. — Собственно, за что?

— Да морской... огонь! Говорят тебе «спасибо», скажи «пожалуйста», не ясно разве?!

Эльф флегматично пожал плечами.

— Ну, если хочешь. Пожалуйста, — ответил невозмутимо. — Только должен заметить, если ты имеешь в виду моё поведение на комиссии, я поступал согласно традиции. Я был виноват и сообщил об этом.

— Ты взял на себя наказание, — буркнул Тенки, остывая.

— Оно оказалось гораздо мягче, чем я ожидал, — темноволосый задумчиво почесал за ухом. — Просмотр воспоминаний и две недели наедине с тобой.

— Тогда меня наказали уединением с тобой вовсе ни за что, — огрызнулся мальчишка.

Элхе нарочито безразлично посмотрел в глубь портала.

— Осмотр воспоминаний всё-таки, — Тенки помялся, — ну, они же заглядывают внутрь тебя?

— Физически неприятных ощущений не было, — ответил собеседник. — Просто заклинание, просто... воспоминания.

Лицо его оставалось непроницаемым, но Тенки решил, что осмотр воспоминаний

доставил бывшему противнику больше некомфортных ощущений, чем тот признавался. Каким бы ровным голосом эльф ни говорил, вряд ли ему особенно приятно было вспоминать тогдашнее... и вновь испытывать ту же боль и безысходность, позволяя сознанию угасать в ловушке.

— Время, — повторил темноволосый, словно подслушав мысли нинье. Поднял сумку, закинул на плечо.

Тенки дорого дал бы за возможность независимо сплюнуть, но в зале телепорта об этом нельзя было и заикнуться, понятное дело. Глянул на высокую фигуру эльфа, вставшего перед голубоватой дымкой.

Темноволосый обернулся.

Встретив его упорный взгляд, Тенки напрягся, свёл брови. Чего?

— Меня зовут Ацуатари Мурасе-Ито. Можешь называть меня Ацу.

Темноволосый словно ждал чего-то.

— Э-э, если считаешь, что я стану звать тебя Ацу-оодиэ, обойдётся, предупреждаю заранее, — на всякий случай Тенки решил сразу расставить акценты.

Элхе вздохнул. Покачал головой, будто отчаялся вконец.

— Неужели все нинье не имеют ни малейшего понятия об элементарной вежливости? — возвёл глаза вверх, словно небесный огонь узрел. — Услышать от тебя обращение «оодиэ» — уж лучше заколоться.

— А ты заранее заколись, облегчи мне жизнь, — с вызовом бросил Тенки.

— Как мне звать тебя, Тенки Ли? — похоже, темноволосому надоели словесные игры.

— Ну, Тенки и зови. Моё имя, как-никак, — хмуро ответил мальчишка. — Ты отчалишь, в конце концов? До каких пор портал собираешься занимать?

— Ладно, — элхе чуть заметно усмехнулся. — До встречи в новом учебном году, Тенки.

— Отваливай уже, как ты там. Ацу. И не торопись обратно, я от тебя хоть отдохну!

Ещё не отзвучали последние слова, как темноволосый, повинуясь забегавшему по раме сигналу, шагнул в перламутровый туман.

— У него ещё и скверная привычка не дослушивать до конца, — философски объяснил себе Тенки. Посмотрел на свою сумку.

Следующим в портал войдёт он.

Учебный год завершился.

Пацу — август

Хиэдди

Сегодня храм чуть слышно ласково гудел. Подбадривал. Птицы тоже щебетали особенно задорно, словно хотели сказать: «Не унывай, держись, мы с тобой». Даже деревья опускали руки, чтобы погладить по макушке: «Всё хорошо». И тем не менее Дарина волновалась.

Сегодня новоиспечённой жрице предстояла первая встреча с правительницей земель, на которых находился единственный официально признанный вход в храм. Разобраться в территориальных хитросплетениях девочка ещё не успела, знала лишь, что там, в «Верхнем мире», её храм называют Огненным.

Настоящее же его название гласило: «Храм Пяти элементов». Охранитель пограничного пространства между мирами, средоточие энергии, ствол дерева, породившего бессчётное количество плодов. Мир-шлюз, препятствующий изменению уровня жизненной энергии там,

где это означало бы гибель.

Дарине не хватало знаний, чтобы вместить в себя всё, чем был Храм. Необъятное, практически всемогущее, не имевшее чёткой физической формы существо — нечто мудрое и бесконечно древнее. Храм существовал, пока существовал мир, или мир существовал, пока был Храм. Она, призванная и признанная его жрица, была его частью. Часть самостоятельной, имевшей право на собственные чувства и решения, способной при необходимости прервать связующую их нить. Но всё же частью.

Если Храм предсказывал беду, жрица могла сообщить о ней. Если извне просили о помощи, могла помогать. Пользуясь силами Хиэдди, как звучало название Храма на языке Огненного материка, могла влиять на потоки энергии.

Таковы были когда-то обязанности матери Дарины. Охранять и лечить, следить за порядком и равномерным течением потока жизни. Следуя просьбам королевы Огненного материка, жрица помогала жителям её страны.

Теперь наступила пора Дарине принять эти обязанности. Почти год прошёл со времени, когда храм призвал её. Уже почти год — и через три месяца снова придёт декабрь.

Внутренний голос — или голос храма? — шептал о необходимости парадной одежды. «Жреческой», — говорил он, и Дарина повторила, тихо, себе под нос, чтобы просто послушать, как шелестят и опадают слова:

— Жрица. Я жрица храма.

Закутаться в эту одежду оказалось неожиданно сложно: каждый раз девочка забывала очередную мелкую деталь, и приходилось начинать по новой. Наконец все складки легли как надо, волосы смирились с необычной причёской, ожерелья тяжело придавили ткань. Дарина глянула в зеркало: на неё смотрел симпатичный ребёнок женского пола, сияющий оранжевыми глазами. Непривычное, но красивое одеяние с длинными, до полу, юбками в несколько слоёв не прибавляло ребёнку солидности, скорее вовсе наоборот — её умаляло.

— Этак меня никакая властительница всерьёз не примет, — озабоченно шепнула девочка отражению. Но изменить свой возраст Дарина не могла. Ей пятнадцать, что же тут поделаешь. Пусть королева увидит это сразу и примет новую жрицу такой, какой она является. Если же скажет, что пятнадцати лет слишком мало...

Хрустальными трелями рассмеялись птицы. Над Дариной, над её нарочитой серьёзностью. Жрицы Храмов не зависят от земных правителей, ни Верхнего мира, ни Нижнего. Жриц не избирают и не свергают, вернее, это делает не человеческая сила, и над ней не властны политики.

Достаточно помнить об этом, и в разговоре с королевой Дарина не потеряет уверенности. Лишь бы не забыть случайно, не проиграть чужому величию.

В том, что королева одного из материков Верхнего мира будет величественна, девочка не сомневалась. Память храма твердила ей, что Хиэлие — таков был титул королевы, Хиэлие, Огненная дева, — правит материком Огня уже почти сорок лет. Как и в случае большинства её народа, внешность королевы отличается от привычного Дарине вида обитателей Нижнего мира. Впрочем, с некоторыми из подданных Хиэлие Дарина успела познакомиться: в быстрых исследовательских вылазках в плохо знакомый ещё мир.

Внешне они и впрямь отличались, внутренне — ничуть.

Знаний о новом мире по-прежнему не доставало, но за девять месяцев жизни в храме Дарина успела многое понять.

— Ладно, — со вздохом сказала себе малоопытная жрица, — пусть смотрит.

Кивнула, решительно уселась перед хрусталём. Повинуясь движениям девочки, по краям огромного, едва обхватишь руками, прозрачного шара поплыли жемчужно-белые тени, скручиваясь в ничего не значащие узоры. Храм вливал в камень жизнь, осторожно и медленно, по капле. Громадный шар, наполняясь энергией, звал далёкого близнеца.

Сейчас хрусталь в королевских покоях так же пульсирует, постепенно наливаясь беломолочным сиянием.

Изображение появилось внезапно, совершенно неожиданно. Перламутровая белизна хрустала мигнула, устанавливая соединение между двумя камнями, вспыхнуло трепетное пламя, и над гладкой поверхностью шара отражением в зеркале высветилось женское лицо.

Разумеется, оно не было отражением.

Большие глаза на тонкокостном лице, выдающиеся скулы, узкий подбородок с маленьким ртом — необычная, непривычная красота, усиленная нечеловеческой яркостью цветов: красные, почти ало-оранжевые длинные волосы, брови оттенка чуть потемнее, кроваво-бордовые, резко выделяющиеся на белой коже. И сами глаза — снова нельзя не удивиться — огромные, невозможные, цвета дождливого неба, живые и смотрящие. Прямо на оторопевшую Дарину.

— Я, благосклонностью Огня, — она говорила по-элхески, очень певуче, очень завораживающе и очень быстро, Дарина едва успевала мысленно переводить, — хранительница Огненного материка, Хиэлие, рада приветствовать Храм великой стихии, — глаза цвета дождя опустились, заставляя новоиспечённую жрицу вздрогнуть.

— Я... — шепнула Дарина, в свою очередь опуская глаза, не из-за требований ритуала — от смущения, — жрица Храма... — слова вышли неразборчивыми, неслышными, переливистая интонация не удалась.

— Молчание, — вновь заговорила собеседница, слегка замялась, — длилось почти десять лет. Мы начинали волноваться.

Кажется, она сказала не «волноваться», что-то другое. Что-то непонятное. Неважно.

— Теперь...

— Отныне...

Их голоса слились, и Дарина осеклась, испугавшись, что нарушила ритуал. Но Хиэлие тоже молчала. Выжидательно.

— Теперь храм буду представлять я, — dokonчила девочка.

Собеседница склонилась в неглубоком поклоне, показывая, что принимает сказанное к сведению.

— Поэтому я, — Дарина снова запнулась в поиске подходящих слов, — я хотела бы... нет ли чего-то, что я должна сделать, чего-то в вашем... в королевстве?

Ресницы женщины дрогнули в лёгком непонимании. Огненная дева молчала.

— Я хотела сказать, — попробовала жрица сказать по-другому, — какие-то ритуалы, церемо... цемеро...

— Церемонии? — лицо собеседницы казалось непроницаемым. Ни улыбки, ни следа эмоций. — Жители страны были бы счастливы лицезреть Хиэнне на больших празднествах несколько раз в год.

Хиэнне, Хиэнне... А, это же её титул, её, жрицы храма. «Огненная жрица».

— А когда эти празднества? — осторожно осведомилась Дарина. Наверное, о них мог бы рассказать и храм, но лучше услышать сейчас. Сведениями храма она воспользуется

потом, когда будет расшифровывать сообщённое Девой — нет никакой надежды, что девочка поймёт всё сказанное с одного раза.

— Зимой проводят фестивали Инея по случаю уходящего года. В конце сомицу, через два с половиной месяца. Помимо этого присутствие Хиэнне успокоит и обрадует народ на празднествах весеннего и осеннего равноденствий, происходящих, соответственно, в середине янацу и канацу. И, разумеется, летнее и зимнее солнцестояния: месяцы намицу и суваца. Ещё...

— Простите! — перебила Дарина, чувствуя, что потерялась среди кучи незнакомых месяцев. — Сейчас август, не так ли? Когда ближайшие празднества?

— Канацу, — вежливо сообщила Дева. — В следующем месяце. Осеннее равноденствие. Кажется, Хиэлие поняла, как тяжело даётся жрице разговор на элхеском. Фразы её стали обрубленными и чёткими. Не то чтобы это сильно помогло.

— И что нужно делать?

— Ничего. Просто присутствовать.

Неужели всё так просто. Празднества? И только? Не верится.

Дарина шевельнула губами, но ничего не произнесла. Ей хотелось спросить о лечении. Может ли она, Хиэнне, лечить? Не запрещено ли ей оказывать помощь? Хотелось сказать, что королева в состоянии ею располагать. Что силами Храма жрица постарается следить за благополучием подданных Огненной девы.

Хотелось, но Дарина не знала нужных слов. Не хватало ничего: ни понимания элхеского, ни сведений об устройстве Верхнего мира, ни опыта в беседах с такими высокими персонами. Не сделала ли жрица ошибки, послав такой внезапный вызов? Королева, кажется, её появлению не обрадовалась. Позволено ли Дарине навязываться?

Пожалуй, лучше подождать. До следующего раза, до момента, когда жрица станет лучше разбираться в дворцовых обычаях.

— Э-э, Вы позволите мне снова удостоиться ауди... адие... разговора, когда подойдёт время?

— Да, конечно, позвольте мне просить об этом, — собеседница вежливо опустила голову.

— Спасибо, — с облегчением вымолвила жрица. Теперь надо попрощаться. Как у них следует прощаться?

Хиэлие ожидала. Молча.

— Большое спасибо, — повторила Дарина.

— Благодарю вас за восстановление связи, — королева, будто поняла её затруднения и перешла на ровный тон без эмоциональных подъёмов и спадов, явный призрак завершения беседы. — Огненный материк счастлив вновь обрести возможность общаться с представительницей Храма, — дождливые глаза опять нащупали лицо Дарины, и та поспешила тоже кивнуть, глубоко и старательно. — Мы позволим себе побеспокоить Храм, когда приблизится срок празднеств.

— Да, пожалуйста!

— Благодарим за восстановление связи, — Дева опять склонилась перед хрусталём.

Медлит. Не исчезает. Хотя... Пусть не исчезает! Ещё один вопрос! Об этом Дарина не может не спросить, как плохо бы ни говорила по-элхески.

— Простите!..

Лицо собеседницы приподнялось.

— Вы не... не знаете, случайно, ничего о той жрице, которая была раньше?

— Простите? — в серо-синих глазах мелькнуло то ли удивление, то ли смущение, словом, какая-то эмоция — первый раз за весь разговор.

— Я хотела сказать... что с ней случилось? Десять лет назад.

— К сожалению, мне это неизвестно, — тень исчезла очень быстро.

— Понятно... Спасибо.

— Мы благодарим за восстановление связи, — да что это она всё повторяет одно и то же?

— Да, я то... — а!

Внезапное понимание жаром согрело щёки. Королева ждала, пока хрусталь потушит Дарина!

Требования вежливости: первая беседа с новой Хиэнне, очевидная любезность к представительнице Храма. В следующий раз, если между ними установятся ранговые отношения, где королева станет приказывать, а Дарина — выполнять, завершать связь будет её величество. «Приказывать», конечно, слишком громкое слово, Огненная дева скорее будет просить, но внешний мир увидит их отношения именно так.

А пока что — подать сигнал к завершению обязана Дарина.

— Спасибо за разговор, — следуя примеру отражения, жрица согнулась в глубоком поклоне и оборвала энергетическую нить. Краем глаза проследила, как исчезло изображение, а белая дымка в хрустале стала растворяться, возвращая камню прозрачность. И тогда уже выпрямилась и устало положила локти на стол:

— Фууух...

Ничего Хиэлие толком не сказала. Хорошо хоть в этом месяце нет никаких обязанностей и можно оставаться в храме. Или королева просто пожалела новоиспечённую жрицу? Или посчитала, что слишком рано выставлять такую под взгляды горожан?

Впрочем, это не так важно.

Хиэлие ничего не знала про родителей Дарины. Жрица, как бы то ни было, не питала особенных надежд: отец и мать её погибли в Нижнем мире, вряд ли королева Верхнего могла быть осведомлена в обстоятельствах этой гибели.

Память о них, как и о многих поколениях предыдущих жриц и их супругов, жила в храме. Память о них? Скорее, их сознание, их духи; дочь ощущала их присутствие. В храме был уголок, который, возможно, в другом месте вернее было бы назвать кладбищем, и Дарина не раз гуляла между табличками с выгравированными именами. Отец и мать. Бабушка и дедушка. Прабабушка и прадедушка, прапра... бесконечная линия назад во времени.

Храм действительно был почти всесилен. Не в состоянии сохранить жизнь своей жрице и её избраннику, Хиэдди принял в себя их души. Создал место памяти, сотворил якорь в виде вытравленных на камне букв, подарил своей новой жрице возможность приходить к родителям, разговаривать с ними, не слыша ответа, и, порою... плакать.

Дарина вздохнула. Помотала головой, поднялась.

Королева, Её Огненное Величество. Она совсем не выглядела на свои... уже точно больше пятидесяти. Будь Дева человеческой женщиной, Дарина дала бы ей не старше тридцати пяти-сорока. Даже Тэцуко-мама смотрелась пусть молодо для своих сорока восьми, с Хиэлие ей не сравниться.

Тэцуко-мама. Дарина давно не навещала приёмных родителей. В Токио стояла жара —

наведываться туда не хотелось. Вместо этого жрица предпочитала знакомиться с Верхним миром, выходя на недолгие, не больше нескольких дней, прогулки по Лиссе и соседней с ней провинции Щинге. Август на севере Огненного материка палил гораздо терпимей изнурительного токийского солнца.

Но сегодня — сегодня Дарине захотелось в Нижний мир. Пройтись по ставшим за десять лет родными узким улочкам, раскрыть чёрный кружевной зонтик, прячась от горячих лучей, прогуляться до ближайшего супермаркета и купить пирожных на карманные деньги, которыми родители продолжали её снабжать.

Невзирая ни на какие странности и враз изменившуюся жизнь.

После того как Храм, Хиэдди, призвал свою жрицу, стало иным многое. Но многое, что удивительно, осталось совершенно прежним. Теперь она жила в храме — но каждый месяц по несколько раз отправлялась домой, в Токио. Школу уже не посещала — но усердно корпела над учебниками чужого ей певучего языка, над географией и историей внезапно разросшегося мира, благо библиотека храма хранила в себе подавляющее количество книг.

Только с друзьями встречаться уже не приходилось: бывшие одноклассники считали, что девочка погибла — в прошлом году Дарине даже удалось побывать на собственных похоронах.

Церемония оставила след в душе, и поныне жрица слегка поёживалась, вспоминая мрачный день. Пережить его было тем более тяжело, что фальшивую смерть Дарине пришлось инсценировать самостоятельно.

По своей воле девочка на это не пошла бы: слишком жалко было родителей, бессовестным казалось обманывать их так жестоко. Но внутренний голос шептал, что мистификация необходима, что привычная Дарине жизнь завершилась и единственно правильным станет завершить её в глазах всех, знавших девочку прежде. Жрица воспользовалась помощью Храма, чтобы внушить нужное полицейскому из маленькой будки на углу квартала, и, когда испуганные звонком родители пришли по вызову, навела аккуратный морок, убеждая их в смерти дочери.

Созданные пусть неопытной ещё жрицей, чары сработали безупречно.

В день похорон дом Такаси притих, словно придавленный; чёрные люди чинно сидели на скамьях, а многие школьные друзья, не скрываясь, плакали. По одному прощающиеся подходили к большому чёрно-белому портрету девочки среди цветов, шептали ей каждый что-то своё и снова отходили, уступая место следующим.

На похороны пришло немало народу: Дарину любили. Спрятавшись в соседней комнате и наблюдая за происходящим через щель в фусума, девочка чувствовала себя последней негодяйкой и вздрагивала при малейшем звуке неподалёку: не ровён час, засекут ожившую покойницу, поднимется скандал; страшно подумать, как подействует такое появление на слабых сердцем. Поэтому связь с храмом держала, не прерывая, готовая в любое мгновение раствориться в междумирье.

Родителей было жалко. Одноклассников тоже, но родителей — больше всего.

Остановившийся мамин взгляд Дарина помнила до сих пор. На церемонии мама уже не плакала; одетая в чёрное кимоно, сидела прямо, как будда, как статуя, как будто сама умерла, и только белые пальцы стискивали ладонь мужа. Дарина кусала костяшки правой руки, еле сдерживая слёзы: выходить было нельзя, нельзя было кричать, нельзя было издавать ни звука, но сердце всё-таки кричало. «Мама, я живая! Я здесь!».

Хорошо, что сейчас всё позади.

Против ожидания, явление «призрака» перед родителями — спустя несколько дней после похорон — не окончилось новой трагедией, и отец с матерью не стали хвататься за сердце. Вовсе наоборот: поняв, что приёмная дочь действительно находится в добром здравии, оба на удивление спокойно приняли рассказ о храме и обязанностях жрицы, о существовании другого, совершенно отличного от родного им, мира. Дарину даже не стали упрекать за бессердечные игры с чувствами родителей.

— Рина-тян, — совсем обычным голосом сказала Тэцуко-мама, — с того дня, как мы встретили тебя, мы знали, что однажды ты уйдёшь.

Отец молчал и только водил глазами по лицам жены и приёмной дочери.

— Мы никогда не говорили тебе, как ты появилась в нашем доме, а ты не спрашивала, — когда-то память о случившемся около десяти лет назад была тщательно спрятана в дальние уголки сознания, но наступил день рассказать обо всём — так говорили мамины глаза.

— Мы, — Тэцуко-мама переглянулась с отцом, — встретили женщину, красивую женщину-иностранку, она несла на руках девочку. Не старше четырёх, совсем ещё малышку. Удивились... Первый раз, наверное, видели иностранку, да ещё с ребёнком.

— И что? — жадно спросила Дарина.

— Она попросила нас посмотреть за тобой. Недолго. На каком языке она говорила, а, папа?

— На японском, — уверенно ответил отец. — Я ещё удивился, хотел сказать, что по-английски не понимаю, когда понял, что понимаю. Она прямо как настоящая японка говорила.

— На японском... — задумчиво повторила мама. — Я даже её голоса не помню, он раздавался словно сразу внутри головы. Может, и на японском, на английском мы с папой и впрямь не говорим.

— И что тогда?

— Оставила тебя и ушла.

— Куда? Куда ушла?

Родители опять переглянулись.

— Ушла... помогать твоему отцу, мы думаем, — наконец заговорила Тэцуко-мама. — Потом мы... мы их видели.

— Кого?

— Понимаешь, одно дело — пережить что-то странное, а совсем другое — рассказывать о нём, как будто оно было на самом деле, — мама говорила тихо и заглядывала в глаза Дарины, будто извиняясь. — Когда чувства превращаются в слова, кажется, истинность куда-то уходит.

Отец рьяно закивал, подтверждая.

— Не получится рассказать, Рина-тян. Они умерли — почти на наших глазах. Тайфун был и землетрясение — в тот день всё как-то случилось вместе, будто земля, море, небо одновременно разгневались. Сильный ветер дул. Были другие люди ещё, они потом исчезли куда-то, почти все, — мама, казалось, с трудом находила слова. — Много людей погибло. А нас тогда, — женщина взглянула на мужа, словно искала поддержки, — как будто боги охраняли.

Мама помолчала и продолжила:

— А когда закончилось, когда самый пик бури миновал, я глянула на тебя и ахнула — твои волосы становились чёрными, а глаза — карими. И иностранная девочка у меня на руках вдруг превратилась в японочку.

— Мама тебя едва не выронила, — добавил отец с шутливым упрёком.

— Тогда мы поняли, что они точно не вернуться, твои родители. Оставили тебя на наше попечение.

— А потом?

— Вернулись домой. Стали думать, что с тобой делать. Японского ты не понимала. Мы тогда позвали соседа-студента. Он с тобой по-английски, а ты ему не отвечаешь ничего, словно не понимаешь. Он уж на нас рассердился, подобрали, мол, слабоумного ребёнка, какая из неё иностранка?

— Документы, документы, — подсказал отец.

— Да, документы мы нашли в твоей сумочке. Оформлены честь честью, имя, фамилия, возраст, место рождения. Так по ним получалось, что ты в Тиба родилась, совсем рядом. В семьдесят шестом году, в марте. Тогда уже пошли потом и удочерили тебя официально. Долго с чиновниками бились... Да про родителей твоих потом ясно стало, что погибли. А никто из родственников не объявился.

— Имя, — снова вставил отец.

— Ах, да! Фамилия у тебя была написана: Танака. Там среди погибших тогда... Танака Кунихиро-сан и Танака Эри-сан... такие имена были. И мы думаем, это они, твои... настоящие родители. А тебя потом не искал никто, ни один родственник не объявился... Ой, ты прости меня, старуху глупую, что я тебе всякое рассказываю.

— Всё нормально, мама, — от излишних усилий голос получился деревянным. — Спасибо, что рассказала. Больше неоткуда узнать.

Нельзя было утверждать, что мамин рассказ много прояснил. Одно было ясно: настоящие родители жрицы погибли тогда, в Японии, почти десять лет назад. Погибли — и отец, и мать — оставив храм без хранителей.

И через десять лет храм потребовал себе новую жрицу.

1991 год от Рождества Христова

«Маргарите Ярве
Таллинн, июнь

Привет, Ритуля!

Давно не слышались, не виделись. Как ваши дела? Решила вот написать письмо, а то звонить дорого, а мы с Индрекком сейчас копим денег, чтобы осенью ехать на раскопки. Детей надо будет оставить одних, так хоть наймём им няньку, а то ведь у меня отец старый уже, да и тот — на Сааремаа, хутор не оставить. А детям в школу ходить. А про родителей Индрека ты знаешь.

Вот, к слову, раз уж заговорила.

Не прими, пожалуйста, мой вопрос за вопрос ненормального человека.

Ты помнишь, как мы с Индрекком познакомились?

Сейчас поясню. Дело в том, что в последнее время у меня странные провалы в памяти. В один момент я прекрасно знаю: встречалась с ним пару лет до свадьбы, потом мы поженились, появились дети. В другой же мне кажется, ты представляешь, что я вернулась домой с двумя свёртками, а там меня встретил абсолютно незнакомый человек, который вдруг заявил: «Я твой муж».

Ну вот, я уже вижу, как на этом месте ты многозначительно стучишь карандашом по бумаге и угрожаешь выбить из меня всю дурь.

Ну, выбивать будешь потом, когда наконец приедешь, а сейчас уж ты вынуждена будешь выслушать всё, что я имею тебе сказать. Вот в чём прелесть писем! Ты разозлена? Негодуешь? Ха-ха, отлично! Приезжай скорее, и я дам тебе задушить меня в объятиях.

Так вот, на чём я остановилась.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Бывают такие странные моменты, когда я роюсь, роюсь в своей памяти и никак не могу ничего найти, всё словно тонет в колышущейся серой массе. Не вспомню ни нашего первого свидания, ни даже знакомства, ни его друзей, ничего. Родителей у него нет, родственники где-то далеко, уехали то ли в Россию, то ли в Америку. Друзей тоже немного, и все — наши общие, так что даже непонятно, кто с кем раньше познакомился. Впрочем, Индрек по природе рассеян, не слишком людим. Ой, так говорят — «людим»? Ну ладно, раз написала, не вымарывать же.

Так, опять я убежала в сторону. Так вот, я отлично знаю, что замуж вышла по любви, и после замужества эта любовь ещё более окрепла и сплотила нас (прямо как партия). У нас растут хорошие детки, хорошенькая дочка и умный сын, у нас с мужем одни увлечения, и понимаем мы друг друга с полуслова. (Прости, я тут ударилась в патетику.) В общем, мы счастливы.

Если бы не один момент!

Мне снятся кошмары. Начали сниться не так давно, ты первая, кому я о них рассказываю. Даже Индрекку не говорила. Вот один из них.

Я сижу в какой-то неосвещённой комнате на полу, прижав ноги к груди. В углу, рядом со мной, высокая кровать, это моя комната. Та самая, где я жила до замужества. Я знаю, что мой любимый (не знаю, кто это, но точно не Индрек) меня оставил, потому что не хотел на мне жениться, а я жду от него ребёнка. И вот я реву одна в этой комнате, не знаю, что делать, к кому бежать, у меня нет никого, кроме этой новой жизни в пузе, и я понятия не имею, как буду жить, как найду денег, чтобы прокормить будущего ребёнка, как пройду через всё это в одиночестве... Бр-р.

Потом есть ещё другой. Тоже себе кошмаристый.

Я в больнице. Обшарпанные зелёные стены, на высоте моих глаз начинается исцарапанная побелка. Коридоры полны женщин, никто не глядит по сторонам, все как мёртвые. Захожу в кабинет. Врачиха смотрит на меня с презрением, потому что у меня нет обручального кольца на пальце. Когда осматривает, будто специально делает мне больно. Все её жесты, все слова словно специально нацелены на то, чтобы сказать мне, какая я низкая тварь, какая сволочь, шлюха, забрюхатевшая невеста от кого. Она даже прямо так и говорит кому-то при мне: «Расходились тут всякие, спят с кем ни попадя, заразу распространяют».

Это обо мне-то? Я в первый раз с женщиной в постели оказалась в двадцать три! И было их у меня всего двое! И забеременела я лишь после замужества!

Потом ещё один. Тебе не надоело? Потерпи...

Мне снится, что у меня только один ребёнок. Так говорят и мой постоянный врач, и акушерка, и другие врачи, медсёстры. Все знают, что я жду одного ребёнка, вроде как мальчика. Никто, понимаешь, абсолютно никто ничего не говорит о втором! Как будто Хиден и не рождалась, как будто не пинала меня изнутри! И тут приходят люди, их несколько, но лица туманятся, и я никак не могу разглядеть их черты. Они все высокие, тонкие, худощавые, двигаются с одинаковой грациозностью, как будто не люди, а какие-то биомшины. У одного из них на руках младенец-Хиден. Я протягиваю к ней руки, она открывает глазки. Смеётся. Я хочу коснуться её, но окружившие меня люди не дают. Хиден плачет. И наступает тьма.

И эти три повторяются с завидной постоянностью. Чуть ли не раз в неделю просыпаюсь со слезами на глазах.

Ты, верно, спросишь, почему я с Индрексом не поделюсь, ведь муж — опора каждой женщины.

А я не могу. Мне жалко на него это взваливать. Ведь у него и самого...

Понимаешь, каждый раз, когда я спрашиваю его о друзьях, о девушках, которые у него были до меня (ведь была же хоть какая-то? Индрекс у меня красавец-мужчина!), у него делается такое растерянное лицо... Он, конечно, рассказывает, если сильно припереть к стенке, но постоянно сам твердит, что эти воспоминания кажутся ему неживыми, какими-то пыльными. Отец с матерью погибли, когда он был маленьким, он уж и не помнит, что с ними случилось. Воспитывала бабушка, и та умерла, он едва в комсомол вступил. И всё — никаких больше родственников, никаких старых знакомых, дядек, тёток, нянчивших его на коленях в далёком детстве. Гол как сокол.

Вот так мы с ним и живём: один предпочитает не думать о прошлом, вторая видит в кошмарах его фальшивые призраки.

Понаписала я тебе, Ритуль, да? Ну, ты не бери близко к сердцу, у нас всё хорошо, а кошмары... у каждого человека должны быть свои ларцы-шкатулочки, иначе в этого

человека заглядывать неинтересно. У нас, значит, такие вот шкатулочки, с кошмариками.

Ну хватит мне уже о себе рассуждать. Я ведь хотела тебе ещё о Хиден рассказать.

Ты ведь уже годика два как обоих не видела, а детки растут быстро. Хиден, чувствую, будет высокая, в папу, у неё уже ноги, как две каланчи. Тайо, конечно, в меня, но говорят, это хорошо, когда мальчик похож на маму, а дочка — на отца. И знаешь, когда я вижу их вдвоём, каким-нибудь поздним вечером, таких одинаковых, он — с книгой в руке, она — сидит на его колене и заглядывает в ту же книгу, — так тепло на душе становится, не поверишь! Никакие кошмары не страшны.

За Хиден, знаешь, я поначалу очень беспокоилась. По сравнению с другими детьми она была такая маленькая, хрупкая, словно не от мира сего. Опять же это её отсутствие пигмента, беленькие волосики. Когда она младенчиком была, так это в глаза не бросалось — детки многие маленькие светленькие да голубоглазые, но стоило шевелюре её отрасти, как все ахнули! И давай наперебой: «Девочка больна, девочка больна, отведи к доктору, она альбинос». И ещё её ушки, они же слегка заостряются, — так все тоже в один голос, мол, болезнь какая, и давай рыться, придумывать её названия. Соседка мне с нижнего этажа аж медицинскую энциклопедию притащила и давай тыкать. А там картинки-то какие! Фотографии заболеваний! Хоть прямо на месте в обморок вались.

По врачам ходили, а как же. Да ты помнишь, наверное, это время, я тебе всю жилетку прожаловалась. А врачи только руками разводят. Да и лекарства прописывают, а Хиденка потом от них животом мается. Потом уже и пить отказалась, и правильно поступила, скажу я. И нормально всё, тьфу-тьфу-тьфу, до сих пор, живы-здоровы, а проблема-то на генном уровне, нам в Москве сказали. Всё Индрекова наследственность. Я как узнала, так рукой махнула: если уж муж мой вырос вполне себе чудесным человеком, то и с дочерью ничего страшного не будет.

Ну вот, потому что взрослые такие неразумные, я уж думала, задразнят мою малышку в школе, дети-то всему от взрослых учатся. Тайо постоянно твердила: «Защищай сестру, ты старше». Но знаешь, страхи оказались напрасными! Никто особо к цвету волос не придирается, и про уши дразнилок не сочиняют, нашли они с Тайо себе компашку, гуляют вместе, дружат.

Вот, кстати, был один случай.

Я заметила, что у Тайо начала перетираться ленточка с ключами, которую он должен бы таскать на шее, а носит в портфеле. (Тайо — наш ответственный хранитель дома: мы с Индрексом целыми днями на работе, и детям приходится возвращаться в пустую квартиру, самостоятельно замок открывать.) И, значит, взяла я эту ленточку, хотела подшить, а Тайо сказать забыла. И наутро дети отправились в школу без ключей, потому как ленточка осталась лежать на моём столе, в спальне. Я же, балда этакая, вспомнила об этом только в конце дня, незадолго до того как домой идти. Картинка перед глазами встала, как живая: лежат ключи на столе, лента свисает, я ещё подумала, не смахнуть бы, да и забыла. Подшить подшила, а в портфель ребёнку всунуть забыла.

Бегу я, ворона, домой. Стремглав мчусь, думаю только о детках своих голодных, озябших, на часы посматриваю, пытаюсь вычислить, кто раньше вернётся, я или Индрек. Прибываю к дому, бегу к подъезду, поднимаюсь, наконец, на наш этаж — и что же? Никого перед дверью. Открываю — навстречу Тайо выскакивает: «Мама пришла!» Все дома, и дети, и Индрек.

Я, конечно, подумала, это он им дверь открыл, даже спрашивать не стала. А потом

смотрю — а ключей-то и нет. Посмотрела на столе, на полу, везде порылась — нет, как будто не было никогда. Тогда уже спрашиваю у Индрека, вечером, когда дети спать пошли, мол, это ты им дверь открыл? Он на меня глаза удивлённые: нет, мол, уже дома были, когда я вернулся.

А ключей-то и нет.

Каково, а?

Я только потом сообразила: верно, Тайо вспомнил о ключах и перед уходом зашёл в нашу комнату, взял. А мне сказать и забыл. Я потом у него спросила, так и оказалось. Но напугал же он меня — я уже столько всего передумала: как дети могли достать ключи из запёртой наглухо квартиры? Да ведь Тайо и не знал точно, куда я их подевала, разве что случайно заметить мог...

Похоже, сумбурным получился мой рассказ. В общем, так мы и живём, как я рассказываю: сумбурно, но зато весело. Тайо порой хулиганит, Хиден общается с воробьями (ну, это я так называю её дружбу с птицами, порой кажется, что они и впрямь понимают один другого), Индрек по уши в своих книгах, а я бегаю между всеми ними и ставлю всё с ног на голову.

Короче, живём весело — приезжай скорее и окунайся в нашу атмосферу!

Индрек передаёт привет, дети кричат, чтобы ты привозила Ксюшу.

Жду! Отговорки не принимаются!

Неля Кеваде»

Таллинн, 28 августа 1991 года

Воробей нахохлился, склонил голову набок, рассматривая булку, затем смело спорхнул с ветки прямо на ладошку и начал клевать. В то же мгновение гам и чириканье заполнили солнечную тишину школьного сада: ещё с десятков пугливых пичуг устремились к детской руке. Беловолосая девочка рассмеялась, протягивая к птицам вторую ладонь. Старый рыжий кот посмотрел осуждающе: опять его оставили без добычи.

— Здравствуй, Хиден, — раздался незнакомый голос.

Девочка недовольно огляделась: ну вот, сейчас всех птичек распугает. Но вокруг не оказалось никого, только шумные воробьи да потрёпанный полосатый кошка. Выбросив странности из головы, Хиден поискала взглядом очередного воробья. Поманила, заставив приземлиться на ладонь.

— (Хиден-эли), — голос позвал вновь, и девочка вдруг сообразила. Кто-то обращается к ней мысленно, как может только Тайо. Но брат с мамой в здании школы, смотрят там расписание. Да и голос явно чужой.

Девчушка подозрительно покосилась на кота. Тот зевнул, всем видом показывая, что считает разговоры с человеческими детёнышами ниже своего достоинства. Нет, её точно звал не этот полосатый зверь.

— (Хиден-эли), — третий раз зазвучал в голове голос.

Девочка ещё раз осмотрелась. И тут наконец заметила незнакомца по ту сторону витой выкрашенной в бледно-зелёный цвет решётки, обозначающей территорию школы. Высокий, чем-то похожий на папу, он улыбнулся:

— (Здравствуй)!

— Добрый день, — Хиден ответила вслух, подходя к забору. — Откуда вы знаете, как меня зовут?

— (Я друг. Твоих родителей).

— Мама скоро выйдет. Она смотрит, во сколько нам в понедельник в школу приходить. Друг родителей? Это неинтересно.

Девочка отвернулась, присела на корточки, опять подзывая птиц.

Мамин знакомый — ещё один из тех взрослых, которые приходят в гости, гладят их с Тайо по головам и называют миленькими детками. А потом на кухне цокают языком, сетуя, какая Хиден хрупкая да бледненькая, и советуют разных врачей. Мама расстраивается, папа сердится, а дочь снова начинают кормить разными лекарствами.

— (Пришёл. К тебе), — он говорил странно. Не как Тайо, не словами. Сообщения незнакомца были обрывисты, и каждое вспыхивало в голове небольшим фейерверком. Непрерывные залпы мутили мысли.

Хиден поморщилась.

— (Хочу говорить. С тобой).

— (Мне нельзя разговаривать с незнакомыми), — вспомнив о запрете, девочка перешла на мысленную речь. — (Вдруг вы на самом деле маньяк, а не мамин товарищ. Сегодня утром по радио передавали про маньяка, он детей ворует).

Мужчина за решёткой явно удивился. Хиден не знала, как поняла: внешне в облике незнакомца ничего не изменилось. Но чужое резкое удивление толкнуло её в висок изнутри. Неприятно.

— (Хиден-эли), — голос и глаза мужчины лучились укором. Как можно подозревать его, лучшего друга семьи, в подобной низости? Даже воробьи зачирикали осуждающе.

— (Извините), — мысленный разговор с похожим на папу дяденькой отнимал много сил. Внутренняя энергия исчезала капля за каплей.

Девчушка села, совершенно не заботясь о том, что платье может испачкаться травяной зеленью. За испорченный наряд мама отругает потом, а сейчас надо было сесть. Очень кружилась голова, и ноги перестали держать.

— (О чём вы хотите со мной говорить?)

— (Ты необычна. Другая. Не такая, как все).

— (Я знаю), — десятилетняя малютка по ту сторону забора едва заметно кивнула, утомлённо прикрыв веки. — (Папа всегда так говорит).

«Папа»... Мужчина невольно поморщился. Но девочка, похоже, этого не заметила: именно в этот момент она зажмурилась и потрясла головой, отгоняя усталость. Нехорошо. Кажется, телепатическая беседа отнимает у Хиден-эли слишком много внутренней энергии, восстанавливать которую девочка пока не научилась. Но другого способа общаться с ней пока не было.

И — он почувствовал гордость — она действительно была необыкновенна. Кто иной способен овладеть мысленной речью в этом возрасте? Разумеется, Хиден-эли не изучала языка мыслеобразов, и понимать её было очень сложно, но техника потрясала. Передача у этой девчушки была настроена чудовищно умело, впору ставить в пример.

Впрочем, не время восхищаться.

— (Хиден-эли), — мужчина послал очередной импульс-прикосновение. Но продолжить не успел, девочка его опередила.

— (Вы пришли, чтоб сказать мне только это?) — бодро, как ни в чём не бывало.

Девчушка вскочила с травы, отряхнув платице, наморщила носик. Испуганно глянула в сторону школы.

— (Мне к брату надо, простите!) — извинилась малышка уже на бегу.

Мужчина остался стоять, не сводя взгляда с резво удаляющейся девочки. Он понимал, в чём дело. Девочка почувствовала, что потратила слишком много энергии — и восполнила потраченные на разговор запасы, пользуясь тем самым заклятием, которое он наложил на неё вскоре после рождения. Она отлично сжилась с этим заклятием...

Хорошо, если этим побегом малютка не надеется от него избавиться. Избавиться от него ей никак не удастся: на Хиден у него большие, очень большие планы. Наконец-то она повзрослела достаточно, чтобы некоторые из них начали становиться реальностью.

Подожди, девочка. Уже скоро то, что тебе предстоит узнать, перевернёт твой маленький мирок. Перевернёт и снова поставит на ноги, но уже по ту сторону реальности. И наконец всё пойдёт так, как идти должно.

— Айвар, привет! — мальчик отпустил мамину руку и помчался к сидящему на подоконнике другу. — Как лето провёл?

— Привет, Тайо! Я в лагере был, в Вяана-Йыэсуу, — похвастался рыжий, — три смены подряд! Змею видел, настоящую! И лису!

— Ух ты! — искренне восхитился Тайо. — Везёт же тебе! А мы...

Каск Анне, Кехва Тыну. А вот и они — Кеваде Хиден и Тайо. Пятый «А» класс. Неля поискала глазами сына — тот по-прежнему стоял возле окна, разговаривал с рыжеволосым мальчиком. Подумать только, уже пятиклассник! Как быстро летит время. Кажется, ещё только вчера им с Хиден было по шесть лет и они первый раз пошли в школу, и вот уже пятый класс...

Значит, пятый «А». Неля вернулась к доске объявлений. Второго сентября все ученики собираются в полдень в актовом зале на линейку, а тридцать минут спустя начнутся уроки. Подумать только, Хиден и Тайо уже пятиклассники!

Поначалу она сомневалась, правильно ли они с Индреком поступили, отдав детей в школу так рано. Может, стоило подождать год? Многие дети начинают учиться с семи лет — больше половины того первого класса оказалось семилетками. Но потом близнецы втянулись: Хиден подружилась с трудом и арифметикой, а Тайо, поверив уговорам сестры о том, что книжки — это интересно, подтянул оценки по чтению и родному языку.

Четвёртый класс сын с дочкой закончили практически на одни пятёрки, приходя на выручку друг другу: Хиден писала за брата сочинения, а он объяснял ей математику.

Просто идеальные детки — никогда не ссорятся, всё делают вместе, во всём друг другу помогают. Неле даже иногда начинало казаться, что они могут читать мысли друг друга — так слаженно действуют, так вовремя оказываются рядом...

Неожиданный шум заставил её обернуться. Стук, невнятный шорох — как будто кто-то упал...

— Тайо! — темноволосый мальчик неподвижно лежал на полу. Неля бросилась к сыну. — Кто-нибудь, позовите врача!

— Тайо! — хлопнула входная дверь, в помещение вбежала беловолосая девочка. — Мама, что с ним?

Школьная медсестра отошла к шкафчику в дальнем углу кабинета: поставить на место бутылочку с нашатырём. Неодобрительно покосилась на кушетку, на медленно приходящего в себя парнишку. Его сестра вот уже пять минут как держала мальчика за руку и тихонько плакала. Мать тоже выглядела очень напуганной. И поделом.

Медсестра вернулась к столу, села и принялась читать медицинскую карту. Странно, но оказалось, что за все четыре года учёбы этот Тайо Кеваде ни разу не обращался во врачебный кабинет с жалобами на здоровье.

— Обморок, — сухо и безразлично сообщила сестра вердикт, — банальный обморок в результате переутомления. Лучше смотреть надо за детьми, дорогуша. Спать вовремя укладывать, кормить хорошо, гулять с ними у моря побольше, витаминов давать. Мальчик и не будет терять сознание.

— Не понимаю, — всхлипнула Неля, — они у меня всегда режим соблюдают и едят хорошо... Болеют очень редко.

— Не знаю, не знаю, — женщина в белом халате презрительно скривила губы: что за матери нынче пошли, совсем за детьми не следят! — Вы бы сводили его в поликлинику да проверились, может, у него малокровие, лёгкая утомляемость — первый признак. Про девочку я уж молчу, у неё-то явно какая патология — до чего бледная, — медсестра снова заглянула в медицинскую карточку, на этот раз Кеваде Хиден, — и вес у неё ниже нормы почти на четверть.

— Мы её в Москву возили, к профессору. Он подтвердил, что девочка здорова. У неё просто конституция такая.

Мать-ехидна, ребёнка проворонила. Вступаться ещё будет.

— Дело ваше, — медсестра устало пожала плечами, — но я бы прямо сейчас хватала мальчика да бежала в поликлинику, будь я на вашем месте. Хотите, позвоню? Вас без номерка прямо сегодня примут.

— Мама, а можно мне не ходить в больницу? — каким-то внутренним чутьём поняв, что с братом-близнецом всё в порядке, Хиден совершенно успокоилась. — Тайо уже большой, он без меня справится.

— Да, мам, пусть Хиден нас дома ждёт, — с вялым упрямством попросил мальчик. — Чего ей зря невни... нери... невничать, — так и не справился с трудным русским словом. — Мы с тобой сами с доктором поговорим, он тебя успокоит.

— Я даже не знаю, — женщина немного растерялась. Конечно, зачем лишний раз тащить Хиденку в поликлинику, у бедной малышки, похоже, уже выработалась аллергия на медицинские заведения. Но ведь и не оставишь родную дочь вот так, посреди улицы — до дома ведь на автобусе ехать да ещё дорогу переходить с четырёхполосным движением, и трамвайные рельсы. Конечно, последние полгода они с Тайо добирались домой сами, но всегда вместе, под присмотром друг друга. А вот так отпустить девочку одну...

— Я провожу, — высокий мужчина со стальными глазами показался смутно знакомым. И вдруг словно вложили в память — это же Георг, дальний родственник и лучший друг

Индрека, шафером на свадьбе был. Как она могла забыть!

— Спасибо! — Неля улыбнулась и затараторила, быстро вводя друга-родственника в курс дела. — Ты как нельзя вовремя подоспел. Тайо упал в обморок, вроде от переутомления, медсестра послала нас в поликлинику, доктор через двадцать минут нас примет. Никак не успеваю Хиден домой завести, а больниц она не любит — с нами идти отказывается.

39 год Рейки, 4756 всеобщий год

1992 год от Рождества Христова

Июнь — начало августа

Это было первое лето, которое они проводили не вместе. Самое длинное, самое тоскливое — оно всё тянулось и тянулось, никак не желая заканчиваться. А ведь казалось бы, у деда на хуторе было всё, что нужно мальчику для счастья: настоящий щенок овчарки, велосипед, речка, домик на дереве, воздушный змей, море малины и клубники, спутниковый канал мультфильмов и сам дедушка, с которым можно пойти на рыбалку и покататься на тракторе. Но без Хиден всё это счастье казалось каким-то незаслуженным, неправильным. Тайо скучал, грустил без сестры, особенно первый месяц. Как она там в своей летней школе для девочек? Почему не звонит? Почему до неё не получается дотянуться мысленно?

А в конце июня Тайо начал видеть чудные сны. Мальчику снился то ли замок, то ли дворец, зелёный парк с душистыми цветами и странные люди — все сплошь остроухие и большеглазые, как Хиден. Они говорили на непривычном слуху чирикающем языке. Чаще всего в этих снах появлялись дядя Георг и какой-то улыбчивый темноволосый парнишка в тёмно-зелёном пиджаке. Они словно опекали Тайо, не давали ему потеряться в странном мире ночных грёз. В этих снах Тайо был подмастерьем колдуна: учился повелевать огненными шарами, зажигать огни-светляки, делать камни-талисманы, разговаривал с птицами и читал волшебные книги.

Сновидения приходили к мальчику нечасто — только если он очень-очень сильно, до головной боли, до потери сознания старался дотянуться до Хиден. Она словно бы отвечала на зов, успокаивала брата необычными снами, как сказку на ночь рассказывала — так, по крайней мере, считал сам Тайо.

Это было первое лето, которое они проводили отдельно друг от друга. Самое короткое и самое насыщенное — дни мелькали яркими вспышками, как-то совсем незаметно приближая каникулы к завершению. Это лето несло мириады новых впечатлений, которыми очень хотелось поделиться с Тайо — но его не было рядом. Так хотелось рассказать брату о Верхнем мире, похвастаться, что здесь Хиден не дразнят остроухой и бледной — здесь все такие же, как она, под страшным секретом сообщить, что огненные искры получаются теперь в три раза больше, чем те, которыми Хиден баловалась дома, и птиц даже не надо звать, потому что играть с девочкой они прилетают сами.

Жаль, что Тайо не должен всего этого узнать. Таково было условие, на котором дядя Георг взял её в сказку Верхнего мира: хранить тайну, ничего никому не рассказывать. В самую первую очередь в неведении обязаны остаться брат и родители, для них, как сказал дядя, Хиден проводит каникулы в летней школе в финском городе Эспоо.

— (Идём), — высокий остроухий мужчина по-отечески ласково подтолкнул девочку к portalу. — (Пора).

Как же трудно решиться на этот шаг — оставить брата-близнеца, с которым никогда раньше надолго не расставалась, и на всё лето отправиться в неизвестность, что ждала за дверным проёмом, полным лилового перламутра. Но отказаться от этого шанса Хиден не могла: мир, который она впервые увидела в день своего одиннадцатилетия, звал, манил её, словно свет фонаря — мотылька.

Глубокий вдох, решение принято — детская ладошка уцепилась за руку мужчины, соглашаясь на путешествие в иную действительность, и дверь комнаты самой обычной квартиры-малометражки открылась для беловолосой девчушки и её спутника в светлую залу аристократического особняка.

Льядда Орриэ-лаэ неспешно вышел на террасу вслед за девочкой, любуясь неприкрытым весельем и интересом, с которыми малышка исследует окружающий мир. Хиден уже успела дважды обежать обнимающий три четверти фасада широкий балкон, заглянуть во все выходящие на него окна и двери и теперь пыталась забраться на перила, чтобы удобнее было смотреть на раскинувшийся внизу парк.

Верхний мир оказался совсем родным, словно Хиден вернулась домой после очень долгого отсутствия. Необъяснимая радость распирала девочку изнутри, вырывалась смехом, блёстками чистой энергии слетала с кончиков пальцев. Слово тяжёлый груз упал с плеч и выросли крылья — стоит только подпрыгнуть, и бабочкой вспорхнёшь в яркую синеву.

А что если? Что получится если?.. Хиден сложила ладоши домиком и резко их развела. Вместо обычной слабой искорки из рук вывалился настоящий огненный шар, медленно полетел вниз, несколько раз подпрыгнул по дорожке, словно мячик, и потух. Девочка рассмеялась и вознамерилась повторить фокус, но в голове зазвучал строгий голос дяди Георга.

— (Хиден-эли, нельзя!) — даже мысленная речь, так тяжело звучащая дома, здесь не отбирала много сил, не приносила с собой головной боли и утомлённости — так, слегка неприятные ощущения, вполне себе терпимые после нижнемировских.

— Почему? — Хиден удивилась вслух.

— (Страшно. Опасно. Могут увидеть. Запомни. Магия запретна, будет плохо. Показывать запретно. Девочкам запретно).

— Почему?

Что значит «запретно»? Пусть дядя Георг объяснит понятнее. Девочкам нельзя использовать магию? Нельзя, чтобы кто-то это увидел? Почему?

Хиден знала, что дядя слышит её мысли. Пусть не так, как Тайо — но ведь наверняка видит и любопытство, и упрямство. Должен понимать: надо разложить всё по полочкам, иначе девчушка продолжит создавать огненные шарики.

— (Хорошо), — Орриэ-лаэ улыбнулся, но взгляд его блеснул холодом стали. — (Узнаешь. Позже. Магия нельзя. Без разрешения — запрет).

— (Нет!) — хмурые бровки, упрямо вздёрнутый носик. Хиден топнула ножкой. — (Когда захочу, тогда и буду!)

— (Отправлю обратно. Сюда не вернёшься).

— (Нечестно!) — губы девочки обиженно задрожали.

— (Очень честно), — мужчина потрепал девочку по голове. — (Или ты слушаешься, или Нижний мир).

— Какая хорошенькая! Кто она? Его дочь?

— Нет, племянница. Хозяин привёз её с Воздуха. Так я слышала.

— Чудная она. Бродит везде, глядит на самые простые вещи так, словно никогда не видела. Дикари эти Воздушные!

— Ты чего говоришь-то! Сейчас хозяин услышит...

— Я вчера её встретил на кухне, спросил, может, она хочет чего. А она молчит, только глазами хлопает. Напугалась.

— Да не, она всё время молчит. Этина с ней вон сколько раз говорить пыталась. А она не отвечает.

— Может, она немая?

— Нет, с хозяином она разговаривает, я слышала. На каком-то странном языке...

Начало августа

Беловолосая девочка отложила флейту и обернулась на чуть слышный скрип двери. Неужели ещё один посетитель пожаловал в зверинец, главным экспонатом которого Хиден себя ощущала? Нигде не найдёшь покоя!

Похоже, все обитатели особняка сочли долгом хоть одним глазком, но взглянуть на ребёнка, привезённого Орриэ-лаэ из очередного путешествия — к ней относились, как к необычному зверьку, диковинной птичке. Не то чтобы подобное внимание девочку раздражало...

Сначала она отвечала всем этим людям не меньшим любопытством: пристально наблюдала за ними, пытаясь понять, кто есть кто и чем занимается, дивилась тому, как легко они воспринимают настоящие чудеса частью быта. А теперь, почти месяц спустя, непрерывное внимание слуг успело порядком поднадоесть. Особенно на нервы действовал лакей, с преданностью собаки следующий за Хиден повсюду, услужливо открывающий двери и отодвигающий для девочки стул за столом — как будто она сама не может этого сделать. Ещё приелось всё время ловить на себе взгляды служанок, постоянно норовящих начать уборку именно в том помещении, куда пришла Хиден. Девочка даже провела эксперимент: если прийти в какую-либо комнату и подождать, пока горничные начнут уборку, а потом перейти в соседнюю, то они справятся с вытиранием пыли за пятнадцать минут, но если остаться, то процесс наведения чистоты растянется часа на полтора.

Самое обидное, что Хиден не может даже попросить этих людей оставить её в покое: недостаточно знает язык, научилась говорить лишь с равными. А со слугами нельзя говорить, как с равными — почти такой же проступок, как мысленная речь, так сказал дядя Георг. Или нет, господин Орриэ-лаэ? И как его называть?

Опытным путём Хиден удалось выяснить, что спрятаться от ненавязчивого, но постоянного внимания можно либо в своей комнате, либо в ещё нескольких помещениях

особняка — по сути своей маленького замка. Одним из таких убежищ оказалась зала с порталом, та самая, через которую Хиден попала в Верхний мир.

В ней девочка и обосновалась, когда надоело сидеть в своей комнате.

Тем не менее укрытие оказалось не совсем надёжным, и насладиться одиночеством в полной мере Хиден не удалось. Видимо, привлечённый звуками флейты, в залу проскользнул элхе — высокий, пухлощёкий мальчишка в тёмно-зелёной форме. Вошёл и сразу начал тараторить, размахивая руками, указывая на дверь. Из всей его длинной, пламенной, богатой жестикующей речи девочка поняла только одно слово — «нельзя».

Похоже, это и есть та речь — на которой не говорят с равными.

Дани закончил говорить и, вопросительно хмуря брови, замер в ожидании ответа. Беловолосая нахалка целую минуту разглядывала вошедшего, а потом со скучающим видом отвернулась. Похоже, она не собиралась не то что оправдываться, но и вообще говорить. Возмутительно! Да кто она такая, чтоб вести себя подобным образом?

— Ты кто такая? — элхе озвучил своё негодование.

— Ты кто? — тут же отозвалась беловолосая, точно повторяя интонацию.

— Я первый спросил!

— Первый спросил! — она отбивала слова, словно мячик.

— Не дразнись!

— Не дразнись! — девочка вновь повернулась к Дани, улыбнулась, словно нашла новое развлечение.

Она это специально! Или совсем глупая? Ведёт себя словно пятилетний ребёнок! Неужели ей не сказали, что в эту комнату нельзя? Она вообще чья? Вот дядя разозлится, когда найдёт её в своих покоях. Надо бы увести отсюда эту дурочку, пока не поздно.

— Здесь нельзя играть, — элхе ещё раз попытался втолковать это девочке. — Дядя не любит, когда шумят. А в его покои вообще не разрешается никому заходить, только госпоже Мару. Пойдём играть в другом месте.

А беловолосая, как будто не слушала, вновь потянулась за флейтой. Глупая! И что он с ней возится? Вот придёт дядя, тогда эта дурочка узнает...

Ситуация становилась всё забавней. Пухлощёкий начинал злиться — до сих пор не взял в толк, что Хиден его не понимает, — уже покраснел до самых кончиков ушей, засопел паровозом. Интересно, что же дальше? Сорвётся на крик? Начнёт топтать ногами? Уйдёт?

Мальчишка снова застрекотал словами. Громко. Девочке даже пришлось закрыть руками уши, чтобы его голос не так действовал на нервы.

И не надоело ему? Ведь Хиден же явно даёт понять, что не слушает.

— Может, хватит уже. Разве не видно, что я не понимаю, — она просто по привычке продублировала фразу родного языка мысленно.

Мальчик мысль услышал, замолчал удивлённо, потом спросил, отступая к дверям:

— (Ты говоришь мысленно?!)

И снова этот взгляд — словно Хиден диковинный зверёк, кусачий и ядовитый. Как же надоело! Девочка поморщилась.

А элхе всё мялся у дверей. Казалось, что он хочет уйти, но любопытство не позволяет ему этого сделать. Наконец он решился, нахохлился, словно воробей, сделал пару шагов обратно от дверей в сторону Хиден и серьёзно так спросил:

— (Ты ведьма?)

Часть первая, глава 9

Даниэль — конечно, по-настоящему его имя звучало не совсем так, но достаточно похоже, чтобы отзываться на предложенный Хиден вариант, — оказался жутким болтуном и непоседой. Они быстро перешли с мысленной речи, вызывавшей у него приступы сильной головной боли, на язык, которому обучал Хиден дядя Георг, благо по положению оказались равны — но даже малый словарный запас собеседницы не заставил мальчишку молчать.

Уже через пару десятков минут девочка знала всю родословную Даниэля — «Даниллен, меня зовут Даниллен! Но если хочешь, можно Дани. Не надо звать меня этим... как его? Поняла?» — также знала, что он вырос в небольшом городке на западе Лиссы — чем бы эта Лисса ни была. Он выходил дальним родственником семейства Орриэ-лаэ: внучатым племянником троюродного брата или чем-то подобным. Удивительно, как в Верхнем мире цепляются даже за самые призрачные родственные связи!

По возрасту Дани оказался старше девочки на три года. В мае он начал учёбу в королевской школе травников — пойти в школу в четырнадцать, не поздновато ли? — и по её окончании собирается стать учеником и помощником алора, занимающего важный пост при дворе Её Величества Хиэлие.

— Что ещё за алор? — спросила Хиден и тут же вспомнила, что не собиралась потакать мальчику проявлением интереса.

— Ну ты даёшь! Откуда же дядя тебя привёз, если ты не знаешь, что он алор?

Вот как теперь выкрутишься? На прямо поставленный вопрос нельзя не ответить. А разговоры о Нижнем мире под запретом. Врать Хиден не умеет и не желает. Что же ему сказать? Девочка потупилась, наморщила нос и тяжело вздохнула.

Беловолосая как-то поникла, отвернулась — наверное, накопилась усталость от недавнего мысленного разговора. У самого Дани голова уже просто раскальвалась — всё от беззвучной речи, сегодня он точно перестарался. А эта девчонка только бы в обморок не упала от перенапряжения!

И как можно было даже предположить, что она ведьма?! Маленькая, толком ведь и не говорит пока, слабенькая девчонка. Дядя, скорее всего, увидел, что у неё есть магический дар, и по доброте душевной привёз в Хиэй — на жрицу учиться. Да какая из этой малявки преступница?! Нет, точно не ведьма. Ведьмы — они сильные и, говорят, страшные очень. А девочка вон какая миленькая да беззащитная...

Почему у неё лицо такое страдальческое? Неужели ей совсем плохо? Может, позвать кого?

— Таллинн, — вдруг выпалила беловолосая ни с того ни с сего.

— Чего?! Кого позвать?

— Я из Таллинна, — пояснила девочка. — Дядя меня оттуда забрал.

А! Так она на вопрос отвечает! А Дани уже и забыл, что спрашивал.

Талин. Какое-то смутно знакомое название. Талин — Таалин — Таадин... Точно! На страноведении говорили! Таадин — древняя столица Воздуха! Так вот о ком слуги шептались. О ней! Ну ни фигя себе! Воздушная! Это даже ещё интереснее, чем ведьма! И в школе можно будет похвастаться, что дядя живую воздушную в дом взял!

— Хи-тиэ! Хи-тиэ, ты где? — размеренное течение урока было нарушено громким мальчишеским голосом и хлопаньем дверей. — Я такую штуку принёс! Готов поспорить, у вас на Воздухе таких нет. Не прячься! Ну Хи-тиэ, выходи уже!

Хиден заёрзала на стуле, глянула на наставника сначала виновато, потом просительно:

— Лягушонок пришёл.

— Лягушонок? — Орриэ-лаэ иронично поднял бровь.

— Да, — девочка кивнула.

— Почему? — вопрос скорее из любопытства, чем из желания продолжить урок. Даниллен своими криками уже сорвал весь настрой.

— Зелёный, — Хиден начала загибать пальчики. — Форма зелёная. И щёки, — девочка надула щёчки.

— Круглые? Пухлые? — новые для подопечной слова наставник, как всегда, продублировал мысленно.

— Пуклые, да, — та обрадованно улыбнулась.

— Пух-лы-е, — ещё раз по слогам сказал Орриэ-лаэ. — Пухлые.

— Пух-лы-е, — Хиден послушно повторила, загнув второй пальчик. — Говорит много. Быстро. Непонятно. Всё время не на месте... Не сидит на месте, как в песенке.

А ведь действительно было дело. Пели песню про лягушонка, когда звуки ставили. «Непоседа-лягушонок побежал за солнцем». Даниллен — получивший не слишком-то аристократическое воспитание, с его манерой резко двигаться и при разговоре широко размахивать руками, со всей его почти деревенской жизнерадостностью, что мальчишке не всегда удавалось скрывать — похоже, пришёлся по нраву Хиден-эли. Что ж, это не так плохо.

Дверь шумно распахнулась, пропуская в кабинет Дани. Орриэ-лаэ осторожно поставил магическую ширму, скрывающую его от постороннего взгляда: было любопытно, как ведёт себя мальчик, думая, что хозяина поблизости нет.

— Вот, значит, где ты прячешься!

Алор с интересом посмотрел на девочку. Исчезновение учителя не сбило её с толку: она бросила на ширму быстрый взгляд и повернулась к ворвавшемуся.

— Смотри чего у меня есть, — мальчик протянул Хиден раскрытую ладонь, на которой лежала продолговатая пластинка прозрачного камня.

Девочке явно очень хотелось посмотреть, что особенного в этой стекляшке. Но урок пока не закончен. Ещё целых полчаса предстоит выводить в тетрадке слова элхеского языка, а потом рассказывать текст, который она вчера вечером читала. Только потом наставник её отпустит.

Хороша девочка. Молчит, терпит. Хорошо держится: ни жестом не даёт мальчишке понять о наблюдении.

Пожалуй, на этом можно завершить.

Орриэ-лаэ вышел из укрытия, не стараясь скрыть движения. Одарил Даниллена ледяным взглядом.

— Ой! Дядя! У вас занятие? Извините, я не хотел мешать. Я тогда потом... — мальчик поспешил исчезнуть за дверью, закрыв её не в пример тише, чем открывал.

— Ладно уж, закончим пораньше, — Орриэ-лаэ улыбнулся, наблюдая за борьбой любопытства и гордости на личике ученицы.

Хиден не попросит отпустить её с урока — умрёт от любопытства, но до конца занятия досидит. Упрямый характер. Королевский. Не любит ни о чём просить, не любит показывать слабость. В этом она похожа на мать.

— Позанимаемся чуть дольше завтра. Иди!

— Спасибо! — девочку не пришлось уговаривать дважды. Она мигом вскочила со стула и, радостно улыбувшись, убежала вслед за Дани.

Хорошо, что дети поладили. И Хиден-эли не так скучает по так называемому брату, и Даниллен стал самостоятельней — почувствовал себя старшим. Начав общаться с девочкой, он даже освоил мысленную речь. Как раз когда алор было оставил всякие старания научить мальчика безмолвному общению.

Любая попытка послать Даниллему мысль заканчивалась тем, что он начинал хныкать и говорить, что у него раскалывается голова. Язык мысленного общения мальчик не жаловал: отлынивал от изучения служебных образов, не пытался понять грамматическую структуру. Орриэ-лаэ, решив, что психика ребёнка недостаточно сформирована для восприятия безмолвных посланий, оставил предмет для изучения в школе. Когда оно там по программе положено? На втором-третьем старших курсах, лет в семнадцать-двадцать? Что же, года три алор был готов подождать: главный талант мальчишки — лечебная магия, а безмолвная речь в этом деле вопрос не столь принципиальный.

Даниллен заговорил мысленно, когда появилась Хиден-эли, — словно плотину прорвало, просто не заткнуть, и головная боль, и незнание образов перестали быть помехой. Оказалось, что мальчику просто нужен был наглядный пример и ситуация, в которой иные способы общения окажутся невозможными.

Да, дети влияют друг на друга исключительно положительно. Знакомство со сверстником пошло на пользу и Хиден-эли. Девочка оживилась, больше не прячется от обитателей особняка. Да и её обучение элхескому пошло гораздо быстрее — можно оставить интенсивные методики, не терзать сознание ребёнка магическим влиянием: теперь она закрепляет пройденный за неделю материал и увеличивает словарный запас при помощи Даниллена. Орриэ-лаэ уже начал подумывать, а не забрать ли мальчишку на лето из школы, чтобы он мог проводить с девочкой не только выходные.

Хотя нет, тогда в доме станет слишком шумно.

— Ну! Показывай! Что там?! — Хиден нашла Дани в саду. Он сидел в тени, на скамейке возле маленького пруда, старательно делая вид, что читает книжку. — Ну?!

Вместо того чтобы показать стекляшку, мальчишка виновато спросил:

— Дядя очень рассердился?.. Ну, что я помешал.

Девочка фыркнула. Неужели обязательно так лебезить перед взрослыми? Даже если наставник рассердился, свет ведь на этом не кончится.

— Забудь про него. Показывай прозрачный камушек! — Хиден сложила руки на груди, недовольно сморщила нос.

— Здорово! У тебя все эмоции на лице написаны! — Дани забыл выглядеть виноватым, затараторил. — На Воздухе все так открыто чувства выражают? Здорово! У нас так не принято — настоящие эмоции в себе надо держать...

— Ты говоришь быстро. Не понимаю, — девочка дёрнула его за рукав формы, прерывая

словесный поток. — Что ты хотел показать?

— Ах да, извини, — лягушонок достал из кармана пиджака прозрачную пластинку размером чуть меньше ладони, осторожно протянул. — Это мана.

Хиден повертела пластину в руках. Стекляшка и есть! Тяжёлая, прохладная хрусталина. Что в ней особенного? Линза, увеличительное стекло? Девочка посмотрела через пластинку на кленовый листик — да нет, не увеличивает вроде, — подставила её под луч света — тот преломился, запрыгал по земле солнечным зайчиком. Стекляшка! Фу!

— Мана, — повторил Дани, на всякий случай и мысленно тоже: — (Око).

— Знаю, — Хиден кивнула, показывая, что слово ей знакомо, и недоверчиво сощурилась. — (Это у тебя вместо очков?)

— Ты чего! — мальчик осторожно выхватил из рук беловолосой пластинку. — Мана — это для книжек. Картинки смотреть.

Значит, всё же линза. И стоило из-за увеличительного стекла такой шум поднимать? Глупый лягушонок!

— Смотри, — Дани тем временем открыл книгу — учебник — где-то на середине и аккуратно положил хрусталик на одну из иллюстраций.

Несколько секунд ничего не происходило, а потом изображённый на рисунке цветок вдруг стал как настоящий — появился над пластинкой, расправил маленькие острые листики, раскрыл бутоны. Хиден даже показалось, что он источает тонкий пряный аромат.

— Ниера, цветок забвения. Произрастает на границе Валиссии и Сорэнэрэ, цветёт в сезон дождей. Стебель и листья используются для приготовления обезболивающих настоек, из цветов валиссийцы делают хмельной напиток, — мальчик зачитал надпись под картинкой вслух.

— Красивый, — произнесла Хиден чуть слышно и попыталась коснуться нежно-лиловых лепестков. Цветок вновь спрятался в книгу, оставив лишь тонкое пощипывание магии на кончиках пальцев.

— Интересно, а почему цветок забвения?

— Не знаю, — девочка пожала плечами. — Слушай, а при помощи этой пластинки можно любые картинки так смотреть?

— Нет, — Дани убрал хрусталик в карман, закрыл учебник. — Только в книжках, на которые специальное заклинание наложено, для других не работает.

— А что за заклинание?

— Какая-то ремесленная магия. Не знаю, — лягушонок пристально посмотрел на Хиден, усмехнулся. — Забудь. Не женское это дело — заклинаниями интересоваться.

— Огонь растапливает лёд, — из-за неплотно закрытой двери раздавался детский голос, неуверенный, но старательный, — огонь отбрасывает тени.

Орриэ-лаэ остановился, прислушиваясь. Улыбнулся: баллада была из любимых. Предсказание-пророчество, вплетённое в стихотворные строки — о защитнике Огненной девы, хранителе её, наставнике и верном помощнике. Баллада, написанная давно, столетия назад, оживала новыми красками, выводимая неумелой ещё в элхеском языке девочкой.

Пение — неплохая тренировка. Неплохая тем более в изучении языка анедве-ми, высота тона в котором определяла порой малейшие смысловые различия. Чем чаще Хиден будет

петь, тем чище, тем красивее станет её обычная речь.

— Шагни в огонь! — мелодия сменила тональность, ударила силой. — Не выбирай дороги длинной, проторённой. Шагни в огонь! И сильным стань в огне, никем не покорённом.

Захваченный музыкой, алор тряхнул головой. Слишком хорошо известные ему слова терзали сердце.

Никто не знал, о ком именно повествует баллада. Никто не догадывался, какой из Огненных дев она посвящена. Это было пророчество без указания срока. Возможно, оно относилось к давно ушедшему. Возможно, говорило о будущем. Возможно, воспетый в балладе герой принадлежал миру сегодняшнему.

Орриэ-лаэ был знаком с различными версиями толкований баллады. С давних пор немало поэтов и сказителей пыталось вложить своё в простые строчки. Каноническое толкование гласило: когда-то появится человек, на роду которому написано воспитать новую королеву. Тот, кто разрушит глиняного колосса издряхлевшей политической системы. Кто возродит иную страну, милостивую ко всем своим обитателям.

К сожалению, слова пророчеств туманны и подходят к чересчур многим знамениям.

— Шагни в огонь! Забудь себя, отбрось печали и тревоги. Шагни в огонь! Ведь для тебя давно уж нет другой дороги, — урок пения продолжался.

Алор вздохнул, снова улыбнулся — на этот раз невесело. Медленно отошёл от двери, за которой упражнялась девочка, свернул на балкон — бездумно, не замечая окружающего. Жаркий воздух ударил в лицо, воскрешая в разуме слова песни.

Шагнуть в огонь. Оставить всё, с пустыми руками, с холодной головой и горячим сердцем броситься в пламя.

Баллада, как свойственно стихотворным произведениям, обыденнейшее преображала в великое.

Шаг в Огонь. Для Орриэ-лаэ этим шагом стала присяга. Клятва королеве, Огненной деве Рейки. Алор был молод, полон надежд и намерений послужить во славу королевства. Один взгляд Девы вознаграждал за любые лишения. Одна её улыбка освещала жизнь.

Но маг никогда не смог стать для неё кем-то большим, нежели советником. Верным, спору нет, драгоценным, важным советником, умным, не раз помогавшим другом. Завидный пост канцлера государственной безопасности, заслуженная награда за годы жизни, отданной на благо страны, казалось бы, красноречиво свидетельствовал, как сильно необходим был Орриэ-лаэ королевству.

Но не королеве.

А ведь знатность его семьи, чистота крови, наконец, магический дар! — вполне допускали претендовать на звание консорта. Но повелительница его души, его тела, сердца и разума, всего его существа — этого не захотела.

Что ж, значит, так распорядилась судьба.

Теперь у алора есть другой объект для изливания непригодившихся чувств. Ребёнок, которого он может воспитать по своему желанию. Человек, роднее которого уже, пожалуй, не будет никого, маленькая девочка, зерно, что он должен прорастить. И ответственность за юную жизнь затмевает другие хлопоты.

Хиден. Хиден-эли. В Верхнем, чужом ей мире, она находится уже больше двух месяцев. Радует, бегает по дворцу, похожая на удивительную белокрылую бабочку; то пытается со всеми говорить на безмолвной речи, то норовит обратиться к слугам как к высшим по

положению — маленький ребёнок, воспитанный в совсем иной культуре.

Алор опасался поначалу, что Хиден не сможет прижиться в Верхнем мире: кто знает, как подействовали на организм девочки тяжёлые условия Нижнего. Опасался, что ей не суждено будет использовать магию, талант к которой непременно должен был таиться в глубинах её существа — наследственность, даже подпорченная низкой кровью, не может не проявиться. Боялся, что разлука Хиден с названным братом сильно повлияет на стремление девочки постигать новое, что сам Верхний мир будет к ней неласков, покажется злым.

К счастью, тревоги были напрасны.

Огненный материк пришёлся девочке по нраву. После густого, убивающего магию воздуха Нижнего мира жизнь в Верхнем стала настоящими каникулами, отдыхом не только от школы, но и от невозможности дышать свободно. Хиден-эли, кажется, даже не очень тосковала по семье.

Орриэ-лаэ недовольно хмыкнул. Семья. Люди, что воспитывали девочку. С ними пришлось обойтись без лишних церемоний: новые разработки отдела душевных универсалий позволяли избавить закливаемых от ненужных эмоций. Отныне воспоминания о дочери не будут задерживаться в их памяти, и беднягам не придётся беспокоиться из-за её долгих отлучек. Археология — любимая специальность, хобби, ставшее жизнью, займёт всё.

Летний жар нельзя было терпеть долго, и Орриэ-лаэ поспешил вернуться в прохладу. Стоило прикрыть балконную дверь, как голос девочки снова ударил в уши: упражнение продолжалось.

На сей раз мысли алора приняли иное направление. Хиден-эли, словно маленький ребёнок, веселая пташка, легкомысленна и беззаботна. Она, впрочем, и не является ничем иным кроме как маленьким ребёнком — но в этом мире даже детям необходимо быстрее взрослеть. Магия, которую алор позволил воспитаннице изучать, накладывает обязанность не только на учителя, но и на ученицу. Оба должны понимать свою ответственность. И оба должны понимать, к чему может привести неосторожность.

Малышке Хиден нужно многое узнать. И это многое обязан дать он, алор — больше никому. Предоставить девочке сведения о том, каков истинный мир, который она так просто приняла.

Середина августа, Аррие

— Куда мы едем? — Хиден пыталась раздвинуть ткань и выглянуть то с одной, то с другой стороны транспортного средства. Паланкин. Да. Оно называется паланкин — почти такое же девочка видела на картинке в учебнике истории. Только там было нарисовано, что его несут рабы, а этот плыл в воздухе сам по себе. — А где невольники?

— Где кто? — переспросил Орриэ-лаэ. Беловолосая умела задавать странные, ставящие в тупик вопросы.

— Ну невольники. Рабы, слуги, которые должны нести эту штуку. Я на картинке видела... Они невидимые?

Мужчина рассмеялся. Ох уж эти узкие нижнемирские представления о способах передвижения!

— Их нет. Паланкин движет магия. Многие повозки и кареты тоже — видишь, в них никто не впряжён.

— А лошадки? — Хиден указала на всадника. — Лошадки тоже ненастоящие?

— Нет, лошади самые обычные.

— А почему мы не поехали верхом? — грустно, надув губки, заглядывая прямо в глаза.

Алор почувствовал попытку вторжения в разум, стремление навязать чувство вины — обидел ребёнка, не дав покататься на лошади, — автоматически закрылся, стряхивая наваждение. А девочка молодец! Он ведь ещё не учил её влиять на разум людей, так что она пытается играть чужими чувствами интуитивно. Вот что значит порода!

— А ты умеешь? — он ласково потрепал девочку по голове.

— Разумеется, — Хиден поспешила отстраниться, выскользнуть из-под руки наставника, гордо поясняя свой ответ: — Я с десяти лет каждые выходные на ипподроме занималась. Мама... мама Неля сказала, что это для здоровья полезно.

— Вот как. Тогда я подарю тебе лошадь, и мы будем ездить на прогулки по утрам.

Девочка милостиво кивнула, принимая обещание подарка, и вновь высунулась из паланкина разглядывать окрестности.

— Куда мы едем? — повторила вопрос, интересующий её с самого начала пути.

— В Аррие. Я же обещал показать тебе, почему опасно пользоваться магией у всех на виду.

Первый раз так далеко за пределами особняка! Даже не в Огненном городе! И хотя окружающий пейзаж довольно однообразен: фруктовые сады, редкие маленькие домики, поля, на которых пасутся овечки и коровки, с одной стороны дороги, и высокий, красивый лес — с другой — всё равно было интересно выглядывать из паланкина, чуть отводя занавеску рукой, словно какая-нибудь восточная принцесса.

Аррие оказалось деревней часах в трёх езды от Огненного города — аккуратненькой, с похожими на кукольные деревянными домиками. На удивление пустынной деревней или на удивление нелюбопытной: ни один её обитатель не вышел посмотреть, кто же приехал. Странно!

— Они на площади перед домом старосты, — ответил Орриэ-лаэ на незаданный вопрос. — Сама сейчас увидишь.

Уличная жара опустила на девочку тяжёлым одеялом. После мягкого полумрака паланкина солнечный свет до боли резал глаза, не позволяя в деталях разглядеть, что же заставило крестьян столпиться перед домом старейшины. Всё происходящее казалось представлением театра теней. Разноцветные спины — публика, и появившийся на помосте чёрный силуэт — конференсье.

Неужели наставник привёз сюда Хиден, чтобы спектакль посмотреть? Зачем тогда встали так неудобно? Так, что солнце оказалось прямо за спинами лицедеёв. Ничего толком не разглядишь!

Площадь вдруг загудела, захлебнулась шёпотом. Неразборчиво тихие, подхваченные толпой слова конференсье-старейшины побежали сквозь пространство гулками волнами — от центра к краям, словно круги на воде.

Начинается!

Человек на сцене, уступая место выросшим у него за спиной актёрам, отошёл на край помоста. Толпа затихла — страшной искусственной тишиной, словно кто-то отключил звук, — замерла, затаив дыхание.

Актёров было четверо: две передвигающиеся странными рывками, сторбленные тени и пара высоких грациозных силуэтов — две женщины и два мужчины. Они вышли на середину

помоста, остановились. Фигуры, представляющие слабый пол, ещё больше сторбились, осели, словно из них выпустили воздух, олицетворяющие сильный пол актёры — наоборот, вытянулись в струнки, наливаясь магией.

Хиден прищурилась, пытаясь разглядеть подробности. Захотела было протиснуться поближе к сцене, но наставник не пустил, придержал за плечо, покачал головой: не лезь туда, задавят.

Действо тем временем продолжалось. Один из мужчин — тот, что повыше, — заговорил. Голос его — холодный, безэмоциональный — разнёсся над площадью, заставив толпу отхлынуть от сцены:

— Аленэ Таппи обвиняется в преднамеренном убийстве человека с помощью магии.

— Вина доказана, — в голосе второго явно слышалась брезгливость.

— Также Аленэ и Таире Таппи вменяется в вину неповиновение властям, отказ сотрудничать и нападение на мага...

— Я защищала дочь! — выкрикнула одна из согбенных теней, выплюнула слова. — Я лишь защищала от вас дочь! Не нападала!

— Вина доказана, — пасс рукой, и женщина закашлялась, начала ловить губами воздух.

— Старейшина Аррие, почтенный Матин Дикке, ставит этим жителям деревни в вину порчу чужого имущества, наложение проклятий, приманивание чужих животных.

Толпа зажужжала, как пчелиный рой. «Таира всегда с моим котом игралась». «А у меня сын заболел после того, как сходил с ними в поле». «У моей жены зубы уже вторую неделю болят. Теперь понятно, кто виноват. Аленэ нам всегда завидовала!»

А ведь это не спектакль! Хиден испугалась. Суд! Публичный процесс над двумя женщинами. Вернее даже не так, картинка сделалась до ужаса чёткой: судят взрослую женщину и девочку, что едва ли старше самой Хиден, — мать и дочь. Судят за магию.

Сероволосый элхе — теперь, когда солнце спряталось за облаком, Хиден смогла рассмотреть «лицедеев», — тем временем продолжал с неизменным безразличием в голосе чеканить обвинения. А его напарник всё твердил, как заведённый: «вина доказана, вина доказана». Мать с дочерью даже не пытались оправдываться.

Девочка, Таира, низко опустив голову, спрятавшись за каскадом золотистых волос, надрывно всхлипывала, жалась к матери. Женщина, наоборот, старалась от дочери отстраниться, пустым взглядом всматривалась в толпу крестьян, словно ища поддержки, сострадания и не находя их.

Хиден вдруг показалось, что она стоит рядом с этой женщиной, заглядывает прямо ей в душу — усталую, наполненную безумием отчаяния, страшную, — тонет в пустоте, захлёбываясь безнадёжностью.

Аленэ не оставили ничего. Отобрали всё, что ей дорого, что давало смысл жизни. Сначала ушёл муж: сказал, что не может жить с ведьмой, — бросил жену и дочь, ушёл в соседнюю деревню к другой семье. Но ведь Аленэ не виновата, не виновата, что в ней живёт магия! Таира плакала ночи напролёт, звала папу. А он, подлец, говорил только, что яблочко от яблоньки недалеко падает, — девочка такая же ведьма, как мать, и он не желает иметь с ними ничего общего.

Да, Аленэ грешна в том, что посылала вслед Ранеки проклятия! А кто бы сдержался если его предал самый близкий человек? Но она не думала, что её злость может его убить, не

желала смерти этому подлецу. И Таира не виновата! Нельзя винить девочку за то, что ей тоже передан этот треклятый дар. Девочка ведь не пользовалась магией!

Когда Ранеки умер, та, другая позвала магов и обвинила в его смерти Аленэ. Соседи, которые ещё вчера разделяли Огонь с женщинами Таппи, тут же от них отвернулись. Жители деревни припомнили все случаи, когда у них кто-то болел или что-то ломалось, и обвинили в этом Аленэ, запретили детям даже подходить к Таире. Так за один день исчезли добрососедские отношения, оставив лишь испуганное шушуканье за спиной да охранные знаки, отгоняющие ведьм. А вечером прибыли маги, схватили Таиру, сначала услышав её дар. Женщина не могла не попытаться освободить дочь, тогда они сковали и магию Аленэ.

Надежды не осталось. Вокруг только пустота. Внутри только пустота. И жить больше незачем.

Хиден отшатнулась, спряталась за спиной наставника, словно бы он мог защитить её от холода и безнадёжности мыслей несчастной женщины, и продолжила наблюдать. Маги закончили свою изобличительную речь. Вновь зашелестела толпа, и солнце вылезло из-за облака, ударило жаром, больно резануло светом по глазам — происходящее опять показалось лишь спектаклем теней, злой сказкой для взрослых.

Старшую из женщин куда-то увели, и на помосте остались только сгорбленная детская тень и один из магов, поплотнее. Он вскинул руку, тихо прошептал несколько слов, и крестьяне вновь отхлынули от сцены, полностью загородив обзор.

Беззвучный то ли крик, то ли всхлип отдался головной болью. Незнакомый голос причитал, плакал, скулил, просачиваясь в мысли всех, кто мог его услышать. Хиден присела, закрыв уши руками. Она не хотела, не хотела чувствовать этот знакомый детский голос, не хотела знать боль этой девочки — Таиры. Но разве можно укрыться от мысленной речи, просто заткнув уши?

Голос всхлипнул ещё раз — громко, надрывно, словно прощаясь, — и затих. Совсем. По спине Хиден побежал холодок. В глазах потемнело. Мир закружился и исчез.

Огонь негасимый! Орриэ-лаэ не ожидал, что Хиден-эли окажется такой впечатлительной и упадёт в обморок. Или сказалась августовская жара? Воспитанная в холоде Нижнего мира девочка с трудом переносила летнее солнце Хиэй. А алор даже не подумал захватить зонт, словно забыл, что имеет дело с хрупкой маленькой девочкой.

Хотя, возможно, так даже лучше. Воспитательный эффект будет сильнее. Алор аккуратно уложил беловолосую на подушки и направил паланкин прочь из деревни, обратно в Огненную столицу.

— Я хочу домой, — первое, что сказала девочка, очнувшись.

— Уже едем.

Хиден-эли села, закрыла лицо ладошками, ушла в себя.

Больно, когда радужные витражи разбиваются, да? Страшно понимать, что добрых сказок не бывает? Добро пожаловать в реальный мир, девочка, мир, полный несправедливости. Все когда-то через это проходят — Орриэ-лаэ невесело усмехнулся, — и чем раньше, тем легче сложить из осколков новую иллюзию.

— Что с ними будет? — тихо, очень тихо, осторожно, всё ещё тая в сердце надежду, спросила воспитанница.

— С ведьмами? — мужчина переспросил, хотя прекрасно понял, чьей судьбой

интересуется Хиден-эли.

— Да, — девочка кивнула. — С Аленэ и Таирой?

— Старшую обвиняют в убийстве, её отвезут в Хиэй и казнят, — Орриэ-лаэ не прилагал усилий, чтобы заставить голос звучать равнодушно. Всё едино, в чём виноваты конкретно эти женщины и что с ними станется. Происходящее — лишь урок для одной маленькой беловолосой элхе, необходимая часть образования. — А младшую отпустили. Поставили клеймо и отпустили. Ей всего тринадцать, и она не попадалась раньше.

— Клеймо?

— Клеймо ведьмы, попавшейся на мелком преступлении. С таким клеймом девочка не проживёт долго. Её будут гнать отовсюду: кто захочет жить рядом с преступницей? А попробует защититься, каким-либо образом ответить, так вызовут мага... или убьют сами.

— Но она ведь ничего не сделала! Никому не причинила вреда! — Хиден-эли возмущённо взглянула на наставника.

— Откуда ты знаешь? — Орриэ-лаэ чуть приподнял бровь. — Она дочь своей матери-ведьмы. И у неё есть дар. Этого вполне достаточно.

— Это нечестно! Так нельзя!

— Почему? Обычно клеймо получают те, кто действительно совершил правонарушение.

— Но...

— Конечно, стоило бы не клеймить ведьм, а направлять на исправительные работы, сковывать их магию. По сути дела, государство само толкает женщин, обладающих даром, на преступление. Само существование подобных женщин является преступлением, что есть неправильно. Нужны реформы, но об этом как-нибудь в другой раз, — алор спохватился. Какой смысл обсуждать государственную политику с маленькой девочкой?

— Значит, я тоже ведьма? — Хиден-эли умеет делать выводы. — И мне поставят клеймо за то, что я делаю огненные шарики?

— Нет, не поставят, — Орриэ-лаэ потрепал девочку по голове. — У тебя есть документ, подтверждающий, что ты не пользуешься магией.

— Откуда? — Хиден-эли подозрительно сощурилась.

— Я зарегистрировал тебя как обладающую даром. Под свою личную ответственность.

— Я вас не подведу, — пообещала воспитанница. — Я не буду пользоваться магией. Совсем-совсем не буду.

— Ты не сможешь, девочка моя. Если бы всё было так просто... Магия — это часть тебя, и ты не сможешь от неё отказаться. Ты ведь не захочешь добровольно лишиться рук или ног, стать инвалидом? — Хиден-эли отрицательно мотнула головой. — Отвернуться от магии значит убить часть самой себя. Никто не способен на такую жертву.

Алор внимательно следил за сменой эмоций на лице маленькой элхе. Непонимание — обида — недовольство — озадаченность. Слишком явно, невежливо. Ещё не совсем умеет скрывать свои чувства. Надо будет не забыть этим заняться.

— А как тогда? Что делать?

— Магический дар активно проявляется у процентов восьми девочек. Некоторые из них становятся жрицами — помогают Хиэнне и Хиэлие удерживать Огонь, предсказывают будущее, заглядывают в прошлое. Другие становятся монахинями — живут в монастырях, тратя свой дар в смиренных молитвах Огню, учась забывать о магии...

— Я не хочу быть монахиней! — Хиден-эли надула губки. — Не хочу жить в монастыре и забывать волшебство!

Орриэ-лаэ рассмеялся:

— Ты непоследовательна, дорогая моя. Десять минут назад ты грозила никогда не пользоваться магией, а теперь не хочешь её забывать.

— Молиться — скучно, — девочка неприязненно дёрнула плечами. — Мы с Тайо однажды целый день провели в монастыре, когда папа с мамой под Пихква раскопки вели. Там были монашки. Они только молитвы читали. Даже когда кушали. И когда работали тоже. Рассказывали нам про бога. Брр-р! А настоятельница у них в панталонах ходит — мама специально для неё в Таллинне покупала.

— Тебя никто не заставляет становиться монахиней. Так вот, некоторые девочки впоследствии становятся жрицами, некоторые — монахинями, и лишь небольшая часть обладающих даром обращает его во зло. Ведьмы — бунтовщицы, ренегатки, которые не пожелали подчиниться правилам, пошли против Огня и закона. Именно они, озлобленные, причиняющие вред, лишаящие обычных людей благополучия и жизни, бросают тень на женщин и девушек, обладающих даром. Именно из-за них пострадала сегодня эта деревенская девчушка, и именно из-за них тебе придётся прятать свой дар.

— Так значит, мне придётся стать жрицей? — Хиден-эли нахмурилась. — Я не умею предсказывать будущее... И огонь в руках держать не могу...

Орриэ-лаэ улыбнулся словам девочки. Порой она совершенно серьёзно говорит такие глупости!

— Наставник, — после нескольких минут молчания спросила та, — а Огненная дева?

— Хиэлие, милая моя, вне всяких категорий. Она удерживает Огонь. Если не будет Хиэлие, не будет Огненного континента: его поглотит неуправляемое пламя. Хиэлие — спасительница, хранительница жизни, защитница народа. Мы же с тобой уже проходили роль Хиэлие в истории Огненного континента.

— Эта волшебница... которая Хиэлие помогает. Она же не монашка и не жрица, а магией пользуется, — элхе нахмурила бровки, пытаясь сообразить, в чём же подвох. — Почему тогда её не клеймят? Она же ведьма, получается, да?

— Госпожа Цую? — алор потёр подбородок. Как там в официальной версии было? — Лет десять-пятнадцать назад Огненной деве понадобился личный помощник или помощница, маг во всех отношениях непредвзятый и незаинтересованный, беззаветно преданный своей повелительнице, готовый исполнить любой её приказ, — мужчина метнул короткий взгляд на слушательницу. Вряд ли Хиден-эли понимает хотя бы половину его слов.

Тем не менее девочка слушала внимательно. Орриэ-лаэ продолжил:

— И придворные маги начали поиск. Все расклады и предсказания указали, что это будет существо не нашего мира. Тогда начали искать в других мирах и нашли госпожу Цую. Она не дитя Верхнего или Нижнего миров, не принадлежит ни к расе элхе, ни к нинье. У неё нет прошлого, нет семьи, нет никаких собственных интересов. С учётом недюжинного магического дара — идеальная кандидатура.

— Здорово! — в глазах девочки заплясали огоньки, которые Орриэ-лаэ уже научился квалифицировать как упрямую целеустремлённость. — Я тоже хочу стать помощницей Хиэлие.

— Исключено. Девочек не берут в маги.

— Но Цую же взяли! — Хиден-эли насупилась. — И меня возьмут!

Опасная надежда. Неудобная. Льядда Орриэ-лаэ задумался о доводах, которые заставят воспитанницу от неё отказаться. Это должны быть очень, очень серьёзные доводы, которые

вынутят забыть о подобных мечтах раз и навсегда.

— Ты готова выполнять любые указания Огненной девы? Мгновенно и беспрекословно?

— Да, — ответ девчушки прозвучал уверенно, но во взгляде скользнула настороженность, словно она ожидала какой-то каверзы.

— Королевские маги умрут за свою повелительницу, стоит ей только рукой махнуть, — алор заглянул девочке прямо в глаза. — А ты сможешь броситься в огонь, если она этого захочет?

Ответа не последовало. Хиден-эли опустила взгляд, принялась разглядывать свои коленки.

— А убить сможешь? — мягкие, обволакивающие интонации. Приторно сладкий, удушающий шёпот: — Вспомни сегодняшних ведьм. У тебя хватило бы сил привести приговор в исполнение?

— Они не виноваты, — очень тихо, обращаясь к своим коленкам.

— А вот это не тебе решать. Королевские маги следуют букве закона, исполняют приказы, — равнодушная жёсткость в голосе. О том, что Орриэ-лаэ утрирует, девочке знать совсем не обязательно. — Если закон гласит, что преступница должна умереть, они служат палачами. Если Хиэлие посылает их в пасть к чудовищам, они идут, не задавая вопросов, не высказывая недовольства.

Алор замолчал, давая маленькой элхе время обдумать свои слова. Дождался, пока она поднимет взгляд, ласково потрепал по щеке:

— У Огненной девы уже есть госпожа Цюю. Ей не нужно больше помощниц. Так что забудь эту идею. Ладно?

— Но не все же маги такие кровожадные? — Хиден-эли словно бы и не слышала последней реплики наставника. Она размышляла вслух. — И Дева ведь не всех хочет на смерть послать?

— Разумеется, ты права. Среди магов есть те, кто специализируется на мирных профессиях: ремесле, создании произведений искусства, сочинении новых заклинаний, исследовании прошлого, собирании трав и прочем. Охотой на ведьм и других врагов государства занимаются только боевые маги, — Орриэ-лаэ откинулся на подушки. — И Хиэлие, как любая мудрая, заботящаяся о своём народе правительница, не направляет никого в опасные для жизни предприятия просто от скуки или из чистого интереса, не разбрасывается чужими судьбами и жизнями. Но ведь речь не об этом.

— А о чём тогда?

— Каждый королевский маг, чем бы он ни занимался, служит Хиэлие и государству, являясь им опорой и защитой. Хиэлие, в свою очередь, является залогом спокойствия Огня, от неё зависит существование целого народа, его процветание и благополучие. На Огненной деве лежит ответственность за жизнь всего континента, всех людей — и элхе, и нинье. Это великое бремя. Принося клятву верности, — алор закрыл глаза, вспоминая присягу: слова-обещания, тонкую красноволосую и сероокую фигурку тогда ещё совсем молоденькой Огненной девы. — Принося клятву верности, маг добровольно соглашается пожертвовать всем, шагает в Огонь, доверяет свою судьбу повелительнице стихии. Он умирает, если этого потребует Хиэлие — потому что одна жизнь не важна по сравнению с жизнями миллионов, а одна смерть может служить благополучию всего государства. Если ты не готов отказаться от себя, пожертвовать жизнью ради Хиэлие, если ты не веришь в её мудрость и в её силу, то никогда не сможешь ей служить.

— А это обязательно? Разве нельзя быть магом просто для себя? Не умирая за непонятные идеи и никому не причиняя вреда?

Куда-то не в ту сторону повернул этот разговор. Хиден-эли ещё слишком маленькая, чтобы интересоваться подобными темами и задавать столь серьёзные вопросы. И выражений-то таких знать не должна: «умирать за идеи». Что она читает в этом своём Нижнем мире?

— Мы пытаемся, милая моя, пытаемся, — Орриэ-лаэ улыбнулся лишь самыми уголками губ. — Мы, теоретики магии, пытаемся. Исследуем взаимодействие магии и мира, учимся и учим, как не причинять вреда.

— Но я же не могу быть теориком... те-о-ре-ти-ком? — девочке всё же удалось выговорить незнакомое слово.

— Ты можешь изучать магию для себя. Я буду тебя учить.

— Честно? — в глазах Хиден-эли робко вспыхнула радость. — Правда научите?

— Обещаю, — алор кивнул. — А путеводный огонёк и дорогу, по которой идти, ты выберешь, когда вырастешь, когда будешь готова.

40 год Рейки, 4757 всеобщий год

Март, Хиэй

Еле слышно скрипнула дверь, в кабинет воровато заглянул темноволосый мальчик. Огляделся; никого внутри не обнаружив, собрался было уйти, но тут раздался знакомый голос.

— Дани, заходи быстрее. Закрой дверь, а то госпожа Мару заметит! — из-за стеллажа с книгами позвала Хи-тиэ.

Имя ключницы возымело должное влияние: мальчик мгновенно заскочил в комнату, беззвучно закрыл дверь и прислонился к ней ухом — послушать, не раздаётся ли мерная поступь. К великому его счастью, было тихо: госпожа Мару своими шагами разбивала спокойствие где-то в другом месте.

— Слушай, — сказал Дани громким шёпотом, — что бы ты ни задумала, ещё не поздно отказаться. Дядя разозлится, если найдёт нас в своём кабинете.

В памяти воскрес прошлогодний эпизод: холодный голос алора, отчитывающий за неумение вести себя и вторжение в кабинет посреди урока, жаркий румянец, желание сгореть на месте от стыда — подвёл, опять подвёл его сиятельство.

— Ты сам, — девочка подвинула скамеечку для ног вплотную к стеллажу, — изъявил желание присоединиться, — взобралась на неё и потянулась достать что-то с верхней полки. — И раз уж пришёл, то помогай, а не хныкай.

Нет, не дотягивается. Хи-тиэ тяжело вздохнула и спрыгнула со скамейки, оглядела кабинет. Взгляд её остановился на фигуре старшего товарища, метнулся к полкам. Девочка довольно улыбнулась:

— Достань-ка мне вон ту книжку!

— Какую? — Дани безропотно полез исполнять приказание.

Спорить бесполезно. Если Хи-тиэ чего-то хочет, она это получает. Даже если Данилен откажется участвовать в её аванюре, девочка не отступится. И потом, интересно же выяснить, что именно она удумала.

— Вот ту, с синим корешком.

— Стой, так это же не сказки и не история! — мальчик чуть не слетел со скамеечки. Пришлось ухватиться свободной рукой за полку. — Тебе нельзя её читать!

— Как не история?! — притворно удивилась Хиден и, воспользовавшись неустойчивым положением Дани, выдернула у него из руки книгу. — «Погодная магия», — прочитала название. — Очень даже история: тут под каждым заклинанием написано, когда и кто его составил.

— Хи-тиэ!

— Дани, не мешай. Я только посмотрю, как дождик делать, — девочка углубилась в изучение книги. — Всего одно заклинание.

— Хиден!

— Будешь так громко кричать, госпожа Мару придёт, — вода пальцем по странице. — Подай лучше карандаш и бумагу.

— (Даниллен, поднимись в мой кабинет, пожалуйста!) — мыслепередача застала мальчика в саду, заставила замереть, наполнила голову тупой болью.

Лейка выпала из рук, подмяла едва проклюнувшиеся зелёные ростки. Вода расплескалась, затопила грядку, окончательно загубив эксперимент. Не видать теперь хорошей оценки за домашнюю работу. Но не это самое страшное.

Дядя позвал в кабинет.

Надо идти. А так не хочется. Дани лучше бы сейчас получил от учителя гербологии выговор за погибшие растения, чем поднимался в башню к дяде. Всё потому, что стыдно. Мальчик не оправдал возложенного на него доверия, нарушил запрет.

И дядя всё знает! Он знает, что Дани и Хи-тиэ были в магической башне без разрешения, без спросу брали книжки. Надо было сразу признаться. Если бы мальчик совершил проступок в одиночку, он бы безотложно пошёл к дяде с повинной ещё две недели назад, но Хи-тиэ... Друзей ведь не выдают. Дани молчал, чтобы не наказали Хи-тиэ.

Ой! Если дядя всё знает, он наверняка рассердился и на девочку тоже. Может, взять вину на себя? Сказать, что Хи-тиэ не читала книжку, что Дани доставал «Погодную магию» для себя? Но врать тоже нехорошо, тем более врать дяде. Что же делать?

Что делать? Врать? Говорить правду, выдавая Хи-тиэ?

Шаги сами собой замедлились. Дани остановился, не решаясь потянуть за ручку, открыть дверь.

Что выбрать? Дружбу или правду?

Ведь Дани всё равно виноват больше Хи-тиэ: он старше, и он мальчик. Надо было отговорить её от той авантюры. Ведь знал же, что в помещения магической башни можно заходить только с разрешения дяди. Надо было сразу понять, что в кабинете не может быть книг, которые предназначены для Хи-тиэ. Дани ведь мог сказать ей, что в кабинет нельзя. Она бы тогда не пошла... наверное. Но он ведь даже не попытался.

Нет, Хи-тиэ не может нести никакой ответственности за произошедшее. Она же совсем ребёнок, к тому же девочка — ей можно глупости делать. А вот Дани уже должен думать о последствиях. Но не подумал. Значит, виноват.

— Дядя, я... — мальчик наконец решился войти.

Кабинет оказался пуст. Ни за столом, ни в кресле у стеллажа с книгами дяди не было.

Может, показалось? И не приглашал никто в кабинет на самом-то деле? Хотя нет: если бы мальчик не получил мысленного вызова, голова бы не болела.

Значит, надо ждать.

Дани встал около окна, руки вытянул по бокам, чтобы входящий сразу увидел, что мальчик ничего не трогает — ни магических кристаллов со стола, ни непонятных флаконов, колб и бутылок, запертых за стеклянными дверцами шкафа, ни книг. Взгляд сам собой скользнул по стеллажу, остановился на верхней полке. Там из ровного ряда других фолиантов чуть выпирал корешок тёмно-синей книги с золотым тиснением. «Погодная магия».

И зачем только Дани согласился достать Хи-тиэ эту книгу? И главное — зачем ей читать про заклинания? Она же всё равно ничего не понимает: девочкам не дано понять магию. По определению не дано. Магия — удел мужчин.

С другой стороны, можно хотя бы не волноваться, что Хи-тиэ воспользуется прочитанным. Вот если бы она действительно могла устроить ливень...

Дани поморщился. Надо бы запихнуть книгу поглубже, чтоб не выдавалась так предательски вперёд. А ещё надо предупредить Хи-тиэ, придумать общую версию.

Элхе сосредоточился, представил себе девочку, позвал её мысленно, как учил дядя. Ответа не последовало. Совсем. Абсолютно. Словно Хи-тиэ никогда не было в Хиэй, не было на Огненном континенте и вообще нигде. Может, Дани что-то перепутал? Мальчик ещё раз глубоко вдохнул, не обращая внимания на тупую височную боль, закрыл глаза, вообразил улыбчивое личико, белоснежные волосы, светлый взгляд:

— (Хи-тиэ! Хи-тиэ, пожалуйста, отзовись!)

Не дотянуться. Не достать.

Что же случилось? Неужели... неужели дядя так рассердился, что отослал девочку обратно на Воздух?

Нет. Надо попробовать ещё раз.

— (Хи-тиэ!) — и вновь призыв остался без ответа.

В кабинет вошёл Орриэ-лаэ.

— Д-дядя, — темноволосый элхе вздрогнул от неожиданности. — Вы меня звали?

Мальчик уставился на свои туфли, ожидая, что алор начнёт немедленно его отчитывать. Только бы не отправил к родителям в Тэйе, в провинцию, а остальное Дани переживёт.

— Будь добр, отнеси это, — перед глазами появился небольшой свёрток, — господину Йисху. Вот адрес.

Так дядя ничего не знает! Облегчение навалилось ватным одеялом — тяжёлым и удушающе тёплым. Алор не заметил того, что дети были в кабинете в его отсутствие, и не в курсе, что Хи-тиэ читала книгу погодных заклинаний. Слава Огню! Не придётся оправдываться и врать.

Но что же тогда с Хи-тиэ? Куда она делась? Почему её не дозваться мысленно?

— Даниллен! — Мальчик поднял глаза: дядя стоял рядом, протягивая свёрток и лист бумаги с адресом. — Мне нужно, чтобы ты отнёс это сейчас. Помечтать успеешь, когда придёшь обратно.

Хи-тиэ вернулась! Вернулась! Словно и не уходила никуда. Дани пришёл из школы, а она здесь. Как обычно, сидит на веранде, рисует. Как обычно, хмурит брови и морщит нос, если у неё что-то не получается. Как обычно, гонит слуг, если они появляются в поле зрения. И как обычно, просит Дани принести ей чай, вместо того чтобы поприветствовать. Здорово!

— Хи-тиэ, можно спросить? — мальчик разлил чай по чашкам, снял крышку вазочки со сладостями.

— Да, конечно, — девочка отложила карандаш и альбом. — Спрашивай.

— Где ты была на прошлой неделе? — Дани потупился, захлюпал чаем, чувствуя себя неловко из-за того, что приходится выражать интерес к чужим делам так явно. Не дождавшись ответа, пояснил вопрос: — Я пытался звать тебя мысленно, но тебя словно не было нигде.

— Дома. Я была дома, — ответила собеседница как-то нехотя. — С родителями. У них был отпуск. Нам с Тайо так редко удаётся побыть с ними вместе.

Значит Хи-тиэ уезжала в Таадин, на Воздух. Тогда неудивительно, что до неё было не дотянуться.

— Это ведь не дядя тебя обратно отослал? Из-за того, что мы в кабинет в магическую башню без спросу ходили.

— Что значит «без спросу»?! — Хи-тиэ возмущённо сощурилась, со стуком поставила пустую чашку на стол. — Может, тебе дядя и не разрешает там бывать, а у меня даже ключ от кабинета есть. Мне наставник позволил в нём заниматься.

— Я так боялся, что ты не вернёшься, — Дани зашуршал конфетными обёртками.

— Глупый лягушонок! — девочка улыбнулась.

Гроза

Май, Хиэй

— Твой вердикт? Рекомендации? — спросил алор Орриэ-лаэ, устало усаживаясь в кресло.

— Сильное энергетическое истощение. Очень сильное, — целитель оторвался от чашки с травяным настоем, посмотрел прямо в глаза бывшему однокашнику. — Я сделал всё, что в моей власти, но боюсь, этого будет недостаточно, чтобы она пришла в себя.

— И ничем больше нельзя помочь?

— Если бы я знал точнее, что произошло... Она же почти «сгорела». И за энергией тянется непонятно куда — я не смог определить и помочь зачерпнуть. Тэкки! совсем не пьёт. Что ты с ней сделал, Льядда?

1. Тэкки — буквально «солнечный камень», энергетический накопитель.

— Ничего.

— Ладно, дело твоё, — мужчина пожал плечами, снова отхлебнул из кружки. — Не хочешь говорить, не говори. Только и помощи не жди.

— Серьёзно, Эвите, не делал я с ней ничего. Я ещё не настолько спятил, чтобы ставить эксперименты на детях.

— Ну а что тогда произошло?

— Вот очнётся, тогда и спрошу, — Орриэ-лаэ потёр лицо руками. — Грозу она устроила. По рецепту Виста-иле Саэте. Старенькое заклинание, неуклюжее. Где только откопала?

Эвите Майре присвистнул:

— Это вчерашнюю? Неуклюжее неуклюжим, а гроза на полуторный уровень тянет. Сколько же лет твоему юному дарованию? На вид не больше двенадцати, если не меньше, но я уже начинаю сомневаться.

— Двенадцать пару месяцев назад исполнилось. Уровень у неё едва-едва единица. Ноль восемь и три был по результатам недавних тестов. Уметь толком ничего не умеет, только птиц подзывать... Каким образом у неё гроза получилась, не понимаю.

— Ну-ну, — целитель усмехнулся. — Слушай, а зачем тебе эта маленькая ведьма, если не для экспериментов? Где ты её добыл?

— С Воздуха привёз год назад. Она моя племянница.

— Хм, вот оно что. Тогда понятно, куда она за энергией тянется — на родной континент.

— Думаешь?

— Это ведь естественно. Если она здесь всего год, то Огонь ещё должен быть ей немного чужд. Пытается достать то, к чему привыкла. Все мы тянемся к тому, что роднее.

— Хм... — алор поднялся с кресла. — Ты не возражаешь, если я тебя оставлю?

— Я уже сам должен бежать, — Майре тоже встал. — Пациенты ждут. Уже не рад, что перевёлся от вас тогда на старшие курсы к целителям: ни минуты свободного времени теперь.

— Спасибо за помощь. Позволь тогда проводить тебя.

— Нет нужды провожать меня лично. Твои слуги, думаю, вполне справятся со своими обязанностями. А ты лучше иди к племяннице, — улыбнулся эскулап, но тут же посерьёзnel. — Льядда, на правах старого друга я дам тебе совет, ладно? — и не дожидаясь согласия: — Как поправится девочка, сдай её в храм или в монастырь отправь. Не играй с Огнём — добром не кончится: и себе нервы попортишь, и ей жизнь искалечишь.

Бедная маленькая хозяйка. Кайри поправила девочке одеяло, сменила чуть потускневший огненный камень. Хотя целитель говорил, что тэки нужно менять, только когда они станут из золотисто-красных бледно-жёлтыми, этот вот четвёртый час всё не желтел — испорченный, наверное. Бедняжка: почти двенадцать часов без сознания лежит. Такая маленькая, хрупкая и белая — аж с простынями сливается, — и дышит тихо-тихо, почти не слышно.

Хозяин из-за девочки весь извёлся, хоть виду и не показывает. Так ведь и не ложился со вчерашнего вечера, когда принёс госпожу Хиден-эли всю мокрую, чумазую. И как умудрился найти-то в такую грозу? Целителя позвал — не посмотрел, что время неурочное, ночь, — до утра над девочкой вместе колдовали.

— Госпожа Мару, переоденьте, пожалуйста, Хиден-эли в платье.

Кайри вздрогнула. Как хозяин умудряется так тихо передвигаться? Каждый раз пугает. Хоть Кайри и служит в его доме уже больше двадцати лет — до ключницы дослужилась, а привыкнуть к таким вот бесшумным появлениям никак не может.

— Но господин целитель сказал... — Кайри попыталась возразить.

— Быстрее. Я тороплюсь, — лёд в голосе, усталость в глазах. Вышел из комнаты.

Отдохнуть бы ему надо. А он опять за своё — куда-то уходит, ещё и с девочкой. Кайри неодобрительно покачала головой, но спорить не решилась — принялась выполнять приказание. Достала платье попроще: маленькая госпожа не любит, когда много рюшей и бантиков, да и одеть в него девочку будет легче.

Красивая она вырастет! Это сейчас косточки да угловатости во все стороны торчат — в платье не запихнуть, — а через годик-другой округлится, где надо, и глаз будет не отвести. Ножки длинные, личико хорошенькое — от кавалеров отбоя не будет. Ой! Чулки забыла. Ключница как могла быстро натянула на девочку недостающий предмет туалета.

— Туфли ей надевать? — позвала хозяйина.

— Необязательно, — Орриэ-лаэ подхватил Хиден-эли, словно куклу. — Будьте добры, идите вперёд и открывайте мне двери.

В зал Перехода — длинной анфиладой через весь особняк, потом направо и вверх по лестнице, на второй этаж башни. Так хозяин хочет просто переместиться с девочкой в дом к какому-нибудь врачу или даже сразу в королевский госпиталь. Какой молодец! Сама бы Кайри до такого никогда не додумалась. В госпитале уж точно смогут помочь!

Тяжело. Словно ты на дне океана, а над тобой километровый слой воды. И дышать тяжело. Словно ты под водой, и до воздуха не дотянуться. Так тяжело, так тихо. Даже глаза не открыть — веки словно чугунные, неподъёмная тяжесть. Голос не слушается, а может, его просто не слышно — под водой.

Холодно. Но одеяло не поправить. Руки — тяжёлые, длинные, неповоротливые — не желают слушаться. Как и всё тело. А тепло утекает тонкой невидимой ниточкой. И становится так трудно дышать, думать. Воздух тоже уходит — пусть. Он холодный и пахнет пылью.

Не проснуться!

Вокруг темно и пусто. И тяжело. И холодно. Очень-очень. Тепло — всё, что осталось, — тонкой светящейся змейкой уползает в темноту. Далеко. К Хиден.

Хиден! Вместо беззвучного крика — хриплый кашель разрывает грудь, лёгкие.

Тяжело. Глаза не открыть. Змейка уползла. Совсем. Оставила после себя только один светящийся шарик. Маленький, как капля. Зелёный. Только его не поднять — руки не слушаются. Полежи здесь, зелёный шарик. Рядом. Не исчезай пока.

Хиден!

— Тайо, — девочка открыла глаза, прошептала едва слышно, одними губами. — Тайо? Лицо. Взрослое, усталое, с холодным взглядом. Наставник.

— Очнулась наконец! — голос. Громкий, колючий.

Тёплые руки помогли сесть, поправили подушки за спиной, поднесли к губам кружку: — Пей!

Оттолкнуть почему-то было очень тяжело. Глотать тоже было тяжело — и невкусно. Вообще всё тяжело. И говорить тоже. Голова болела.

— Тайо? — тревожная мысль не желала уйти. — Тайо меня звал?

Стук. Кружка встала на стол. Шелест. Занавески раздвинулись, раскрывая окно. Свет больно ударил по глазам. Тонко скрипнул диван. Наставник сел рядом.

— Что же ты творишь, девочка? — усталое любопытство, ласковый упрёк. А затем ледяной гнев, словно шипение змеи: — Жить надоело?!

О чём он? Хиден нахмурила брови. Что случилось? Почему так тяжело думать? Где Тайо? Что произошло?

А наставник тем временем продолжал говорить. Колко, холодно. Не на эстонском. Чтобы понять его речь, нужно сосредоточиться. Хиден ведь знает этот язык. Элхе-ми.

— ...не твой уровень! У тебя не хватает ни сил, ни знаний, чтобы применять подобные заклинания. Ты могла умереть, если бы я не подоспел вовремя. Никакой больше самодеятельности!

Заклинания? Умереть? Самодеятельность?

Что происходит? Что произошло? И при чём здесь Тайо? Мозаика никак не желала складываться в единую картину. Мысли не ворочались. Глаза стремились закрыться — требовалось невероятное усилие, чтоб не дать им этого сделать. Только всё равно не получалось. И понимать Хиден перестала. Почему наставник злится? Что говорит?

— Спи пока, — голос снова стал ласковым. Плед мягко обнял плечи. — Потом поговорим.

Дождь должен сначала появиться внутри Хиден. Она сама должна стать дождём — тёплыми струями, бьющими по плечам и лицу, шелестящими в кронах деревьев, питающими иссушённую землю. И тогда, только тогда можно звать тучи. Иначе они не услышат. Иначе они не поймут. А так безмолвную песнь дождя поддержат уставшие от солнца растения; сухая земля даст крупицу своей силы, поделится энергией, поможет достать до неба — потому что это и её мечта тоже; ветер подхватит мотив, и они придут. Сперва белыми барашками примчатся любопытные облака, потом, переваливаясь и рыча, придут грозные тучи — и начнётся ливень.

Осторожно, робко уронит небо первые капли. Но, почувствовав радость земли, увидев воздетые к себе руки деревьев, разверзнутся хляби небесные. И можно будет радостно смеяться, бегая босиком по лужам, или слушать шелест капель из-за окна, сидя на подоконнике. Пойдёт дождь.

Но это только в Нижнем мире. В Верхнем подобная медитация не работает. Хиден несколько раз пробовала — совершенно безрезультатно.

Верхний мир несёт в себе слишком много магии, слишком много энергии. И слишком много жара. До туч не дозовёшься так легко. Может, они просто не такие любопытные, как их нижнемиральские товарищи. Может, просто давно устали играть или игра кажется им слишком примитивной. В Верхнем мире тучам нужно приказывать. Их нужно заклинать. Тучам нужно скормить свою силу — энергия земли и деревьев не кажется им вкусной.

А грозы так не хватает.

Ну ничего. Теперь у девочки есть заклинание, и тучам придётся подчиниться магии. Дождь пойдёт сегодня — сейчас.

Хиден старалась выбирать заклинание попроще — короткое и с меньшим количеством непонятных слов, без которых, впрочем, не обошлась ни одна плетёнка из «Погодной магии». Выбор остановился на сочинении какого-то Виста-иле Саэте — всего на страничку. Остальные заклинания были, как минимум, на две или три, с детальным описанием, куда и что класть, где и как стоять, что говорить, и прочими запутанными подробностями. А Вист писал просто и чётко.

Конечно, и в его плетёнке было много лишнего: зачем нужен талисман-накопитель, если складывать в него всё равно придётся свою энергию, — можно же послать импульс силы напрямую. И предохранительная часть заклинания совершенно не нужна — Хиден не передумает, не остановится на полпути, не свернёт грозу, так её и не начав, а закончиться ливень может вполне самостоятельно, как всегда и делает, хочешь того или нет. Вот громоотводящий элемент просто необходим: будет совсем не весело, если в девочку ударит молния. И ограничивающий элемент можно оставить, чтобы гроза прошла только на территории поместья Орриэ-лаэ. Насыпать вместе с грозой видения или болезни Хиден не собирается — что она ведьма, что ли? — а значит, и последнюю часть плетёнки вполне можно опустить. Вот теперь заклинанием вполне можно пользоваться! Осталось только дождаться вечера и выбраться на ту полянку в глухой части парка, которую девочка приглядела для своих экспериментов.

Хиден сосредоточилась, закрыв глаза, представила себе сферу, наполнила её силой. Всё ещё не открывая глаз, сложила ладони чашечкой, тут же почувствовала, как магическая сфера опустилась к ней в руки, став реальной. Лиловый! Бледно-лиловый искрящийся

магией мячик. Нет, воздушный шарик! Девочка прошептала слова заклинания, подбросила шар вверх, отпуская его в небеса.

Некоторое время ничего не происходило. Потом шар начал увеличиваться в размерах, становясь при этом всё прозрачней и прозрачней, пока окончательно не исчез. Лишь тонкая «ниточка» энергии, утекающей в небеса, подтверждала что сфера не лопнула — продолжает расти.

Небо заурчало, нехотя наливаясь тучами.

Получилось! Дождь пришёл!

Капли. Холодные, колкие капли жалят так больно. Небо мстит за то, что его потревожили, тяжёлыми струями бьёт по земле, рвёт листья. Оно ревёт, воеет, рычит, сверкает глазами молний — злится, что его заставили выпасть дождём. Небо не любит подчиняться.

Злой, хмурой стаей нависают тучи. Голодные тучи. Они тянутся к Хиден, облизываясь, темнея от напряжения. Им недостаточно той энергии, что даёт им девочка. Они хотят ещё. Они хотят всё.

— Прекратите! Прекратите! Хватит! Я больше не буду вас кормить, поэтому, если хотите жить, успокойтесь! — прокричала тоненькая светлая фигурка ввысь, срывая голос.

Небо хрипло рассмеялось в ответ.

Хиден вдруг осознала, что уже не убежать. Не вывернуться из холодных объятий ливня. Уже не получится остановить игру. Теперь не девочка питает грозу. Теперь гроза питается энергией девочки.

Небо рассмеялось ещё громче. С новой силой зарядил дождь.

Детская фигурка упала в мокрую траву.

Хиден снился сон.

Ей снилось, что она заклинает тучи, зовёт грозу. В этом сне тучи пришли на её зов, и дождь начался. Но вместе с дождём на Хиден опустилась пустота. Тяжёлая, тёмная, удушающе ледяная. Пустота, в которой эхом холодного ветра звучали слова: «Тебе жить надоело?». Бесконечная пустота, в которой нет времени. Пустота, из которой не уйти самой. Пустота, затягивающая куда-то глубоко-глубоко, туда, где выхода быть не может.

Несколько раз в пустоте загорались огоньки, но тут же гасли. А потом вдруг пустоту разрезал яркий солнечный луч, и Хиден побежала, хватаясь за него, пьянея от счастья, от возможности выйти на свет.

Но свет вдруг закончился: не погас — иссяк. Девочка выпила его. Выпила весь свет — осталось всего несколько капель. Одна капля. Всего одна капля света. Маленькая зелёная капля, которая шептала: «Хиден»...

Часть вторая, глава 1

Часть вторая

41 год Рейки, 4758 всеобщий год

Конец декабря — Огненный город

— Ли! Ты в комнате? Можно зайти? — после нетерпеливого стука за дверью раздался столь же нетерпеливый голос.

Дени-эльви.

— Открыто, — лениво отозвался Тенки: от неуёмного сокурсника не спасут никакие двери, заперты они или нет.

— Послушай, Ли, — Дени-эльви остановился на пороге, — у тебя не сегодня день рождения?

— Через месяц только.

Глаза сокурсника блестели. Что на этот раз?

— О! — обрадовался Тардис. — Так пойдём в город, отметим! Ты же не занят?

— Не то чтобы занят...

А-а, ясно. До начала занятий остаётся два дня, и Дени-эльви очень жаль тратить их на пребывание в тихой и пустой Королевской школе. А из адептов-второкурсников никого, кроме Тенки, выбор в наперсниках небольшой.

Вот драгоценный соученик и припёрся ловить рыбку на добрый уговор.

— Так пойдём, завалимся в нарайю! Я знаю хорошее местечко, и денег много не берут, и девочки все любезные и умные. Естественно, красавицы.

— К сожалению, — усмехнулся нинье, — денег у меня в обрез. Я б предпочёл, чтобы мне заплатили, и даже готов для этого быть любезным и умным. Только с «красавицей» туговато.

— Ну пойдём, слушай, а то скукота какая! Скоро вообще учёба начнётся, никуда не выберешься!

— Прости, — мотнул головой Тенки. Видно, Дени-эльви и впрямь невмоготу: не в привычках элхе повторять приглашение несколько раз.

Сокурсник испустил явственный вздох. Смотри-ка, пытается сыграть на нервах. И зачем ему Тенки? Так нужен предлог?

— Да тебе там одному больше обрадуются, — способ избавиться от Тардиса оставался один, и Тенки встал, захлопывая книгу, — или погоди до завтра, Ацу должен вернуться. Позови его.

Сокурсник ловил взгляд нинье, молчал.

— А мне в библиотеку надо, ты извини. Астеаки, сволочь, опять велел на шесть листов доклад писать, а у меня конь не валялся.

Похоже, Дени-эльви понял, что дело безнадёжное. Посторонился, пропуская Тенки, грустно посмотрел, как тот запирает дверь. Но сказать больше ничего не осмелился — и так уже был достаточно назойлив.

Уходя по коридору старшего общежитского корпуса, Тенки лопатками чувствовал разочарованный взгляд.

Библиотека, ясное дело, была пустынна и мертва. В отсутствие учеников выключены даже световые панели, а библиотекарь до самого начала занятий будет наслаждаться заслуженным отдыхом.

Подросток провёл ладонью по гладкой пластинке кристалла, почувствовал лёгкое щекотание магии. Технической магии — незадолго до каникул их научили определять видовую принадлежность заклинаний.

Медленно в зале разгорелись светильники.

В самой библиотеке хранилось не больше одной десятой от истинного количества книг. Подавляющее большинство находилось в подвале школы, огромном, на два подземных этажа, помещении. Вход ученикам туда запрещался, и Тенки внутри не бывал, хотя, нельзя скрыть, очень хотелось.

Особенно заманчивым казалось посмотреть на шкаф с фолиантами, таящими в себе самые могучие из заклинаний прежних времён. Такие книги, разумеется, не выдавались на руки, и шкатулка, доставляющая из хранилища заказы, их непреклонно игнорировала, сколько ни заказывай.

Однако способ добраться до таких заклинаний всё же наличествовал. У каждого заклинания когда-то был создатель, а добросовестные хронисты старательно делали свою работу. Толстенные тома с жизнеописаниями магов же никто не думал упрятывать от глаз любопытных адептов, и получить их на руки не составляло труда. Охотнику за знаниями оставалось лишь перелопатить кучу этих томов, сопоставляя написанное в разных источниках, а потом дело за мозгами и знаниями, чтобы связать обрывки заклинаний воедино. Занятие весьма долгое и трудоёмкое, но что поделать, если самые интересные вещи на уроках не преподают.

Привычно достав из шкатулки, по габаритам скорее ящика, очередной фолиант, Тенки бухнул его на стол. Рядом легла тетрадка, заблаговременно раскрытая на нужной странице. Три страницы уже были исписаны — результаты прежних исследований.

На первой — заклинание, которое, по идее, могло уничтожить враз полматерика, придуманное в далёкое Смутное время и убившее во время испытаний собственного создателя. По причине изрядной давности, к сожалению, не все элементы удалось установить, и Тенки порой с тоской думал, что в подвале наверняка нашлось бы полное описание. А так — увы: приходилось восстанавливать по частям, самостоятельно комбинируя разрозненные сведения.

Это увлекательное исследование подросток начал с ноябрьских каникул, однако невзирая на два месяца упорного труда в заклинании по-прежнему зияли лакуны. Иной раз Тенки охватывал соблазн додумать и испытать плетение самостоятельно, и лишь воспоминания о кончине прежнего создателя останавливали любопытство.

Вторую страницу занимало заклинание, по преданию, дарующее магу невидимость. Полную и абсолютную — не чета полотнищам и сеткам, что проходили на уроках практической магии.

Это заклинание не только скрывало мага от чужих взглядов — объект нельзя было определить и на ощупь. В одной из книг кратко говорилось о предполагаемой возможности проходить сквозь твёрдые предметы, в другой писали, что «при снятии заклинания в момент, когда какой-либо из членов объекта находится внутри иного объекта, повреждается слабейшая энергетически суть». Это означало, что, фактически, заклинание невидимости

можно было использовать и в боевой магии.

Пользуясь невидимостью, подойти к противнику вплотную и засунуть одетую в металлический покров руку тому в голову. И снять заклинание.

Про себя Тенки называл плетёнку «Мозги в кулаке».

Жаль, что невидимость тоже пока не работала. Впрочем, книги об этом и твердили: легенды ходили разные, но доказательств, что хоть одному из магу удалось довести заклинание до ума, ещё не нашли.

Третьей места в тетради удостоилась «маска вора».

Усиление зрения, скорости реакций, мускульной силы, обоняния и слуха — с таким заклинанием не нужна и невидимость. Маг превращался в боевую машину — тихую, неслышно крадущуюся пантеру, снаряжённую парой острых клыков вдобавок к идеальным пяти чувствам.

Тратить такое на банальное воровство — безумная расточительность. Правда, создавший заклинание маг был всего лишь безобидным теоретиком. Проверял изобретённое на своих учениках: в то время маги не делились по областям, и каждый разбирался и в технической магии, и в целительстве, и в боевой, поэтому практики под началом теоретиков не были редкостью.

«Маску вора» Тенки нашёл полностью — как раз в биографии мага-создателя, написанной одним из проверявших заклинание на себе бывших учеников. Библиотека Королевской школы обладала действительно впечатляющим набором книг.

Недостаток у «маски» обнаружился лишь один — непомерный расход энергии. И во времена создателя маги, обвесившись всевозможными накопителями, могли находиться под действием заклинания не более десяти минут; и теперь тоже, пусть роль многих накопителей с большим успехом выполнял один-единственный, настроенный на носителя амулет, — заклинание жрало энергию со страшной силой.

Поэтому сейчас Тенки искал «противоядие». Рецепт, могущий замкнуть на себя «маску вора» и дать необходимое количество энергии без лишения оной собственно мага. Искал уже которую неделю и до сих пор — безуспешно. Вот и сегодня...

Устроившись за широким столом, подросток распахнул книгу.

Треугольник часов показывал в районе трёх, когда глаза Тенки начали уставать разбираться в хитросплетениях букв и запутанных фразах хронистов — любителей красиво выразиться.

— Ну-ка! — неужели наконец улов?

Тенки придвинул к себе тетрадку и лихорадочно заводил глазами по элхеским строчкам.

«Энергетический щит», гласило название. Параметры худо-бедно перечислены. Использовать в качестве источника энергии нельзя — но поддерживать наличествующее на постоянном уровне заклинание способно. Похоже, предполагается, что маг заполнит свои ресурсы до максимума, применит заклинание и... и? Эх, вряд ли оно сработает вместе с «маской вора». «Маска» жрёт, не переставая, — а эта штука просто мешает утечке, то есть не будет работать или «маска», или «щит».

Жаль.

Похоже, он не там ищет. Тенки встал, потянулся, разочарованно глянул на раскрытую книгу. Пока что единственная находка по сохранению энергии — этот «щит». Надо сменить

тактику.

Зря Тенки взялся за тома с историей. Все заклинания тут дряхлые и протёрты от древности. Плетёнку, которая может замкнуть на себя «маску», надо искать среди новейших. Не неиссякаемый родник энергии, а просто... просто возможность неограниченно её восполнять. За счёт внешних источников.

Эх, да только... только, будь такое заклинание кем-то придумано, давно стало бы известно на весь магический мир.

Хотя погодите-ка.

Ведь было же. Было же какое-то заклинание, дарующее подключение к даровой энергии.

На уроке истории магии — точно, точно! — говорили о каком-то безумце, помешанном на пополнении энергии. Мужика осудили, а труды, как они выражаются, «преданы забвению», но ведь головастый парень был! Потому и поторопились осудить, что больно много дельных вещей придумал. Как там его звали?! Эль... Эль... Иль-эль?

Ни хрена нет в памяти.

Оставляя книгу распахнутой, Тенки подхватил лишь тетрадку — чтобы не дай пламя, не попалась никому на глаза, — и стремглав бросился в свою комнату.

Конспект по истории!

Безумца звали Ириэсте-иле Эллгине. Его жизненная история была одной из тех, на лекции о которых не клонило ко сну: маг успел достаточно натворить, пока его не признали, что называется, «социально опасным».

В начале карьеры Эллгине заслуженно считался юным гением, постигающим науки с поражающей быстротой — казалось, для него не существовало преград ни в одной области. Потом — бытовало мнение, что виной тому стала пережитая магом личная драма — что-то отвратило молодого таланта от мира и заставило удариться в отшельничество. За долгие годы отречения Эллгине изобрёл множество заклинаний и написал массу философских трактатов: как-то, именно ему принадлежала теория о том, что каждая женщина по умолчанию ведьма и ей не место не только в практической магии, но и в теории, целительстве и монашестве. Женщина, по мнению философа, была создана лишь в качестве инструмента для продолжения рода — и от таковой цели не должно было отворачивать её ни на миг.

Впрочем, философом Эллгине был куда более безобидным, нежели магом — написанные им труды повлияют лишь на потомков, порождая массовые казни ведьм и просто заподозренных в ведьмовстве женщин, — но созданные им заклинания находили своих жертв уже при его жизни. К слову, вопреки проповедуемому им женоненавистничеству, эксперименты маг проводил исключительно на мужчинах. Подобной выбор он мотивировал утверждением, что женщина слишком низкое существо, чтобы служить способом доказать его теории.

Тенки мельком пробежался по нацарапанным собственной рукой корявым строчкам. Да, у мага и впрямь была куча интересных идей. Жаль только, все они посыпались из него лишь после этой самой «личной драмы» — то есть, фактически, являлись всего лишь мстью. Забавный, верно, парень был.

Но время бедняги кончилось.

А вот и записи о его самых важных исследованиях. Энергия.

Умный мужик Элгине и тут пошёл вопреки общественному мнению. Издавна магическая традиция предписывала использовать в качестве источников дополнительной энергии камни: обладающие строгой, геометрически правильной структурой, плохо поддающиеся разрушению, — и природные, и созданные магически; или же собственноручно сделанные предметы из дерева и металла, обработанные и настроенные исключительно на владельца; словом — неживую природу. Однако существовали течения, рассматривавшие в качестве источников живых существ — некоторые предпочитали крупных животных: собак, волков, порой даже лошадей, коров и овец; некоторые — мышей, жаб, белок и прочих мелкогабаритных тварей; кто-то и вовсе проводил эксперименты на птицах.

Ириэсте-иле Элгине пошёл дальше. Нельзя сказать, что ему первому пришла в голову мысль использовать в своих опытах человека, — но он первый добился поистине впечатляющих успехов.

Собственно, за то и пострадал — магический мир смотрел на эксперименты сквозь пальцы, пока не понял, что творит отшельник. Пока не осознал, что маг — не просто безобидный сумасшедший учёный.

Разумеется, в конспекте о достижениях старикана упоминалось лишь вскользь. Только самое важное, самое яркое — квинтэссенция жизни Элгине и его исследований.

Остальное — самое главное! — состав заклинаний — следовало ещё найти.

Том с очередным жизнеописанием Тенки взял с собой в столовую. Жевал, рассматривая старые гравюры: Элгине расчлняет младенца, Элгине приказывает ученику выпить отравленную воду, Элгине ставит некромантические опыты на трупах собственных родителей.

Похоже, даже хронисты не любили чокнутого мага.

Аппетита, впрочем, гравюры не портили — изображённое скорее казалось продуктом воображения художников, нежели тщательным запечатлением реальных подробностей. Взгляд Тенки скользил, почти не останавливаясь.

«Дабы установить связь, иле Элгине пьёт кровь из горла ученика».

Замечательно. Тенки хлебнул пахнувший крыжовником горячий чай.

«Иле Элгине вытягивает энергию из подчинённого тела».

Подчинённое тело, гм.

«Иле Элгине разрывает на части...»

Погодите, что там было про кровь из горла? Зачем ему кровь из горла?

Тенки вернулся на пару страниц назад, вчитался в текст.

«Путём необратимых изменений... через кровь получает контроль над волей... маг становится хозяином своей жертвы...» Так вот откуда взялось подчинённое тело? А поподробней?

Забыв о еде, Тенки впился в чёрную вязь строчек.

Январь

Одним томом с жизнеописанием удовольствоваться не пришлось. И одним днём исследований тоже, Элгине пришлось уделить почти неделю — но в конечном итоге тетрадка получила в своё владение четвёртое заклинание.

Уединившись в библиотеке за самым дальним столом, подросток переносил на бумагу результаты исследований. Название, придуманное создателем — «Алый бутон» — Тенки не понравилось, и, недолго думая, нинье вывел на заголовке четвёртого листа размашистое «Кровососка».

Предпосылкой к созданию заклинания была мысль о том, что в каждом живом существе наличествует энергия. Неважно, обладает ли объект магическими способностями или является полным в этом отношении ничтожеством, — энергия необходима, чтобы жить, поэтому она по умолчанию есть у каждого. Мало того, эта энергия, в отличие от неживых предметов, находится в активном состоянии и просто самим пламенем рассчитана на прямое использование. Отсюда и отталкивался старый маг.

Следовательно, оставалось найти способ отобрать эту энергию в пользу мага, и тут Элгине воспользовался старой доброй мыслью о текущей в жилах каждого живого существа жидкости — крови.

Действие заклинания было недолгим — создатель позиционировал своё детище как способ мощной подпитки за малое время. Плетёнка замкнута на простой фразе — а можно обойтись и без слов, главное — заполучить определённое количество крови. Через неё идёт подключение к владельцу, к его энергетическому щиту. И — дело сделано, энергия поступает. Исключительно просто — и первенство тут принадлежит вовсе не помешанному магу.

Основная заслуга Элгине состояла в другом. «Украсть» чужую энергию через кровь владельца — а можно воспользоваться не только кровью, заклинание сработает и через другой принадлежащий объекту предмет — мысль об этом будоражила многие умы. Добыть энергию — дело одно. Надо было уметь её «переварить».

И старикан блистательно справился с задачей. Маг придумал способ привести полученную энергию в соответствие с энергетическим контуром самого заклинателя — вот до этого никто никогда прежде не додумывался. Книга не зря упоминала о «необратимых изменениях»: Элгине нашёл возможность настраивать личный энергетический контур мага. Изменять согласно желанию, лепя близнеца по образу объекта. Тут и действовала кровь — организм вычленил отпечаток профиля, разный у всех, и менял контур заклинателя, добиваясь максимально возможного сходства.

Короче говоря, Элгине не зря слыл гением.

Тенки поставил в конце страницы задумчивую жирную точку и поднял глаза.

«Кровососка», «Маска вора», «Мозги в кулаке» и не до конца восстановленное смертельное заклинание — перечень богатств Тенки. Его предстоит продолжить и довести до ума.

С началом занятий, пусть отсчёт им пошёл лишь с сегодняшнего дня, библиотека перестала быть единственной собственностью светловолосого нинье. В углу за стойкой обосновался библиотекарь, а над столами появились склонённые над книгами головы — принадлежащие, в основном, старшекурсникам: младшие ещё не познали на своей шкуре насущную необходимость библиотечных знаний.

Приехал из своего провинциального захолустья Мурасе-Ито и сразу же подвергся мощной атаке Дени-эльви, охотника шляться по нараяям.

Теперь и Тенки мог бы соблазниться на развлечение — надоели поиски. Но Дени-эльви больше не звал.

— Тенки, ты все каникулы так и пропадал в библиотеке? — мягкий голос застал нинье в общей комнате второкурсников.

— О, — отозвался тот, опуская руку с распечатанным письмом. — А я думал, ты по городу шатаешься.

Ацу присел в кресло, небрежно перекинул ногу через широкий подлокотник:

— В городе сейчас тихо. Фестивали Инея давно прошли, до равноденствия ещё много времени. Пора празднеств миновала.

— Потому-то Дени-эльви и зачастил по нарайям? — Тенки не удержался от подковырки.

— Дени-эльви, — ему кажется, или элхе и впрямь слегка покраснел? — У него личные дела.

— Что-что? — неаккуратно закинув письмо в карман, Тенки присел напротив сокурсника. — Ты хочешь сказать, наш Тардис завёл шашни с нарией?

— Я не должен был этого говорить, — с лёгкой досадой ответил Ацу.

— Уже поздно, — ухмыльнулся нинье. — Ну так? Что, неужто правда? Чего молчишь, твои принципы тебе уже зад начесали. Проговорился — так говори до конца.

— Когда ты оставишь свои жаргонные подобию? — риторический вопрос Ацу растворился в вечернем полумраке. — Дени-эльви и впрямь... похоже, питает некоторые чувства к кому-то из нарий.

— Вот болван! — кажется, слова Тенки прозвучали в унисон с мыслями сокурсника: Ацу согласно и слегка раздражённо тряхнул головой.

— Мне лишь не нравится, что он считает это судьбою.

— Вот почему он туда зачастил. А куда именно? Их же вроде несколько штук.

— Пять или шесть. Кажется, то место называется «Весевен».

— «Природа»? Не слышал.

— Что ты вообще слышал? — приподнял брови Ацу.

— Я-то слышал, — с превосходством парировал нинье. — В отличие от тебя я кое-где и побывать успел.

— В нараие?!

— В нараие.

— Ты, нищий нинье? — изумление в голосе Ацу мешалось с неверием.

— На четвёртом младшем, — свысока усмехнулся Тенки. — Два года назад.

— Как ты туда попал? И как тебя туда пустили?

— Орувери привёл.

— Виллиэ?!

— Ага.

Ацу замолчал — и Тенки молчал тоже; в комнате сгустилась тишина.

Орувери ушёл из школы незадолго до переводных экзаменов — ушёл навсегда и без малейших колебаний.

После истории с дуэлью Орувери практически перестал общаться с замешанными в ней: и с Тардисом, и с Ацу, и с Тенки; он не делал вид, что ничего не случилось, просто... просто ничего не делал. Тем сильнее удивился Тенки, когда в марте два года назад Орувери вдруг

позвал его «прогуляться по городу».

Приглашение нинье не смог отклонить. Не позволило любопытство. Тенки отправился вместе с элхе и ожидал, соглашаясь сопровождать его, неких откровений, возможно, разговора о произошедшем год назад. Каких-то слов, объяснивших ему причины поведения Орувери. Его рассказа.

Но бывший оодиэ не сказал ничего. Притащил нинье в нарайю — кажется, место называлось «Сад» или как-то так, угощал на свои деньги, представлял элхеских девочек. Все они, с искусно разукрашенными лицами, скорее похожими на лица кукол, подчёркнуто вежливые и услужливые, с нежными голосами, — больше смутили пятнадцатилетнего подростка, нежели понравились ему.

И после того похода Орувери исчез. Совсем исчез.

Ходили слухи, что родители нашли ему место в другой школе; кто-то говорил, семья Орувери уехала на Водный; любопытноглазые младшекурсники шептались, что оодиэ взяли на королевскую службу — враньё, разумеется, всё враньё. Но истины не знал никто.

— Я думал, — начал Ацу снова, но замолчал на половине фразы. — Ладно.

— Опять? — с нарочитой тоской спросил нинье. — Начал — так договаривай. Что ты думал?

— Неважно. Нам не стоит влезать в чужие дела.

— Ага! — кажется, Тенки сообразил. — Ты хочешь их свести?

— Ты с ума сошёл?!

— Нет? А с чего такая благородно-напыщенная гримаса?

— Прошу тебя, Тенки, — недовольно поморщился Ацу.

— Это я тебя прошу! Что тебе вздумалось? Да говори же! Ты же уже был там? Вместе с Дени-эльви. Видел её?

— Нет, — со вздохом признался сокурсник. — Он звал меня, но я отказался.

— Почему?!

— Я не знал, что для него это не просто забава.

— Так ты не был в нарае?!

— Что мне там делать?

— Ну как, — Тенки не сразу нашёлся, — ну, любопытно же...

— Ни капли.

Тенки уставился в чёрно-голубые глаза. Не иначе, врёт. Не может быть ни капли не любопытно. Ну хоть убейся, не может. Просто не хочет показывать. Так и есть, опять прячет эмоции за этой своей элхеской невозмутимой маской. Так бы и дал по ушам.

— Ну ладно, предположим, — начал нинье медленно. — Ты там не был, Дени-эльви вешает тебе на уши свои откровения, ты...

— Давай сменим тему, — беспокойно развернулся в кресле элхе. Убрал ногу с подлокотника, отвернулся.

— Ты, значит, тревожишься, — беспощадно продолжал Тенки, — и в задницу тебя колет весьма ощутимый гвоздь.

Ацу молчал.

— Ну так пойдём и смотаемся туда! Только учти, все расходы — за твой счёт.

— Что ты несёшь, — бросил элхе. — С какой стати нам туда идти?

— Ну как же! Помощь драгоценному сокурснику, о чём ты? — с придыханием изобразил Тенки, подражая манере школьного секретаря. — Это наш святой долг и

обязанность! Перед пламенем!

— Оставь, — этот элхе ещё протестует!

— Это ты оставь! Хватит кочевряться! — Тенки вскочил. — Вперёд, на борьбу за праведное дело!

— Под каким предлогом мы туда пойдём? — ага, он уже начинает сдаваться.

— Ну-у, — подросток на мгновение задумался, вспоминая Дени-эльви, последний разговор с ним. «Послушай, Ли, — прозвучало в памяти, — у тебя не сегодня день рождения?» — Точно! — Тенки щёлкнул пальцами.

— Что? — настороженно спросил сокурсник.

— Мой день рождения! Ты пригласи его, скажешь, хочешь устроить мне праздник!

— Тебе-е? — протянул элхе.

— Ага. Ты ведь горишь от нетерпения сделать мне приятное, не правда ли, любезный друг? — Тенки пригнулся, всматриваясь в тёмные глаза сокурсника. Растянул губы в широкой улыбке. Деваться Ацу некуда — а как приятно наблюдать за этой моральной борьбой: вмешиваться нетактично, но и оставлять Дени-Эльви на произвол судьбы Ацу тоже явно не хотелось.

— И как мы заставим его привести нас именно в «Весевен»? — отлично, он уже почти сдался.

— Да он сам полетит туда, как ошпаренный, что ты, — отмёл Тенки несостоятельное возражение. — Он же рад будет воспользоваться любым шансом, чтобы...

— Тихо! — Ацу встрепенулся.

Тенки замер. Они сидели в потёмках, снаружи невозможно было понять, кто в комнате, хоть дверь и зияла открытым проёмом. Однако возбуждённые голоса мог услышать всякий.

По коридору кто-то шёл. Двое или трое: доносились звуки разговора.

— Это Химилиэ, — шепнул Ацу, — и, кажется, Эвисто.

— Короче, мы решили, — заторопился нинье, — ты говоришь с Дени-эльви, ага? Я делаю вид, что ничего не знаю. Ты понял?

Элхе словно ничего не слышал. Сидел в кресле, повернувшись к двери. Слегка покачивал носком ботинка.

— Короче, ты понял! — со значением повторил Тенки, бросая взгляд на открытую дверь.

Химилиэ и Эвисто прошли мимо, не заходя. Мимолётный быстрый взор, кивок сидящему в кресле Ацу — затаившегося в глубине комнаты нинье не заметили — и сокурсники скрылись. Остались слышны только голоса, продолжающие беседу. Беззаботный смех.

Тенки тоже усмехнулся. Хищно, как гончая, почуявшая след. Уж очень приятно было это ощущение контраста — между их тёмной комнатой и освещённым коридором, между тайной беседой и весёлым разговором в полный голос.

Отлично. Отлично.

— Пошёл-ка я, — кинул нинье молчащему Ацу, получил в ответ короткий кивок и выскользнул прочь. Пусть моралист-элхе теперь сполна насладится сражениями с совестью — итог ясен. Ацу предстоит проиграть в любом случае.

О письме от матери, всё с теми же тягостными требованиями денег, Тенки вспомнил лишь перед сном, когда, разоблачаясь, нащупал бумагу в кармане школьной формы.

Конец января — нарайя

Здесь властвовала музыка. Тихая, приглушённая музыка, льющаяся неизвестно откуда. Она заполняла всё вокруг, ласкала слух, успокаивала, касалась пальцев, заставляя бездумно постукивать в такт мелодии, нежно массируя плечи.

Тенки оказался прав, Тардиса не нужно было уговаривать. Более того, стоило Ацу лишь заикнуться о поводе для праздника, как однокурсник сам предложил «Вессевен». Дениэльви ничуть не подозревал о «заговоре» и на пути сюда лучился искренней радостью. Для него всё выглядело исключительно просто: у одного из соучеников день рождения, почему бы не отметить это дело в тесной дружеской компании, не посидеть за накрытым столом, не поболтать с ласковыми девочками-нарайями?

Наивность сокурсника заставляла Ацу отводить глаза.

Тардиса здесь знали, и встретили адептов любезно. Проводили в небольшую комнату с низким столиком, старательно убранную по правилам искусства украшения — разве что в чуть непривычной манере. В левом от входа, восточном, углу вместо обычного знака пламени стояла кадка с роскошной домашней пальмой; окна были задрапированы до полной неразличимости, или же, Ацу не разобрал, отсутствовали вовсе; пол покрывали мягкие ковры.

Хозяйка, велевшая называть себя «мамой», длинной витиеватой фразой сообщила, что подобна дереву, на котором произрастают ягоды и листья — и «скоро они придут развлечь прекрасных молодых господ». Ацу скрыл небрежное удивление: ещё чуть-чуть, и такая манера разговаривать покажется бредом сумасшедшего.

Мельком он взглянул на нинье. Ли, державшийся до сих пор так бодро и постоянно шутивший, еле удерживаясь на опасной грани между юмором и пошлостью, вдруг утих, сдулся, словно из него выпустили воздух. Видно, сокурсник почувствовал, что тут не место беднякам — да и какого-то жалкого подростка-нинье вряд ли приняли бы с распростёртыми объятиями, если бы не Тардис. Каковы бы ни были порядки в той нарайе, куда водил Тенки Виллиэ, тут явно царил иной уклад.

Двери с чуть слышным шорохом раздвинулись.

Их было трое. Все в длинных ярких одеяниях, метущих рукавами пол; все в полумасках, волосы уложены так затейливо, что кажутся одновременно и сложной причёской, и распущенными локонами. Из-под масок виднелись лишь накрашенные кроваво-вишнёвой помадой губы — сложенные в улыбку, особенную улыбку с сомкнутыми губами, безошибочный признак нарии.

— Мы рады приветствовать милостивых гостей, — мелодично пропела одна из них, средняя.

Все трое единым движением скользнули внутрь, средняя, мелко перебирая ногами, приблизилась к столу, уселась справа от Тардиса, наклонила голову; лицо застыло в улыбке. Оставшиеся две втащили наполненные подносы, затворили двери, придвинулись к столу и принялись суетливыми, но очень женственными движениями расставлять блюда с угощением.

— Позвольте мне сыграть для вас, пока старшие подруги не осмелятся нарушить ваш покой, — произнесла средняя и, теперь Ацу разглядел, одетая ярче, чем другие две, ярче и... откровеннее. Взгляд невольно спустился с лица на открытую длинную шею, бесстыдно оголённые ключицы, сбежал вниз, упал на тоненькую лодыжку, выставленную из-под подола.

В бок толкнули.

Ацу возмущённо обернулся, встретил зелёные глаза нинье. Кажется, тот вернул себе часть природной наглости — по крайней мере, глаза его хитро шурились.

— Ты как рак красный, — ехидно прошептал нахал. — Куда ты сейчас лупился, а?

Элхе не нашёл слов для ответа, лишь гнев шевельнулся в груди — и помог сбросить морок. В конце концов они тут по делу: выяснить, что представляет из себя пассия Тардиса. Нет ли её среди этих троих?

На этот раз Ацу постарался взглянуть на девушек объективно. Возраст определить не удавалось: верхняя часть их лиц скрывалась за масками; ясным казалось лишь то, что средняя нария, без сомнений, старше прочих. Об этом говорила и уверенность, с какой она держалась, и ловкость в обращении с гостями, безошибочно указывающая на опыт.

Пока элхе рассуждал, девушка быстрым грациозным движением выудила из складок одеяния маленькую четырёхструнную лютню, небрежно устроила её на коленях. Лёгким кивком попросила разрешения начать.

Стоны лютни смешались с постукиванием плектра по обтянутому кожей дереву; тонкие мяукающие звуки поплыли по помещению — нария запела. Ацу взглянул на пальчики девушки, умело управляющиеся с инструментом, напряг память. Баллада оказалась знакомой, вот только название никак не выплывало, вертелось в голове, ускользая от сознания.

На помощь лютне и девичьему голосу пришли звуки флейты — одна из девушек, устроившаяся рядом с нинье, поднесла к губам искусно вырезанную трубочку. Другая незаметно возникла за спинами посетителей, извинившись, втиснулась между Ли и Ацу, стала наполнять стоящие на столе неглубокие чашечки. Судя по кувшинчику в её руках — прозрачной струйкой в чашечки текло вино материка Земли.

Только тут в голове сложилась картинка: и пальма в углу вместо знака огня, и слегка непривычное убранство, и баллада, живо исполняемая нариями, — конечно, «Вессевен» давал своим гостям ощутить атмосферу Земли. Далёкий для жителей Огня материк, таинственный и экзотически притягательный — неплохая задумка, чтобы не заставить посетителей скучать.

— «Далёкие окна, изумрудный склон», — не отдавая себе отчёта, произнёс Ацу.

Девушка между ним и Ли хихикнула; но поющая радостно кивнула, заставляя лютню повторить музыкальный проигрыш без слов.

— Как замечательно! Вам знакомы баллады Земли?

— Немного, — нехотя кивнул Ацу. Не то что знакомы, его собственный учитель когда-то настаивал, что каждый образованный элхе должен знать классику всех четырёх материков, и потратил немало времени, чтобы ученик оказался в состоянии наконец с грехом пополам воспроизводить на лютне те же «Далёкие окна, изумрудный склон».

— Вы умеете играть на лютне? — начинается, он так и знал. Сквозь прорези маски сверкали любопытные глаза нарии.

Тардис тоже взглянул на сокурсника с безразличным интересом.

Нет, среди этих троих его возлюбленной не было. Иначе Дени-эльви не сидел со скучным лицом и не потягивал бы равнодушно горячее вино из предложенной младшей нарией чашечки.

А придёт ли та девушка вообще? Может, соученик надоел ей? Может, она занята с другими посетителями? Не думает ли Дени-эльви сейчас именно об этом?

— Вы не откажетесь спеть вместе со мной? — нария придвинулась, чуть наклонилась — показалось, что ещё немного, и Ацу увидит её грудь. Элхе поспешно отвёл взгляд. — Листочки, милые, принесите ещё одну лютню.

— Не надо, — элхе поспешил поднять руку, останавливая девушек. — Простите, я слишком долго не уделял внимания лютне.

— О, я уверена, Вам не составит труда!

— Не составит труда! — подхватили две другие. Ацу еле удержался от желания затравленно оглянуться. На миг показалось, его окружают, чтобы припереть к стенке.

— Давай, валяй, музыкант! — подбавил огня нинье, ехидно улыбнулся.

— Простите, мне жаль вас огорчать, но я не настолько искусен, — быстро возразил Ацу, надеясь, что на этом упрашивания завершатся.

Однако девушка словно не собиралась отступать, по-прежнему заглядывала в лицо и просительно улыбалась. Ацу бы не спасло, скорее всего, ничто, если бы тут не появились ещё две нарии, прерывая разговор. Теперь уже не только нинье затаил дыхание — все в комнате приумолкли, устремляя взгляды на вошедших.

Их оказалось двое: высокие, стройные, очень похожие друг на друга девушки. Вместо масок на лицах искусные узоры, стилизации на тему сил природы. Глаза большие, с тяжёлым частоколом ресниц, у нарии повыше — пронзительно алые, необычные. У той, что пониже — тёпло-коричневые, по-сестрински ласковые. И обе — живые, свободные, ворвались в помещение, будто долгожданный ветер.

И сразу что-то неуловимо изменилось.

Девушка с лютней быстрым движением уступила старшей подруге место, сдвинулась в тень, но инструмент не убрала, продолжая пощипывать струны. Зашумела весёлая беседа, полился разговор, застучали чашечки; младшие застыли рядом с гостями, готовые в любой момент поймать требовательный взгляд и подлить ещё.

Пропали и неловкость, и неуверенность, и напряжение в общении. Нарии, казалось, не нуждались в собеседниках, а просто развлекали их — непринуждённо, без назойливости, почти не заметно. Умело.

— Где она? Где она? Приведите Облако! — над ухом нудил Тардис.

— Облако, — хихикнул слева нинье, — он бы ещё на небо взлетел.

Реплика Тенки предназначалась не Тардису, скорее одной из нарий. Или учениц — им объяснили, что в нараие своя иерархия, но кто из девушек кто, Ацу не запомнил. Кажется, маски оказались ученицами, девушки с узорами на лицах — старшими, полноправными нариями; но чем отличалась, скажем, лютнистка от флейтистки, элхе так и не сообразил.

— Позовите Облако! — снова капризно крикнул Дени-эльви.

Ацу взглянул на соученика с опаской: не слишком ли много тот выпил? Земное вино шло легко, слегка кружило голову и грело грудь, а нарии подливали одну чашечку за другой, и кувшинчики сменялись на столе. Да и сам Ацу чувствовал, как поднимаются по телу беспричинные пузырьки радости: забудь тревогу, забудь чужие проблемы, веселись! Нария в

маске навалилась на него, вцепилась в левую руку, что-то выпрашивала — но Ацу не вслушивался, не до неё.

— Облако сейчас с посетителями, она придёт, как только освободится, — донёсся высокий музыкальный голос алоокой нарии. Она обращалась к Тардису, но Ацу почему-то слышал её слова так близко, словно девушка пропела фразу ему на ухо.

— Вы все сговорились! — капли вина из чашечки Тардуса лёгким веером легли на лицо: соученик неловко махнул рукой. Ацу поморщился; тут же девушка в маске коснулась его щеки, рукавом стирая жидкость. Немного пьяная, она хихикала, позабыв крепко сжимать губы — и раскрытый кровавый рот обнажал мелкие зубки.

— Пошлите немедленно! — Дени-эльви продолжал бушевать.

— Листики уже не раз ходили, — вдобавок к алым глазам волосы у собеседницы однокурсника тоже оказались необычны, Ацу только сейчас разглядел, что яркая смесь белого, оранжевого и жёлтого в её причёске — не ленты и не украшения, а природные цвета. — Прощу Вас, господин, не обижайте меня — так грустно сознавать, что не могу скрасить Вам ожидание.

Интересно, сколько в её словах правды, а сколько — обычного, характерного для нарий кокетства?

Интересно, почему Ацу решил, что для нарий характерно кокетство, — если сегодня он первый раз в жизни очутился в нараيه?

— Э-эй, — слева зашевелился нинье, уставился на соседа через плечо прилипшей к тому девушки. — Ты э-то...

— Не наливайте ему, — распорядился Ацу, видя, что чашечка Ли опять пуста. — Он несовершеннолетний.

— А в-вот и нет! — Тенки усмехнулся, фривольно подмигивая девушке в маске. — Уже н-нет! Вчера ещё да, а сегодня — уже нет!

— Семнадцатилетие не делает тебя совершеннолетним, — сухо ответил элхе. — Ты можешь не жить с родителями, но по законам ты ещё не окончательно самостоятелен.

— Ты, Ацу, — произнёс Тенки неожиданно чётко и разборчиво, — слишком часто оглядываешься на законы. Это ты — несамостоятелен.

— Помолчи, — элхе смерил наглеца долгим взглядом.

— Вот Орувери — другое дело, — кажется, вино ударило Тенки в голову — мальчишка не соображал, что нёс.

— Орувери?!

— Ты чё шипишь? Орувери... Орувери, в отличие от нас, не просто так... он же смотрит в жизнь... выбирает... думает, понимаешь? Понимаешь, элхе фигов?

— Что он думает и выбирает? Говори членораздельно!

— Ха-ха! Интересуешься? Заживо берёт, ага?

— С тобой бесполезно сейчас разговаривать, — Ацу высокомерно отвернулся от нинье. Нарочито высокомерно.

— Хе-хе, кто ж тебя заставляет! — Тенки замолк.

Он бы непременно продолжил — вино не позволяло долго хранить молчание, — но двери снова тихо зашуршали.

— Облако! — вскинулся Тардис.

В первый миг Ацу не увидел в ней ничего примечательного. Нария как нария, с макияжем на лице, лишившим её малейшей индивидуальности, одета, как и остальные, в

яркие длинные ткани, пояс подвязан высоко, почти под самую грудь, плотно охватывая тело. В складках ткани при движении показывается стройная ножка. От подруг её отличал разве что рост — Облако оказалась маленькой, наверное, ниже даже нинье; и причёска — волосы спереди были подстрижены так, что падали на лицо, и только со спины становилось заметно, что гладкие шелковистые на вид пряди не обрезаны напрочь, а, как и надлежит, спадают ниже пояса.

Нария плавно опустилась на колени, ловко подогнула край одеяния, чтобы потом не споткнуться. Согнулась в поклоне.

— Прошу снисхождения, что не могла присоединиться к Вам ранее, — голос у неё был глубокий, богатый, с тщательным соблюдением интонации.

— Брось, хватит! — нетерпеливый возглас Тардуса прервал девушку. — Иди скорее сюда, садись, — и сокурсник повелительно похлопал по подушке рядом с собой. Мгновением раньше там сидела алоокая, но вместе с шуршанием дверей она незаметно оставила своё место, скользнула в тень.

Теперь Ацу ощущал её присутствие сзади, чуть справа. Казалось, что взгляд её скользит по щеке — хотя кто знал, куда на самом деле смотрела нария.

Не выдержав, элхе несмело обернулся. Встретил привычную улыбку, яркие глаза девушки взглянули в лицо и снова спрятались за ресницами: этикет не позволял долго смотреть в глаза вышестоящему.

— Господин желает ещё вина? — похоже, она приняла его движение за приказ.

Ацу мотнул головой.

— Как тебя зовут? — пассиву Тардуса называли Облаком, ещё кто-то представился как Ручей — Ацу и раньше слышал, что в нараие девушкам дают новые, значимые имена, но никогда не интересовался подробностями.

Губы нарии слегка изогнулись — в едва заметной, призраком мелькнувшей на накрашенном лице хитровой улыбке.

— Осень, — ответила она.

Глаза, как листья осеннего клёна, волосы — жёлто-оранжевым пламенем лип и «утиных лапок» гинкго. «Осень». Осень — прохладный ветер слабой насмешки, серое дождливое платье с редкой голубизной. Ей действительно шло это имя.

— Эй, алорский сынок, — в мысли Ацу ворвался наглый голос Тенки. — Кончай любезничать, послушай, что я скажу.

Элхе медленно повернулся к сокурснику, уставился на его лицо. Против ожидания, на губах нинье не плясала усмешка.

— Ты хотел знать про Орувери? — опьянение с него словно слетело.

Ацу промолчал.

— Он сказал, что не способен на королевскую службу, — Тенки не спускал взгляда с собеседника. — «Верность Хиэлие? Ха!!» — смеялся, будто ни в грош её не ставил.

— Орувери?!

— Ага. Он спросил меня, зачем мне Королевская школа. Хочу ли я служить Хиэлие.

— И ты?

Тенки пожал плечами.

Через несколько дней наступал февраль, а ветер дул холодный, совсем январский. Может, конечно, в том виновата была и ночь, не только холод — но на улицах столицы адептам Королевской школы в этот вечер почти никто не встречался.

Вино выморозило холодом, выдуло ветром, и подростки посерьёзтели, умили голоса, подняли воротники, пряча уши. Тардису приходилось легче всех: его грели мысли о любви, перед глазами, небось, так и плавало в прозрачном зимнем воздухе милое личико Облака. Эта девушка, стоило ей улыбнуться — да не с сомкнутыми губами, как другие, а открыто, весело, прямо глядя в глаза, наперекор всем правилам — как тут же хотелось улыбнуться в ответ, и даже Ацу с трудом удерживался. Ему стало ясно, почему Тардис выбрал её объектом своей страсти — маленькая, хорошенькая, живая и близкая — в отличие от других нарий она казалась младшей сестрёнкой или девчонкой из соседнего поместья, знакомой с детских лет.

А вот нинье, идущего по левую руку, не тешили воспоминания о прекрасных девицах, достаточно было взгляда на его задумчивое лицо, чтобы это понять. Нинье опять над чем-то размышлял, брови под светлой чёлкой хмурились.

— Опять выдумываешь что-то несуразное? — осведомился Ацу.

— Что? — встрепенулся Тенки, бросил на сокурсника вопросительный взгляд. — А... Думаю вот...

— Положим, я это заметил. И что же терзает тебя, друг мой?

— Ты меня достанешь скоро своей вежливой речью.

— Ах, прости. Но, право же, образованному человеку не пристало говорить невежливо, пусть даже собеседник является всего лишь плохо понимающим малейшие оттенки речи невежей-нинье.

— Ага-ага.

Кажется, назло Ацу светловолосый решил замкнуться в гордом молчании, раз уж поддерживать беседу на надлежащем уровне ему не удавалось.

— Так о чём ты думал? — решил снизить элхе.

— Хрен я те скажу, если станешь отвечать в этой верхнеуровнехреновой манере.

— «Хрен» два раза — повторяешься, — Ацу не удержался от последней колкости: после выпитого язык упорно не желал держаться на привязи. И поспешил добавить, глядя, как застывает в презрительной гримасе лицо нинье. — Ладно, прости. Можешь говорить, я слушаю.

— Про Огненную деву я думаю, вот чего. Сколько раз мы её видели? Один? Два?

— Я — раза четыре-пять, — задумчиво проговорил Ацу. — Три-четыре раза в детстве. Когда приезжал в Хиэй на празднества. Один — уже после поступления в школу, когда она появлялась на вступительной церемонии для старших. Два года назад.

— Да, — кивнул Тенки. — Тогда я тоже её видел. И совсем не разглядел.

— Я тоже, — Ацу пожал плечами, — обычное дело.

— Но смотри, — Тенки обратил взгляд на него. — Мы ведь будем ей служить?

— Ну да, поэтому она и приветствует всех, кто попадает в старшие. Адепты как бы приносят ей клятву, пусть ещё не настоящую, вроде репетиции. Но не все же потом станут боевыми магами. Кто-то останется адептом, кто-то...

— Но все выпускники будут служить ей. Хоть адептом, хоть светлым-тёмным. Боевым магом или учёным-исследователем. В королевском дворце или где-нибудь в провинции.

— К чему ты клонишь?

— Когда я... сбежал из затхлой Аксе, я совсем не думал, что стану служить королеве.

Думал добраться хотя бы до Валисса, поступить в какое-нибудь захудалое училище. Разумеется, на боевого. А вышло... — Тенки замолчал.

— А оказался ты в Огненном городе, — подытожил Ацу. — В Королевской школе, что поставляет ко двору будущих королевских магов.

— Ага, — подтвердил нинье.

В сухом воздухе шаги разносились далеко, шуршали по мостовой. Тардис шёл молча, смаковал воспоминания. Облако он сегодня увидит во сне, никаких сомнений.

— И что же? — подтолкнул Ацу собеседника. — Ты не хочешь служить королеве? Передумал становиться боевым магом? Что тебя беспокоит?

— Да не, дело не в королеве, наверное. Не то чтобы я конкретно не хочу ей служить. Почему бы и нет. Но знаешь, мне ведь вообще всё равно, кому служить, королеве, какому-нибудь алору-эххоо или себе самому. Лишь бы денег дали побольше.

— Ого, как ты просто мыслишь, друг мой, — хоть разговор и получался вполне серьёзным, Ацу не удержался от иронии.

— Это для тебя всё просто, богатенький ты наш, — огрызнулся Тенки. — А мне вот — нужны деньги. Я бы даже к твоему папаше на службу пошёл.

— О нет, во-первых, в замке уже есть магик, во-вторых, в качестве боевого отец не погнушается использовать сына, в-третьих, не представляю, что заставило бы его нанять нинье. Мне жаль огорчать тебя, но, увы, это невозможно.

— Ага-ага, — Тенки не принял вызов. — Слышь, а ты как в школу попал?

— Обычно. Наш магик сказал, что у меня есть способности, пригласили учителей, подвергли меня тестированию. Я хотел быть боевым, поэтому послали письмо в Королевскую школу, ведь она лучшая на Огненном.

— Ну?

— Потом приехал сюда на экзамен, потом снова — оформлять документы. И с июня началась учёба.

— Хе-е...

Ацу пожал плечами. Чего ожидал этот светловолосый? Он же сказал, всё как обычно, таким путём в школу попадают девяносто девять целых и девять десятых процента. Кроме всяких разных невест откуда взявшихся нинье.

— Чего ты ожидал? — намерения показывать своё недоумение у Ацу не было, но голос сам по себе недовольно дрогнул.

— Да не...

— О чём вы там болтаете? — неожиданная реплика Тардиса чуть не напугала собеседников. Любовная горячка то ли оставила Дени-эльви, то ли скрылась в глубинах его существа до поры до времени, и сокурсник выглядел вменяемым.

— О школе, — Ацу повёл глазами на нинье. Тот кивнул.

— А вот и она, — объявил Тардис, задирая голову на фасад огромного семиэтажного здания. Даже если не вспоминать о невидимых снаружи подземных этажах, каменная громадина Королевской школы производила впечатление. Два высоких крыла по обеим сторонам от входа, посередине, между ними, перемычка общих помещений в три этажа: первый — с канцелярией и комнатами проходящих лекторов, второй — просторная столовая, третий — зал общих собраний и выступлений. Два года назад, когда адепты были младшими, все уроки проходили в правом крыле, теперь — только в левом. За каждым из учебных крыльев тянулись невидимые с фасада низкие этажи-коридоры — они вели к

общежитским помещениям.

— Прямо не пойдём, — Тардис повернул налево, ступая вдоль высокой ограды.

— Понятное дело, — вздохнул нинье, устремляясь следом.

Ацу завершил цепочку, бросив внимательный взгляд во двор: не вышел ли какой из надзирателей в ночь, подышать свежим январским воздухом.

Пусть троица уже считалась старшими, вполне взрослыми — даже не достигший ещё двадцатилетия Тенки, получив звание адепта, автоматически получил и равные с сокурсниками права, — пусть вольны были сидеть в нарайях до утра, главные ворота Королевской школы, как и прежде, закрывались с наступлением девяти часов. Каждый вечер, секунда в секунду, с неумолимой точностью. Старшим оставался путь в обход — как будто и без этого забот не хватало.

Надзиратели тоже представляли собой весьма ощутимую дозу. Встреча с кем-нибудь неминуемо вела за собой длинные лекции о необходимости подавать приличный пример и тщательно соблюдать правила школы.

Будь Ацу убеждён в резонности и необходимости подобных правил, ничто не заставило бы его поступать вопреки, но нудное пережёвывание одного и того же лишало устав последнего смысла.

На территорию адепты попали без проблем, привычно и спокойно. Надзирателей тоже посчастливилось не встретить, но, чтобы не вызывать подозрений к дружной кучке, в здание школы решили входить поодиночке.

Лёгкое опьянение оставило Ацу, желание задирать светловолосого нинье пропало. Более того, задумчивость сокурсника оживила смутное беспокойство — серьёзное выражение на этом легкомысленном лице появлялось нечасто.

— Минут через десять, — повторил Тардис. — Все согласны?

— Поняли, иди уже, — подтолкнул его Тенки.

Тёмная фигура сокурсника лёгкой тенью пробежала вдоль каменной стены и исчезла за поворотом.

— Ты следующий? — глянул вопросительно светловолосый.

— Ты, — поправил Ацу. Всё-таки Тенки был младшим.

Возражать нинье не стал. Однако, казалось, ему есть, что сказать: в глазах читалось неясное сомнение.

Ацу посмотрел на сокурсника, показывая, что готов слушать, но Тенки молчал. Молчал, пока всполох пламени не коснулся девятой минуты из отмеренных десяти, и тогда наконец открыл рот:

— Пойдём посмотрим на Огненную деву, ага?

Ацу приподнял бровь, выражая удивление. Интересоваться подробностями не имело смысла, Тенки расскажет сам, если захочет рассказать. Однако этому беспокойному нинье не сидится на месте.

— На весенние празднества. Дворцовые.

Ацу ждал.

— Хочу её увидеть, — выдохнул светловолосый. — Кому стану служить, кто будет располагать моей жизнью.

— Ты можешь не приносить клятву.

Нинье покачал головой.

— Нет, наверное. Уже не могу, — Тенки глянул на тёмную громаду школы, потом

перевёл взгляд на элхе, усмехнулся. — Да ведь и ты не можешь.

На мгновение их зрачки связала невидимая нить, связала накрепко, слила, соединила нерушимой силой. И исчезла, возвращая свободу.

Ацу мотнул подбородком в сторону школы:

— Время. Иди.

Март — весенние празднества

Казалось, сегодня здесь собрался весь город. Просторную каменную набережную диаметром в несколько километров, вплотную прилегавшую к Малому огненному кольцу, сейчас заполняла плотная, двигающаяся, постоянно что-то жующая, глазающая по сторонам неоднородная толпа. Мелькали служанки богатых домов, посланные вместе со старшими на рынок и ухитрившиеся сбежать; под ногами шмыгали шустрые дети обоих полов и рас; тесными группками держались ученицы жреческих и монастырских школ; виднелись понятные издали костюмы моряков, ремесленников и богатые одеяния купцов, любителей роскоши.

Знать держалась поодаль — крыши, террасы и балконы окрестных домов тоже кипели людьми. Дворяне-то знали, как устроиться, и Тенки на миг даже позавидовал компании, с удобством расположившейся на площадке дома неподалёку: уж им-то не отдавливает ноги пьяные соседи. Над столиками там, наверху, были распахнуты лёгкие белые зонты, и богачи попивали кофий с чаем, коротая время до начала церемонии в спокойной приятной беседе.

Ничего, Тенки ещё найдёт способ забраться повыше всех этих толстопузов. Дайте только школу окончить.

Подросток оглянулся, ища в толпе однокурсников. Чёрная форма Королевской школы удобно выделялась на фоне пёстрых праздничных одежд цивильных, установить местонахождение кучки «воронов» не составило труда.

— Пойдёмте к Восточным! — подходя к остальным, Тенки вычленил из шума толпы голос Эвисто.

— А что там? — спросил кто-то.

— Водные! Выступления послов.

— Что, прямо послы и будут выступать? — не поверил Дени-эльви.

Эвисто пожал плечами:

— Не пойдём — не узнаем.

— А когда появится Хиэлие? — вклинился Тенки. — Сколько ещё времени осталось?

— Не только Хиэлие, и Жрица тоже, — Ацу взглянул на часы, — говорят, впервые за десять лет. Ещё полтора часа.

Тенки недовольно скривился. Они и так околачивались тут с самого утра. Желудок крутил фиги, и если бы не в изобилии расставленные по внешнему кругу лотки с едой, Тенки не выдержал бы уже несколько часов назад.

— Отлично, времени хватает, — удовлетворённо кивнул Эвисто. — Так пойдёмте?

— А Огненные? Хотелось бы и наших увидеть, — Тардис оглянулся с сомнением.

— Так они же после Водных! Ответное выступление. К тому же везде расставят экраны, откуда хочешь увидишь.

— Хочешь не хочешь, увидишь, — шепнул Тенки себе под нос.

На экраны, вообще-то, тоже было бы неплохо посмотреть, хоть и не боевая магия. Венец совместной работы учёных-теоретиков и практиков технического дела — экран, передающий изображение откуда угодно. Почти как хрустальный шар для связи, только

лучше: мощь хрусталия ограничивается его массой, а размер экрана на количество требуемой энергии не влияет. Астеаки мимоходом упоминал об этом на лекции; впрочем, в своё время новость облетела весь магический мир Огненного материка, и почти наверняка заставила скрежетать зубами полчища магов других стран.

Эту штуку хотелось увидеть.

— Все согласны? — Тардис оглядел четверых.

Эвисто с готовностью кивнул, и остальные тоже, пусть не проявляли особого энтузиазма, не протестовали.

Восточные ворота находились минутах в десяти-пятнадцати ходу, но сегодня понадобится больше: набережная Малого рва кишела народом. Пробираясь по толпе, протискиваясь между теснящимися друг к другу телами, Тенки заметил любопытное зрелище.

Сегодня здесь оказались люди, пришедшие не только ради любования представлениями, пожирания продаваемых бойкими купчиками угощений и лицезрения высочайших личностей государства. Сюда также, как мухи на мёд, слетелись все карманники и мелкие воришки, все попрошайки, что только обретались в Огненном городе. И не только они.

На губах подростка появилась ухмылка.

Недалеко от прокладывающих себе путь среди людей адептов Королевской школы стояли две девушки в костюмах служанок, что называется, «приличного дома». Стояли и оживлённо болтали — видимо, подружки служили в разных семьях, или же просто представился случай почесать языки вволю, тем более праздник, шум, веселье. Одна из девушек стояла вполборота ко рву и резной решётке, отделяющей толпу от реки огня, другая — лицом к подруге, и по спине её прыгали длинные рыжие волосы, схваченные лентой у затылка, прыгали в такт оживлённой жестикуляции хозяйки.

И её обращённую к миру задницу щупала чья-то посторонняя рука.

Лапала настойчиво, увлечённо, со знанием дела, ухитряясь залезать девчонке между ног и чуть ли не полностью скрываясь в складках юбки. А занятая болтовнёй служанка, верно, думала, что в попу ей тычется чужая сумка или корзина, и то и дело, не прерывая разговора, поправляла платье.

Вот разиня.

Тенки засмотрелся на идиотку и целеустремлённую руку, высунул кончик языка, пытаясь разглядеть между людьми, кому принадлежит резвая конечность. Однако Тардис с Эвисто живо двигались вперёд, увлекая сокурсников за собой, и — с вящим сожалением, но — Тенки пришлось оставить наблюдение. Следуя за Ацу, он ещё раз оглянулся: хотелось увидеть, чем кончится сценка, но увы — разиня-служанка всё так же одёргивала юбки, не замечая, в чём дело; а владельца конечности закрывала толпа.

— Пришли! — объявил Эвисто, когда чёрная стайка влилась в кучу людей, скопившихся перед Восточными воротами. Сейчас на широком мосту через Малый ров была устроена просторная площадка, очевидно, приготовленная для выступления, но пока что там никого не было.

Адепты Королевской школы сгруппировались неподалёку от решёток, пересекающих мост — все они были опущены, чтобы преградить путь, если возбуждённая толпа ринется к площадке. Видно, опасались возможных несчастных случаев с представителями иностранной делегации. Здесь тоже находилась уйма народу и так же люди теснились,

отдавливая друг другу ноги.

— Смотри, — Тенки подтолкнул Тардиса, — вон там нарии, может, и Облако с ними?

— Нет, — сокурснику хватило одного взгляда, и он ответил безразлично: — Они вообще не из «Вессевена». Да и не нарии ещё, ученицы.

— Как ты определяешь? — восхитился нинье. Для него все они были на один глаз, а при большом скоплении народа и нарии прикрылись бы масками, не только ученицы. Да и стояли они все далеко, в стороне от толпы, под охраной старших товарок и откровенно выставяющих оружие хмурых людей.

— Это, скорее всего, «Хоко», — коротко ответил Дени-эльви. — У них на одежде птицы.

Тенки оглянулся ещё раз, посмотрел внимательней. И правда, у многих подола и длинные спадающие рукава были украшены рисунками птиц. Самых разных: у кого-то щингеские снегири, у кого-то знаменитые яркие попугайчики с материка Земли, у кого-то третьи, совсем неизвестные пичуги. И связь между рисунками и нарайей понятна без объяснений: «Хоко» на элхеском означает «гнездо».

— Ну и когда твои послы? — поинтересовался Химилиэ у Эвисто.

Тот поднялся на цыпочках, приложил ладонь ко лбу и принялся всматриваться вдаль над головами окружающей толпы — туда, на мост, пытаясь различить что-то определённое среди установок непонятного назначения.

— Смотрите, экран! — крикнул совсем рядом Тардис и вытянул руку, указывая на огромное белое полотнище, которое медленно опускалось за площадкой.

— Да видим, — буркнул Тенки, — и так видим.

Он с жадным любопытством уставился на людей рядом с экраном, пытаясь определить, кто из них маг. Но на таком расстоянии сказать с уверенностью не представлялось возможным: вокруг экрана суетилось как минимум человек десять, а магической энергией от полотнища шпарило, как от добрых пятнадцати магов. Ну, разумеется, магов второй-третьей ступени, не самых крутых, и всё же.

Чужие головы и плечи, мешающие смотреть, раздражали. Хотелось забраться повыше.

— Говорят, — вдруг подал голос Ацу, — через несколько лет такие экраны планируют начать продавать. Повсеместно.

— Откуда ты знаешь? — Тенки вскинул на сокурсника удивлённые глаза.

— Отец интересовался. Вроде как собирался купить.

— Они же бешеных денег будут стоить, — в интонациях Тардиса чётко прослушивались нотки зависти. Ему, тратящему всё на нарий, постоянно не хватало денег.

Тенки, впрочем, тоже, хоть и по другой причине.

Ацу небрежно двинул плечом. В этой небрежности читалось: «Мне-то что, это отцова блажь и отцовы деньги».

— Да и огромный он, куда такой влезет, — Тардис снова глянул на полотнище. — И что с него пользы? Что кому показывать?

— Разве не слышали лекции Астеаки-илиэ? — прохладно удивился Ацу. — Да и новости магического мира каждую неделю вывешивают в холле.

— Кто ж их читает, — теперь плечом дёрнул Эвисто.

— Я, — Ацу не потерял невозмутимости.

— Ну и что ты там вычитал? — Тенки тоже хотелось узнать, каково практическое значение такого полотнища. Зачем помещать его в частном доме — ну пусть даже родовом

замке?

— Во-первых, конечно же, размеры на продажу будут много меньше. Во-вторых, покупая подобный экран, с его помощью рассчитывают не показывать кому-то что-то, совсем нет.

— А что?

— Что?

Кажется, Ацу удалось завладеть общим вниманием.

— Смотреть, — чёрно-голубые глаза сокурсника глядели так, словно одним этим словом всё уже было сказано.

— Что смотреть? — не выдержал Тардис. — Пялиться на белый экран?

— Не спрашивайте меня как, — снова начал лекцию Ацу, — я не до такой степени осведомлён, но все экраны будут соединены и направлены на один, центральный. Этот центральный экран установят во дворце. И то, что будут «отводить» на этот центральный экран, автоматически появится на всех экранах в любых уголках Огненного материка. Хоть на севере Щинге, хоть на юге Сорэнарэ. На западе Лиссы или востоке Валиссии.

— Ну, положим, на востоке Валиссии никому не по карману такой экранчик, — не выдержал Тенки.

— Хм, звучит интересно, — признал Эвисто. — Неудивительно, что сейчас только об экране и говорят. Это же получается, наподобие «ауга-сети», только с картинкой? Стоит Хиэлие встать перед экраном, и её увидят по всей стране? И не надо ехать в столицу? — Ацу кивнул, и Эвисто с одобрением подытожил: — А эта штука и впрямь может стать вполне полезной.

— А пока что налицо полезность доски новостей, а? — усмехнулся Тардис.

— А потом и вместо доски новостей появится такой вот экранчик.

— Смотрите, начинается! — разговор прервал Химилиэ. Рука его указывала на помост: люди с площадки перед экраном исчезли, оставляя одного, пёстро одетого человека в цветах Водного материка.

Водный подошёл к переднему краю площадки, и голос его, многократно усиленный заклиниванием «аитэ», разнёсся над толпой.

Тенки слушал вполуха: Водный говорил с лёгким акцентом, да ещё и, как принято, до предела закрученными фразами, и смысл доносился до нинье с пятого на десятое, общими чертами.

— ...рады воспользоваться дарованной нам возможностью, — вещал элхе с площадки, — ...много лет суровых тренировок, отобраны лучшие... ради возможности доставить удовольствие народу Огненного... связанные столь тесной дружбой... я буду краток...

Подросток поморщился. Обычно все речи только приближались к апогею, когда звучала реплика о краткости. На худой конец, «краткость» с огромным трудом получалось отнести к вступлению — а за ним всегда следовала основная часть.

— ...необыкновенное зрелище... — так и есть, мужик и не думает закругляться, — ... прошедшие самый строгий отбор... сегодня перед вами эти танцы... юные таланты...

Ну так покажи наконец свои таланты, старый хрыч.

— ...принести благодарность всем, кто... — ага, нудное перечисление титулов и поклоны в адрес высших лиц, — а также...

Тенки глянул на каменное лицо Ацу — тот стоял как ни в чем не бывало, устремив

неподвижный взор на площадку. Вот статуя хренова.

Однако и лицо у этого элхе. Иногда кажется, на нём вообще не способны отражаться эмоции, и приходится приложить немало труда, вызывая из памяти давний гнев в этих глазах, уязвлённую гордость, боль и даже призрак беспомощности.

Ведь это было, всё было, было всего лишь три года назад.

Тенки помнил.

Они никогда об этом не говорили. Никогда не вспоминали. Но иногда Тенки казалось, что подстроенная Виллиэ дуэль связала их крепче любого каната. Его, безвестного упрямого нинье из забытой всеми валиссийской деревушки, и этого отпрыска дворянских кровей, младшего сына алорской семьи с родословной чуть ли не в сотню поколений, молчаливого обычно элхе с красивеньким бледным лицом.

— ...прощения, что заставил столь долго ожидать... — с помоста донеслись слова, похожие на плавный переход к окончанию. Наконец-то. — ...позвольте представить! Када Мирель! Када Сьунев!

Под бурные хлопки собравшихся на помосте появились две абсолютно одинаковые девушки. Обе стройненькие, длинноногие и одетые в самый минимум ткани. Волосы их были туго стянуты на затылке и убраны, так что тоненькие шейки казались ещё беззащитнее. Сине-зелёные костюмы, облегающие, как натянутая на женскую руку перчатка, и узоры на этих костюмах только подчёркивали то, что обычно принято скрывать. Особенно обнажёнными смотрелись ноги — от горлышка до бёдер тела девушек закрывала ткань, но длинные голые ноги позволяли любоваться на себя всем желающим, и ни малейшего намёка на смущение не было на лицах представленных.

— Чего-чего? Что сейчас будет? — не спуская глаз с площадки, Тенки заехал локтём в бок стоящему рядом элхе.

— «Танцы под водой и на воде», — ответил тот, обратив на сокурсника слегка удивлённый взгляд. — Не слышал разве?

— А где вода-то?!

Словно отвечая недоумению Тенки, белый покров площадки неожиданно стал светлеть и растворяться, будто повиновался плавным размеренным шагам покидающего помост человека. На краю полупрозрачной площадки застыли в сложных позах две девушки, переплетая руки и ноги так, что казались единым целым; и одинаковые костюмы ещё более усиливали впечатление однородности.

За помостом зашумело.

— Ух ты! — Тардис озвучил восклицание Тенки: из четырёх углов ставшей окончательно прозрачной площадки — или нет, уже ясно, в высоту больше человеческого роста внушительной коробки — хлынули струи голубоватой, блестящей в солнечных лучах воды. Уровень жидкости стремительно повышался, а девушки всё так же неподвижно стояли на краю бассейна, словно вырезанные из желтовато-белой слоновой кости статуэтки в сине-зелёных нарядах.

Толпа восхищённо загудела: экран за спинами девушек замерцал.

Тенки сощурил глаза, пытаясь разглядеть колеблющееся изображение, наконец сообразил: экран показывал поверхность воды, тот же самый бассейн, только сверху. Голубая жидкость плескалась, закручиваясь маленькими воронками, по дну разбегалась рябь солнечных зайчиков.

Прозрачная коробка наполнилась быстро, за считанные минуты. Девушки разогнулись,

выпрямились, глянули на толпу — и обратили лица друг к другу.

— Эй! — раздался сложенный их голосами общий вопль, и, изогнувшись, абсолютно одинаковыми движениями представительницы Водных полетели в бассейн.

Теперь Тенки понял, к чему были «танцы под водой и на воде». И слова Водного о «юных талантах». И упоминание многих лет «суровых тренировок», и фраза о «строгом отборе».

То, что творили две девушки в воде, не удалось бы изобразить больше никому. Никому и никогда, потому что не могла же природа снова создать два таких одинаковых, таких равных, угадывающих каждое движение друг друга, синхронных до малейшего жеста существа? Ведь не могла же повториться, вдыхая жизнь в подобные совершенно ничем не отличающиеся тела?

Девушки не плавали — они жили в воде, казалось, не нуждаясь даже в воздухе, чтобы дышать. Ткань костюмов отливала под водой серебром, и Тенки на миг показалось, что перед ним никогда не существовавшие люди-рыбы, персонажи древних морских легенд, которыми в изобилии наполнилось его детство. Водные танцевали, то опускаясь в глубину, то снова появляясь на поверхности, выделяли ногами немислимые пируэты и били ладонями по воде, прицельно поднимая изящные всплески. И даже брызги тоже летели одинаково, синхронно.

Действо длилось недолго. Казалось, не успело пройти и десяти минут, как лёгкая мелодичная музыка остановилась — только тогда Тенки понял, что с самого начала представления в такт движениям танцовщиц играла музыка — и толпа, выдержав миг молчания, дань восхищению, разразилась оглушающим хлопаньем.

Девушки снова выбрались на край бассейна и застыли, обрадованно заулыбались. Эти улыбки вмиг смыли величие танца, заставили забыть о достоинстве страны, которое они должны были поддерживать, — и водяные танцовщицы вдруг стали совсем девчонками, едва ли не ровесницами Тенки.

— Здорово, — выдохнул кто-то из адептов — и нинье молча согласился.

Интересно, что за жизнь вели девчонки там, у себя дома, на Водном материке? Наверное, каждый день ныряли в бассейн и разучивали до последних мелочей движения этого танца и других, множества других — ведь, без сомнений, сегодняшнее выступление было для них всего лишь одним из ряда прочих.

— Они, небось, даже по-элхески не говорят, — Тенки не заметил сам, как подумал вслух.

— Ну всеобщий-то должны понимать, — пожал плечами Тардис. — Хотя неправильно говорить «по-элхески», они ведь тоже элхе. Только язык другой, не анедвеми.

— Ты, что ли, хочешь поболтать с ними? — обратился к нинье Эвисто. — Невозможно, к ним же не подойдёшь так запросто.

— Больно надо, — Тенки независимо отвернулся. Соврал — конечно, хотелось с ними поговорить, узнать вообще о жизни в чужой стране, о том, как у них относятся к нинье, и спросить, сколько лет они занимались, прежде чем научиться так чувствовать друг друга и воду, и ещё... Да, Тенки и впрямь не отказался бы от возможности засыпать жительниц Водного материка вопросами. И разглядеть поближе, действительно ли они настолько похожи. И вообще разглядеть поближе.

— Так что? Возвращаемся к Южным? Там будут наши, — напомнил Тардис.

Толпа вокруг потихоньку начала рассасываться. Кто отходил к лоткам, подкрепляясь

после духовной пищи физической, кто-то, ведомый тем же соображением, что только что высказал Тардис, спешил скорее занять удобное местечко у Южных ворот.

— Сколько ещё времени до появления Хиэлие?

— Она всё равно не появится раньше выступления Огненных, — Ацу тем не менее вытащил часы из-за воротника «илерам». — Ещё пятьдесят минут.

— А представление-то недолго длилось, — подсчитал Химилиэ. — От силы минут двадцать пять. Огненные тоже должны быстро закончить.

— Пойдёмте? — Тардису не терпелось скорее тронуться с места, он сучил ногами, будто очень хотел в туалет.

— По-маленькому? — издевательски осведомился Тенки.

Тардис одарил соученика возмущённым взглядом. Но связываться не стал: деревенское прошлое весьма обогатило словарь Тенки, пусть даже большинство изошрённых словечек теряло при переводе на элхеский... ах да, «анедве-ми»... некую пикантность.

— Вперёд, — согласился Эвисто и двинулся первым, подавая пример.

Тенки отстал, умерив шаг, пристроился в конец цепочки, сразу за Ацу. Лицо темноволосого элхе ничего не выражало, навевая мысли о безмятежности бульжника.

— Эй, — тихонько позвал Тенки. Дождался, когда Ацу обернётся, и тогда зашагал рядом, благо поредевшая толпа позволяла.

— Ты, это, — начал было и запнулся — показалось глупым лезть не в своё дело.

Лезть не в своё дело.

Ну вот, всё. К нему прилипли дурацкие эльфийские церемонии.

— Да? — вежливо посмотрел на сокурсника Ацу.

Тенки чуть мотнул головой, отмахиваясь от идиотского видения: он в пышных дворянских одеждах раскланивается с кем-то жутко важным, а приклеенные длинные уши грозят вот-вот отвалиться.

Лучше зарезаться.

— Слышь, мне кажется, или ты сегодня не в духе? — чтобы последний призрак унижительного смущения сбежал, испугавшись, с поля боя его духа, Тенки включил улыбку на мощь в два раза выше обычной.

— Прости? — нет, вы только посмотрите, эта милая чуча так невинно хлопает ресницами.

— Ещё чуть-чуть, и я поверю твоим прелестным глазкам.

— Тенки, я отказываюсь понимать тебя.

— А ты не отказывайся, — отрезал подросток. И снова продолжил, пытаюсь спародировать элхеские интонации, преувеличенно тревожно заглянул в лицо собеседнику: — Мне так грустно видеть тебя в печали.

— «Грусть» и «печаль», — усмехнулся Ацу. — Слова с одинаковым значением — использовать их в короткой фразе неизящно.

— Слуш, ну хватит уже чепухой страдать, — взмолился нинье, стараясь не ослаблять морального напора. — Из тебя, конечно, и в лучшие дни слова с трудом выходят, но сегодня приходится аж клещами вытаскивать.

— Вот как? — рассеянно осведомился Ацу и глянул на спины ушедших вперёд соучеников.

— Ага. Может, не будешь уже ломаться?

— Но я вовсе не ломаюсь, почему...

— Тогда чего у тебя вид нездешней принцессы, которую выдают замуж против воли?

Тенки сам не ожидал такого эффекта от безобидной реплики. Глаза Ацу сузились. Он остановился, опустил руки, и нинье заметил, как под манжетами школьной формы они сжимаются в кулаки.

— Ты чего? — чтобы не дать чокнутому повода наброситься, Тенки отодвинулся на полшага, показывая свои миролюбивые намерения.

Толпа обтекала их, стремясь к Южным воротам.

Ацу глубоко вздохнул. Тенки подозрительно проследил за кулаками — жилы на руках ещё напрягались, словно ногти владельца впивались в ладони.

— Извини, — сказал Ацу кратко.

Только теперь кулаки разжались.

— Но ты вмешиваешься в чужие дела, — продолжил элхе. Брови его хмурились.

Тенки почувствовал яркий, неожиданный прилив злости. Какого хрена?

— Слушай, а не пошёл бы ты? — предложил он Ацу и отстранённо удивился: похоже, на пике нахлынувшей эмоциональной волны ему до идеала удалось воспроизвести все вежливые интонации их треклятого языка.

— Что? — глухо произнёс элхе. Ноздри шевельнулись, словно вдыхая, не пьян ли собеседник, не бредит ли, перебрал вина.

— Надоела мне ваша песенка про «чужие дела»! Я сую нос, куда хочу, понял, надутый болван?

Слова сами прыгали на язык. Лицо Ацу казалось выпуклым белым шаром с чёрной макушкой и нарисованными глазами.

— Если я вижу, что какой-то много воображающий о себе идиот таскается с вытянутым лицом, когда все вокруг веселятся, то я, морской хрен, суну нос в его дела! И если я это делаю, радуйся, пламя хреново, потому что это значит, что идиот мне не по этому месту! — Тенки выразительно чиркнул ладонью по воздуху рядом с ширинкой. — Ты понял, огонь на твою голову, хреновое твоё дворянское племя?

— Я понял.

Тенки прервался на полуслове, уже набрав дыхания для новой тирады.

— Я понял, ты и впрямь любишь слово «хрен».

Интонации придурка-эльфа были загробно серьёзны. Значит, точно — прикалывается.

— Да ну тебя, — махнул нинье рукой, шагнул, сливаясь в движении с толпой. Где-то в груди странно саднило, и очень хотелось долбануть элхе по глупой темноволосой башке.

Ацу нагнал его, пошёл рядом.

— Скоро каникулы, — обронил он словно бы без малейшей связи.

— И что? — буркнул Тенки, невольно умеряя скорость. Не хотелось подойти к ожидавшим в сторонке однокурсникам слишком рано.

— Ллия заканчивает обучение. Возвращается на Огненный.

— Кто это — «Ллия»?

— Разве я не говорил? Моя кузина.

— Да ты вообще ни хрена не говоришь! Ну, и что?

— Летом будет официальная помолвка.

— Ты ж только что сказал, она твоя кузина?!

— Да, — Ацу отвечал с таким видом, будто говорил сами собой разумеющиеся вещи.

— Помолвка — это же значит, что вы потом поженитесь?

Соученик утвердительно качнул головой.

— Двоюродные брат и сестра?!

— На самом деле наша родственная связь гораздо дальше... и запутанней. Её отец — племянник моего деда, а мать из рода Ито-Ине, их ветвь отделилась почти десять поколений назад. И наш брак должен послужить ещё одной ниточкой к упрочнению, как, собственно, и связь самих родителей Ллии.

— Ни хрена не понимаю.

— Я не удивлён.

— Ты достанешь меня ржать втихомолку.

— Т-сс, я не хочу продолжать этот разговор при всех.

— Может, всё-таки скажешь? Чётко, с толком и расстановкой? — Тенки покосился вперёд — от тройки в чёрной форме их отделяло полминуты хода.

— В нашей семье издавна заключают браки среди кровных родственников, — Ацу задумчиво коснулся мочки уха. — Чтобы сохранить древний уклад. Обычаи, культуру. Род.

Нинье не нашёлся, что ответить. Как-то не придумывались подходящие слова. Вместо этого попробовал спросить:

— И чё, ты не можешь сам выбрать, на ком тебе жениться, что ли? Тебя это мурыжит?

Ацу качнул головой. В этом движении промелькнула тень то ли недоумения, то ли беспомощности.

— Я, по большому счёту, не имею ничего против Ллии, — выговорил он медленно. — Мы росли вместе, хорошо друг друга знаем. И всегда понимали, что когда-то поженимся.

Тенки молчал, не мешая говорить.

— Как наши родители. И как мой брат и его невеста. Это традиция.

— И что же ты тогда...

— Ничего, — ответ вернулся очень быстро. — Всё в порядке. Это ведь традиция.

Тенки больше не спрашивал. Было ясно, что Ацу не в восторге от перспектив, но в то же время у него не промелькнуло ни единой мысли воспротивиться решению родителей.

Понятие «воспротивиться старшим» вообще, похоже, не входило в моральный кодекс элхе, даже самых либеральных — что тут говорить о семье Ацу, одной из старейших среди элхеской аристократии.

Деревенщине-нинье не стоит советовать. Не в этом случае.

Это другой мир, и так оно и останется.

Часть вторая, глава 4

К началу представления они чуть не опоздали. На такой же площадке, как у Восточных ворот, только покрашенной в тёплый глубокий жёлто-оранжевый, уже вертели факелами по пояс обнажённые парни с впечатляющей мускулатурой, двигались девушки в колоколом стоящих соломенных юбках. Тенки на мгновение забыл всё вокруг, уставившись на сцену: широкие пояса танцовщиц сидели глубоко на бёдрах, и то место, где спина переходит в нижнюю часть, только девушкам свойственный чудный изгиб попросту не позволяли оторвать взгляда. А они ещё и танцевали, извивались, крутили бёдрами, заставляя пробегать мурашки по позвоночникам зрителей.

Да, если выступление Водных было покойным течением, безбрежной величественной красотой, то Огненные зажигали в толпе пламя. Раздували огонь, символу которого поклонялись. Настоящий, не придуманный жар охватывал тех, кто наблюдал за вызывающими движениями пляски.

Девушек было пять, мужчин — трое. Волосы танцовщиц распущенными пышными облаками прикрывали спины — впрочем, ритм барабанов не позволял стоять на месте, и выкрашенные в одинаковый медно-бронзовый цвет гривы летели в танце, развеваясь в такт движению. Грудь девушек прикрывали два треугольника золотой ткани, и золото это сливалось с обнажённой загорелой кожей. В противоположность послам Водных, у которых было прикрыто тело, но выставлены на обозрение ноги, Огненные танцовщицы прятали под длинными юбками ноги, зато без малейшей застенчивости открывали всё туловище, от треугольничков нагрудника до пупка и завораживающих до потери дыхания углублений у бёдер.

Тенки не замечал течения времени, вместе с остальными пойманный в ловушку пламенного танца. Порой ощущение пляски так захватывало его, что грезилось: он сам стоит на сцене; и толпа вокруг тоже подчинялась несмолкающему стуку бамбуковых палок по натянутой коже барабанов.

Закончилось всё враз, в секунду, словно на костёр выплеснули бочку воды: парни прошились ярким огненным колесом, мелькнули в воздухе обвязанные соломой ноги; брошенные в воду факелы зашипели, потухая; девушки закружились и рассыпались, спрыгивая со сцены в заранее приготовленные вокруг маты, лишь на мгновение показали голые икры из-под взметнувшихся юбок.

Площадка опустела, ритм барабанов исчез.

Не помня себя, Тенки захлопал — уж на что не любил бессмысленно отбивать ладони, тут не удержался. Хотелось ответить чем-то в благодарность за представление. И люди перед сценой, испытывающие те же чувства, заставили греметь Южные ворота отголосками пережитых эмоций.

— Молодцы всё-таки наши, — одобрительно отозвался Эвисто. — Показать бы это Водным, пусть знают.

— Может, они смотрели, — предположил Тардис. — На их экране, верно, тоже показывали.

Помолчали.

— Что теперь? — Эвисто огляделся — зрители потихоньку рассеивались.

— Откроют ворота. Хиэлие появится на главной площади, там, во дворце. Будут освобождать проход по мосту.

Тардис был прав — и рабочие за решёткой уже начали по-муравьиному копошиться среди установок.

— Наверное, минут пятнадцать понадобится, — прикинул Дени-эльви. — Так и будем торчать тут и ждать?

— Пойдёмте пожрём, — Тенки хитро и одновременно мечтательно улыбнулся.

— Опять? Куда в тебя лезет, Ли...

— Пойдёмте...

— А ещё и Хиэнне, говорят, выйдет к народу.

— Жрица храма Огня? Та самая, которая десять лет где-то пропадала?

— Наверное. Посмотрим.

Правительница Огненного материка, высший одновременно и политический, и магический, и духовный символ государства, сорок первый год носящая титул Хиэлие, Дочери Огня, красивая женщина с чуть заметной усталой морщинкой меж бровей, откинулась в кресле на одном из балконов королевских покоев.

До выхода к народу оставалось около получаса.

Сейчас где-то готовят к церемонии жрицу Храма. Причёсывают, красят, надевают ожерелия и прочие ритуальные драгоценности... А впрочем, сейчас заниматься этим уже поздно, и, верно, с девочкой проводят последнюю беседу, удостоверяясь, что та до мелочей поняла предстоящую роль.

Забавно, прошло всего три года с момента первой встречи Хиэлие с новой жрицей — но за эти три года едва понимающая элхеский язык девчонка превратилась в уверенную молодую женщину. В подобном скором взрослении сказала, не иначе, ниньеская кровь.

Хиэлие не знала причины, но Жрицы всегда были ниньескими женщинами, или, по крайней мере, выглядели таковыми.

Кто-то из учёных предполагал, что причина этого — в равновесии, необходимом для отлаженного функционирования мира, и если Девы четырёх материков — чистокровные элхе, то Жрицы должны быть нинье. Когда-то Хиэлие даже читала эти соображения, забавная вещь. Изложенная, впрочем, слишком сухим научным языком, чтобы сохранить забавность надолго.

— Дева, о чём ты думаешь?

Единственное существо на Огненном материке — да что там, во всём мире, которому позволено было обращаться к Хиэлие на «ты», разумеется, не грубоватое просторечное «ирдиэ», а принятое в обращении к вышестоящим изысканное «илло», — верная наперсница королевы вот уже более шестнадцати лет, маленькая маг Цюю подняла к Огненной деве детское личико.

— Ни о чём, мой маленький друг, — отозвалась королева с лёгким вздохом. — Любуюсь прекрасной погодой и столь ласковыми солнечными лучами. Природа радуется вместе с нами в праздник равноденствия.

— Ты сегодня очень красивая, — девочка неуловимым жестом подставила макушку под лежащую на подлокотнике кресла руку Хиэлие, и та бездумно начала перебирать

шелковистые чёрные волосы.

— Только сегодня? — рассеянно улыбнулась женщина.

— Нет, конечно, ты всегда красивая, — убеждённо ответила Цую.

— Ты тоже, — мягко откликнулась Хиэлие. — И уже скоро я стану завидовать твоей неизменности. Вот уже шестнадцать лет, как ты сопровождаешь меня, но облик твой постоянен. Ах, я тоже не хочу стареть.

Лицо Цую — девочки лет двенадцати — повернулось к королеве вполоборота. Тёмные бровки слегка дёрнулись: то ли девочка чуть заметно нахмурилась, то ли смутилась, не зная, что ответить.

Огненная дева продолжала созерцать Цую с задумчивой ласковостью. Шестнадцать лет назад она взяла неизвестно откуда появившуюся девочку под свою опеку: ребёнок не помнил ничего о прошлой жизни, не говорил по-элхески и не знал дворцовых обычаев, однако энергетическая аура девочки подавляла. Придворные маги, обследовавшие её, заявили, что по расе найдёныш не принадлежит ни к элхе, ни к нинье, — это же стало понятно впоследствии и само собой, когда обнаружилось, что облик маленькой девочки неизменен: ребёнок просто застыл в одном возрасте.

Поначалу Хиэлие не обращала большого внимания на черноволосую малышку: ею занимались маги, и королева лишь изредка читала доклады о происходящем; через несколько лет по приказу Огненной девы к найдёнышу приставили учителей. Так на Огненном материке появился первый маг женского пола, официально признанный государством.

Кто-то из Государственного совета отговаривал Хиэлие от подобного шага: признание одной женщины магом могло спровоцировать волнения среди ведьм и дорого обойтись государству; но всё обошлось. Впрочем, другие советники считали это самим собой разумеющимся, ведь Цую попросту не была обычной женщиной, ни элхе, ни нинье.

По-настоящему королева начала привязываться к безродной девочке примерно десять лет назад — тогда она по собственной оплошности потеряла доверие одного из самых старых друзей, и Цую стала единственной поддержкой, духовным отдохновением Хиэлие от государственных дел. А также поистине родным существом, терпеливо выслушивавшим все усталые глупости, которые так своевольно рвались с уст королевы после очередной нудной церемонии.

— Скоро время, да? — огромные синие глаза вновь обратились на лицо королевы.

Хиэлие кивнула. Ещё несколько минут, и посланник прибежит сообщить ей, что приготовления завершены. Жрица ожидает, и народ уже заполнил главную площадь.

И тогда две женщины, две стороны одной силы: шестидесятилетняя элхе, королева Огненного материка, Хиэлие, и восемнадцатилетняя девушка с текущей в жилах кровью нинье, носительница силы Огненного храма, Хиэнне, — выйдут к народу, которому обещана их защита.

Вот теперь Тенки почувствовал, что прежние испытания — сардельки на палочках по сравнению с этой толпой. Люди жали со всех сторон. Справа, слева, спереди и сзади — это, пожалуй, было неизбежно, а с неизбежным подросток был готов примириться; но ведь ещё непременно находился какой-нибудь прохвост, пролезавший под ногами, и идиоты элхе,

вымахавшие выше нужного, всё норовили влезть Тенки на голову.

Убил бы всех на хрен.

И даже Дени-эльви, даже Эвисто, даже этого придурка с рожей неземного спокойствия Мурасе-Ито: они хотя бы могли что-то видеть. А вот Тенки с Химилиэ оставалось разве что любоваться физиями друг друга, и Тенки не могло утешить даже это, потому что и Химилиэ был выше него.

Убил бы на хрен всех этих эльфов.

— Теперь ясно, отчего наши любоваться на Деву редко ходят, — прошипел Эвисто. — Пожалуй, меня тоже сюда больше не затащишь.

— Тут сегодня весь город, огонь его пожги, — откликнулся Тардис и безуспешно дёрнулся, пытаясь высвободить зажатую чужими телами руку.

— Видели ж мы её два года назад, зачем сюда припёрлись, — продолжал сетовать Эвисто.

— Тут не только наши, тут и с других материков народу хватает, — пока однокурсники не вспомнили, кто стал инициатором дурацкой идеи, Тенки попробовал сменить тему.

— А когда наследницу начнут показывать? — кажется, на наживку не клюнули, но уловка тем не менее удалась — Химилиэ спросил совсем о другом.

— Наследницу?

— Что за наследница? — удивился Тенки. На этот раз фраза вырвалась сама собой, без притворства.

— Ли, ты откуда свалился? — раздражённо отозвался Эвисто.

— И правда, Ли, ты же постоянно книжки лопатишь, — в голосе Тардиса слышалось лёгкое недоумение.

— Ну и что?

— Не слышал разве?

Тенки напряг память. Ничего не отзывалось, будто голова в пустую коробку превратилась.

— А когда она родилась-то? — нинье решил зайти с другого края.

— Наследница?

— Ага.

Дени-эльви переглянулся с Эвисто, залез свободной рукой в волосы и сказал, ероша чёлку:

— Да вот когда ты в Хиэй приехал, в тот год.

— Да, точно, в тот год в сентябре она не появлялась на празднествах, об этом весь город шумел, — подтвердил сокурсник.

— Ещё бы, наконец-то появление долгожданной наследницы. Одно время Огненный материк на ушах стоял. У Девы же и официального консорта никогда не было.

— А кто отец наследницы? — снова вмешался Тенки. Подвохи памяти объяснились — ещё бы, в тот год нинье было не до новостей столицы, он и эльфийский-то едва понимал.

— Тише ты, разлюбопытничался, — шикнул Тардис, неизвестно на кого оглядываясь. — Так и мечтай, так тебе и скажут.

— На блюдечке преподнесут, — поддакнул Эвисто. — «На, драгоценный Ли, удовлетворяй своё любопытство. Вот тебе генеалогия, вот родословная».

— А это не одно и то же? — смутился Тардис.

Эвисто замолчал с полуоткрытым ртом, как прерванный на полуслове. Ирония на его

лице сменилась лёгким замешательством.

— В любом случае, уж будущего отца наследницы явно отбирали с учётом всех факторов, возможных и невозможных, — утешающе добавил Дени-эльви, обращаясь то ли к Тенки, то ли к оплошавшему Эвисто. — Такое дело на самотёк не пустят.

Нинье усмехнулся и устремил взгляд на ослепительно белеющую под ярким солнцем дворцовую террасу. Она возвышалась над площадью, и за подобное расположение невысокий Тенки был весьма благодарен. Появись королева на одном уровне с народом, нинье не светило бы увидеть ничего. А так — ещё есть шансы.

— Идут! — а вот это было понятно и без слов Эвисто — толпа ахнула и сдавила их ещё сильнее, уже явно превышая предел возможности.

Тенки выругался по-ниньески, изобретательно и длинно, и упёрся руками в чужие спины. Земля ушла из-под ног; кажется, нинье ухитрился поставить ступню на чью-то голень, а владелец уже потерял возможность следить за своими конечностями. Зато голова нинье вынырнула на простор.

Визжали женщины. Тенки мельком глянул в сторону самых истошных криков — тут если какая тёлка лишится сознания, мигом затопчут, дуру. Не лезла бы.

И сразу же метнул взгляд на площадку — не до баб.

Или, вернее, не до простых баб — когда самая главная женщина страны выходит перед тобой на небольшую прямоугольную площадку.

На таком расстоянии он никак не мог разглядеть её лицо — да чего там, даже рост прикинуть не мог, хотя выглядела она, как и положено королеве, — впечатляюще.

Одета в длинное платье, блестящее на солнце и похожее на волны текучего света, ало-золотое, как пламя в окружающем дворец огненном кольце. Ало-золотое, как пламя — и Тенки неожиданно пригрезилось, что ткань, как и огонь, прозрачна, и тело королевы попросту пылает; а пламя сжимает её в объятиях, защищая и одновременно безраздельно ею владея.

Или нет.

Это было не платье. Что-то помимо него.

Ярким огненным столбом, жадно горящим пламенем к небу поднималась её сила. Покровительство Огня, магия Огня, наглядное свидетельство мощи Огня. Её по праву называли Хиэлие, и Огонь признал её своей дочерью.

Морской хрен, сколько всего можно сотворить, владея хотя бы одной сотой долей такой силы!

Дева остановилась у самого края, казалось, ещё шаг, и фигурка с длинными красными волосами упадёт вниз, сгинет, проглоченная толпой. За спиной королевы двумя линиями, сторонами равнобедренного треугольника, расходящимися от самой дальней точки к краю площадки, вытянулись тоненькие жрицы, за ними рядом чуть плотнее — жрецы, хранители Огня.

— Я так рада видеть здесь сегодня столько детей Огня и гостей из других стран, — голос королевы показался Тенки таким родным, каким не слышался даже материнский — хотя куда там материнскому. Дева обращалась именно к нинье, смотрела ласковыми глазами, и пламя, живым вихрем обнимавшее её плечи, обдавало нежным теплом.

— Сегодня замечательный день для праздника. Солнце одаряет нас своей милостью. Понравились ли вам представления?

Тенки кивнул, не сводя с королевы жадных глаз, площадь согласно зашумела.

— Я рада, — она снова тепло улыбнулась. — Сегодня равны ночь и день, и свершается церемония коронавания весны. Огонь наполняет моё сердце, и счастьем дышит воздух. Тёплым ветром весна несёт нам своё благословение.

Смысл доходил до нинье с пятого на десятое, но он не обращал на это внимания, просто слушал, просто наслаждался звуком её мелодичного голоса, просто чувствовал в груди огонёк спокойного блаженства. Слова лились мимо ушей, баюкали, как баюкает колыбельная на незнакомом языке. Тенки забыл, что стиснут толпой и с трудом удерживается, чтобы не свалиться под ноги окружающим, да и вся площадь словно присмирела. Женские визги, брань, требования подвинуться утихли. Люди молчали, внимая голосу Хиэлие.

Очнулся нинье только тогда, когда королева чуть качнулась в сторону, протягивая руку в приветствии. Рядом с ней появилась невысокая женская фигурка в ритуальных жреческих одеждах.

Это была Хиэнне, Жрица Храма Огня.

Тенки видел её в первый раз — уже почти десять лет Хиэнне не являлась народу. Её сила тоже подавляла, хоть и не так, как аура королевы.

Нинье прищурился, стараясь разглядеть Жрицу — но, к сожалению, площадка располагалась слишком далеко, чтобы позволить увидеть подробности. Даже возраст Хиэнне не удавалось определить, а спускающаяся с головы накидка скрывала цвет волос. Только впечатляющая энергетическая аура и сила, спокойная сила — вот и всё, что мог чувствовать будущий маг.

Жрица говорила медленно, сдержанно, будто тщательно взвешивала слова. Элхеские фразы округлыми камешками опускались в толпу и тонули, не производя ни малейшего всплеска. Слушатели внимали в полном молчании.

— Я — Хиэнне, я представляю Храм, что известен вам как Храм Огненной Стихии. Больше тринадцати лет прошло с того дня, когда представительница Храма последний раз появлялась публично, но всё это время Храм не переставал наблюдать за своими детьми и хранить их.

Хиэнне помолчала, словно собираясь с мыслями. На миг Тенки показалось, что она немногим его старше — что-то было в её фигурке от растерянной девчонки, — но адепт сразу отмахнулся от странной иллюзии: перед ним стояла жрица Храма, существо из легенд, и никто не знал ни возраста её, ни происхождения.

— Я новая жрица, — снова рассыпались негромкие, но удивительно значимые в полной тишине слова. — С помощью Храма мне предначертано хранить Поток Жизни. Покуда милость Его с нами, не страшен гнев природы, не опустошат наш мир болезни. Покуда милость Его с нами, вечно будет благосклонен Огонь, богаты будут урожаи, счастливы потомством наши отцы и храбры сыновья.

Она всё говорила, отмеривая фразы, говорила ровным, тёплым голосом, застыв на самом краю площадки. Она всё говорила, а Тенки невыносимо захотелось оказаться рядом, сдёрнуть с её головы нелепое покрывало, всмотреться в лицо, узнать цвет глаз.

Ниньеский мальчишка в огромной многотысячной толпе, зачем тебе такие желания, шептал разум. Разве возможно для тебя когда-то оказаться на подобной площадке, встать под взглядами молчащего, жадно внимающего твоим словам народа?

Жрица Храма, Хиэнне, и Огненная дева, Хиэлие, — два величайших существа государства. Две властительницы, вечно повелевающие своим народом, вольные

использовать жизни своих слуг, как будет нужно, как укажет Огонь. Единственное, на что может рассчитывать жалкий нинье — это служить им.

Но хотя бы это счастье не отнимет никто.

После заполненной народом площади улочки казались приятно пустынными, когда уставшие от долгого дня адепты возвращались в школу. Подростки не торопились, шагали, лениво перебрасываясь репликами.

Тенки глазел по сторонам, наблюдая за спешившими домой прохожими. Парочки, одиночки, небольшие, как и группа адептов, компании — все выглядели удовлетворёнными и смакующими впечатления; увиденное сегодня, похоже, не забудется быстро.

Мимо прошелестела стайка нарий. Даже не нарий ещё, девчонок совсем, все элхе, не старше пятнадцати лет. Вспомнив недавние слова Тардуса, нинье заинтересовался их одеждой, нашёл на белой ткани рисунки маленьких синих птиц — значит, эти тоже были из «Хоко».

Девчонка, одетая в птицы, словно почуяла наблюдение, обернулась, посмотрела на нинье свысока — как это удалось такой мелочи? Впрочем, среди своих товарок она была самой высокой — и самой заметной: длинные, белые почти волосы, высокомерный светлый взгляд, тонкая талия, обвитая плотным высоким поясом их нарийского одеяния. Лицо девушки украшали обычные для нарий узоры — но это тоже отличало её от прочих, прятавшихся под масками, подружек.

Нинье пригляделся — и ухмылка сама поползла к ушам. Нарии, верно, задержались на празднике и сейчас почти бежали, торопились вернуться, чтобы не досталось: и беловолосая, подхватив обеими руками полы длинного платья, целеустремлённо двигалась вперёд, не обращая внимания на удивлённые лица прохожих и сконфуженные гримасы товарок. Ткань задралась почти до коленок, и адепт с удовольствием проследил за движениями красивых ног. Потом ещё раз глянул на накрашенное лицо — девочка была симпатичная — и получил в ответ убийственный взор из рода «чего уставился?»

Нинье хихикнул про себя, вскинул глаза на Ацу — тот шёл, будто крепко над чем-то раздумывал, не видя ничего вокруг.

— Слышь, Ацу, — шепнул адепт, хитро щурясь. Поймал небрежно брошенный взгляд. — Глянь, — и красноречивым движением бровей указал на высокую девицу. — Чем не твой тип?

Тенки хотел Ацу смутить, возможно, даже растормошить немного — тем более что элхе поразительно легко заливался краской, наблюдать за ним было забавно. Но в этот раз нинье не повезло.

Ацу глянул на стайку, ушедшую вперёд, скользнул равнодушным взглядом по волосам, украшенным яркими заколками с изображениями цветов и птиц. Нинье следил за его лицом, не желая пропустить ни малейшего изменения.

Однако Ацу не дрогнул. Посмотрел на длинноногую в синих птицах, снова на соученика. Приподнял одну бровь — опять его дурацкая манера.

— Жаль, малолетка, ага? — подначил его нинье.

— Ничего, — подчёркнуто холодно ответил сокурсник, — это временный недостаток.

И отвернулся опять, придурок.

И почему Тенки показалось, что Ацу насмехается? Кто кого обвёл вокруг пальца?

Спереди донёлся смех Эвисто.

В ночной тишине шум шагов разносился далеко.

— Слушай, а откуда берутся Жрицы? — не выдержав долгого молчания, Тенки снова обратился к Ацу.

— Ну ты нашёл, чего спросить, — рассмеялся Тардис, среагировав раньше погружённого в раздумья соученика. — «Откуда Жрицы берутся», хех...

— Да я знаю, что они как бы из Храма, — нахмурился Тенки — раздосадовало непрошеное вмешательство, — но откуда они там появляются? Они вообще кто?

Во взгляде Тардиса читалось красноречивое изумление, он чуть ли рукой у затылка не повертел: совсем, мол, нинье с катушек спятил?

— Может, тебе рассказать, как Земля вокруг Солнца крутится? — усмехнулся щингеец.

Тенки ожёг сокурсника презрительным взглядом, пожал плечами. Промолчал.

— Ты такие вопросы задаёшь, — пошёл тот на попятную, — кто ж знает? Жрицы всегда были, новые появляются, старые уходят.

— Ты видел прежнюю?

Тардис отрицательно качнул головой:

— Она давно исчезла, ещё когда я маленький был, перестала участвовать в церемониях. Может, у неё жизненный цикл к концу подошёл.

— Ну ты и выражаешься, — фыркнул нинье, — как будто они и не люди вовсе.

— А с чего ты думаешь, что люди? — удивился Тардис. — Кто их знает, может, это всё время только одна и та же жрица, и когда приходит срок, она запирается в Храме и...

— Засыпает, — подсказал Тенки — кажется, ему удалось проследить ход Тардисовой мысли.

— Ну хотя бы. И через пару десятков лет выходит наружу, свеженькая и бодренькая, как огурчик.

— Зелёная и в пупырышках, — задумчиво добавил Тенки.

На время адепты замолчали, шли, тихо меряя шагами тротуар. Рассеянный взгляд Тенки упирался в спины идущих впереди Химилиэ и Эвисто. Едва слышно доносились звуки их разговора.

— А вот ещё насчёт Девы, — снова начал подросток.

— М-м?

— Она сегодня совсем другая была, чем когда на церемонии поступления.

— Это как?

— Ну, ты разве не заметил? На церемонии она обычная была... то есть насколько только могла бы быть обычной Дева, конечно. Но сегодня прямо вообще.

— Магия?

— Ты заметил?

— В ней купалась вся площадь, мудрёно было бы не заметить.

Тенки глянул на Тардиса с невольным уважением — почему-то привык расценивать познания сокурсника в магии ниже своих, но тут понял, что совершенно зря.

— Ага, магия, — кивнул.

— Ну неудивительно, — Тардис взглянул на дорогу, — там столько народу было. Удивительней оказалось бы, не воспользуйся они вообще магией, тем более успокаивающей. И привязывающей. Ты почувствовал? Как прямо захотелось сделать всё, лишь бы заслужить

хоть один взгляд?

— Это ведь из приворотной магии, ага? Слушай, как же всё-таки много она даёт возможностей.

— Магия?

— Угу. Представь, магия бы вдруг пропала?

— Мир развалится...

— Это точно.

Июнь — Валиссия

Желудок ворчал, сурово намекая об обеде.

Наскоро подсчитав наличные и прикинув, что неприятные блюда в какой-нибудь деревенской харчевне по пути не подорвут бюджета, Тенки перегнулся через высокий борт повозки, отделявший сиденья пассажиров от козел:

— Слушай, парень, подскажи, где на твоей трассе пожрать местечко попримечней?

Как приятно всё-таки не задумываться над словами, шпарить на родном!

Уже столько времени Тенки безвылазно просидел в столице, посвящая занятиям всё свободное время и сажая глаза над старыми манускриптами, — удивительно ещё, что ниньеский не вылетел напрочь из головы. Даже в эти летние каникулы полтора месяца подросток провёл в Королевской школе, чувствуя себя полноправным хозяином пустых коридоров. А ведь, казалось бы, надо было пользоваться возможностью — не зря же каникулы старших увеличиваются на целый месяц — но ехать домой Тенки никогда не хотелось.

— А «Белый куст» скоро проедем! — возница отозвался без промедления. — Тама неплохо кормят, как с берега еду, завсегда тама заправляюсь!

— Сбрось меня там, будь любезен, — заручившись готовным кивком парня с козел, Тенки примерно ровесника, — будущий маг откинулся обратно под навес.

Повозка шла хорошо, быстро — за час они уже одолели треть пути до морского берега, и даже если Тенки потратит на еду кучу времени, всё равно прибудет в деревню к середине дня — отлично.

Два года прошло с того лета, как он последний раз возвращался в Аксе, — и два года мать, не уставая, засыпала его письмами с одной и той же просьбой — прислать побольше денег. Десяти мен в месяц, которыми он исправно снабжал семью, матери явно не хватало, да и неудивительно — разве прокормиться двум женщинам на такую сумму, ведь ещё и за домом надо следить. Чтобы нормально питаться, Тенки приходилось тратить не меньше пятнадцати — и пусть в Огненном городе цены выше деревенских, стипендия Королевской школы не подразумевала суммы, достаточной на пропитание семьи из трёх человек.

Но мать не желала верить.

— Господин! — раздался голос с козел, и в треугольном проёме занавеса появилась взъерошенная возничья голова. — Сейчас подъедем, как заказывали, «Белый куст».

— Уже? — мимоходом удивился Тенки и стал шарить по карманам в поисках кошелька.

Когда два года назад он проделывал тот же путь, дорога вовсе не показалась будущему магу такой быстрой — хотя тогда он ехал напрямик, без привалов и обедов в придорожных забегаловках. А может, дело именно в этом?

Во всём надо находить удовольствие, философски сказал себе Тенки, расплатился с извозчиком и вошёл в шумный зал таверны.

— Господин заказывал печёную сёмгу? — около стола остановилась светловолосая девчонка с подносом в руках.

Место в самом углу Тенки облюбовал сразу при входе — и тише, и спокойнее, и мало кто будет обращать внимания на странного подростка, путешествующего в одиночестве. Уложил мешок на соседний стул, сел, с трудом удержавшись от желания забраться с ногами — несолидно, всё-таки свежее испечённый третьекурсник, пусть жителям валиссийских деревень это ничего и не скажет. Достал книгу с историей погубленного демонами мага Ирґте-иле Авийе-Лассе и даже успел изрядно углубиться в написанное.

И наконец-то рядом со столиком выросла эта девчонка в холщовом платье, то ли дочь хозяина, то ли работница.

Сёмга? Тенки поспешно кивнул, убирая книгу.

Девчонка принялась расставлять принесённое. Пользуясь возможностью, Тенки исподволь её разглядывал. Волосы, пышные, светлые, льняные, были безжалостно обрезаны под корень, так, что лёгкие прямые пряди топорщились на затылке. Верхняя губа забавно, по-кошачьи вздёрнута. Годами немногим младше его, а может, и вовсе ровня. И она туда же: «господин» да «господин».

С тех пор как Тенки покинул Огненный город, никто не обращался к нему иначе. А ведь, казалось бы, обычный пацан, никакой не дворянский сынок, не богач, на лице написано. И уж точно никому не известно, что он маг. Ну пусть даже пока ещё ученик.

Ан нет, всё-таки «господинничают».

— Не будет ли других распоряжений? — она спрятала поднос за спину и внимательно взглянула на гостя — верхняя губа вздёрнулась, открывая два крупных белых зуба.

Тенки даже пожалел, что не кошачьи клыки, для полноты образа.

— Спасибо, — он отрицательно покачал головой, — это всё.

Она снова пришла, уже когда Тенки закончил есть, отодвинул опустевшие тарелки на край стола, вытер жирные пальцы гостиничной салфеткой и снова вцепился в книгу — уж больно захватывающими оказались приключения Авийе-Лассе и демонов, тщетно пытавшихся со своевольным магом совладать.

Девчонка околачивалась неподалёку. По уши захваченный книгой, Тенки её сперва не замечал. Потом уже стало смешно: она явно хотела убрать со стола, но медлила, опасаясь помешать гостю.

«Что за эльфийские церемонии, — подумал студиозус, переворачивая страницу, — подошла бы, покашляла, что ли, многозначительно...» — и метнул ещё один взгляд исподтишка на застывшую в растерянности гостиничную прислужницу.

Кажется, она тоже его разглядывала.

Круглое личико и такие же круглые глаза — Тенки невесть от чего опять стало смешно — чего она лупится-то?!

Оторвавшись от книги, он нахально показал девчонке язык. И чуть не покатился с хохоту, увидев её изумлённую рожу. Она словно Огненную деву в притоне узрела, круглые и без того глаза расширились до размера двух мен и забегали, обращаясь то на Тенки, то на возвышавшегося за стойкой полного мужчину-хозяина.

— Ну, чего? — не переставая скалить зубы, спросил Тенки. — Убрать тебе надо? Так и скажи!

Девчонка, помедлив, кивнула, несмело тронулась с места. Подошла к столу, начала укладывать на поднос тарелки, стараясь не встречаться взглядом со странным посетителем. И в то же время, не умея сдержаться любопытства, шарила глазами по столу, мешку на стуле,

раскрытой книге и тенкиным рукам на страницах.

— Тебя как звать? — решил гость воспользоваться моментом, поговорить со сверстницей-нинье — такого шанса в Королевской школе ему не выпадет никогда, даже если забыть о том, что она девчонка.

— Юнха, — коротко ответив, девчонка таки осмелилась посмотреть ему в глаза, заострённым язычком облизнула губы. Всё же она до ужаса смахивала на кошку.

— Юнха? Это же «любовь» по-элхески, — Тенки приподнял брови. Чего-чего, а страсти валиссийцев к использованию элхеских слов в качестве имён он до сих пор не замечал.

Девчонка фыркнула. Опять по-кошачьи.

— А тебя?

— Тенки, — как же это замечательно — никаких уровней вежливости, никаких реверансов и многоэтажных конструкций!

— Тебе сколько лет?

Новоиспечённый третьекурсниК Королевской высшей школы слегка замялся. Показалось, стоит признаться, — и всерьёз его уже не воспримут.

— А тебе? — решил он прежде поинтересоваться возрастом собеседницы.

— Шестнадцать, — ответила она то ли с превосходством, то ли с небрежением.

— Хе-е, — с удовольствием протянул Тенки, — мне семнадцать.

— Велика разница! — она снова фыркнула, на этот раз точно — с пренебрежением.

— Велика-невелика, но она есть, — с достоинством ответил адепт магических наук.

Девчонка, Юнха, продолжала собирать тарелки, теперь молча. Тенки тоже замолчал, вернулся к витиеватым элхеским фразам на раскрытых страницах.

— Ты что, по-элхески понимаешь? — она заглянула в книгу.

— Немного, — расплывчато ответил будущий маг.

— Ты откуда?

— Из Аксе, — не говорить же, что из Огненного города, из Королевской школы.

— Аксе? Это где вообще?

— На берегу, недалеко от Йокола, — надо будет когда-нибудь навеститься и в Йокола, полюбопытствовать, обретается ли там ещё магик, служит ли тот парень-сторож, как же его звали...

— А-а! Такая глухомань?!

— Сама ты глухомань, — обиделся Тенки за родную деревню. — Ты лучше скажи, кто тебе волосы обкорнал!

— Сама обрезала, — девчонка насупилась, взялась за поднос обеими руками. Бросила на гостя независимый взгляд. В ответ Тенки ещё раз показал ей язык, чтобы не сильно задиралась. Она снова фыркнула.

— Ой, кто это такой хорошенький? — высокий девичий голос раздался неожиданно.

У стола остановилась красивая девушка с длинными светлыми волосами, концы которых завивались крупными полукружьями. Та же вздёрнутая верхняя губа, то же — симпатичное — круглое личико, только глаза продолговатые, с длинными пушистыми ресницами, и от этого взгляд слегка пугающий, будто просвечивает насквозь. Старшая сестра, без сомнений.

— Проезжий, — буркнула Юнха.

— Откуда? — любопытствовала девушка, загадочно улыбаясь Тенки.

— Аксе вроде. Да? — Юнха оглянулась на будущего мага, тот поспешил кивнуть.

— Вот как, — безразлично произнесла сестра, окидывая Тенки взглядом, от которого сильнее забилося сердце. — Какой миленький!

И, ещё раз улыбнувшись, ушла, оставляя за собой едва слышный аромат лаванды.

— Это чем я ей миленький, — пробурчал студиозус себе под нос, тщательно пытаюсь согнать со щёк только элхе подобающий румянец, и уткнулся, как в единственное спасение, в книгу.

Юнха вроде не расслышала, гневно смотря вслед сестрице. Подняла нагруженный поднос, бросила в воздух, словно ни к кому не обращаясь:

— Опять начинается...

Следующая повозка подкатывала, по приблизительному деревенскому расписанию, минут через пятнадцать, и, чтобы не пропустить не столь уж частый транспорт, Тенки устроился на крыльце.

Солнце взбиралось в зенит — скоро полдень, времени ещё предостаточно. Может быть, он успеет даже съездить в деревню и к темноте вернуться в столицу. В Аксе не хотелось задерживаться надолго.

Сегодня ночью деревня захлебнётся в празднике святого Йани, древнего монаха, приручившего, по преданию, огонь. В его честь зажжётся множество костров, деревенские усядутся вокруг пламени и станут травить байки, страшные сказочки о сверхъестественных существах.

В ночь Йани, считается, можно найти клад. К нему приведёт легендарное существо хейва, маленький зверь, похожий на движущуюся травяную кочку. Если последовать за хейвой — только обязательно в полном одиночестве — и найти его нору, то клад в твоих руках — достаточно лишь раскопать жилище зверька.

Только никакого хейвы не существует, и Тенки это знал — в Королевской школе не зря читали лекцию о придуманных человеком сущностях.

— Ждёшь повозку? — на крыльцо незаметно ступила Юнха, избавившаяся от передника и подноса.

— Угу, — утвердительно качнул головой Тенки. — По расписанию минут через десять.

— А она вечно опаздывает! — Юнха явно колебалась, присесть ли рядом или не надо.

— Жаль, хотелось бы скорей до Аксе добраться.

— Боишься к началу праздника опоздать? — она всё-таки решилась, аккуратно поддёрнула длинную юбку, опускаясь рядом. — Не терпится хювика поймать?

— Кого-кого поймать?! — это слово он первый раз в жизни слышал.

— Хювика! — Юнха взглянула как на идиота, грозно шевельнула бровями.

— Хейву, что ли?

— Кого? — настала её очередь пожимать плечами.

— Хейву. Зелёный такой зверёк, с длинной шерстью дыбом.

— Хювик он, никакая не хейва!

— Хейва он, никакой не хювик! — забавляясь её яростным протестом, Тенки гадко смеялся. Он уже понял, в чём дело — всего лишь в разнице диалектов. Но было смешно наблюдать за девчонкиным упрямством.

— Хювик!

— А вот и повозка, — пылящее облако Тенки углядел издалека.

Встал, подбирая мешок, поправил ремень на бёдрах. Юнха тоже поднялась. Её голова

едва доставала Тенки до плеча — и почему-то это приятно пощекотало самолюбие. В Огненном городе и девушки элхеские по большей части смотрели на подростка сверху вниз: мало того что нинье, так даже среди своего народа невысокий.

Повозка приближалась. Тенки закинул мешок за плечо, пощупал левый карман — с кошельком.

— Ну, желаю тебе поймать твоего «хювика», — взглянул на девчонку с показным превосходством.

Она не ответила, независимо дёрнула плечом, отворачиваясь. Тенки сбежал с крыльца навстречу повозке.

Ещё пара часов тряски, и он — «дома».

Как будущий маг и планировал, прибыть в Аксе удалось ещё засветло. Тележка остановилась у поворота к деревне, спрыгнул один лишь Тенки — больше желающих навестить ничем не примечательную мелкую деревушку не нашлось. Да и вообще народу в повозке было мало: многие сошли у Весты, станции на развилке двух дорог — оттуда каждые полчаса отправлялась телега в Йокола.

Впрочем, малой популярности родной деревни Тенки был обязан возможностью без помех вытянуть ноги в повозке. Из пассажиров, кроме него, оставался только хмурый мужик лет сорока, едущий куда-то далеко на юг. Единственный этот попутчик молчал, по сторонам не глядел и после поворота у Весты вообще начал заваливаться на бок, чуть слышно посвистывая носом. Погружаться в размышления и созерцать проплывающие мимо полузабытые пейзажи Тенки никто не мешал.

Покинув транспорт, адепт немного постоял. Летний ветер доносил запахи моря, раскрытые нараспашку деревенские ворота представлялись раскинутыми в объятиях руками. Всё здесь, буквально всё, до яркой зелени последней травинки казалось знакомым с детства. Родным.

До дома подросток добрался быстро. Да и расстояние было недалёкое: всего-то пройти по главной улице, отвечая на кивки взрослых, чьих лиц уже почти не помнил, усмехаясь взглядам, которые бросали на него дети, перешёптываясь между собой: «Маг!! Из столицы!».

Не прикладывая к этому усилий, Тенки сам не заметил, как из отпрыска бедняков Ли, голозадного мальчонки с сопливым носом, превратился в глазах обитателей Аксе в молодого господина, столичного франта, наведывавшегося в родные места не чаще чем раз в два года. Во взорах жителей деревни почтение мешалось с завистью, приветственное узнавание — с неодобрением. Чужие эти эмоции нахлёстывали слабыми, неглубокими волнами и вновь откатывали, заставляя беззлобно усмехаться.

Знакомое крыльцо Тенки увидел издалека и сам удивился: сердце отчего-то дрогнуло. Странно, некогда он на полном серьёзе был уверен, что живёт в высоком, большом доме, а тут вдруг посмотрел — и это двухэтажное строение когда-то казалось ему высоким? Даже дверь будто просела, уменьшилась в размерах, хотя как может уменьшиться дверь?

Перед тем как поставить ногу на деревянное, прогнувшееся под тяжестью лет крыльцо, Тенки невольно сглотнул. Ручка двери ушла вниз, сползла, словно осела, как сам дом, и крыльцо тоже будто вдавилось в землю, почернело от старости. Краска на стенах облезла, проглядывавшее в облупинах коричневое дерево казалось гниловатым. Но перед Тенки по-

прежнему стоял дом, его родной дом, место, где появилась на свет сначала Алли, потом он сам, где жили молодые отец и мать, где умерла старуха-бабка, когда младенец Тенки ещё вопил в колыбели.

Дверь подалась с трудом, пришлось приложить силу, резко дёрнуть на себя.

Внутри было темно. Несло слабым духом плесени и кислой капусты.

— Мать! О-ой, — нерешительно окликнул подросток. Вместе с лёгкой прохладой, пахнувшей из сеней, причудилось вдруг, что дом давно заброшен, мать с сестрой уехали из деревни, а письма... а письма приходят неизвестно от кого.

Но стоило глазам привыкнуть к темноте, как слегка пугающая мысль исчезла: в сенях висела одежда, на полу нашлось несколько пар раздолбанных женских туфель, а из глубины дома лился слабый свет — была открыта задняя дверь.

Передумав заходить, Тенки закрыл дверь, вернее сказать — с размаху вбил в косяк, и направился в обход, на задний двор. И по-прежнему — стена дома по правую руку виделась непривычно низкой, тёмной, словно весь дом сохся и уменьшился.

Мать и впрямь нашлась на заднем дворе. Стирала, встав к миру задом, согнувшись в три погибели, только мыльные хлопья летели во все стороны.

Тенки остановился у самого угла. Сердце колотилось, как сумасшедшее, и едва помогал рассудочный шёпот: «подумаешь, каких-то два года тут не был, с чего вдруг такие эмоции?». Чтобы превозмочь это странное состояние, подросток старательно прочистил горло, облизнул губы.

И позвал снова, негромко, будто опасаясь напугать склонившуюся над тазом женщину:

— Мать...

Сначала она не отреагировала, только коснулась рукой в мыльной пене волос, заправила выбившуюся прядь за ухо. Потом, решив, видимо, что не послышалось, обернулась. Как-то медленно, будто неуверенно.

И увидела его.

Тенки неловко, чуть вымученно улыбнулся.

Она постарела. Тени пролегли под глазами, по лицу побежали морщины. Неровно, ключьями подстриженные волосы потемнели, покрылись словно земляной пылью.

И она была маленькая, такая маленькая.

В руке она держала мокрую тряпку — вытатила из таза, машинально, не успев задуматься. Второй ещё раз заправила волосы за ухо — почему-то движения казались медленными, будто вокруг колыхалась стоячая вода.

— Тенки, что ли? — мать сощурилась.

Подросток кивнул. Спросил, едва вытаткивая слова из горла:

— А где Алли? — против ожидания, голос не дрожал.

— Кто ж её знает, шастает где-то, — сообразив наконец, что в руке у неё не выстиранное ещё белье, женщина кинула тряпку обратно в воду. — А, я же её к Мирехе послала.

— Зачем? — Миреха — деревенская портниха, если Тенки помнил верно.

— Ну так мы ж ей вышиваем всякое. Алли вышивает, у меня-то глаза уже не те. Ты чего, будто не знаешь ничего?

— Ты разве писала?

— Все глаза тебе исписала! — мать сердито поджала губы, двинулась в дом.

Мыльная шапка на поверхности воды осталась колебаться, пена тихо истаивала, лопаюсь

мелкими пузырями.

Из тёмного проёма раздался материн голос:

— Ну а чего ты, будто не тутошний? Чай, не в гости приехал, складывай сумку, скидавай одежду, городская небось? Неча её пачкать.

Тенки невольно усмехнулся. И шагнул в дом, стягивая с плеча сумку.

— Вымахал там, на ихних харчах-то, а силёнки прибавилось? — после солнечного света темнота ослепила, вместо лица матери он видел только чёрный силуэт. Но интонация её была знакомо испытующей, требовательной.

— Что делать-то надо? — ответил подросток привычно и снова усмехнулся.

Вот теперь он точно — дома.

— Тут тебе не столичные рестораны, ешь чего дают, — мать довольно усмехнулась, ставя перед ним миску с отбитым краешком — знакомую миску, сколько лет он хлебал из неё суп.

На сей раз в миске исходила паром картошка — крупные жёлтые картофелины, присыпанные укропом, — мать всегда сыпала на картошку укроп, по-другому не ели. В маленькой кастрюльке не единожды подогретое мясо, видно сразу, приготовленное впрок, много ли надо двум женщинам. Мясо, не привычная в морском посёлке рыба — стало быть, сегодня роскошный пир.

— Где ж эта дрянь, куда её морские юдя несут? — для приличия мать поворчала, пройдясь по кухонке, потом уселась и, не скрываясь, стала смотреть, как он ест. Подпёрла рукой голову, притихла.

— Чёй-то за слово, «юдья»? — улыбнулся Тенки с набитым ртом.

— Ха, поглядите на него, чему его там учат? Эльфийским штучкам, небось? А родного языка не знаешь, — она с превосходством хмыкнула.

— Не знаю, — признал сын, — чую, я там всё забуду. И раскланиваться начну на их манер.

— Так я тебе столько лет твержу! Чего тебе там, мёдом намазано? Поучился уже, хватит! — мать завелась с полуслова, будто не сидела только что задумчивая и даже какая-то умиротворённая. — Давно пора домой вернуться, работать, как все порядочные люди. Что ты? Взрослый ведь уже мужик.

Отвечать было рискованно, Тенки это отлично понимал. Уткнулся в картошку, словно не слышал ничего.

— Чего молчишь? — не успокаивалась мать. — Ухлестал в город, развлекается там, на девок деньги транжирит, в семью жалкие гроши шлёт! Подачками отделяется!

Мясо потеряло вкус. Тенки тем не менее тщательно пережёвывал, языком разминая получившуюся массу. Глянул на мать — похоже, зря.

— Чего? — в её глазах полыхнула ярость, самая настоящая, неподдельная ярость. — Я тебя родила, я тебя вырастила! Думаешь, отослал нам пару сотен, так и хватит?

— Чего ты взъелась? — не выдержал подросток. — Ты думаешь, на меня там тыщи с неба валяются?

— А ты думаешь, я не знаю, куда ты деньги тратишь? Только попробуй мне в дом притащить девку длинноухую, посмотришь у меня! — она погрозила сыну кулаком.

Тенки не успел ответить, не придумал ещё — как вздохнула задняя дверь, открывая начавшее темнеть небо и невысокий силуэт на пороге. Вернулась Алли.

Мать замолчала. Тенки тоже опомнился от скандала, от больно хлестнувшей, детской обиды, с жадностью уставился на сестру.

Алли была на пять лет его старше, значит, в этом году ей сравнялось двадцать два. Средней комплекции, обычная деревенская девушка, с ничем не выделяющимися светлыми глазами — Тенки никогда не доводилось смотреть на сестру как на постороннего человека, и, уж чего доброго, пытаться оценить её достоинства как женщины. Никогда — но сегодня, сейчас, когда она вошла в дом и прищурилась, пытаясь в тусклом свете разглядеть неожиданного гостя, Тенки на миг — может, из-за двухлетней пропасти — удалось увидеть её совершенно иной.

Милой. Привлекательной. И почему-то — поразительно беззащитной. Жест, которым она поправила длинные русые, светло-серые, волосы, — выглядел до того женственным, что у брата ёкнуло сердце.

Тенки опустил глаза, растерялся, скользнул взором по её платью.

И понял, почему сестра показалась настолько беззащитной. Понял вдруг с неумолимой ясностью.

— Тенки вернулся, что ли? — слова её прошли мимо ушей, растаяли, невоспринятые.

Под лёгким летним платьем выпирал живот. Выпирал важно, основательно, хозяйски натягивая ткань.

Алли оказалась беременна.

Часть вторая, глава 6

— Ты не... — голос подвёл его, когда Тенки обратил растерянные глаза на мать. — Ты не говорила... Алли что, замуж вышла?

Мать презрительно фыркнула, сестра застыла.

— Замуж вышла, вот ещё! В подоле принесла! А ты чего думал, — и она снова напустилась на сына, — ты чего думал, когда я говорила, нужны деньги??

— Что вы... что... собираетесь делать? — от неожиданности Тенки стал запинаться и разозлился. Помогло. — Что ты всё к этим деньгам привязываешься?

— Закрой рот! — мать вскочила, подбоченилась. — Вот, смотри на неё! — она ткнула пальцем в сестру. — Кто её такую возьмёт, дуру душой?

Алли молча стояла у порога, длинные волосы закрывали опущенное лицо. Сестра словно не хотела встречаться с ним глазами.

— Сколько надо-то? И для чего? — ох, ему совсем не хотелось слышать ответ. Наверное, поэтому на мать Тенки не смотрел, впился взглядом в тихую сестру.

— Для чего, для чего, — неохотно пробурчала мать. — Что с ней уже, ничего не сделаешь. Заплатить тому парню, пусть женится. Без денег он её брать не хочет.

— И сколько? — как ни странно, услышанное его успокоило. Самую малость — но успокоило. Значит, жизнь всё же не такая непоправимо жуткая штука.

Мать двинулась к шкафу, резким движением распахнула дверцы, схватила бутылку. Не глядя на сына, приложила к губам, запрокинула голову.

Она по-прежнему любила выпить.

— Тыща, — бросила мать наконец, оторвавшись от стеклянного горлышка. — Одна тысяча охреневших до зелёных осьминожек мен.

Хотелось улыбнуться. То ли от «зелёных осьминожек», то ли от невозможности прозвучавшей цифры.

— Откуда я возьму вам эти деньги? — не выдержал, губы сами сложились в сухую усмешку.

— Ты же маг, небось, зарабатываешь, — мать ответила глухо и устало, будто проиграла схватку с кем-то намного более сильным.

— Запрещена нам практика. Мы же ученики ещё, адепты, — Тенки пожал плечами.

— Врёшь, — обернулась мать, накинулась, как злобная, старая сука кидается на молодого дурня-щенка, пошла выплёвывать слова сквозь искривлённые губы: — Небось, жалко денег для родных. Не дашь — так она замуж не выйдет, кому она нужна такая, без денег.

— Пойми ж ты, нет у меня денег!

— Возьми у кого-нибудь, — теперь плечами пожала она, дёрнулась, как сломанная кукла, и снова потянулась к бутылке. — Если и впрямь нету, у тебя в знакомцах, небось, эговы всё да алорья, — её голос сменился бульканьем жидкости.

«Эговы да алорья» — откликнулось в груди. Толкнуло изнутри, требовательно, приказующе, и сознание тут же подсунуло картинку: белокожее изящное лицо, голубоватый гематит глаз, волосы переливчатого эльфийского цвета, непонятные, то ли чёрные, то ли нет.

Ацу.

Младший сын огонь знает насколько древнего рода, родился и вырос в отцовском замке. Живёт в Сорэнарэ — провинции, любимой самыми богатыми семьями материка. Носит по своей эльфийской моде серьги и обручи, браслеты и ожерелья — и среди них вещи из серебра с фиолетовым оттенком — хрень, известная на весь мир. Производство этого металла — или добыча? — тоже секрет рода.

«Ацу, не одолжишь мне тыщонку-другую?»

Тенки мотнул головой, избавляясь от наваждения. Поднял глаза на мать, и показалось, что та видит его насквозь: она словно сжалась, готовая прыгнуть, повалить жертву и вцепиться в горло, сверлила его яростными глазами, жидкость в бутылке плескалась — руки дрожали.

— Это невозможно, — холодно усмехнулся подросток. Попытался собрать всё спокойствие, всю силу воли, чтобы не отвести глаз. Не проиграть. — Нет ни у кого таких денег, они ведь все ещё дети, пойми.

Но мать справилась с ним играючи, одним словом.

— Врёшь.

Тенки выскочил из дома — «дома»? — проклиная всё на свете, и себя самого в первую очередь. Нёсся по деревне, не разбирая дороги, движимый одним лишь желанием — скорее добраться до ворот. Добраться до ворот, прыгнуть в тележку и укатить, забыть всю эту рыбой пропахшую деревушку, стереть из памяти материнский взгляд и её беспощадные упрёки. Привалиться к бортику, закрыть глаза, отдаваясь убаюкивающей тряске, и не вспоминать никогда, не ощущать, не чувствовать этой скручивающей неумолимой обречённости.

Эмоции подвели адепта: с расписанием он не сверился, повозка ещё не подошла.

Оставив ворота за спиной, Тенки зашагал по дороге. Телега подберёт в пути, а остановиться он физически не мог, тело требовало движения. Приходилось переставлять ноги, чтобы не взвыть от бессилия. Тенки знал: он не может оставить родных без помощи. Замершую, пряча глаза, у порога сестру, мать, вылаивающую обидные слова. Не может отвернуться и с лёгкой душой исчезнуть, вычеркнув из жизни существование Аксе. Не может — хотя бы просто потому, что речь идёт о его матери и сестре, единственных людях одной с ним крови.

Любой ценой — ему нужны были деньги.

Нет, не Ацу. Нет, он и правда не мог просить у Ацу. Только сам.

И сейчас уже другого выхода не оставалось. Выбор сделала за Тенки мать.

Вечерний морской воздух бил в лицо, трепал волосы, деревья беззаботно перешёптывались. Тенки шёл, не останавливаясь, и буря в душе постепенно утихла. Отчаяние и злость сменяло спокойствие, а к нему примешивались страх и одновременно будоражащий интерес.

Подросток никак не мог добыть тысячу мен законным путём — пусть этого не понимала мать, сам Тенки признавал отлично. А чтобы действовать незаконно... и не оказаться пойманным, необходима была сила, которой адепт пока ещё не обладал.

Пока ещё.

Значит, её следовало добыть. Добыть единственным способом, которым Тенки располагал. Не зря он столько лет просиживал штаны в Королевской школе — заведение дало ему многое, очень многое. И вполне способно дать ещё чуть больше.

«Маска вора».

Попробовать, каково это на самом деле — быть магом. И уже не надо рассуждать, можно только действовать. Лететь вперёд, без оглядки, с замирающим сердцем.

К «Белому кусту» подъехали уже в темноте, часы горели на половине десятого ночи. Уже из повозки слышны были шумные крики, поднимались в ночное небо дымные столбы, деревенский народ гулял.

Разговор с матерью заставил Тенки совсем позабыть о ночи святого Йани. Это же значит, что вряд ли удастся сегодня выспаться. Наверняка народ будет гулять до утра, ведь этот праздник — раз в году. Нынешней ночью по всей Валиссии вряд ли найдётся местечко, где не отмечали бы, не жгли костров, не толпились вокруг огня, ожидая своей очереди выступить с рассказом о необычных событиях. Даже в Валиссе, без сомнений, сейчас горело пламя, собирая вокруг себя говорливых.

Возница предупредил заранее, что ночью по горам не поедет — небось, боялся оборотней. Тенки не настаивал: днём позже он вернётся в Хиэй, днём раньше — роли не играло.

Тележка остановилась у знакомого, освещённого по-ночному крыльца. Тенки выскочил, привычно подхватывая мешок, кинул вознице две уговорённые монеты.

Взбежал на крыльцо и чуть не столкнулся с выходящим — узнал сразу же. Та девушка с продолговатыми глазами и длинными светлыми прядями, завивающимися на концах.

— Вернулся? — она тоже его узнала, улыбнулась приветливо и немного равнодушно.

— А-а... — ответил Тенки междометием, опять отчего-то смутился и одарил себя замысловатым проклятием. — У вас ведь можно остановиться?

— Конечно, — ответила она легко, повернулась назад, снова юркнула в слепящую яркость общего зала.

Тенки последовал за девушкой.

Она двигалась быстро, юбки только вихрем кружились вокруг ног. Стучала деревянными каблуками по полу. Каблуки были горазды, больше длины указательного пальца. Вот почему она кажется такой высокой.

Разговор с хозяином — сёстры точно были его дочерьми, мало того что Тенки услышал, как старшая называет мужчину «отец», об этом говорило и явное сходство всех троих — завершился быстро, комнату Тенки получил без проволочек.

Юнха удивлённо посмотрела на него: откуда, мол, опять взялся? — наваливая на поднос всякой снеди, верно, для пировавших на заднем дворе гостей. Будущий маг нахально ей подмигнул. Получил в ответ презрительное фырканье, опять эта её кошачья привычка, и девчонка гордо отвернулась.

— Элья, проводи молодого человека, — велел хозяин, и старшая дочь послушно взяла свечу.

Поднимаясь вслед за девушкой по лестнице, едва освещённой колеблющимся огнём, Тенки вслушивался в звонкий стук каблуков. Дробь выбивала мелодию, настраивая на необычный покойный лад — и забывались беззастенчивые слова матери, упреки во лжи, просящий, жалобный взгляд сестры.

«Элья», сказал хозяин. Похоже на элхеское имя Элие — «девушка, дочь». Похоже, в

этой семье и впрямь любят элхеский язык, раз и Юнха, и Элие.

— Вот, — негромко произнесла девушка, отворяя перед ним дверь в тёмную комнату. Пропустив гостя вперёд, зашла следом, показала, где свечи, огниво. В столе обнаружилась даже стопка чистой бумаги — дочь хозяина выдвинула ящик, показывая содержимое, — но Тенки помотал головой — писать сегодня ночью он ничего не намерен.

Она ловко двигалась по комнате, привычно объясняя, где что находится. Сказала, что бельё свежее, показала, как открыть окно, если захочется подышать лесным воздухом: задний двор выходил на опушку леса. Правда, сейчас идея открывать окна не казалась мудрой, в комнату сразу же ворвались шумные вопли пирующих.

Тенки наблюдал за ней, пользуясь сумраком. Высокая на своих каблуках и тоненькая, в длинном холщовом платье, сером, однотонном, она ни минуты не стояла на месте. Юбка вилась у щиколоток. Из деревянных тувель-колодок торчали голые пятки.

— Вот и всё, — наконец сказала она, улыбнулась.

Будущий маг тоже улыбнулся — получилось как-то глуповато, — признательно ответил: — Спасибо.

Реакция застала Тенки врасплох — Элья вдруг расхохоталась.

Подросток сжался, пытаясь понять, что брякнул такое смешное. Выходило, что ничего особенного. Но девушка смеялась.

Потом замолчала. Окинула его хитрым взглядом, подняла брови домиком, словно едва сдерживая новую усмешку. Вышла из комнаты, чуть задев Тенки краем платья.

В воздухе остался слабый запах лаванды.

— Морской хрен, — пробормотал адепт магических наук, опускаясь на кровать.

За окном горланили песню. По потолку плясали оранжевые всполохи, переплетались тени.

Ночь святого Йани только начиналась.

Сидеть в своей комнате и слушать хвастовство рассказчиков Тенки быстро надоело. Прикинув, что празднующие не успокоятся ещё часа три-четыре, он решил, что с большей пользой проведёт это время внизу, в общем зале, откуда все как раз удалились — именно на задний двор.

Авийе-Лассе поднимался по извилистым путям к вершинам магического искусства; демоны пытались ему помешать, но Огонь хранил смельчака. Удачливый наглец придумывал и претворял в жизнь всё новые и новые заклинания, пользуясь ужасающей смесью магических традиций всех четырёх материков. Ночевал в горах с целью познать аскезу и напивался в знатных домах, дабы проверить свою стойкость к мирским развлечениям.

Словом, веселился, как мог.

Мимо то и дело бегала Юнха: во двор — с заставленными полными кружками подносами, со двора — с угрожающими вот-вот рассыпаться стеклянными пирамидами. Элья не появлялась: видно, девушка прислуживала пирующим во дворе, и оттуда её не отпускали.

Хозяин совсем будто не волновался за судьбу старшей дочери. Неужели настолько уверен, что ничто не может грозить ей на заднем дворе родного дома?

Авийе-Лассе... что там Авийе-Лассе?

Тенки уставился в книгу, разбирая вьющиеся перед глазами строчки. Дробный весёлый стук каблуков заставил его вздрогнуть.

Пахнуло лавандой.

— Чего читаешь? — она вдруг склонилась перед ним, заглядывая прямо в лицо — от неожиданности Тенки отпрянул. Это движение снова заставило девушку захихикать.

От её волос шёл запах костра и хмеля.

— Книгу, — ответил Тенки, видя перед собой тёмно-голубые глаза, прикрытые просто невразумительным количеством длинных ресниц.

— Какую книгу, глупый? — она выглядела слегка пьяной. И насмежалась.

— Тебе не понять, умница, — ядовито ответил Тенки, выразительно приподнимая одну бровь — этому трюку он научился у Ацу.

Девушка снова захохотала — свободно, заразительно, пробирающим до корней волос смехом.

Выпрямилась, глянула сверху вниз, приказала:

— Дай руку!

Тенки послушно протянул ладонь, недоумевая, зачем ей. Вокруг кисти обвилились тёплые тонкие пальцы, потянули повелительно:

— Иди сюда.

Ведя его за собой, она толкнула незаметную дверь в широком коридоре гостиницы, втощила подростка внутрь.

Тут пахло то ли крысами, то ли кошачьей мочой — впрочем, если не принюхиваться, не так шибало в нос. Тенки увидел мельком какие-то инструменты, похожие на черенки лопат, составленные друг на друга вёдра, непонятные мешки.

Эля закрыла дверь, и Тенки вмиг ослеп. Прислушался, пытаюсь определить, где она. Прошуршала юбка, и на плечи ученика Королевской высшей школы легли прохладные девичьи руки.

Её дыхание пахло вином.

Её губы отдавали вином.

Она долго его целовала, не произнося ни слова. Только целовала, как-то жадно и в то же время по-взрослому, ведя за собой. Распустила шнуры Тенкиной рубашки, запуская внутрь руки. Пальцы её прохладно щекотали кожу.

Тенки коснулся длинных застёжек холщового платья, неумело справился с воротом. Обнажил грудь, потянув вверх облегающую маечку.

Её поцелуи стали ещё более будоражащими — оказывается, это было возможно.

Одной рукой она обхватила его за шею, другой ерошила волосы. На каблуках она была выше Тенки, а так — прижимая к стенке, заставив опуститься под лавандовой тяжестью на узкую полочку, тянущуюся вдоль стены, — и вовсе вынудила задрать голову, чтобы отвечать на прикосновения губ.

— Эля! — приглушённый крик из глубин таверны раздался внезапно. — Эля, мать твою, ты чего гостей оставляешь?!

— Отец! — она отстранилась, ужаснулась жарким шёпотом: — Меня ищет!

Тенки молча смотрел на неё, в хмельные глаза, на вздёрнутую губу, приоткрытый рот с двумя крупными передними зубами, на обнажённую в разрезе платья полную грудь с маленьким тёмным кружком.

Эля опустила ткань майки, пряча кружок, быстро, ловко застегнула ворот. Раздражённый голос отца слышался неподалёку сквозь тонкие стены. Девушка замерла, прислушиваясь, не отрывая рук от шеи подростка, склонив набок голову. Длинные светлые

волосы щекотали лицо.

Голос стих, удаляясь.

Она снова хихикнула. И опять приникла к его губам, заставляя тонуть в запахах лаванды и дыма.

Вновь раздевать её Тенки не стал, ограничился прикосновением к груди сквозь ткань — было приятно ощущать в пальцах живую мягкую тяжесть.

— Элья!

Дверь распахнулась, бросая на пол четырёхугольник света.

— Да! — Элья бросилась навстречу зову, выскочила из комнаты.

Свет исчез. В коридоре послышались голоса:

— Ты чего там пропадала, Огонь тебе в глотку?!

— Ведро с картошкой искала, забыла, куда поставила!

Тенки усмехнулся. Медленно затянул ворот. Кожа ещё хранила следы прикосновений. Завязал шнуры небрежным узлом. Опустил руки, коснулся ладонями узкой полочки, на которую опирался.

Ещё чуть-чуть подождать... и можно выйти.

После темноты каморки яркий свет в коридоре ослепил.

Тенки зажмурился, яростно заморгал — аж по глазам ударило. Пошёл по коридору, возвращаясь в общую комнату — между прочим, он оставил там свою книгу.

На пороге стояла младшая, Юнха.

— Где ты был? — спросила она обвиняюще.

— Слегка заблудился, — ответил Тенки, нахально глядя в её зрачки.

Прошёл мимо, вынуждая освободить дорогу. Подобрал никого не заинтересовавший мешок, засунул книгу внутрь.

Полежи, славный друг, старый добрый Авийе-Лассе.

— Ты куда? — осведомилась Юнха с интонацией судьи.

— Прогуляться.

— Пойдёшь искать мою сестру? — ого, как грозно это звучало.

— Вот ещё, — Тенки пренебрежительно усмехнулся.

— Она меня достала! — суровость внезапно сменилась беспомощностью. — Она меня всё время достаёт!

— Чем же? — поинтересовался Тенки равнодушно.

Юнха насупилась, замолчала. Стояла тихо, не спуская с него взгляда из-под нахмуренных бровей.

— Она тебя на два года старше! — крикнула девчонка вслед будущему магу, когда тот поравнялся с открытой нараспашку дверью на улицу.

Тенки в ответ только ухмыльнулся, не оглядываясь.

На небе горели острые колкие звёзды. Ночь святого Йани оказалась безоблачной — хорошая примета.

С заднего двора доносились возбуждённые пьяные вопли вперемешку с девичьими визгами. Там праздновали.

Элья, наверное, тоже...

А, неважно.

Тенки перемахнул через ограду, углубился в лес. Кажется, через задний двор можно было срезать дорогу, но появляться там не хотелось. Ещё подумают что-нибудь... или, того хуже, усадят в круг и заставят пить.

Да ни в жизнь.

Хватит и матери.

Перед глазами снова встала её яростная гримаса, в ушах послышался скрипучий голос: «Врёшь!» Взгляд сестры, взгляд забитого животного. Её выпирающий под платьем живот.

Фу, гадость.

Тенки поморщился, хотел было сплюнуть — передумал. Всё равно ничего не исправишь.

Ночной лес молчал.

Темнота и тишина.

Забуть бы обо всём.

Тенки потерял счёт времени, бродя среди высоких прямых деревьев. Часы доставать не хотелось, да и ни к чему было торопиться: если прислушиваться, можно было уловить отзвуки пьянки у костра. Веселье ещё не кончилось.

Шорох в траве донёсся внезапно, прогоняя по позвоночнику холодную дрожь.

Подросток застыл, насторожился.

Дикий зверь не подойдёт так близко к человеческому жилью, да и оборотень не такой дурак, чтобы переть в деревню. И шум для оборотня слишком тих, едва заметное шуршание.

Впереди слева на чёрной земле что-то двигалось.

Что-то маленькое, поросшее длинной шерстью, живое.

Хейва?!

Тело двигалось само, независимо от воли хозяина. Ледяная энергия скатилась в почти невидимый маленький шар, Тенки развернулся и прицельно метнул шар в тёмный шерстистый комок.

Он попал. Животное застыло, как и должно было после удара «арссе» — парализующего жертву.

Будущий маг приблизился, раздвинул траву, жадно всматриваясь в зверька.

Морской хрен!

Перед ним лежал ёж. Обычный лесной ёжик со стеклянными после удара глазами.

Идиотизм. Горе-кладоискатель, огонь на голову.

Со стороны деревни послышался шорох. Кто-то пробирался по лесу, путаясь в высокой траве. Отблески костра пылали сквозь ветви.

На корточках Тенки затаился у тела зверька.

Узнал её скорее по силуэту — тонкая фигурка, длинные волосы с завивающимися концами.

Эля приблизилась, взглянула на него, не удивляясь. Тенки видел пляшущее в её глазах опьянение, лихой огонь, зажжённый на ночь святого Йани. Девушка подошла поближе, присела, схватилась за плечо адепта, чтобы не упасть.

— Что это? — спросила, слегка заплетаясь в словах.

— Ёж, — ответил Тенки.

— Что с ним? — в её волосы и платье впитался запах дыма, уничтожив лаванду.

— Не знаю, — будущий маг задумчиво наклонил голову. — Может, дохлый?

Она нетрезво захохотала, закинула обе руки ему на шею, опрокидывая в траву.

Земля твёрдо распростёрлась под его телом. Лёжа на спине, Тенки увидел среди чёрных ветвей тёмно-голубое небо.

Элья опёрлась о его грудь, поднялась над ним, заслоняя небо.

— Тебя как зовут? — спросила вдруг вполне осмысленным голосом.

— Тенки, — отозвался подросток.

— Надо будет запомнить.

— Много у тебя таких запомненных?

— Ревнуешь? — Элья усмехнулась.

— Интересуюсь...

— Таких хорошеньких, — она снова хихикнула, — ты один.

Тенки не нашёлся, что ответить. Лежал, придумывая, пока она не потянулась к его губам, сначала ткнувшись куда-то в щёку, то ли по хмелю, то ли от темноты.

Вкус вина на этот раз чувствовался сильнее.

Они целовались в темноте, пока Элья не легла рядом, обнимая его, спрятав лицо на его груди. Тенки не шевелился. Не двигался, пока не услышал, что она задышала ровно, размеренно.

Заснула.

Тогда повернулся на бок, устраивая на сгибе руки её тяжёлую голову с длинными волосами, обхватил непослушное спящее тело.

Прошептал на ухо:

— Девчонки... с вами даже, — подбирая слово, замешкался, — и мужчиной как следует не станешь.

В траве недалеко от них зашевелился ёж — действие заклинания проходило. Поднялся и побежал, шурша чуть слышно.

В синее небо далёкими иголочками впивались звёзды.

Июнь — Сорэнэрэ

«Прибывают, прибывают», — по ряду вытянувшихся в струнку людей прошёл шепоток. Ацу понял это и без реакции слуг: предупреждающие огни побежали по раме, — и продолжал смотреть прямо перед собой, заставляя взгляд тонуть в невнятном тумане портала.

Ито-Хиносе, виновники сегодняшнего приёма, прибывали самыми последними: таможенные формальности, которые им пришлось пройти в Хиэй, отняли немало времени. Впрочем, никто не ждал их рано. Путь с другого материка просто не мог не оказаться хлопотным. Хлопотным и долгим, невзирая даже на порталы.

Ито-Хиносе возвращались в Сорэнэрэ.

Пять лет прошло с той поры, когда Ацу, тогда пятнадцатилетний, вежливо попрощался с кузиной — именно здесь, в этой зале, во время визита вежливости, обязательного перед таким большим событием, как переезд семьи на другой материк. Пять лет он не видел никого из Ито-Хиносе, даже главу семьи — только в огне хрустального шара, — и вот сегодня древний род вновь собирает своих членов: со всех уголков не только Огненного материка — всего мира.

Туман полыхнул молочной голубизной, готовясь протянуть нить между Хиэй и замком Мурасе-Ито. Шевельнулась, вздохнула сила.

Первым появился глава Ито-Хиносе, отец Ллии, как водится, охраняя жену и дочь от врага, что мог бы ожидать на месте выхода. Встал перед рамой портала, высоко поднял голову, осмотрелся. Встретившись глазами с Ацу, еле заметно кивнул. Только тогда портал снова зашумел, загудел энергией, открывая путь для женщин.

Слуги склонились в ритуальном поклоне — скрещивая руки перед собой и раскрывая ладони, чтобы показать, что в них ничего нет, и Ацу повторил поклон, нагнувшись почти так же низко. Долгожданных гостей ни в коем случае нельзя было обидеть случайным небрежением.

— Прошло немало времени, — Ито-Хиносе чуть склонил голову в приветствии. По положению отец Ацу, глава рода, был выше кузена, но второй сын Мурасе-Ито по статусу считался младшим. Поэтому приветствие — хоть и от гостя к хозяину замка — было коротким.

— Мы рады лицезреть Вас в этом жалком замке. Соболаговолите простить за неудобства, которые вы можете испытать, пребывая в наших тесных помещениях, — не поднимая глаз, ответил Ацу.

— Где Мурасе?

— Отец вместе с матерью сейчас находится в зале празднеств. Оба нижайше просят извинения, что не смогли, как того требуют обычаи, встретить Вас в этом зале.

Настал щекотливый момент: положение Ито-Хиносе всё же было выше младшего сына Мурасе-Ито, и кузен отца мог бы по праву хмурить брови. Но его дочь, Ллия, являлась наречённой Ацу, так что, с другой стороны, кто как не будущий супруг должен встречать семью невесты?

Мгновение Ито-Хиносе размышлял, потом, видимо, пришёл к тем же выводам, сухо кивнул.

— Поторопитесь, — обернувшись, бросил он женщинам. — Негоже заставлять хозяев ждать.

Слуги дома Мурасе-Ито захлопотали вокруг прибывших, помогая им разоблачиться.

Ацу метнул короткий взгляд на Ллию и её мать, больше на Ллию — неудивительно, прошло пять лет, его снедало любопытство. Шар не мог дать изображение, точное до самых мелочей, как не мог показать собеседника с разных точек зрения; шар, в общем, был всего лишь средством связи, а сейчас Ллия стояла перед ним, живая и весёлая, пугающе реальная.

Перебрасываясь с матерью пустыми фразами, улыбаясь предвкушению праздника, кузина скинула короткую чёрную пелерину, открывая платье, пышное платье теплоцветного жёлто-оранжевого шёлка, с тонким, обтягивающим грудь лифом. В лицо дохнуло непрошеным жаром, и Ацу поспешил опустить глаза, скользнув быстро по фигуре Ллии — взгляд выхватил ещё ворох чёрных кружев из-под оранжевого подола и тонкие щиколотки в чёрных же чулках — кузина меняла дорожную обувь на туфли для танцев.

Миновало пять лет — ей исполнилось, кажется, четырнадцать в тот год, когда уезжали Ито-Хиносе. А сейчас ей девятнадцать, да, на полтора года кузина младше него.

— Ацу! — завязав ленты, она поднялась, шагнула к наречённому, приветственно протянула руки. Обратилась к нему даже раньше матери, противореча этикету.

Ацу осторожно дотронулся до кончиков пальцев, склонил голову.

— Ацуатари, — подоспело приветствие и леди Ито-Хиносе. — Мы так рады наконец-то встретиться с вами. Эллиния считала дни.

Ллия хитро усмехнулась уголком рта, быстро пожала плечиком. Чёрные крупные кудри рассыпались по её плечам, вились вокруг лица, придавая ему — вместе с этим фиолетовым взглядом — опасно-кокетливое выражение.

Младший сын Мурасе-Ито низко поклонился обеим дамам. И, отстраняясь от Ллии, уходя от излишней близости, качнулся в сторону и вежливо произнёс, встретившись глазами с главой семьи:

— Позвольте мне показать вам путь.

Разумеется, Ито-Хиносе отлично знали, где находится зала празднеств, но — этикет не позволял гостям своевольничать.

Огромное помещение для празднеств, холодная и гулкая в обычное время, подавляюще просторная зала, что занимала почти целый этаж родового замка Ито, сейчас полнилась гостями. Смех, отзвуки разговоров, переливчатый звон наполненных вином бокалов; визги детей, ещё не умевших вести себя тихо; шелест дамских платьев, музыка, лёгкий стук каблучков, летящих в танце, — сегодня в замке собралось более шестидесяти человек, принадлежащих роду Ито. Главы семей Мурасе, Каринэ, Асуэ, их жёны, дети, племянники, внуки, представители Мисте, Риви, Ине и, конечно, Хиносе, — семь родов, составлявших костяк Ито, ветви огромного дерева, ведущего счёт своим поколениям с незапамятных времён.

Ацу осторожно глянул наискосок, на третье от него окно, как и все прочие, убранное тёмно-вишнёвыми бархатными гардинами, с тщательно выложенным узором из хрусталя и разноцветных фруктов на широком столе-подоконнике. Взглянул из-под чёлки, почти не

поднимая головы, делая вид, что пробует на вкус голубоватое вино Воздуха.

Там, у третьего отсюда окна, стоял отец. Его собеседником был глава семьи Каринэ. Племянница главы, Эстене Каринэ-Ито, являлась невестой брата Ацу. И скоро уже придёт время свадьбы — возможно, главы семей беседуют сейчас именно об этом.

Ацу не в первый раз пожалел, что не умеет читать эмоции, написанные на чужих лицах — хотя и отец, и Каринэ-Ито были достаточно искушены в правилах этикета, чтобы не выказывать истинных чувств, следовательно, проку в пристальном наблюдении оказывалось немного. И тем не менее младшему сыну Мурасе-Ито очень хотелось определить предмет разговора.

Если речь и в самом деле идёт о будущей свадьбе... значит, близок уже тот день, когда Эстене Каринэ-Ито войдёт в их семью. А потом — потом настанет черёд его, Ацу — жениться на Ллии.

Конечно, не раньше, чем он окончит Королевскую школу — ещё три года, а потом, может, придётся повременить ещё года два, проходя обычную для новоиспечённых магов практику — и только после того Ацу станет формально свободен располагать собой. Неплохо всё-таки, что королевских магов обучают так вдумчиво и тщательно. И так долго.

Удивительно, раньше Ацу приходилось лишь сетовать на слишком затянутый курс обучения: ведь в Королевской школе целых девять лет вбивают знания в головы учеников — и вдобавок ещё два года практики — намного дольше, чем в обычной школе. Ллия, к примеру, закончила свою учёбу в этом году, а ей исполнилось всего девятнадцать.

Впрочем, Ллия девушка, этим всё сказано. Ей нет нужды получать определённую профессию, овладеть каким-то мастерством, учиться зарабатывать на жизнь. Будущее Ллии — как и любой другой представительницы рода Ито — расписано заранее, разложено по полочкам, определено — хоть гобелен вышивай, узор уже не изменить: ей суждено оставить семью, войти в дом мужа, стать частью чужого уклада и поддерживать его всеми силами. Как мать Ацу, урождённая Ито-Асуэ, как будущая жена брата, Эстене Каринэ-Ито, как прочие женщины рода, воспитанные с осознанием неизбежной разлуки, прощания с родной семьёй.

А прощание неминуемо.

Водный материк, куда переселились Хиносе, — расстояние отсюда слишком велико, чтобы возможно было постоянно навещать друг друга. Если Ллия станет его женой, она не сможет, стоит только захотеть, видаться с родными. Даже сегодня, хотя собравшиеся находятся тут по случаю выпускного дочери Ито-Хиносе, из всех представителей этой семьи присутствуют лишь трое: глава, его жена и сама Ллия. Через несколько десятков лет с ними произойдёт то же, что с родом Ито-Ине, породнившимся с Земными: сейчас это дальняя ветка, почти не имеющая веса в семейных вопросах.

Впрочем, Ито-Ине спасает многочисленность. Ито-Хиносе не доступно даже это: вместе с Ллией их не больше двенадцати человек, от деда и бабки Ллии до недавно появившегося на свет малыша Инивена.

— Ацу, — дальнейшее погружение в родовые связи прервало внезапное обращение: прямым, без церемоний, по одному только короткому имени.

Ллия, больше некому.

Адепт Королевской школы поднял голову, мимоходом окидывая взглядом помещение. Каринэ-Ито по-прежнему стоял у окна неподалёку, только теперь его собеседником был не отец Ацу, а двое из рода Ито-Мисте, кажется, супруги одной из побочных ветвей. Бездумно

Ацу поискал отца и тут же спохватился: некрасиво оставлять Ллию без внимания.

— Ацу, я... — начала было девушка и замялась.

Глаза их встретились: вопросительный, выжидательный взгляд Ацу и настороженно-лукавый, как будто чуть испуганный — Ллии. И, словно спровоцированная этим столкновением, кузина вспыхнула, сверкнула глазами и — рассмеялась.

— Вот, — будущий маг не сразу сообразил, что ему вручают: на раскрытых ладонях кузины стоял небольшой продолговатый ящичек, лучше сказать — узкая коробочка, обтянутая чёрно-фиолетовым бархатом.

— Что это?

— Это мой подарок Вам, — слова вылетали из её рта, звеня чёткими открытыми гласными, отскакивали от зубов, будто торопились стать услышанными.

— Это я должен был подумать о подарке, — смутился адепт, — ведь праздник проводится по случаю Вашего выпускного. Простите мою неуклюжесть в вопросах этикета.

— Что Вы, — улыбнулась кузина, возвращая себе утраченную было уверенность, — не надо, прошу Вас, официальных слов. Примите.

— Спасибо, — просто ответил Ацу, осторожно снял коробочку с ладоней девушки. — Могу ли я сразу же открыть его?

— Конечно, — она кивнула с готовностью, чуть зарумянилась — оценила жест кузена. Подарки от близких людей можно было смотреть в их присутствии; спрашивая разрешения, Ацу показывал, что считает Ллию «своей».

На чёрной мягкой ткани в обтянутой бархатом коробочке покоился длинный кинжал. В глаза Ацу прежде всего бросились тонкие, завораживающие переливы света на серебристом лезвии, и потом только — изящные узоры водной каллиграфии, выписывающие чеканные волны на рукоятке.

Будущий маг не сумел сдержать лёгкого вздоха восхищения. Возможно, одного лишь этого хватило бы кузине в качестве благодарности. Но в следующий же миг в сознании Ацу вспыхнуло воспоминание, встала картинка в учебнике, урок магических традиций мира, часть «Водные»: острые лезвия кинжалов для ритуальных жертвоприношений. На мгновение перехватило дыхание.

— Спасибо, — и в нехитрое это слово адепт вложил намного больше чувств, чем предписывалось обычной вежливостью.

Конечно, в руках его яростным беспощадным металлом на чёрной ткани сверкало не то самое оружие, не оригинал — да и не позволил бы никто вывозить с Водного материка одно из национальных сокровищ, — нет, это было всего лишь умелой работой, отбирающей дыхание безделушкой, всего лишь слепящим глаза подражанием. И тем не менее — неизвестный творец воспроизвёл ритуальный кинжал идеально, до самой последней мелочи.

Даже в Королевской школе им показывали только рисунки и гравюры, давали читать полные убористого текста листы описаний; держать в руках настолько точное подобие Ацу довелось впервые.

— О, Вы изволили обрадоваться! Я так счастлива! — ещё чуть-чуть, и преувеличенная вежливость фразы заставила бы заподозрить насмешку. Но похоже, кузина всего лишь растерялась от долгой разлуки и не определила ещё, на каком уровне ей следует вести разговор с наречённым, оттого и перемежала близкое обращение с высоким стилем. — Я боялась, быть может, не сумею угадать Ваших предпочтений.

— Любой подарок, полученный из Ваших рук, заставил бы меня обрадоваться, —

ответил Ацу общепринятым выражением. — Спасибо.

Ллия чуть наклонила голову, смутилась. И, на мгновение отведя глаза в сторону, шевельнула было губами, как её прервал чужой голос:

— Ацуатари! Эллиния!

Ацу обернулся, уже зная, кого увидит: кузена Миттемиэна из рода Асуэ, по возрасту ровесника им с Ллией.

— Миттемиэн-диэ, — как и подобало девушке, Ллия склонилась в поклоне первой.

Ацу повторил движение: хоть с кузеном он был на равных, положение встречающей стороны, хозяина замка, обязывало.

— Эллиния, поздравляю ещё раз! Теперь Вы свободны от гнёта учителей — право же, я так Вам завидую! — Миттемиэн улыбнулся девушке и обратился к Ацу, согласно этикету: — Впрочем, я завидую и Вам; должно быть, обучение на королевского мага не оставляет времени скучать.

— Увы, — качнул головой Ацу, вежливо улыбаясь в ответ, — в стенах Королевской школы далеко не так занято, как это преподносят слухи. Порой приходится изрядно поскучать.

— Неужели? — Миттемиэн потянулся к графину с вином, плеснул в свой кубок.

— Простите, из меня никудышный хозяин, — тут же поспешил извиниться Ацу, — заставляю гостей самим прислуживать себе.

— Оставим церемонии, Ацуатари, — отмахнулся кузен. Повернулся к Ллии: — Не расскажете ли о Водном, кузина? Мне никогда не доводилось выезжать за пределы Огненного.

— По большей части наши страны ничем не отличаются, — Ллия ловко выхватила из рук Ацу бокал, вмиг наполнила, подала, и, поймав его взгляд, улыбнулась как-то насмешливо и вызывающе.

Миттемиэн скрыл усмешку: Эллиния ухаживала за Мурасе-Ито по праву наречённой. Иначе ей, как гостье, полагалось бы ждать приглашения со стороны хозяина, либо же, как поступил Миттемиэн, налить себе самостоятельно, благо родственные отношения позволяли. Но Эллиния обозначила своё положение, обозначила весьма чётко и доходчиво, — и кузен явно смутился подобной заботой.

— Что же могло бы Вас заинтересовать, — девушка призадумалась, потом встряхнула головой, отчего чёрные кудри её запрыгали по плечам, по кружевам платья и жёлто-оранжевому шёлку: — Знаю! На Водном есть замечательные легенды...

Улучив момент, Мурасе-Ито тихо оставил собравшийся вокруг Ллии кружок. Кузина сидела на низкой кушетке и, смеясь, рассказывала о Водном: среди его поверий действительно оказалось немало замечательных и даже презабавнейших. Звонкий голос Ллии привлёк ровесников из многих родов, и кузина, ничуть не смущённая вниманием — вовсе наоборот, казалось, даже польщённая, с возбуждением повествовала о проведённом на другом материке времени.

Слушать её было интересно. И впрямь интересно, только...

Только Ацу, периодически обводя взглядом просторный зал, вдруг понял, что не видит отца. Вместо него гостей обходил, не давая скучать, Сора-дии — поступал согласно своим

обязанностям наследника. За братом следовала его невеста, Эстене из рода Каринэ-Ито; вдвоём они умело развлекали собеседников. Мать тоже находилась в помещении, двигаясь по высшему кругу: видимо, на её попечении оказались старшие гости. Сейчас она разговаривала с главой рода Асуэ, откуда происходила сама, старшим братом собственного отца. Собеседник её, Игинистае Ито-Асуэ, также являлся старшим братом и бабушки Ллии, приходясь самой Ллие, соответственно, двоюродным дедом, и так же его мог называть и Ацу.

А отца нигде не было.

Будущий маг подошёл к столику с угощениями, сделал вид, что набирает на тарелку сооружённые умельцами-поварами лодочки с чёрной икрой — одно из вкуснейших лакомств. И под прикрытием огромной вазы с ниспадающими виноградными гроздьями внимательно оглядел зал.

Кто ещё отсутствует, кто незаметно исчез, чтобы без помех уединиться для беседы с отцом?

Глава Каринэ, глава Малиэ, глава Асуэ — на месте. Роды Риви... Мисте... Ине... есть. Кого же не хватает? Ведь отцу не о чем разговаривать с женщинами рода, когда присутствуют мужчины, как и не имеет смысла вызывать из зала кого-то младшего — о чём рассуждать с детьми?

Риви... Мисте... Ине...

Конечно!

Не хватает Хиносе!

Вот мать Ллии, а самого Ито-Хиносе нет. Супруга его улыбается словам женщины из семьи Ито-Мисте, покачивает головой, тёмные волосы туго заплетены, как подобает достойной матроне, жене и матери. Забавно, мать Ацу гордо встряхивала распущенными чёрными кудрями — у Ллии похожие, видно, сказала кровь Асуэ. Мать любила посмеяться над бездумным соблюдением приличий.

Но Ацу отвлекается. Сравнить свою мать с матерью наречённой — занятие довольно-таки бессмысленное, тем более в эту минуту, когда есть размышления и поважнее.

Значит, отец сейчас с Ито-Хиносе.

Ушли от возможного наблюдения, покинули зал, чтобы без помех обсудить дела. И — без сомнений — они говорят о них: о нём и Ллии.

Ацу глянул на нагруженные икрой лодочки — аппетита не было.

Ллия. Он никогда не понимал, что означает для него Ллия. Он попросту никогда о ней не думал — не больше, чем того заслуживала верная подруга, товарищ по играм. А потом она уехала — чтобы пять лет провести в чужой стране и вернуться вот так вот: повзрослевшей, вытянувшейся, навсегда переставшей быть ребёнком. Уже не привычным и лёгким в общении другом — будущей невестой.

И Ацу никак не мог окончательно понять их отношений — как Ллия в начале вечера не могла определиться, на каком уровне вести беседу.

Отец и Ито-Хиносе сейчас обсуждают их судьбу. Подводят последние итоги, вспоминая о старом обещании, об уговоре между семьями. И назначают дату — через пять лет или семь, а может, через три; ещё не точную, не твёрдую, пока что примерную дату. Решают, где будет жить Ллия, вероятно даже, что она поселится тут, в этом замке, если церемонию назначат на скорое время.

И всё неуловимо изменится.

— Ацу, куда Вы исчезли? — от неожиданности темноволосый элхе слегка вздрогнул.

Объект его размышлений стоял перед ним, чуть хмуря брови и постукивая туфелькой по полу — негодуя.

— Простите, — поспешил извиниться Ацу, не зная, почему оправдывается. — Я... проголодался.

Слегка расстроенное выражение её лица не изменилось, однако, похоже, долго сердиться Ллия не намеревалась. Помедлила, произнесла решительно:

— Разрешите тогда о Вас позаботиться, — лукаво улыбнулась, вскинула голову, так что волосы снова дрогнули, рассыпаясь чёрными волнами. И, не дожидаясь ответа, даже кивка, отобрала из его рук тарелочку с водружённой для отвода глаз парой икранных лодочек.

— Вам неинтересны рассказы о Водном? — нагружая тарелку снедью, полюбопытствовала девушка. Словно бы невзначай.

— Вовсе нет, — запротестовал Ацу, запоздало осознавая, что уходом обидел кузину. — Я просто...

Он не успел ещё придумать ответ, как увидел Ито-Хиносе. Отец Ллии зашёл в зал, брови его хмурились, а рядом со ртом пролегла недовольная складка.

— Куда Вы смотрите? — Ллия оглянулась. — Что случилось?

Значит, они договорились. О чём? На чём порешили? Почему отец Ллии выглядит будто не в духе?

— Ацу, Ацуатари!

Младший сын Мурасе-Ито с трудом заставил себя обратить внимание на собеседницу. Ллия уже не скрывала обиды. И тарелочку с едой вручила резко, словно желая поскорее отделаться.

— Спасибо, — виновато кивнул Ацу. Потянул в рот скрученное морской раковиной крабовое «эльти» — хотя есть и не хотелось, обижать кузину ещё больше не представлялось возможным.

Молчание длилось, безошибочно свидетельствуя, что Ллия не собирается заговаривать первой.

— Очень вкусно, — похвалил Ацу, стараясь вернуть себе расположение девушки. — Прекрасный выбор.

— Это заслуга Ваших замечательных поваров, — она всё-таки ответила, хотя интонации звучали прохладно.

— Ацу, Ллия, — неуклюжие попытки Ацу склеить беседу спасло появление молодой женщины, черноволосой, как почти все из рода Ито, и желтоглазой — отдалённый признак крови Оте-Кари, семьи-побратима Каринэ.

— Эсте-нии, — обрадовался Ацу. Невеста брата, Эстене Каринэ-Ито, ему весьма нравилась: добрая и нежная, и вправду словно старшая сестра.

— Эстене-оони, — присела в приветствии Ллия.

— Зови меня коротким именем, — улыбнулась ей Эстене, — ведь через несколько лет мы станем настоящими сёстрами.

— О, я не смею, — потупила было Ллия глаза, но сразу же с улыбкой их вскинула. — Эсте-нии!

Обе рассмеялись.

— Эсте-нии, когда ваша свадьба? — в голосе Ллии слышалось жадное любопытство: похоже, она, как все девчонки, любила поболтать о свадьбах и праздничных нарядах.

— А я и не знаю, — Эстене то ли шутила, то ли нет. Но, во всяком случае, улыбалась. — Что-то они медлят, никак не могут решиться. Надеюсь, хоть после сегодняшнего вечера что-нибудь прояснится.

— Но ведь? — Ллия сделала страшные глаза.

— Нет-нет, пожениться мы безусловно поженимся, да и поздно уже что-то менять. — Ацу не понял выражения её лица, но Ллия, кажется, сообразила, заговорщически хихикнула. — Только они никак не придут к согласию по поводу времени и места. Право же, нудные стариканы!

Девушки опять засмеялись: старшие рода и впрямь порой вели себя так, что чудилось — такие никогда не были молоды.

Адепт королевской школы почувствовал себя чужим. Слушать девичьи разговоры о любви и перемывать косточки старшим — избавьте! Ацу не вытерпит и скончается в середине беседы. Или того хуже — не выдержит и зевнёт, навлекая на себя гнев уже не только Ллии, но и невесты брата.

— Прошу меня извинить, — поклонился адепт поспешно. — Я совсем забыл подойти с приветствием к главе рода Асуэ, а ведь он дядя моей матери.

— Ах вот как, — вежливо отозвалась Эстене — на Ллию кузен старался не смотреть, — поклонитесь ему от нас.

С облегчением Ацу затерялся среди родственников.

Часть вторая, глава 8

— Эсте-нии, — Ллия глядела наречённому вслед, надувая губки, — я так огорчена. Мы не виделись с кузенком столько лет, а стоило наконец встретиться, как я понимаю — он меня избегает!

— Ты преувеличиваешь, — мягко улыбнулась старшая. — Я думаю, Ацу-диэ очень рад наконец тебя увидеть.

— В таком случае он весьма умело это скрывает, — обиженно произнесла Ллия. — Какая жалость, что он не похож на Соратанери-ооди.

— Что ты! — Эстене открыто рассмеялась. — Они как две капли воды!

— Ацу и Соратанери-ооди? — наречённая младшего сына Мурасе-Ито широко раскрыла глаза.

Эстене кивнула.

— Что же, неужели и Соратанери-ооди так же пытался избежать Вашего общества?

— Сора... Знаешь, ведь принято считать, что мужчина должен быть защитником, покровителем, сильным. Принято считать, что ему неприлично выказывать свои эмоции, как неприлично чего-то стесняться или бояться.

Ллия внимательно слушала, накручивая чёрный локон на указательный палец.

— Но ведь мы все — простые люди. И мужчины, и женщины. И всем нам свойственно чего-то желать, а чего-то бояться.

Дочь Ито-Хиносе кивнула, показывая, что внимает.

— И Ацу-диэ, я думаю, немножко боится.

— Чего? — не смогла Ллия удержаться.

— Тебя.

— Меня? — фиолетовые глаза раскрылись, казалось, ещё шире. — Почему? Отчего?

— Потому что ты девушка. Существо противоположного лагеря, чужое, непонятное. Возможно, враг, — Эстене мягко усмехнулась. — Возможно, друг.

Младшая опустила голову. Вот как. Значит, Ацу и впрямь перестал ощущать её своей верной напарницей. Что же, неудивительно, столько лет они провели в разных странах.

— И что же делать? — вопреки желанию Ллии, в голосе её прозвучали жалобные нотки.

— Убе... ждатель? — сказала Эстене задумчиво, как будто сама не была уверена. — Дать привыкнуть, прийти в себя, приспособиться к изменившемуся положению.

— Как?

— Я думаю, это с каждым человеком иначе. И в данном случае... продумать способ действий, должно быть, легче всего тебе самой, ведь у тебя так много общих воспоминаний с Ацу-диэ. Как бы то ни было, надо показать, что ты ему не противник и не чуждое, враждебное существо. И не торопись — ведь впереди ещё так много времени, — Эстене замолчала.

Ллия тоже молчала, видя, что старшая не закончила.

Эстене продолжила, слегка усмехаясь, похоже, своим собственным мыслям:

— Только вот ещё. Не всегда надо смирно ждать, ошибочно предполагая, что мужчина обязан сделать первый шаг. Иногда можно шагнуть навстречу.

— Спасибо.

— Не стоит благодарности, — Эсте-нии хитро улыбнулась, тёмно-жёлтые глаза на миг сложились смеющимися полумесяцами с чёрной каймой ресниц.

— Какие длинные у Вас ресницы, — произнесла Ллия неожиданно для самой себя.

— Кто бы говорил!

Неспешно прогуливаться по залу, изредка останавливаться, обмениваясь репликами с кем-нибудь из гостей, Ацу быстро наскучило. Сделав пару-тройку кругов по обширному помещению, будущий маг почувствовал, что устал от лавирования между людьми и столиками, от приветствий и ни к чему не обязывающих бесед. Хотелось подняться наверх, упасть на свою кровать и бездумно лежать, уставившись в потолок.

Но покидать залу, пока в ней ещё остаются гости замка, было не к лицу сыну принимающей семьи. Тем более если речь шла о Мурасе-Ито, официальном центре рода. И Ацу продолжал бродить среди родственников, отвечать на кивки, махать рукой ровесникам, вежливо улыбаться. Пока не заметил за длинной бордовой гардиной приоткрытую дверь на балкон.

Балкон. Балкон, проходивший по наружной стороне залы, просторный и тихий. Дверь открыта, значит, предполагается, что гости могут выходить туда, устав от яркости освещённого помещения.

Отлично, то, что надо. Ацу как раз чувствует себя поразительно усталым.

Стараясь не оказаться замеченным, адепт остановился у окна, сделал вид, что любителю звёздами. Потом шагнул в сторону, притворившись, будто заметил кого-то на балконе. И опустил за собой гардину, осторожно прикрывая дверь.

Если отец его видел, должен подумать, что сын решил составить компанию одному из гостей. Пусть так и думает.

После искусственной прохлады замка влажная жара летнего Сорэнэрэ охватила со всех сторон, жадно сжала в объятиях. Воздух плыл вокруг, казалось, его можно пить, воздух с тяжёлыми ароматами тропических цветов. Знакомый с детства запах.

Ацу подошёл к перилам, коснулся тёплого камня. Ветра не чувствовалось, невзирая на высоту, а ведь зала для празднеств располагалась на третьем этаже замка.

Сквозь щель в неплотно прикрытой двери доносились звуки музыки, смех собравшихся. Домашняя вечеринка, строгая и скромная, для увеселения гостей даже не пригласили никого, кроме музыкантов.

И тем не менее выматывающая.

Или же дело всего лишь в его характере? Ацу никогда не любил шумные сборища.

Голоса и музыка стали громче, словно шире отворили дверь. Ацу обернулся.

Оставив портьеру тяжело колыхаться, на балкон скользнула Ллия. Глаза их встретились, Ацу чуть нахмурился, недовольный вторжением.

— Это мой праздник, а вы уединяетесь, — голос Ллии был обычен, она говорила с лёгкой улыбкой, но в словах звучал укор.

Ацу замаялся, не зная, что ответить. Ллия не спускала с него взгляда.

— Вокруг Вас полно слушателей, — попытался он всё-таки. — Зачем Вам ещё и я?

— Без Вас скучно, — девушка подошла поближе, всё так же не отпуская его глаза своими. Встала рядом, наконец отвернулась, всматриваясь в ночь.

Будущий маг вздохнул облегчённо: ему было не по себе, когда Ллия вот так сверлила его фиолетовым взглядом.

— Как я тосковала по Сорэнэрэ, — в темноте он не мог чётко разглядеть выражения её лица, но по голосу слышалось, что кузина улыбается. — На Водном мне снились здешние ароматы. И эта влажная, можно сказать, даже одуряющая жара — я просыпалась в слезах, мечтая вновь почувствовать её прикосновения.

Ацу понимающе кивнул, забыв, что Ллия не может видеть этого движения. В Огненном городе ему тоже порой снился замок. Сорэнэрэ проникал в кровь, не давая забыть себя, пульсировал в жилах, единовластно царствуя над душами своих детей.

— Помните, — голос Ллии снова разбил тишину, — как мы бегали от нянек по алорским лесам.

Слова кузины не были вопросом, ответа она не ждала.

— А как я свалилась в ручей, помните? — девушка негромко рассмеялась. — Я так испугалась, оцепенела от ужаса. Думала, что умру.

Ацу опять кивнул — он помнил. Давным-давно, более десяти лет назад. Тогда они с Ллией, как обычно, удрали от воспитателей, намереваясь пробежаться до дальнего леса. Только упустили из виду, что лишь буквально пару дней назад закончился период дождей, почва размокла, а многочисленные реки, речушки и ручейки покрупнели, наполняясь водой.

Ацу двигался впереди — как старший по возрасту и сын хозяина замка, выполняя роль провожающего. Или же — как мальчишка — был попросту намного быстрее изящной кузины. Сейчас ему было уже не вспомнить тех своих чувств.

Услышав вскрик девочки, поначалу Ацу не принял его всерьёз. Остановился, поняв, что Ллия отстала, крикнул негодующе, чтобы поторапливалась. И только потом, когда до слуха донёлся слабый, испуганный — даже не голос — какой-то писк, поспешил вернуться, разыскивая среди деревьев знакомый силуэт.

Когда сообразил, что кузина, поскользнувшись на мягкой земле, слетела в ручей, Ллия уже, кажется, прощалась с жизнью — в глазах её, что почти заливала вода, крутился смертельный ужас. Таких огромных глаз Ацу за свою жизнь больше ни у кого не видел.

Недоумевая, в чём дело, — сам-то он плавать умел, и просто в голову не пришло, что кузина тонет, — протянул руку. Тогда ещё, вот это он помнил явно, проскользнула мыслишка, что задаст он ей, когда девчонка выберется: а зачем она пытается над ним подшутить?

Но сила, с которой Ллия вцепилась в протянутую руку, прогнала лишние мысли.

Помочь ей вылезти на берег труда не составило, вытянуть лёгкую девочку оказалось несложно — однако Ллия продолжала сжимать его кисть мёртвой хваткой, пока не оказалась на твёрдой поверхности. Только потом, убедившись, что всё позади, что вода уже не затянет, не накроет с головой, она отпустила руку кузена, съёжилась на корточках спиной к страшному ручью и разревелась.

— Даже стыдно вспоминать, — в словах девушки слышалось смущение: возможно, сейчас перед её внутренним взором предстали те же события — лишь с другой точки зрения.

— Когда кажется, что вот-вот умрёшь, не до здравомыслия, — попробовал Ацу её успокоить.

Однако при этой фразе вспомнились вдруг собственные переживания — и резкая ясность в сознании, когда он понял, что в ловушке, что сработала «звезда Юрисаэ», светловолосый противник поймал его. Когда же это было? Кажется, уже так давно, а ведь

прошло... не более трёх лет.

— Ацу, — удивительно, как мог её голос надломиться на таком коротеньком слове?

— Да? — отчего-то в горле пересохло. Как-то сразу, вмиг.

Ллия повернулась, снова устремляя на него глаза. Нахлынуло пугающее напряжение.

Кузина стояла так близко, совсем близко. Слишком близко.

— Тари-тиэ, — он вздрогнул — столько лет не приходилось слышать детское прозвище. — Поцелуй меня.

В кабинете было темно, шторы раскрыты, в окно вливался неверный звёздный свет. Игне шагнул к столу, пошарил рукой по боковой поверхности. Над столешницей и небольшим диваном у стены зажглись ласковые медово-жёлтые лампы. «Присядь», — кивком муж указал на диван, отодвинул стоящее перед столом кресло.

— Мия, я хочу услышать твоё мнение.

Женщина опустилась на указанное место, подняла на супруга внимательные глаза.

Кресло чуть слышно вздохнуло под тяжестью тела. Игне положил локоть на стол, подпёр голову. На жену он не глядел, верно, собирался с мыслями.

— Хиносе с ума сошёл, — проронил наконец.

Мия хранила молчание. Муж ещё не высказался до конца.

— Сегодняшний праздник... ведь мы намеревались объявить официальную помолвку. Об этом и договаривались, весь этот год обсуждая последние мелочи, — Игне метнул взгляд на жену, проверяя, слушает ли. Продолжил, нетерпеливо, с ледяными интонациями: — Но он же изменил своё мнение; как всегда, неожиданно. Сказал, что нет нужды официализировать, когда они и так — с детства считаются обручёнными.

Он снова посмотрел на Мию:

— Не сумасшествие ли? — взгляд светло-голубых глаз почти ощутимо резал холодом. Высокомерным гневным недоумением.

— Быть может, у него свои причины? — женщина наконец разомкнула губы.

— Какие же?!

Мия молчала, раздумывая.

— Впрочем, помолвка помолвкой, можно обойтись и без официальных. Тем более что весь род и без того знает: Ацу и Ллия поженятся, — лишь по яростному блеску глаз мужа становилось ясно: он не на шутку захвачен эмоциями. — Но Хиносе отказывается назначить дату. Убегает от ответа, ничего не говоря определённо.

— Вот как, — вздохнула черноволосая женщина. — Как же ты расцениваешь подобные действия?

— Тут нечего расценивать, — Игне раздражённо тряхнул головой. — Всё ясно, этому безумцу отказала способность рассуждать трезво. Подумай, он сказал «нет», когда я предложил взять его дочь!

— Ты хочешь сказать, предложил ему оставить Эллинию под нашей опекой?

— Именно, чтобы со временем они тихо, без особой помпы поженились. Он сказал, пока что дочь слишком мала, чтобы войти в чужую семью. Как же она мала, когда уже закончила обучение?!

— Но ведь ей и правда всего девятнадцать.

— Для женщины в самый раз. При согласии родителей она уже может вступить в брак. Да и возраст вполне детородный.

— Но и Ацу всего двадцать. Неужели ты уже хочешь, чтобы они?..

— Нет, я не предлагаю устроить свадьбу прямо сейчас. Поживёт тут два-три года. Привыкнут друг к другу.

Мия покачала головой.

— В конце концов, во времена наших прадедов браки заключались и в гораздо более раннем возрасте! — вспыхнул муж.

— Тебя огорчило только желание Хиносе повременить? — мягко осведомилась женщина.

Игне замолчал. Повернулся на кресле, опустил глаза на поверхность стола, гладкую, пустую, без малейшей пылинки. Кабинет всегда блистал чистотой, вещи находились строго на своих местах. Игне любил порядок — и как же, должно быть, сейчас ему не хватало подобного порядка в своём сердце.

— Нет, — признался он с неохотой. — Мне... уже не первый год кажется, что Хиносе не прельщает мысль о воссоединении семей.

— Ты хочешь сказать, он обдумывает мысль отказаться от брака?

— Да.

— Вот как, — женщина задумчиво откинулась на спинку дивана. Возложила на подлокотник кисть — прохладная кожа приятно пощекотала обнажённую руку. — Забавно, возможно, он думает о том же, что и я.

— Что?!

— Твой отец и мать Ито-Хиносе — родные брат и сестра. У Ацу и Ллии общий прадед. К тому же мать Ито-Хиносе — из рода Асуэ, как и я. У детей слишком много общей крови.

— Мы должны сохранить род!

— Я не спорю. Но есть и другие девочки, из более дальних семей. Брак с Ллией ведь должен укрепить связи Мурасе с Ито-Ине? Сора послужит мостиком между нами и Каринэ, а для Ацу можно найти хорошую девочку среди Ине. Ллия же Ине лишь по матери.

Кривая, едва заметная усмешка появилась на лице Игне и тут же исчезла. Он покачал головой.

— Да, ты была бы абсолютно права, — муж сделал паузу, — если бы речь шла о восстановлении отношений с Ине.

— О чём же идёт речь? — настала её очередь изумиться.

— Сколько человек сейчас насчитывает Мурасе-Ито?

— М-м, кажется, восемнадцать. Если не считать Эстене и Эллинию.

— А Ито-Хиносе? — муж спрашивал со скучающей интонацией, все цифры он отлично знал и сам.

— погоди, дай припомнить. Что-то около десяти. Не двенадцать ли?

— Двенадцать. Каринэ — пятьдесят один. Ине — пятьдесят шесть. Остальные ветви пусть не столь многочисленны, в каждой из них от восемнадцати до почти тридцати человек. Понимаешь?

Мия молчала, выжидательно смотря на супруга.

— Когда Ито распались на Мурасе-Ито и Ито-Хиносе, — муж говорил о событиях, случившихся около трёх поколений назад. Тогда младший сын Ито ушёл наследником в семью Хиносе, а его старший брат неожиданно погиб, и сами Ито остались без наследника.

Так им пришлось породниться с Мурасе. — Фамилия Ито исчезла, но мы по-прежнему считаемся центром рода, ибо сейчас наша семья напрямую наследует изначальному прародителю.

Женщина согласно кивнула.

— Мурасе-Ито и Ито-Хиносе теперь расценивают как отдельные семьи. И авторитет их — наш! — зависит от количества человек в семье. Ты понимаешь? Ещё немного небрежного легкомыслия, и Каринэ либо Ине поглотят нас.

— Поэтому ты выбрал для Соры девушку из Каринэ?

— Чтобы укрепить отношения, — подтвердил Игне. — Но если сейчас мы свяжем второго сына с Ине, я опасаясь, мы окажемся меж двух огней. Нам нужна поддержка.

— Поддержка Хиносе?

— Слияние. Воссоединение, — ровный голос супруга смолк, комнату залила тишина.

Эллиния — единственная дочь главы Хиносе. Неженатых мужчин в семье — двое, не считая маленького Инивена, — и оба происходят из побочных веток. Будущий муж Ллии, пользуясь своим положением, действительно сможет предложить семье слияние. Вобрать малочисленную фамилию Хиносе в свой род.

И Игне очень хочет, чтобы этим родом стали Мурасе.

Июль — Хиэй

Огненный город встретил Ацу достойной своего имени жарой. В отличие от влажности Сорэнэрэ, проникающей повсюду, от его словно водой напоенного воздуха, жара столицы была горячим ветром, иссушающим жителей и изнутри, и снаружи.

Окна в июле держали плотно закрытыми, спасаясь от солнца, усиленного дыханием пламени, охранителя столицы. На улицу выходили лишь самые закалённые, а ученики Королевской школы, особенно некоренные обитатели Хиэй, предпочитали проводить дни и ночи в прохладном, защищённом благословенной магией школьном здании.

Шла вторая неделя, как начались занятия, но Ацу никак не мог войти в учебный ритм. Младшекурсники, чьи каникулы закончились на месяц раньше, уже всю зубрили, мечтая о приближении ноября, а Ацу — и многие другие старшие — скучали на лекциях, по утрам едва одолевая очередной соблазн проспать.

Если бы не надзиратели, лишь истинно больных допускаявшие оставаться в комнатах, вряд ли все старшекласники послушно являлись бы в учебное крыло. Да и вообще, говоря начистоту, интереса к содержанию лекций не проявлял никто, кроме разве что светловолосого нинье. Про этого, однако, с самого начала было ясно, что у бедняги не все дома.

Впрочем, лекции лекциями — за посещением следили, но вот за отношением к учебным заданиям во внеурочное время ни один надзиратель проследить не мог. Как не имел права и упрекнуть в безделии, хоть весь день в общей комнате околачивайся. Всё-таки статус старшего имел свои преимущества, и, надо сказать, не так уж и мало.

Сегодня снова — стоило гимну Огня отзвучать, как Ацу устроился на третьем этаже общежитского крыла, в одном из уютнейших чёрных кресел. Из-за жары не хотелось ничего делать, даже читать, и блаженная лень подобного рода опасно затягивала. Элхе разлёгся в кресле, задумчиво размышляя, чем всё же заняться: то ли сходить поесть, то ли поспать, то ли навестить библиотеку и заставить себя наконец порыться в учебниках, или вовсе

отправиться в тренировочную, поразвлекаться боевыми заклинаниями.

Дрёма лениво возилась рядом, таилась в подлокотниках кресла, в его мягкой, податливой спинке, выжидала момента напасть. Предвкушение сна плавало в воздухе.

Идиллию прогнал неожиданный хохот. Элхе вздрогнул: смеялись совсем рядом, в коридоре. Успевшие смежиться глаза распахнулись.

— А потом сказать, что уборщицы оставили! — донёсся чей-то до отвращения жизнерадостный голос.

Тардис.

— Жаль только, Виллемис сразу расколет, — а это Тенки.

— Эх, в кои-то веки ментальная магия, и такой придурок в учителях, — огорчённо отозвался щингеец.

Ацу чуть усмехнулся: мнение Тардиса разделял весь третий старший.

Две недели назад, на первом уроке неизвестного ещё адептам предмета, «ментальной магии», Йисх появился не один. Рядом с плотным черноволосым мужчиной, показавшимся от подобного соседства ещё выше и плотнее, мялся тщедушный жалкий субъект. Волосы субъекта были отпущены низко, доходя до середины спины, и отливали явным голубоватым оттенком — цвет редкий и привлекающий внимание. Прозвище новому учителю потому сыскалось сразу — «Небесный» Виллемис. Тем более что на первый взгляд он действительно казался небожителем — такой и мухи не обидит.

Адепты третьего старшего жестоко ошибались.

Хилый тонкоручка забирал круто. С момента его появления в классе общемагических дисциплин прошло две недели — лекции шли по два раза в неделю; и завтра вновь настанет его черёд. Прошло две недели, следовательно, всего четыре встречи с Небесным — но старшекурсники уже поняли, кто из учителей в этом году заслужит титул «Щётки унитаза» — переходящее звание самого отвратительного преподавателя.

Да, новый учитель забирал круто — или же профильный его предмет, эта самая «ментальная магия» — просто обязывала.

На первой же лекции, демонстрируя преимущества ментальной, иначе говоря, бессловесной, магии, Виллемис прошёлся взглядом по лицам учеников. Скользнул по светловолосой голове Тенки, сразу распознав в подростке нинье, чуть задел Ацу, прочертил линию между макушками Эвисто и Намари и остановился на Тардисе.

— О, — произнёс новый учитель бесцветным голосом, — на уроках мы размышляем о девочках?

Тардис вскинулся, выкатил на Виллемиса изумлённые глаза. И — совершенно неожиданно залился впечатляюще густой краской, от самой шеи до кончиков ушей.

— Ха-ха, — оживился рядом с Ацу светловолосый нинье, зашептал, скабрёзно ухмыляясь: — Щингеец наш, небось, сейчас Облако после ванной представлял.

Лучше бы он молчал. Небесный, словно слышал это приглушённым шёпотом высказанное мнение и, мало того, отлично понял, о чём или ком идёт речь, пригвоздил нинье к стулу ледяной усмешкой:

— Вы, кажется, что-то хотели сказать? Быть может, поделиться опытом? Так расскажите классу, я уверен, у Вас были захватывающие летние каникулы.

Поднятый с места Тенки, похоже, слегка растерялся, взирая на любопытные лица окружающих. Ацу молча возблагодарил Огонь, что внимание Виллемиса его помиловало — окажись он вот так вот, навтыжку перед собственными соучениками, с приказом рассказать

о лете, того и гляди, покраснеет не хуже Тардиса.

— Молчите? — как-то даже ласково осведомился Виллемис. — Правильно делаете, зачем смущать невинные умы рассказами о своих похождениях.

Класс тихо, но заметно загудел, соученики стали переглядываться. Ацу тоже с интересом глянул на нинье: что за похождения? О чём говорит новый преподаватель?

— О, у меня были замечательные каникулы, — Тенки во всю ширь ухмыльнулся, устремляя на Виллемиса кристально чистые зелёные глаза. — Новые знания, новые умения. Неоценимый опыт.

На мгновение Ацу показалось, что между широко распахнутыми глазами Тенки и сощуренными презрительно — Виллемиса — сверкнула молния, ломкая тонкая нить связала обоих. Ощутимо пахло магией.

Небесный, отвернувшись, как ни в чём не бывало, шагнул к преподавательскому столу, и язвительно-ровным голосом заявил:

— Большое спасибо за сотрудничество. В течение этого курса вы познакомитесь с умением устанавливать мысленные связи, закрываться и поддерживать защиту. Также вы научитесь посылать короткие образы, оформленные в предложения мысли и нащупывать ментальный уровень собеседника. Помимо того мы пройдём понятия единичной атаки, осознанного потопа и другие интересные вещи. У нас много занятого впереди. Надеюсь, впредь вам будет не до девочек на моих уроках, мои драгоценные Дени-эльви и малыш Ли.

Ацу смотрел на маленького длинноволосого преподавателя в старательно отутюженном костюмчике со смешанным чувством отвращения и странного любопытства. В груди тяжело ворочалось нехорошее предчувствие. Кажется, адептам-третьекурсникам придётся распрощаться навсегда с миром и покоем, царившими доселе на уроках.

Никому не хочется вторжения в личные эмоции, но, похоже, считаться с этим новый учитель не намерен. Небрежный, словно бабочка, порхающий с предмета на предмет взгляд Виллемиса как будто вслух всем обещал: своё право на сокрытие информации адептам придётся защищать.

Часть вторая, глава 9

— О, Ацу! — Тардис заглянул в общую комнату. За его спиной маячил Тенки. — Что делаешь?

Темноволосый элхе неопределённо качнул головой, выпрямляясь. Тардис продолжил, перемежая слова смехом:

— А мы сейчас, представь, думали, как хорошо бы на дверь поставить ведро с мыльной водой!

— На дверь?

— Ага, перед началом урока! — соученик захихикал. — А Виллемис зайдёт, а ведро бац! И наш чистюля станет в два раза чище! Потом ещё и спасибо должен сказать!

Застрявшего у порога Дени-эльви обошёл Тенки, присел на подлокотник соседнего кресла, уставился на Ацу, подперев рукой подбородок. От этого нагло-задумчивого взгляда элхе слегка поёжился.

— Вам не надоело ещё с ним воевать? — попробовал он узнать у Тенки.

— Что ты, мы вовсе не воюем, — благодушно улыбнулся тот. — По-моему, так мы с ним в восторге друг от друга.

— Мне он сразу не понравился, — Тардис присоединился к соученикам, старательно закрыв за собой дверь: ещё не хватало попасться на глаза надзирателем во время перемывания косточек Небесному. — Сразу-сразу, как только появился. Вы вообще видели, во что он одевается?

Ацу не сообразил — разве Виллемис одевался как-то неприлично? Вовсе наоборот, перед каждым уроком новый преподаватель, должно быть, тратил немало усилий, чтобы выглядеть идеально: его зачёсанные назад бело-голубые волосы лежали волосок к волоску, чистая кожа чуть ли не сияла, серьги в ушах были скромны и не вызывали нареканий, да и отвороты шёлковой рубашки торчали тщательно отглаженными уголками.

— Ага, — подтвердил Тенки резким кивком, — выёживается.

— Франтит, — согласился Тардис. — И вообще, меня достало, что он лезет в мои личные дела.

Отвлечённо Ацу отметил, что Тардис явно поддаётся влиянию Тенки — подхватил, похоже, его стиль выражать мысли. Однако поразмышлять над пагубным воздействием общения с нинье Ацу не дали.

— Ну вот как он может читать чужие мысли, скажите мне? — риторически вопрошал Тардис.

— Но он же не мысли читает, — поправил сокурсника Ацу. — Он улавливает общий фон, он же сам объяснял на прошлой неделе.

— Общий фон?! Какого пламени он тогда понял, о ком... — щингеец замаялся.

— Облако? — усмехнулся Тенки.

Дени-эльви посерьёзnel, возмущение сменилось угрюмостью.

— С Облаком всё кончено, — отрезал он, глянув на Ацу.

— Как? — не сдержался тот, вырвалось изумлённое.

— Вот так, — отрезал Тардис. И тут же прибавил, чтобы смягчить ответ: — Ну, мы... не сошлись характерами.

Мурасе-Ито вопросительно глянул на Тенки. Нинье, как ни в чём не бывало, пожал плечами, мол, кто знает этого щингейца.

Повисла неловкая тишина: сам Тардис ничего рассказывать не собирался, Ацу не умел спросить, а единственный среди них человек, которого не беспокоили приличия, Тенки, казалось, темой ничуть не интересовался.

— Ну я пойду, — двинулся к двери Дени-эльви.

Пытается избежать расспросов? Неужели случилось что-то, о чём неудобно рассказывать? Быть может, это Облако дала желторотому ухажёру отставку?

Ацу проводил взглядом сокурсника, так и не придав размышлениям словесную форму. За Тардисом закрылась дверь.

— Чешется в одном месте, да? — ухмыльнулся нинье. Он так и остался сидеть на подлокотнике кресла, водрузив одну ногу на сиденье, а другой покачивая в воздухе.

— Прости? — холодно осведомился Ацу: когда этот невежа научится говорить нормально?

— Прощу, так и быть. Любопытно, ага? Прямо огоньки в глазах бегают, — Тенки не переставал покачивать ногой и нагло ухмыляться. Бесцеремонный нахал.

Ацу нахмурился, глянул неодобрительно и поднялся с кресла, отошёл к окну. Солнце уходило к западу, косыми лучами било в оконные стёкла, приходилось щуриться, выглядывая наружу.

— Она же нария, — философски обронил нинье за спиной. — Это было, как в книжках пишут, предрешено.

— Что именно? — себе Ацу лгать не стал: отношения Тардиса с Облаком его и впрямь интересовали. Самую малость.

— Ну, насколько мне известно от нашего лохматого друга, она нашла себе покровителя.

Тардис не такой лохматый, автоматически хотело возразить сознание. Поморщившись, элхе прогнал несвоевременную мысль. Вот как, Облако нашла покровителя. Неудивительно, что Тардис как на иголках, и неудивительно, что так легко реагирует на мелкие раздражители.

— И порвала с ним отношения?

Сзади зашевелились, видимо, нинье устраивался поудобнее.

— Поссорились они вроде.

— Отчего?

— Как обычно, — Тенки словно ничуть не волновало то, о чём он рассказывал, — деньги.

Элхе обернулся. Освещённый жёлто-оранжевым уходящим солнцем, привольно раскинувшийся в кресле нинье вдруг показался не просто взрослым — пожилым мужчиной, многое повидавшим в жизни.

— С какой лёгкостью ты говоришь об этом, — против воли Ацу допустил упрёк прозвучать в голосе.

— А что же делать? — соученик пожал плечами. — Деньги крутят миром. И любовью-тра-ля-ля в том числе. Или вам, богатеньким, это для понимания недоступно?

Тенки не пытался затеять ссору, как не хотел и оскорбить собеседника — Ацу это понимал. Да и в интонациях его не читалось намерения напасть, нинье скорее размышлял, особо не задумываясь над оформлением фраз.

— Я же говорил тебе, быть рождённым в обладающей определённой материальной

независимостью семье не означает наличия неограниченного доступа к средствам одной семьи.

— Повтори для дураков, — с ленцой отозвался Тенки.

— Когда ты выучишь элхеский? — спросил Ацу с лёгким раздражением.

— Твой элхеский даже Тардис не всегда понимает. Никогда не пробовал обходиться словечками попроще?

— Я хотел сказать, что, скажем, даже будучи сыном Мурасе-Ито, я не обладаю возможностью сорить деньгами. Отец никогда не допустит сына к семейному бюджету, пока не докажешь ему, что в состоянии сам зарабатывать на жизнь. Даже Сора-дии только недавно стал пользоваться доверием. А мне ещё до выпуска три года...

— Ну да, и Тардис это знает. Поэтому он к тебе и не обратился.

— Облако требовала денег? — торчать у окна под жарким солнцем Ацу наскучило, он опустил плотные тёмно-зелёные шторы. В комнату вполз искусственный полумрак.

— Не то чтобы требовала, настолько мне известно, — нинье развернулся на сиденье, чтобы оставаться лицом к собеседнику, когда Ацу вернулся к покинутому креслу. — Это скорее сам Тардис вбил себе в голову, что должен делать ей подарки и часто навещать, ну и всё такое прочее.

— То есть у него не было денег на подарки?

— Ага, но я не уверен, что Облако его как-то этим попрекала. По его рассказам, она своя в доску, человек понимающий. Ну, может, поддразнила пару раз.

Ацу покивал: произошедшее между соучеником и его пассией более или менее прояснилось. Отсутствие денег не позволило Тардису отнимать время у Облака, ведь разговоры с посетителями являлись её работой.

— Ну если честно, я его не понимаю, — признался Тенки, уставившись в пространство.

Темноволосый элхе глянул на сокурсника.

— Если она согласна, так чего на ровном месте кочевряжиться? По мне, так он зря пыжился, пытаюсь выглядеть настоящим мужиком, — нинье по-прежнему задумчиво смотрел в сторону, словно размышлял о чём-то совершенно ином.

— Но это было бы неэтично, — возразил Ацу.

— Что? Она же не против? Ну так и пользовался бы.

— Тенки, ты морально неадекватен.

— Хочешь сказать «извращённое мышление», так и говори, — Тенки усмехнулся, развернулся в кресле, закидывая обе ноги на его широкий, обтянутый чёрной кожей подлокотник.

Отвечать Ацу не стал, ему пришло на ум другое.

— Скажи, — поднял он глаза на соученика, — о чём упоминал Виллемис на позапрошлой неделе?

— То есть? — Тенки отреагировал как ни в чём не бывало, но лёгкая пауза перед ответом заставила усомниться в его искренности.

— О летних каникулах. Мне показалось, или вы и впрямь разделяли в тот момент общую тайну?

— Ну ты и выражаешься, — нинье снова растянул губы в быстрой призрачной улыбке и вдруг выпалил неожиданно сердито, словно задетый за живое: — Что этот придурок о себе думает, пытаюсь заглянуть в чужие головы?!

Ацу смерил светловолосого долгим серьёзным взглядом. Кажется, на летних каникулах

у многих из третьего старшего имели место быть небезынтересные события.

Собеседник, будто ощутив на себе этот пристальный взор, поёжился, и внезапно вернул зелёный взгляд на лицо элхе. Хитро ухмыльнулся:

— А у тебя как? Что было интересного?

Пришлось опустить глаза: повеяло в лицо влажной жарой Сорэнарэ, вспомнилась чернота за серыми в ночи перилами балкона, волнующее почему-то присутствие рядом. Тускло-оранжевый шёлк во тьме южной провинции.

— О! — Тенки насторожился, словно учуял добычу. — Ну-ка, ну-ка! Неужели и тебя не оставили своим крылом интересные происшествия?

— Нет такого выражения — «оставлять крылом», — запротестовал элхе, пытаясь согнать краску с загоревшихся щёк и уповая лишь на полумрак в комнате. — Можно сказать «не оставили милостью». Или «осенили крылом».

— Не сбиваемся с темы, — непреклонно заявил сокурсник. — Что такое было? Что же такое было, что ты пылаешь тут не хуже факела?

Сын Мурасе-Ито почувствовал себя в ловушке. Тенки не сводил с него сверкающих язвительностью глаз, нахально щерил зубы, ощущая себя хозяином положения. До невыносимости захотелось покинуть комнату под благовидным предлогом.

— Ну ладно, давай так, — собеседник вряд ли сжалился, скорее, придумал что-то новое. — Баш на баш.

— Прости, я не понял?

— Ты мне, я тебе. Можно даже так: я тебе, ты — мне.

Ацу наконец сообразил. Тенки сам хотел поделиться. Безумно мечтал рассказать кому-нибудь о случившемся летом — и, похоже, событие это, каким бы оно ни было, значило для соученика слишком много, чтобы держать в себе.

— Что-то случилось? — осторожно осведомился элхе.

Нинье молчал, только мимоходом улыбнулся, а взгляд его застыл в одной точке.

— Слушай, ты, — наконец произнёс Тенки, — ты когда-нибудь с девчонкой... спал?

Сколько прошло времени, Ацу не знал: созданный плотными шторами сумрак сотворил в комнате особенное, вневременное пространство, и казалось, весь мир застыл, и ничего нет уже на свете, кроме этой комнаты, кроме него и Тенки, серьёзный голос которого до странности не подходил легкомысленному выражению лица.

— И что?

— Она вдруг... — Ацу помешкал, подходящие слова не находились, — вдруг сказала... «Поцелуй меня».

— И чего? — зелёные глаза собеседника горели чуть ли не в буквальном смысле. — Да не молчи ты!

Не выдержав любопытного взгляда, Ацу отвернулся. Как можно об этом рассказывать? Разве о таких вещах вообще рассказывают?

Однако не ответить Тенки после его признания о девушке из таверны Ацу не мог: это тоже было делом чести. Око за око, откровенность за откровенность — всем известное правило; оставить произошедшее с ним в секрете элхе посчитал некрасивым. К тому же Тенки повествовал легко, чётко, быстро, словно ничуть не стеснялся, с явным удовольствием

отвечал на редкие вопросы, скалил зубы — и неизбежное смущение от разговора на такую деликатную тему смылось, ушло.

Только ушло не окончательно. Когда настала его, Ацу, очередь, фразы попросту не начинались. С грехом пополам он всё же выговорил Ллиины слова, произнесённые на балконе, те самые, что потом пару раз ему даже снились. Но Тенки было этого мало, в его вопросах слышался жадный интерес.

— И чего? — поторопил нинье. И, гипнотизируя обращённый к нему профиль сокурсника, наконец-то догадался: — Сбежал?

— Не сбежал, а... — Ацу поморщился, пытаясь отыскать нужное выражение, — появились другие дела.

— Ага-ага, — поддакнул Тенки. И снова поинтересовался, не теряя энтузиазма: — А почему не поцеловал?

— Она моя кузина! — гневно запротестовал Ацу.

— Не понял, так вы ж всё равно потом поженитесь?!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ацу снова не нашёлся, замолчал, стараясь не глядеть в беззастенчивые глаза соученика. Но Тенки не пожелал войти в положение, подстегнул красноречивым:

— Ну?

Поцеловать Ллию? Поцеловать Ллию, выполнить её просьбу, приобнять за обнажённые плечи, ощутить под ладонями мягкий шёлк платья и жар тела, склониться к губам... А потом они всё равно станут супругами, соединят свои судьбы перед Огнём. Поцеловать — и без слов, без лишних разговоров их жизни свяжутся в одну.

Невозможно.

Нет. Просто-напросто невозможно.

Ацу покачал головой, отвечая то ли Тенки, то ли самому себе.

Нинье молчал, лица его Ацу не видел — должно быть, улыбается себе, как обычно, губы растянуты в хитровато-язвительной ухмылочке.

С соседнего кресла донёлся шорох. Элхе глянул и обнаружил неверность своих подозрений: Тенки вовсе не смеялся, а съехал вниз по спинке кресла, скорчился, поставленные на ручку ноги задрались выше головы. И как он ухитрится оставаться в подобной позе?

— Мне иногда кажется, — вымолвил элхе, вспомнив совсем об ином, — мать не чужда мысли о моём браке с кем-то сторонним, не из рода Ито.

— М? — Тенки повернул к нему голову.

— Но отец никогда на это не пойдёт, — dokonчил элхе.

— Ну у вас и порядки, — лениво отозвался сокурсник.

— У вас не так? — Ацу плохо знал обычаи нинье.

— У нас? — Тенки снова усмехнулся. — У нас можно и замуж не выходя ребёнка заиметь.

— Как?!

— Ну как, обычно, — расплывчато ответил нинье. — Вот у меня сестра так забрюхатела.

Тенки вымолвил эти немыслимые слова настолько легко, что Ацу показалось: ослышался. Подвёл слух, подхватил неточно, передавая, исказил.

— Твоя сестра? — и переспросил он скорее для того, чтобы убедиться — Тенки сказал

нечто совсем другое, лишь по звучанию похожее.

— Связалась с кем-то, мать не говорит. Я даже не знаю, он с нашей деревни или вовсе чужак. У Алли с самого детства ветер в голове, — Тенки говорил о сестре так, словно она была много младше, но слово, что он употребил, элхеское «инни», обозначало исключительно «старшую сестру», не оставляя возможности для иного толкования.

Изумлённый, ошарашенный, Ацу молчал, не умея ничего сказать. В голове было пусто, ни единой мысли, будто там поселилась однотонная серая тьма. Как нечто настолько невероятное могло случиться с кем-то совсем рядом, с его соучеником? Сознание требовало информации, не желая верить, подстёгивало спросить, узнать подробности, всю подоплёку, чтобы сложить цельную картину. Но и вопроса не придумывалось.

— Мать заявила, что надо денег. Мол, если не найти, Алли замуж не выйдет. Не возьмут, в смысле. Говорит, на свадьбу, на ребёнка меньше никак, — голос светловолосого нинье звучал совершенно обыденно, ровно, хотя изрекал Тенки невообразимые вещи. — Представляешь, тысячу мен. Это за Алли-то? Идиотизм.

Тысяча мене — деньги и правда немалые. На расходы Ацу получал ежемесячно тридцать мене — этого хватало на несколько обедов в городе, хватило бы и на пару пирушек, хотя Ацу никогда не прельщали шумные собрания; из этих денег элхе покупал и обувь, и одежду, когда чувствовал надобность — однако большую часть времени школьная форма заменяла любые костюмы; словом, тридцати мене было вполне достаточно для умеренной, без лишних расходов, жизни, даже в столице Огненного материка.

Стипендия Тенки составляла, если память не изменяла Ацу, двадцать пять мене в месяц. Государство не требовало платы за жильё в Королевской школе, как освобождало стипендиатов и от оплачивания учёбы, следовательно, за исключением мене пятнадцати на еду, в распоряжении нинье оставалось десять «золотых». Десять умножить на двенадцать — за год Тенки удастся накопить не больше ста двадцати мене.

Тысяча мене.

Десять лет?

— Что ты будешь делать? — тревожно спросил элхе.

— А я уже всё сделал, — ещё одна невероятная фраза.

— Что ты сделал?!

Светловолосый снова глянул на него, усмехнулся, будто видел в собеседнике полного несмышлёныша, удивился детскому вопросу.

Но — как бы Тенки ни смотрел, каким бы взрослым ни старался казаться, он сам был почти ребёнком, младше Ацу — и Ацу отлично это понимал.

— Что ты сделал? — повторил элхе с уже явственным беспокойством.

— Что-что, — нехотя откликнулся Тенки, — займы взял, чего.

— У кого?!

— Понятно у кого, как будто у меня был выбор. В оорайе, естественно.

— Зачем ты связался с оорайей?!

— Мне нужны были деньги, — Тенки безразлично пожал плечами, выпрямляясь на сиденье. — А они дают отсрочку.

— Сколько?

— Полгода. До января.

— И ты собираешься за полгода скопить тысячу мене? — этот нинье обезумел, нет сомнений.

— Что-нибудь придумаю, — беззаботные слова всё больше уверяли Ацу — соученик его и впрямь не в себе.

— Что ты придумаешь, безумец? — не удержался, резкий эпитет выскочил сам собой.

— Да есть у меня одна задумка, не знаю, правда, сработает ли, — нинье не обиделся.

— Зачем ты пошёл на подобное? Если об этом узнают в школе, тебе не избежать исключения!

Тенки глянул упрямо и хмуро. Без обычной ухмылки.

— Не было выхода, ясное дело. Чего? Тебе-то что?

— Что ты будешь делать, если не сможешь заплатить и всё раскроется? — Ацу пытался донести до сумасшедшего глас логики, убедить, что поступать так — самоубийственно.

Но Тенки неожиданно вскинулся, спрыгнул с кресла, застыл перед Ацу, зло щуря глаза.

— Слушай, ты ведь не заплатишь за меня, ага? — бросил он. — Ну так чего лезешь? Хватит уже нотации читать, надоело! — и резко повернулся к двери, показывая однозначно: на этом разговор окончен.

— Тенки! — хотел было Ацу остановить сокурсника. — Тенки!

Но дверь хлопнула гулко и фатально, словно навсегда отсекая от него жизнь своевольного светловолосого нинье. Будто металлический занавес упал неотвратно, отрезая друг от друга их судьбы.

Октябрь, Огненный город

— Ну-с, мои дорогие, — тонкий голос Виллемиса заставил Тенки привычно поморщиться, — вот и пришло, увы, время нам расставаться. Но к счастью, разлука наша, мои милые птенцы, хоть и продлится два нестерпимо долгих месяца, мы снова увидимся в январе. И я уже с нетерпением жду нашей будущей встречи.

С тех пор как Небесный, на свою голову, обучил адептов прикрывать самые яркие эмоции, уроки ментальной магии перестали быть такими невыносимыми. Все из третьего старшего научились поддерживать лёгкую маскировку, оставляя себе возможность клясть Виллемиса на все лады — и теперь разве что его манера разговаривать, все эти зайчики и хрюшечки, птенчики и милочки периодически заставляли третий старший курс тяжело вздыхать.

— Но то, что сегодня наш с вами последний перед каникулами урок, вовсе не означает, что я позволю себе пренебречь своими обязанностями, — Виллемис ходил между рядами, сложив ладони перед собой, сомкнув кончики пальцев, и говорил так, будто наслаждался звуком собственного голоса.

Лучше бы пренебрёг, мрачно подумал Тенки, не забывая о ментальном щите. Поддержка щита выматывала, но пока адепты не умели распознать внешнюю попытку атаковать, щиты приходилось держать постоянно. Тенки всерьёз предполагал, что Виллемис оставил разговор о распознавании атаки напоследок, на самый конец третьего года обучения, — чтобы получить полное удовольствие, глядя на них после каждого урока, усталых и раздражённых.

— К вашему счастью, я не из тех учителей, что уваливают от выполнения долга, — Небесный прошёл совсем рядом, обдавая слабой прохладой и запахом духов, и Тенки стоило большого труда не скорчить гримасу отвращения. Хорошо, что удержался, иначе от выговора не спас бы никакой ментальный щит. — Поэтому сегодня мы подведём итоги всему, что

узнали за эти полгода.

Вот Йисх, не в пример этому, пошёл навстречу адептам и благодушно согласился отменить последний урок. Даром что по прозвищу он Змей, в легендах символ коварства и прочего, сам Йисх — мужик ничего. Не то что этот, Небесный.

Да, Йисх и впрямь свой парень.

Тенки до сих пор не мог изжить то чувство облегчения и неизбежной, захватившей его с головой благодарности, когда Йисх согласился быть поручителем в оорайе.

Тогда, в июле, нинье чуть с шарашек не рухнул от невозможности вырваться из замкнутого круга. Запрошенные матерью тысячу мен надо было достать немедленно, любым путём. Тенки думал уже о простом ограблении, о том, чтобы подстеречь какого пьянчугу в одном из тёмных переулков пивных кварталчиков, и останавливала его лишь мысль о слишком малой вероятности удачи — семнадцатилетний парень против взрослого мужика, в одиночку, без магии? Не смешите.

Атаковать магией адепт опасался: мало того, что не уверен в своих силах, ведь на практике никогда не приходилось сталкиваться с настоящим соперником, так ещё и разнесётся слух, мол, появился грабитель-маг, то да сё. Оттуда недалеко уже и до визита полиции в Королевскую школу.

Но идея воровства не оставляла — Тенки не видел иного выхода, не мог найти другого пути быстро обогатиться, а получить результат просто позарез надо было быстро. К тому же... действовать ночью, полагаясь на свои силы, на свою отвагу, кружить по улицам, выискивая жертву — почему-то стоило представить себе это, как в груди начинало сладко щемить. Безграничное могущество, переполняющая до краёв смелость, нахальное нарушение связывающих обычный люд правил и полная безнаказанность — Тенки не знал, отчего так, но, похоже, всю жизнь тяготел к подобному.

А теперь остаётся сделать последний шаг, чтобы мечтания стали явью.

— Мой драгоценный Ли, — раздался над ухом противный голос Виллемиса. — Ты слышал задание? О чём размышляешь?

— Простите, Небе... Виллемис-илиэ.

— О чём размышляешь? — повторил учитель, и Тенки получил чувствительный удар по щиту — попытка проникновения. Ужасно захотелось ответить тем же, но щит Небесного был ему не по зубам. Да и набросься он на учителя, пусть и мысленно, никто хвалить не станет, тут как бы выговора не заработать. Чего доброго, лишат ещё возможности пользоваться тренировочной, а это ему сейчас совершенно некстати.

— Простите, думал о постороннем, — бодро отрапортовал Тенки, старательно выдавая за щит поддельные эмоции раскаяния. Работал настолько усердно, что сам себе поверил — ему и впрямь очень стыдно за невнимание.

— Дени-эльви, — Тардису опять не повезло: с самого начала курса он стал любимой чёрной овцой Виллемиса, то ли козлом отпущения, то ли грушей для ментальных тренировок. — Надеюсь, ты, в отличие от нашего ниньеского друга, слушал внимательно?

Краем глаза Тенки глянул на Тардиса — так и есть, тот едва удерживается от стога из рода «как мне всё это надоело». Однако соученик послушно поднялся, уставился в пространство, завёл ровно:

— Описать мыслепередачу и её свойства, способы контакта, зависимость от полей силы; в пример взять любой случай по вкусу: тёмный-тёмный, светлый-светлый, тёмный-светлый... адепт-тёмный, адепт-светлый, адепт-адепт... цивил-маг... — на мгновение

сокурсник замолчал. — Вроде всё.

— Не «вроде», а всё. Садись. Ты понял, Ли?

— Понял.

На его стол лёг белый лист, сложенный вдвое: значит, требуемый объём — четыре страницы. Четыре страницы, на последнем-то уроке. Тенки тоскливо глянул на лист.

— Можешь сесть, — Виллемис отошёл, оставляя благоухание до тошноты сладких духов, и Тенки опустился на место, подпёр рукой голову.

Стало быть, описать мыслепередачу. На примере из перечисленных Тардисом.

Пока ещё все они числились адептами, по полюсу магии — неопределившимися. Определение это, отход к тому или иному полюсу, выбор — произойдёт в конце третьего года обучения, для их курса — в апреле следующего года. Тогда класс разделится на три лагеря: светлые, тёмные, адепты-«серые».

И ставшие адептами, сделавшие выбор в пользу нейтралитета, возможности пользоваться обоими методами, оставаясь в середине, уйдут — в Королевской школе останутся лишь окончательно решившие.

Кем станет он, Тенки? Светлым, с твёрдыми принципами и опорой на веру в правильность своих поступков; или же тёмным, не зависящим от чужих законов и руководствующимся лишь собственным здравым смыслом, а то и попросту — желаниями?

Кем станет Ацу? Что выберет Дени-эльви? Эвисто? Всегда спокойный и молчаливый Намари? Кто из них останется, кто уйдёт, как ушёл когда-то Виллиэ Орувери?

Единственный боевой маг в школе, Йисх, был тёмным. Впрочем, в этом Тенки повезло: светлый вряд ли согласился бы ему помочь, тем более так, сходу, без расспросов. Что отнюдь, конечно, не означало намерения Йисха облегчить жизнь ученичку из нинье — и когда придёт срок платить, ставший поручителем маг проследит за возвращением долга, не простив подопечному ни мелкой монеты. Впрочем, это вполне резонно: не выкладывать же денежки самому, из-за какого-то адепта-третьекурсника.

А до января всего два месяца, октябрю приходит конец.

Виллемис опять пошёл по рядам, и Тенки поспешно схватился за перо. Писать он будет о паре светлый-тёмный, тема самая обширная, самая просторная, не надо задумываться по мелочам. Перечислить, почему мысленная речь между ними практически невозможна, упомянуть о побочных эффектах типа головной боли и общего ухудшения самочувствия и завязать красивенько, беглым сожалением об отсутствии способа мысленной коммуникации в боевой паре. А, и не забыть ещё про близость магических профилей, потому как это тоже немаловажно.

Нет, адептом Тенки точно не останется. Из адептов не составляют боевых пар, и их не направляют на боевые задания. Адепты сидят в замке, исследуют, обучают, проверяют, изучают — дело само по себе неплохое, но не для этого когда-то он покинул Аксе.

Значит, тёмный — или светлый, и все те проблемы в общении с напарником, о которых сейчас Тенки пишет вполне теоретически, ему придётся испытать по-настоящему, на собственной шкуре.

Пару месяцев назад, когда Виллемис поделил их на пары и велел попробовать связаться друг с другом, товарищем Тенки оказался Намари. Нинье чувствовал себя неудобно, отчего — огонь его знает, но не понимал, как общаться с этим высоким тихим парнем, словно оробел даже, внезапно оказавшись с ним лицом к лицу.

О Намари Тенки вообще знал исключительно мало, хотя шёл уже четвёртый год с тех

пор, как нинье появился в этом классе. Любопытства к светловолосому валиссийцу этот флегматичный элхе никогда не проявлял, сам не заговаривал, разве что при встрече где-нибудь в школьных коридорах отвечал на приветствие едва заметным кивком. Пару раз Тенки видел Намари беседующим с Мурасе-Ито или Эвисто, или Дени-эльви, но сам не мог припомнить случая, когда бы состоялся обмен репликами между ним с щингейцем.

Может, конечно, Намари брезговал общаться с деревенским нинье. Однако и неприязни он никогда не проявлял.

Повинуясь команде Небесного, адепты пробовали нащупать друг друга, поймать нить посланной мысли. Тогда, помнится, у Тенки ничего не вышло. Впрочем, мало у кого получилось.

Больше в паре с Намари нинье никогда не оказывался. «Говорил» с Тардисом, с Мурасе-Ито, с Эвисто и, разумеется, самим Виллемисом — вот с этим всегда чудилось, что лежишь на огромном столе, привязанный за руки, за ноги, а над тобой склоняется Небесный и в пальцах его блестит скальпель.

Легче всего обмен мыслями происходил с Ацу — Виллемис бросил свысока, дескать, близкие профили. Кстати, вот и наглядный пример полезности близких профилей при мыслепередаче. Тенки помусолил языком кончик пера, скривился и брезгливо сплюнул: совсем забыл, что держит в руках не грифельное перо, а чернильное, на вкус гадость жуткая.

И продолжил укладывать мысли на бумагу.

Часть вторая, глава 10

— Учитель, — вежливо обратился к Небесному Эвисто, когда класс зашумел, передавая вперёд по рядам бумажные стопки.

— Да? — откликнулся голубоволосый, устремил на адепта холодный взгляд из-под приопущенных век.

— Скажите, а чем мы будем заниматься во второй половине года? Какие учебники надо читать на каникулах?

— Учебники? — Виллемис призадумался. — Вам уже говорили об испытаниях в условиях низкого магического фона?

— Э-э, — смутился Эвисто, — кажется... Йисх-илиэ что-то такое...

Небесный поморщился, услышав от адепта смесь прозвища и вежливого суффикса. Назвать Йисха иначе было невозможно, никто в школе не знал его настоящего имени, но сочетание «Йисх-илиэ» — возмутительное нарушение всех правил чистой элхезычной речи, было для стремившегося к идеалу Виллемиса, верно, как нож по сердцу. Однако и ему приходилось терпеть.

— Вот как, — ответил преподаватель рассеянно, — следовательно, то же относится и к урокам ментальной магии. Повторение и закрепление — со скидкой на условия. Умение подпитаться от внешних источников, использование своих амулетов.

— Учитель, позвольте!

— Да, Химилиэ?

— Но мы ещё не прошли до конца курс творения амулетов.

— Так значит, вы пройдёте его после каникул, — Виллемис пожал плечами, не позволяя сбить себя с толку. — Урок окончен, вы свободны. Ваши ошибки мы разберём на первом же уроке, а пока подумайте, какие именно неточности вы могли допустить. И не забывайте тренироваться на каникулах, мои дорогие, иначе всё, заученное с таким трудом, вылетит из ваших юных, весьма одарённых, но, увы, чрезвычайно легкомысленных голов.

— Тенки, — при выходе из аудитории нинье услышал голос Ацу.

Обернулся. Темноволосый элхе приблизился к нему, застыл, поглядывая неловко.

— Чего? — кивнул ему Тенки.

— Ты так и остаёшься в Хиэй на каникулы? — серьёзно спросил однокурсник.

— Ну так, — безразлично ответил нинье. — Как обычно.

Ацу стоял, не говоря ни слова, словно ждал чего-то.

— Ну, встретимся в январе тогда, — вот именно сейчас Тенки никак не хотелось помогать убогому с выражением мыслей. Желает чего-то сказать — пусть говорит сам, не надеется, что собеседник станет угадывать. — Ты ж сегодня отчаливаешь? Вещи вовремя не соберёшь, порталный зал закроют.

— Если есть что-то, — элхе наконец открыл рот, но тут же запнулся. — Если есть что-то, чем я мог бы тебе помочь...

Ого. Неужели беднягу заела совесть?

В принципе, Тенки ведь не требовал от него помощи. Да чего там, её даже не предполагал. Но смотри-ка, кажется, сокурсник чувствует себя виноватым.

— Да вроде нету, — пожал плечами нинье. Сказал утешающе: — Да нет проблем, чего ты.

— Я разговаривал с братом.

Ох ты, вот как. Похоже, за эти несколько месяцев беспокойство Ацу дошло до пика, если он даже отважился обсуждать в семье его, Тенкины, проблемы.

Нинье беспокойно оглянулся: вокруг шумели соученики, обмениваясь планами на зимние каникулы; у преподавательского стола замер Виллемис, и настороженная поза его не внушала доверия.

— Пойдём выйдем, — подхватив вещи, Тенки выскользнул за дверь.

— Я говорил с братом, — вновь начал Ацу, нагоняя нинье в коридоре на пути к комнатам. — Сора-дии согласен выступить поручителем, если понадобится продление срока.

— Хм-м, — задумчиво промычал в ответ Тенки.

— Возможно, ты предпочёл бы не злоупотреблять благосклонностью Йисха-илиэ, — осторожно наступал Ацу.

— На хрен я тебе вообще об этом сказал.

— Поэтому, если...

— Не бери в голову, а? — не отвечая на поклоны младших адептов, дружной кучкой прошмыгнувших мимо, Тенки досадливо поморщился. — Прикинь, что скажет твой папаша, если узнает?

— Но ведь невозможно найти тысячу мене до января, — Ацу говорил резонные вещи, но... прислушиваться к его словам было уже поздно.

Тенки принял решение. Принял обдуманно и бесповоротно и шёл сейчас по разработанному плану. И в чужой помощи пока что не нуждался.

— Слышь, Ацу, — нинье остановился у двери в свою комнатку.

Темноволосый однокурсник внимательно на него смотрел.

— В общем, — да, это надо было сказать — ну хотя бы для того, чтоб он отстал, этот неумный элхе, — спасибо, ага? Но, в общем, всё в порядке. Если в январе мне и вправду понадобится продлить срок, я тогда сам обращусь, ага?

Ацу кивнул, вроде как понимая: в дальнейших уговорах нет смысла. Но тем не менее продолжал стоять, не спуская с однокурсника серьёзного взгляда.

— Ну, в общем, ладно? Тогда до встречи в новом году. Приятного Инея, — бегло улыбнувшись, Тенки распахнул дверь и поспешил нырнуть в комнату.

На Ацу он не злился — да и не было причины.

Всего лишь не хотел долго находиться в его обществе.

Дело, пожалуй, было в неловкости, в странной, неприятной натянутости, которая появилась между ними в июле. В скомканных предложениях помощи, которую Тенки всё равно не смог бы принять. В глазах Ацу, где иногда проскальзывала виноватость. Донельзя унизительная виноватость — как будто его, Тенкины, жизнь и выбор могли зависеть от поведения Ацу!

Сегодня последний день перед каникулами, вот и отлично. Адепты разъедутся по домам, оставляя Королевскую школу с её громадной библиотекой, с лабораторными классами, с тренировочными аудиториями. Оставляя в полную власть светловолосого нинье.

И этой властью Тенки не преминет воспользоваться.

На следующий день, как нинье и предполагал, школа вмиг опустела. Наёмные уборщики — немного, не больше десяти человек — драили полы в классных комнатах, стирали пыль со стёкол, бродили по коридорам, переключиваясь в тишине. За их работой наблюдал секретарь. Наблюдал вовсе не потому, что в этом заключались его обязанности — скорее по внутренней склонности за всем и вся наблюдать.

Секретарь окинул неодобрительным взглядом и прошагавшего мимо Тенки. Нахаланинье этот невзрачный седой старик с двумя косичками у лица невзлюбил ещё с самой дуэльной истории. Тенки старался не раздражать старикана: в секретарском арсенале имелась масса способов отравить жизнь выскочкам. И сейчас — встретившись глазами с суроволицым невысоким элхе, подросток поспешил мило, по-детски улыбнуться.

Открытая улыбка вообще — хороший метод показать, что у тебя нет никаких секретов. Вот и на этот раз секретарь сухо кивнул, не утруждая себя расспросами: все знали, что нинье часто проводит каникулы в школе.

Как адепт и ожидал, в аудитории боевой магии, вечных владениях Йисха, никого не было. Ни разъехавшихся по домам третьекурсников, ни навещавших порой родные школьные стены практикантов, ни даже самого местного бога, Красноглазого. Впрочем, наткнуться на последнего нинье и не рассчитывал: Йисх не для того отменил вчерашний урок, чтобы на следующее утро припереться в школу. Скорее всего, маг отдыхает сейчас где-нибудь в кругу семьи или же празднует окончание года в городских забегаловках, а то и вовсе закатился в нарайю — Красноглазый не дурень был хорошо пожить.

Аудитория боевой магии состояла из трёх больших помещений: собственно класс для прослушивания лекций, соседняя с ним тренировочная, для учебных схваток один на один и проверки свежезаученных заклинаний, наглухо изолированная от прочих комнат, и лабораторная — место для многочисленных опытов и тихой, спокойной магии, не требующей метания огненных шаров.

С полмесяца назад Тенки уморил в этой лабораторной одну из школьных крыс.

Крыса сдохла, как он подозревал, из-за разницы в энергетических контурах. Заклинание предназначалась человеку, и на крысу подействовало чересчур сильно. В результате зверька медленно растопило в неприятно пахнущий мешочек с шерстью, хотя изменения должны были произойти исключительно незаметные глазу.

Следующий опыт Тенки собирался поставить на кошке — или собаке, кто первый попадётся. Твари проверенные, не один маг изучал на них действие свежеизобретённых чар. Вот и пришла очередь Тенки.

Хотя, конечно, заклинание, как ни говори, всё-таки почти что самодельное.

Сколько книг пришлось перерыть, сколько конспектов пролистать, сколько раз попытки оканчивались пшиком, прежде чем наконец удалось соединить разные чары в одну плетёнку! Совмещать простенькие заклятия адептов учили ещё на первом курсе, потом задания усложнялись; в своё время пришлось вдоволь накушаться теории, а потом корпеть в лабораторной над практикой, но техникой соединения, спасибо учителям, так их растак, Тенки всё же овладел. В отношении теперешних заклинаний Тенки тоже действовал согласно учебникам — вот только из-за сложности исходных конструкций пришлось изрядно поломать голову. Задача оказалась непроста, но за месяц сосредоточенных занятий и консультаций у Астеаки с Йисхом этот орешек таки получилось раскусить.

«Кровососка» и «маска вора», сплетённые вместе — заклинание вышло на удивление изящным и чётко оформленным. Нинье не раз открывал тетрадку, только чтобы полюбоваться вычерченной схемой, правильным переплетением линий — и к горлу подкатывала переполняющая его существо гордость творца.

Названия для созданного гибрида подросток не придумал, как-то не счёл нужным. Заклинание и есть заклинание, чего тут придумывать, не на продажу ведь.

Да и последователи у Тенки, прилежно изучающие его записи, вряд ли появятся, всё же он не Элгине. Не перед кем выделяться.

На небе висело октябрьское солнце, и показалось оно будущему магу донельзя весёленьким. Под нежаркими лучами Огненный город за окном приобретал несвойственные ему черты: веяло спокойствием и неким умиротворением. Ветер шевелил листву на деревьях, уже тронутую желтизной осени, на территории школы было пустынно и тихо, а ограждающие её ворота выглядели тщательно запертыми.

Тенки смотрел из окна лаборатории наружу и жевал собственную нижнюю губу.

Уличные собаки. Или кошки. Хорошо бы пару.

Говорят, дикие звери не охотятся рядом с логовом — так и Тенки не нравилась мысль искать жертву рядом со школой. Слишком близко к известному на всю страну институту боевой магии, слишком ясно было бы, где искать парня-мага, оглушившего на улице бездомного пса. Конечно, нет греха в отлове бездомных тварей, и никто не заподозрит неладного, скажи Тенки, что поймал пса на опыты. Но разговоры, выяснения, чужое любопытство — тоскливая канитель. Если дойдёт до учителей, попробуй объясни, какие-такие опыты ты вздумал проводить. Тенки не хотел вмешательства.

Однако у Восточного района, где находилась школа, были свои плюсы: помимо Королевской высшей магической тут находилась ещё хренова куча заведений, обучающих той или иной магии. Технари-ремесленники, повара, травники-целители, центры адептов — это если не считать обычные, немагического профиля школы. В общем, было где замести следы.

Стало быть, подходящую бродяжку надо высматривать в десятке кварталов от Королевской школы: и не так далеко, и не слишком близко. Тенки отправится по направлению от Малого Огненного круга к Большому, от центра на окраину.

Решено.

На пути из лабораторной к проходной чёрной калитке нинье уже никто не встретился, ни уборщики, ни служители, ни секретарь; но отголоски рабочей переключки безошибочно твердили — большая чистка перед концом года в самом разгаре.

Не один квартал прошагал адепт Королевской школы, недоумевая.

Куда подевались все бездомные твари? Почему ему казалось, что найти подходящего пса или какую-нибудь драную кошку — дело легче лёгкого?

Хотя нет, кошки, безусловно, попадались. Маячили на помойках, копались в канавах по обочинам улиц, выпрыгивали из кустов и целеустремлённо шмыгали через дорогу наперерез. И все до единой поглядывали как-то гадко, словно подозревая светловолосого парня во всех грехах. Что за хренова интуиция у этих тварей?

Кошки не подпускали Тенки. Тщательно сохраняли дистанцию, дарующую полную безопасность от парализующего заклинания «арссе» — любимой плетёнки адепта, в самый раз на подобные случаи. Кошки не подпускали, а собак всех будто пламенем слизнуло. Ни

одного бродячего пса Тенки не встретил.

Тем не менее, отчаиваться было рано. Будущий маг только сейчас посчитал расстояние от школы достаточным для начала настоящей «охоты» и умерил шаг, пошёл тихо, старательно вглядываясь в узкие проулки по обеим сторонам дороги. Также не забывал площадки для сбора мусора: хоть, по всей видимости, день выброса объедков в этом квартале был не сегодня, и площадки блистали пустотой, встретить бездомную собаку вероятней всего казалось именно там.

Но нинье ошибся.

Небольшой жёлто-серый пёс протрусил мимо совершенно неожиданно. Вывернул сзади, то ли с чужого двора, то ли из проулка, и направлялся по своим собачьим делам, не обращая особого внимания на светловолосого подростка.

— Стой! — приказ вырвался сам собой, раньше чем Тенки успел продумать план действий.

Собака оглянулась, окинула его взглядом без малейшего проблеска интереса. Нинье присел, чтобы казаться менее угрожающим, вытянул вперёд раскрытую ладонь, смутно жалея, что не захватил никакой жратвы — понадеялся на магию. А ведь призывание животных никогда не давалось Тенки хорошо, и тем более мало надежды было сейчас, когда иметь дело пришлось с избалованными магией городскими тварями.

Адепт всё же сосредоточился. Мысленно позвал собаку, потянул воображаемую ниточку.

Пёс стоял на месте, словно сомневался.

Тенки умильно зачмокал губами, стараясь уверить животное в своей полной безобидности. Зашарил по псу глазами. Ничейный, бродяга? Ошейника не нацеплено, магических маячков тоже не видать. Впрочем, магию не определишь так сходу, а стоит потянуться к собаке всерьёз, как та сбежит. Собаки вообще хорошо чувствуют магию, сволочи.

Поэтому Тенки ударил сразу. Покуда расстояние позволяло. Заклинанием «арссе» — сначала надо обездвигнуть, а уж потом можно будет рассматривать.

Пёс свалился без звука, рухнул на дорогу кучкой старых тряпок — подломились лапы, тело брякнулось на бок.

Воровато озираясь, Тенки придвинулся к животному, посмотрел — маячков не было. Похоже, пёс и правда оказался бродячий. Шерсть никак не выглядела гладкой и ухоженной, морда была узкая, не такая, как у породистых, жрущих вдоволь домашних любимцев. Пожалуй, пойдёт. Влез бы в мешок.

На собаку таких габаритов «арссе» действует порядка десяти-двенадцати минут. За это время хорошо бы добраться до школы и успеть вывалить пса в одну из лабораторных клеток. Светиться с вырывающимся, визжащим животным Тенки не хотелось.

— Ну вот и чудненько, — утешающе сказал Тенки псу, устроив того на дне одной из пустующих клеток.

Пленник ещё не пришёл в себя, и будущий маг занялся бумажными делами: достал из ящика стола потрёпанную тетрадку, распахнул, на последней странице приписал под чужими тонкими строчками:

«Двадцать девятый день одиннадцатого месяца, четверг. Собака, — оглянулся на клетку, добавил буквами помельче: — кобель, возраст неизвестен, для опытов».

И поставил размашистое: «Йисх».

В лабораторной этой тетрадке отмечались все животные, находящиеся в Королевской школе. По записям, ведущимся беспрестанно, можно было отследить рождения и смерти многих поколений: крысиных, хомячьих, кроличьих. На случай нужды в шкафах хранились и сведения прошлых лет, ройся не хочу.

Указанные в тетрадке твари автоматически поступали на школьное обеспечение, беспокоиться о кормёжке и уходе за псом Тенки не придётся. А что до подписи Йисха... кто станет её сличать, кто вообще захочет вглядываться? Будущий маг и так состорожничал, указав вчерашнее число: в расписании значилась лекция Йисха, следовательно, Красноглазый вполне располагал возможностью притащить новое зверьё в лабораторную третьекурсников. А что урока на самом деле не было, зрителям узнать неоткуда.

Тенки вернулся к клетке, присел. Пёс за прутьями решётки казался спящим: влажный нос, плотно сомкнутые веки. Какая-то засохшая сопля в углу глаза, проплешина на башке, серая, комками, шерсть — точно бездомный. Ладно. Ещё пара минут, и он придёт в сознание.

Покормить его, что ли.

Адепт проверил холодильный шкаф, полки которого обычно заполняли казённые продукты. Пища тут в основном была рассчитана на мелочь, грызунов, но весьма кстати обнаружилось и замороженное мясо. Съест небось, не в таком положении, чтобы выбирать. Да и вряд ли бездомная тварь вообще привыкла от угощения отказываться.

Ставить эксперимент сегодня Тенки не станет: последний день октября[1], школа кишит лишними людьми. Нинье вернётся сюда завтра.

[1] Каждый месяц года у элхе длится тридцать дней.

Тогда и применит к бродяге заклинание.

И только попробуй сдохнуть, псина ты этакая.

Ноябрь, Огненный город

Первый день ноября оказался сухим и солнечным, ничем не отличаясь от ушедшего октября. Вымытые накануне стёкла в общем коридоре блестели, и нинье жмурился, поглядывая на голубоватое прозрачное небо. До Инея ещё целый месяц, а обязательная большая уборка по случаю конца года отгремела вчера. Теперь до конца ноября в школе не покажутся чужаки.

В лабораторной было пусто и тихо; как обычно, чуть слышно пахло хомяками. Стоило Тенки приблизиться к собачьей клетке, как пёс вскочил и уставился на него через тонкие прутья. Смотрел настороженно, словно ожидал какой-нибудь выходки.

— Жрать хочешь? — весело осведомился адепт у собаки.

Интересно, входило ли в обязанности служителей убирать собачье дерьмо? Кто-то же должен это делать, да и за крысами они присматривали. Во всяком случае, клетка выглядела чистой. И для небольшой собаки — вполне просторной, сюда могло бы поместиться таких три штуки.

Тенки загремел лёгкими металлическими мисками, достал мясо, вытащил пару принесённых сарделек — сам бы съел с удовольствием. Собака оживилась, смотрела уже не так опасливо, тыкалась чёрным носом в прутья.

Адепт улыбнулся ей, собираясь шмякнуть кусок мяса в тарелку. И только тут сообразил.

Ведь зря он сейчас собирается дать собаке поест. Совершенно зря. Действие заклинания затронет весь организм, производя в нём неизбежную перестройку. Вместо того чтобы пса кормить, надо бы наоборот — дать ему хорошенько поголодать, хотя бы полдня.

— Прости, брат, — ответил нинье на красноречивый взгляд. — Не надо тебе жрать много.

Вряд ли пёс понимал по-элхески; но, кажется, сообразил, что не обломится, отвёл погрузневшие глаза, сел, задницей заваливаясь на бок.

Тенки отошёл к столу, раскрыл замусоленную тетрадку с вычислениями и милой сердцу схемой. Пробежался глазами по введшимся в память строчкам, уже не вчитываясь, машинально. Снова повторил в уме приблизительный план действий.

Прежде всего — в тренировочную.

Адепт глянул на клетку, отодвинулся от стола, скрипнули по полу ножки табурета. Пёс поблёскивал карими глазами.

— А вот ещё хорошо бы тебя перенести, — сообщил ему Тенки и, недолго собираясь с мыслями, поднялся, вытащил из угла длинный чугунный прут.

Подошёл к клетке — собака насторожилась, просунул тонкий металлический крюк в предназначенное для него кольцо наверху — пёс уже всерьёз забеспокоился, приподнял губу, с лёгким ворчанием показал зубы.

— Тихо-тихо, — шепнул Тенки ласково, — не шуми.

Перебуксировав пса в тренировочную, Тенки аккуратно опустил клетку у стены, высвободил прут, не переставая молоть вслух чушь, лишь бы голос звучал успокаивающе. Впрочем, не было заметно, чтобы усилия его оказывали на собаку какое-либо действие: пёс забился в угол, сверкал глазами и рычал не переставая.

Нинье сходил за своими записями, вернулся в комнату, остановился. Упёр взгляд в собаку за частыми прутьями, задумался.

Перед экспериментами на крупных животных рекомендовали заставлять объект опорожнить кишечник — ещё три года назад, в бытность Тенки на четвёртом младшем, одна из кошек, получившая плохо рассчитанное магическое воздействие, обосралась незадачливому ученику прямо на руки. По возможности нинье хотелось бы избежать повтора. Пусть он и не собирается вытаскивать пса из клетки — лезть туда убирать дерьмо, рискуя быть укушенным, адепта не прельщало. Но с другой стороны — не пойдёшь же, не вытащишь собаку на прогулку. Нет ни ошейника, ни верёвки какой. Может...

Эх, а ведь это сознание подсовывает Тенки всякую чушь. Любые зацепки, лишь бы не переходить наконец к делу. Лишь бы потянуть, помедлить, ожидая неизвестно чего.

Но начинать-то придётся.

Назад не повернёшь.

— Поехали, что ли, а? — задумчиво спросил Тенки у воздуха.

Среди заклинаний встречались такие, что не оказывали видимого влияния на объект; были такие, что действовали сразу; имелись и те, эффект от которых становился заметен лишь через несколько часов, а то и дней. Плетёнки, что затрагивали внутреннее строение объекта, практически никогда не проявлялись на его внешности — во всяком случае, никогда сразу.

Жуткая смесь творения Элгине, «маски вора» и Тенкиных ученических усилий подействовала тут же. И весьма, весьма заметно.

Собаку ударила дрожь, животное пошатнулось и рухнуло, лапы сложились, будто кто-то прицельно по ним ударил. Пёс поскуливал и трясся, словно некая сила выворачивала его изнутри.

Тенки сглотнул — горло пересохло. Он сидел на корточках в двух шагах от клетки: как навёл заклинание, так и остался, не желая — или попросту не будучи в состоянии отвести глаз от жертвы своего эксперимента.

Собака вытянула шею, продолжая скулить — Тенки с ужасом и одновременно каким-то восхищением увидел на чёрных губах пса белую пену: до этого адепт считал книжное «пена на губах» фигурой речи. Собаку начало трясти толчками, и по утробным звукам, перемежавшимися с повизгиванием, Тенки понял — животное сейчас вырвет.

И оказался прав — пёс выплюнул, выглядело это именно так, выплюнул тягучий жёлтый комок, потом ещё один и ещё, и наконец его прорвало по-настоящему. И после этого, даже не отвернувшись от массы, только что бывшей содержимым её желудка, собака стала не просто скулить — стонать.

— Ты держись, парень, — озабоченно проговорил будущий маг, пытаясь заглянуть в собачьи глаза.

Заглянул — и не обрадовался.

Глаза собаки были не карими — чёрными. Зрачок раздулся, занимая собой всю радужку, пугающе широкими снежными полосками вокруг черноты зрачка показались белки. Пёс дышал тяжело, хрипло, словно ещё чуть-чуть, и задохнётся. И по-прежнему трясся, будто одержимый.

И выл.

Тенки захотелось выругаться. Собаку скрутило по полной программе — хорошо, стены здесь не пропускают наружу ни магии, ни голосов. Но собачий то ли вой, то ли стон пробирался внутрь тела застывшего на корточках адепта, проникал через уши и метался внутри, заставляя сидеть неподвижно и внимать, не умея ничего сделать. Пёс жаловался, кричал, даже не негодуя на неумёху-мага, а просто изливаясь в вое, потому что не мог не выть. Не мог по-другому.

— Хрен-хрен-хрен, — бессмысленной скороговоркой прошептал будущий маг, проклиная собственную беспомощность.

Помочь собаке он не мог. Ничем и никак. Мог только ждать.

Вибрирующий стон животного отражался от стен; возвращаясь к клетке, стегал человека ощутимыми звуковыми волнами. Закрыть бы уши, но не поможет, такой вой слишком пронзителен, чтобы спасли прижатые к голове ладони. Опустить бы веки и не смотреть, как выкатились собачьи глаза и как дрожит покрытое жёлто-серой шерстью тело. Но не получается — потому что это Тенки сделал за пса выбор, и это на нём теперь лежит ответственность. И за выбор, и за собачью жизнь.

И хорошо, если нинье извинит тот факт, что его собственная жизнь напрямую зависит от собачьей.

— Ну держись, а? — попробовал маг умоляюще сказать. Не помогло.

Запрокинув голову, пёс зашёлся в оглушительном вое.

Тенки не знал, сколько прошло времени, когда собачьи стоны вновь сменились повизгиванием. Слабым, беспомощным повизгиванием, как будто у пса не осталось сил ни на что иное.

Собака забила в угол клетки. Животное по-прежнему трясло, но уже не так, как несколько минут назад. Тогда, казалось, пса ломают изнутри, выворачивают: Тенки никогда не видел, чтобы у собаки могли так завернуться лапы, настолько сильно изогнулся бы хребет.

А ещё раньше пёс обделался, из-под хвоста разлилась коричневато-жёлтая густая лужица, запахло резко, неприятно. Будущий маг с удовольствием бы открыл клетку, занялся бы уборкой — лишь бы что-то делать, не сидеть на месте, — но не хотел собаку беспокоить, та и так дико блестела глазами. Да и самого пса неплохо было бы помыть, если уж наводить чистоту, — животное так и валялось в коричневой луже, не делая попытки отползти.

Теперь пронзающие насквозь стоны утихли. Закатывая глаза, пёс лишь чуть слышно поскуливал.

Тенки тихонько поднялся, стараясь не пугать собаку, хотя, похоже, та не обращала на внешний мир внимания. Ноги затекли, суставы ломило от долгой неудобной позы. Адепт поморщился, глянул на часы, сосредоточился, пытаюсь сообразить, сколько времени миновало; несколько длинных мгновений разум отказывался вспоминать, где было пламя, когда Тенки вошёл в комнату.

Сорок восемь минут?!

Всего лишь?

Подросток обернулся на клетку и снова поморщился, увидев дрожащее тело в грязной луже — неуместная жалость пробивала все заслоны. Старательно пропихнул слюну сквозь пересохшее горло.

— Прости, а? — шепнул псу. — Я потом вернусь. Прости, а?

Закрыв за собой дверь тренировочной, привалился к ней спиной, запрокинул голову, касаясь макушкой дерева.

Невесело усмехнулся. Сказал сам себе, тихо и бессмысленно. Сказал, обращаясь к псу, который не мог его слышать, как не мог и понимать элхеского языка.

— Извини, парень. Понимаешь, у меня и самого положение безвыходное.

Просто потому, что хотелось сказать.

Как будто пёс и правда мог бы извинить.

Тенки вернулся вечером, когда спустилось солнце, похолодало, и за окнами школы засинели сумерки. Собака свернулась тёмным неподвижным клубком в углу клетки и при звуке открывающейся двери даже не подняла голову.

Умерла? Сдохла?

Адепт подавил первое желание подбежать к клетке и приблизился медленно, нарочито спокойно, при каждом шаге пытаюсь уловить движение у стены. Однако пёс, похожий на кучу серого тряпья, не шевелился.

Снова ударил запах — дерьма и рвоты. Запах ощущался и с порога, но у клетки воняло почти невыносимо. Каково же псу, с его чувствительным носом. Или так пахнет потому, что уже?..

Ерунда. Никакой труп не успеет разложиться за пару часов, в прохладной-то комнате.

Тенки присел у клетки, почти касаясь коленями прутьев. Заглянул осторожно, искал глазами собачьи — белки должны были быть видны и в темноте, — но не нашёл.

Адепт не стал зажигать свет, не хотелось будоражить пса: кто знает, может, обычный свет сейчас для него как яркое солнце в глаза, недаром так широко раскрывались зрачки.

Обошёлся мутновато-молочным служебным освещением, в присутствии человека работающим автоматически.

Так и сидел — согнувшись рядом с клеткой, в неверном полумраке искал признаки жизни. Наконец увидел: бока животного едва-едва шевелились. Пёс дышал.

Тенки выдохнул облегчённо, свалился на задницу. Жив. Значит, и он останется жив. Хотя, конечно, ещё ничего не известно.

Адепт снова вперился в неподвижное собачье тело в углу клетки. Попробовал сказать, вполголоса, себе под нос:

— Выживи, сволочь. Выживи, ага?

Если сдохнет собака, не будет никаких гарантий. Возможно, заклинание смертельно для всех живых существ — а значит, план провален.

Деньги взять неоткуда.

Идёт ноябрь, до окончания срока едва пара месяцев. Остаётся, правда, Ацуно предложение о помощи — но как не хочется его принимать.

Да и нельзя без конца убегать. Когда-то же надо достать деньги.

Отсылая матери полученные в оорайе тысячу мен, Тенки отлично сознавал, что сам загнал себя в ловушку. Что мать уверится в подозрениях, будет кричать о его фантастических доходах и раз за разом требовать больше. Вместе с деньгами сын отправил пару строчек. Написал, чтобы мать не пыталась с ним связаться, упомянул о долге, в конце добавил, что не станет читать полученные письма.

Мать всё равно писала. Но Тенки отсылал приходящие конверты обратно: вскрывать их, мало сказать, не было желания — подростка чуть ли не трясло от ярости и, кажется, обиды.

Было бы на чего обижаться, болван.

В конечном итоге, виновата не мать.

То есть, не только мать. За поступки Тенки, за его выбор отвечает лишь он сам. Только он — и за опыт сплетения чужих заклинаний, и за происходящее с собакой, и за свою собственную жизнь, останется ли она при нём или нет.

Впрочем, если помрёт, туда ему и дорога. По крайней мере люди из оорайи за ним в могилу не потащатся.

Ах да. Бедняга Йисх.

Тенки усмехнулся, вспомнив о поручителе. В случае смерти должника деньги будут взысканы с поручителя — как же жалко, что адепт уже не услышит цветистых Йисховых проклятий в свой адрес, а неплохой ведь шанс пополнить собственный словарь. Забавно всё повязано: мать — Тенки — оорайя — Йисх, и всех соединяет тонкая, но до чего же прочная ниточка — деньги.

Как не увериться после этого, что деньги и впрямь единственное, управляющее миром.

Если он останется в живых, обязательно...

Обязательно...

Больше никогда не станет зависеть от денег. И от чужой воли.

Больше никогда.

Окончательно понятно, что собака всё же выживет, стало на третий день.

Но посмотреть, произошли ли в её организме необходимые изменения, Тенки

осмелился лишь ещё через день после того, когда пёс уже нормально, пусть и без особого аппетита, ел, срал не жидким и начал потихоньку вставать, а не подползать к кормушке из последних сил.

Злобы к мучителю собака, похоже, не питала. Возможно, животное просто не понимало, по чьей вине чуть не лишилось жизни. Во всяком случае, уже на следующее утро после заклинания собака с жадностью приникла к миске с водой в руках неопытного мага и пила, разбрызгивая жидкость тряпичным розовато-белым языком. В сердцах Тенки обозвал себя нехорошо — мог бы и раньше догадаться, что пса мучила жажда, напоить его вчерашним вечером.

Адепт постарался искупить вину перед подопытным, как только мог: днями напролёт не отходил от собаки, делая перерывы лишь на еду и туалет, до блеска вымыл клетку, поменял подстилку, кормил пса, тщательно разминая мясо в однородную массу. Собака всё равно выблёвывала съеденное обратно, но Тенки тем не менее надеялся, что хоть что-то попадает внутрь и снабжает животное необходимой энергией.

— Ну как? — осведомился адепт у пса, лежавшего рядом с клеткой.

Прошла пара дней, как Тенки выпустил собаку свободно передвигаться по тренировочной, всё равно отсюда пёс не убежит. Не в таком состоянии.

— Слушай, друг, мне нужно твоё внимание на пару минут, — хрен его знает, зачем он разговаривает с собакой. Тенки с отстранённым удивлением сообразил не так давно, что воспринимает пса уже не как объект для изучения. Скорее как боевого товарища, рискнувшего ради него жизнью.

Будущий маг устроился рядом с собачьей мордой; не поднимая голову с лап, пёс блеснул полосочками белков, уставился на человека, словно спрашивая, что тому надо. Зрачки его, казалось, вернулись в нормальное состояние, во всяком случае, ясно прослеживался карий цвет радужки, а большим Тенки не интересовался — видит его пёс, и ладно. Казалось, правда, что зрачки собаки даже уменьшились против прежнего, сужаясь по-кошачьи, но зрение, похоже, было не затронуто.

— Лежи спокойно, ага? — улыбнулся адепт, раскрыл справочник, затёртый до дыр на сгибах, устроил на коленях.

Пёс не подводил, лежал послушно — да и чего ему. Магия, которой ощупывал сейчас его энергетическую оболочку Тенки, влияния на состояние собаки не оказывала, работала как определитель. Нинье проверял, успешно ли завершилось преобразование: если «маска вора» прижилась, аура пса отреагирует на некоторые из считалочек. А основных пунктов проверки всего пять.

Зрение. Смутно, но реакция есть. Галочку к зрению.

Скорость. Ох, как смутно. Но всё же — есть.

Мускульная сила. Дурацкое название. Кажется, изменения есть. Или только кажется? Вопрос.

Обоняние. Очень слабо. Но есть.

Слух. Слабо, смутно. Есть? Кажется, есть. Галочка.

Интересно, что разнятся заклинания на силу и скорость. Тенки был почему-то склонен считать, что скорость зависит от силы — но, получается, прежние маги видели этот вопрос по-другому. Хотя сейчас это неважно.

Что же выходит?

Результат нинье не обрадовал. Вместо ожидаемых зашкаливающих по всем параметрам аура пса едва-едва показывала наличие изменений. Слабых, жалких изменений.

Неужели это всё, на что способна «маска вора»? Или пока Тенки не обеспечит животному нескончаемый приток энергии, заклинание не проявит себя во всей красе?

Впрочем, нет, всё верно. Так и должно быть, ведь «маска вора» замкнута на «кровососке» от Элгине. Теперь нужна кровь, чтобы закрепить связь заклинаний и «зарядить» всю плетёнку. Чья-то кровь — которая послужит своеобразным мостиком между «жертвой» и «вором», снабжая последнего энергией.

Но эксперимент с кровью Тенки придётся ставить на себе.

Ни кормить собаку человеческой собственной — а откуда взять чужую? — ни приносить на заклание школьных хомяков нинье не будет. Да и не хочется превращать пса в смертоносную машину-убийцу, да и не сработает, скорее всего, хомячья энергия для собаки-то — это и Элгине писал, кровь должна принадлежать существу одной породы. Да и не... словом, не будет.

Зачаточные признаки внутренних изменений пёс показал.

Чего же больше?

Свою роль бездомная дворняга выполнила.

Вот и отлично.

Ещё денёк, и Тенки вернёт пса на родные тому улицы. И попрощается с великой благодарностью в душе. Без притока энергии «маска вора» не активируется, и собака ничем не будет отличаться от тысяч других бездомных тварей.

Довести эксперимент до конца Тенки предстоит на себе.

— Спасибо, ага? — нинье протянул руку, потрепал собаку по холке. — Спасибо.

Вот сделан и ещё один шаг.

Ещё одно решение принято.

Середина ноября

К своему собственному преобразению Тенки тщательно подготовился. Наученный опытом с собакой, запасся парой бутылей с водой, притащил из комнаты матрац, разделся, оставив на теле одни лишь лёгкие шорты — если что, не жалко, — и ничего не ел полтора дня.

Возможно, именно поэтому постепенно копившийся в душе страх — что не покидал его несколько месяцев, ощущался постоянно, гаденьким душком протухшей рыбы — сегодня почти не чувствовался. Вместо этого голову подогревало слабое возбуждение.

Тенки отлично понимал, что вопреки эксперименту с собакой он-то может и не выжить. Откажет организм, подведёт выносливость, что-то в заклинании пойдёт не так, мало ли возможностей. Сведёт судорогой, схватит сердце, и зови не зови на помощь — тут, в изолированной комнате, — никто не услышит. Да и нет почти никого в Королевской школе, в середине ноября, в преддверии Инея.

Закрывая за собой дверь, запирая изнутри на ключ и подвешивая на него заклинание «матани», мешающее дотронуться до предмета, Тенки чувствовал, что шаг за шагом отрезает себе пути к отступлению. Сам. Будучи в полном сознании.

И сейчас снова повторил мысленно, что выбор — он тоже делает сам. Только он.

Возможно, ему уже не выйти из этой комнаты.

Возможно, через полтора месяца, когда школа зашумит и начнутся уроки, кто-то — скорее всего Йисх — обнаружит в тренировочной третьего старшего успевший слегка подгнуть труп. А рядом — две бутылки с непригодившейся водой и ключ под заклинанием «матани».

Ну что же, в таком случае Тенки-то уже ничего не будет важно.

И чего-чего, а убирать тренировочную его точно не заставят. И о деньгах думать не придётся,дохнуть от бессилия тоже больше не придётся. Разве не куча плюсов?

И всё же начинать было страшновато. В одних коротких штанах было холодно, от того, что накануне старательно воздерживался от еды — голодно. В огромной пустой тренировочной, освещённой лишь тусклыми служебными панелями, — поразительно неуютно.

— Ну, — произнёс Тенки вслух, — ведь всё равно нет выхода, ага?

Для смелости ухмыльнулся.

И с трудом подавляя желание зажмуриться, направил на себя настроенное заранее заклинание.

Ударило его сразу же, рубануло под колени, заставляя упасть, и одновременно словно огромный пласт воздуха накатился сверху, мешая дышать. Тенки захрипел, хотел схватиться за горло — руки не слушались. Воздух будто сжимал его во всех сторон, сплющивал, превращая в безмозглое мясо.

Пришла боль, воткнулась кинжалами в кончики пальцев, резанула по рукам, по ногам, поднимаясь выше, к туловищу, к сердцу. Нинье раскрыл рот, но крика своего не слышал, а может, не кричал вовсе, не позволяли судорожно сжатые голосовые связки. Те же кинжалы

вонзились в глаза — словно кипятком плеснули. И вслед за ними ещё одна волна боли, снова с ладоней, со ступней, вверх, выше, сильнее, на пределе переносимости.

Кажется, он лежал.

Повернул голову; глаза жгло, катились слёзы, мир виделся зыбким и тонул в слепящем огне.

Пожар!

Жарко, больно, горят пальцы, горят руки. И ничего не слышно, ничего не слышно, только монотонный шум, накатывающийся волнами, и быстрое, очень быстрое, грозным набатом: бам-бам-бам!

Это колокола. Потому что пожар. Надо бежать.

Руки не слушались, хотя Тенки видел, что опирается на них. Но не чувствовал, как не чувствовал и ног. Огонь вокруг сжедал жаром, волосы на затылке шевелились от ужаса, от дыхания пламени.

Он умрёт. Всё кончено, он в огне.

Кто-то устроил костёр, кто-то хотел, чтобы он умер. Кто-то запер его здесь и заложил вязанками дров, кто-то поднёс к ним огонь и теперь ждёт, когда пламя сожрёт его.

Как не хочется умирать!

Никто не идёт на помощь, никто не слышит крика.

И больно, так больно. Уберите пламя! Пожалуйста, уберите огонь. Пожалуйста, не надо больше.

Боль поднимается толчками, корёжит тело. Плещется где-то в горле, подавляя стон. Пламя не перестаёт жечь, глодая руки, пальцы, разливаясь по коже.

Тенки раскрыл невидящие глаза, вперился в пространство — огонь вокруг сменился мертвенным синим светом, пугающе холодным. Пальцы занемели, ноги свело судорогой. Опять больно, но уже иначе. Жгучим холодом, ледяным металлом, пронзающим внутренности.

Ох-х.

От кончиков ступней вверх хлынула головокружительная волна, качнуло, повело, адепт почувствовал, что летит. Парит в пространстве, в бесконечной гулкой пустоте. Его перевернуло вниз головой — прокатились сухие позывы тошноты. Тенки закашлялся. Губы пересохли, горло жгло изнутри.

Попить бы.

Как холодно.

Синий свет погас, затопила тьма. И только боль катилась по телу, то утихая, то наваливаясь с новой силой.

— Тенки. Тенки.

Кто-то его звал.

Нинье с трудом открыл глаза. Перевалился в сторону звука, отозвался, выдавливая из горла отдельные бессмысленные слоги, но голоса своего не услышал.

— Тенки, это я.

Отец? Отец пришёл за ним?

— Пойдём домой, я приготовил лодку.

Домой. Уплыть домой на лодке. Вместе с отцом.

— Плывём, сын.

Отец склонился над ним. Черты его лица расплывались, лишь борода с усами светлым пятном выделялись в сумерках.

— Плывём домой.

Тенки улыбнулся, запрокидывая голову назад. Боль ласкала тело, даря ощущение жизни. По коже ходили мурашки, дрожали светлячками боли.

Если уйти с отцом, больше не будет больно.

Море примет его, укачает нежными волнами. Унесёт вдаль, туда, где длится вечный покой. Где нет ни страха, ни боли. Ни несбыточных желаний, ни напрасных мечт.

Где нет ничего.

— Пойдём, Тенки.

Голос отца плыл и дребезжал, временами пропадая и накатывая вновь, звал беспрестанно, настойчиво.

— Пойдём, Тенки.

— Пойдём, Тенки.

— Пойдём, Тен...

Почему отец не понимает? Тенки не может уйти.

И ласковый плеск родных волн, брызги на лице, вода, море... отец...

Ещё рано.

Пусть лучше будет боль. Выламывающая суставы, выкручивающая, огненным жаром пронизывающая всё существо боль. Боль — это правильно. Боль должна быть. Боль — значит жизнь.

Тенки не помнил, когда в полной, кромешной темноте вдруг прорезался прямоугольник света. В нём вырос, прокрутившись вокруг своей оси, чёрный силуэт.

Нинье пытался разглядеть силуэт и одновременно очень боялся увидеть. Невыносимо хотелось закрыть глаза, притворить спящим, мёртвым, несуществующим. Стереть силуэт, отпечатавшийся на внутренней стороне век.

Кто это?

Пусть уходит, пусть уйдёт. Ох, как страшно.

Из глубины сознания поднялась болезненная дрожь, покатила по телу, пробирая до волоска, вырывая из глотки долгий стон. Страх бился где-то в груди, то пылая огнём, то взрываясь ледяшками холода.

Силуэт исчез, но горящий белый прямоугольник остался.

Тенки сжал зубы, удерживая очередной стон, попытался уйти, заползти в угол, спасаясь от ставшего невидимым врага. Выставил перед собой руки, из пальцев медленно вылезли когти. Ощерился, выпуская длинные клыки, угрожающе зарычал.

«Не подходи ко мне, не подходи».

Неизвестно, откуда он нападёт. Прижаться бы к стене, защитить спину.

И снова воздух сошёлся вокруг, ударя тупой оглушающей болью, туманя зрение. В сознание ворвалась тьма.

Пить.

Воды, пожа...

Пожалуйста... Дайте воды. Кто-нибудь.

Вокруг по-прежнему была тьма.

Тьму прорезали обжигающие колонны белого света, балки, идущие наискось.

Пылали голубовато-ледяным странные пятна на краю поля зрения. Линии смыкались в одной точке. Три грани. Угол?

Тенки перевернулся на живот, поднял голову. Колонны света мазнули синим, превратились в служебное освещение.

В глазах двоилось. Не сглотнуть — нет слюны.

Пить.

Бутыль с водой обозначилась в сознании единственным источником жизни. Бутыль с водой, такая пузатая, прозрачная, прекрасная, стояла у стены.

Скорее.

Воды.

Тенки опёрся на руки, прополз с полшага и тут же упал. Руки не держали, отзываясь мелкой дрожью. Как же вода?

Ещё немного. Надо обязательно. Обязательно. Добраться до воды.

Ещё немного. Как-нибудь. Как угодно.

Светлые контуры бутылки плыли в глазах. Звали нежным журчанием, звенели в ушах речным плеском. Ещё чуть-чуть. Ну же.

Почему... Зачем... Так сильно... завинчена крышка?

Руки не слушаются. Не ощутить пальцев, не пошевелить. Ну почему же? Так близко...

Наконец-то... подалась.

Пить!

Тенки пришёл в сознание из-за отсутствия боли. Именно из-за отсутствия — когда боль частыми толчками перекатывалась по телу, адепт не замечал другого: ни жёсткого пола, ни неудобного положения, ни холода.

Когда же боль ушла, оставив его дышать, распростёршись на ледяном полу, дышать глубоко и спокойно, тогда проснулись все прочие чувства. Ожил озноб, набросившись на нинье с голодной жадностью; пол обжигал холодом; тело, придавленное к нему тяжестью усталости, жаловалось на неудобства.

Кряхтя и напоминая себе дряхлого старца, Тенки добрался до матраца, с радостным удовлетворением зарылся в мягкие складки верхней подстилки.

И, кажется, снова заснул.

Во всяком случае, когда уже и матрац начал ощущаться твёрдым и перестал спасать от холода, Тенки понял, что с начала эксперимента прошло немало времени.

И понял, что останется жить. Что кризисная точка, перелом этой ночи — пройдена.

Позже, то ли через несколько часов, то ли минут, то ли дней — течение времени нинье не воспринимал — был ещё один приступ. Тоже боль, бившая тело; не отпускающая трясучка-дрожь, яростная жажда и резкая, свирепая ломота в суставах и особенно тонких пальцевых косточках.

Потом опять недолгое забытье — тёмное, спокойное море, качающее его на тихих волнах.

И новый приступ, опять скручивающая, до безумия надоевшая боль — когда же всё закончится?

Короткий отдых. Снова тяжёлая, надрывная, выматывающая боль. Каждый раз тварь

находила иные участки, чтобы вцепиться, атаковала глаза, челюсти, уши, огоньками танцевала по всей коже, заламывала пальцы, зудила комариным писком, поселяясь в локтях и коленях. Крутила пустой желудок, вызывая тошноту, заставляла захлёбываться собственной слюной, давила на грудь, мешая вздохнуть.

И уходила, оставляя нинье лежать в полубеспамятстве.

Посещали и галлюцинации. Чаще всего чудилось, что дверь открыта и кто-то, застывший на пороге, следит за ним беспощадным взглядом, выжидая момента напасть. Отец больше не приходил; вообще никто из ниньеских знакомых не появлялся, кроме...

Кроме светловолосой девушки.

Элья садилась рядом с ним и молча гладила по голове. Прикосновения её ладони приносили успокоение.

Один раз пригрезился Ацу.

Сокурсник жёстко щурил глаза, смотрел на ничком лежащего нинье с презрением и какой-то невыносимо высокомерной жалостью.

«Доигрался? — говорил его взгляд. — Теперь пожинай плоды своего неблагоразумия».

Тенки сухо усмехнулся в ответ, пытаясь сохранить последние бастионы внутреннего достоинства. Старательно удерживал на лице этот призрак кривой усмешки, пока фигура Ацу не растаяла в тусклом синеватом свете.

Когда благословенные мгновения покоя стали всё чаще и дольше перемежать отступающие минуты мучительных ощущений, Тенки понял, что ещё чуть-чуть — и он вернётся в нормальную жизнь.

Добраться до бутылки с водой уже не составляло такой трудности, — и нинье пришёл в себя настолько, чтобы понять: голодание не слишком его спасло.

Штаны придётся выбросить, а матрац... хорошенько отмыть.

Похоже, организм протестовал всеми доступными ему способами и выбрасывал всё, по его мнению, лишнее через любые подходящие отверстия. А последняя порция воды, которой адепт продолжал так беззаботно накачиваться, тем временем скопилась в мочевом пузыре, угрожая прорваться наружу силой, если не выпустят добром.

Едва передвигаясь на непослушных ногах, по стеночке, Тенки добрался до двери. И отпустил крепкое словцо, вспомнив, что ключ под «матани» остался рядом с изголовьем.

Вернулся, удивляясь сумасшедшему биению сердца и прерывистому дыханию — сделал-то всего пять шагов туда да пять обратно. Хотел подобрать ключ и свалился: пол властно потянул к себе, уложил лицом в матрац. Так Тенки и лежал, ощущая под ладонью холодноватую сферу «матани», ждал, когда успокоится дыхание, утихнет бешеное сердцебиение.

Мочевой пузырь чуть ли не пульсировал. Не хватало ещё раз обоссаться.

Немного придя в себя, Тенки привалился к стене, глянул на «матани». Хватит ли сейчас у него сил снять заклинание? Будь нинье в обычном состоянии, убрать «матани» он сумел бы щелчком пальцев.

А так...

Простое сосредоточение вызвало волны тошноты, мгновенно распространившиеся по всему телу. Показалось, даже пальцы ног согнулись в рвотном позыве. Преодолевая эти позывы, Тенки посылал энергию в ладонь, почти касаясь сферы. Хоть чуть-чуть. Хоть самую

капельку. Самую малость, только чтобы разомкнуть «матани».

Энергию пришлось буквально собирать по крупичкам — неудивительно, что его так шатает. Похоже, сейчас его смог бы одолеть и пьяный хомяк. Одним пинком.

Нехотя послушавшись магического прикосновения, сфера лопнула. Пальцы Тенки сомкнулись на ключе; на губах сама собой появилась усталая, полудохлая, но тем не менее победная улыбка.

Однако не время расслабляться.

Путь до унитаза ещё далёк.

Тенки ожидал, что свет резнёт его по глазам после выхода из тускло освещённой тренировочной. Ожидал, хоть и не знал, день сейчас или ночь, утро или вечер. Дверь потому адепт открывал осторожно, заранее сощурившись, и смотрел в пол, лишь краем глаза позволяя себе улавливать окружающее. И только убедившись в отсутствии избыточной яркости, наконец отважился глянуть на окна классной комнаты.

Увидел прозрачно-светлое голубое небо.

День.

Судя по отсутствию в пределах видимости солнца, приблизительно полдень или утро, светило ещё не успело перебраться на западную сторону.

Чуть ли не сутки, значит, провалялся Тенки в тренировочной. Или двое? Трое?

До уборной адепт добирался веками. Какой-то придурок распланировал третий этаж так, что аудитория боевой магии находилась за тридевять земель от цели, и Тенки успел проклясть всё и вся, пока пробирался по коридору, цепляясь за стенку. Стоило хоть немного от стены отлипнуть, как мир кругами начинал вращаться вокруг нинье и напоминать о бренности его земного существования.

С непередаваемым удовольствием облегчив физические страдания, Тенки стащил грязные шорты и с кривой ухмылкой запихал в помойное ведёрко. Кое-как помылся водой из-под крана над маленькой школьной раковиной, ещё несколько раз прошёлся по поводу идиота-архитектора.

Глянул в зеркало. Всмотрелся в собственное лицо, так хорошо ему знакомое. Искал изменения.

И не нашёл.

Конечно, какие-то изменения, безусловно, обнаружились. Глаза ввалились, украсились хорошими синяками, блестели как-то подозрительно, будто владелец их собрался вот-вот зарыдать. Вся рожа вытянулась, словно принадлежала обделённому наследнику танана на похоронах отца. Губы побелели — Тенки дотронулся — были сухими, шелушились.

Но в остальном из зеркала на него пялился всё тот же старый добрый нинье, причём едва не ухмылялся, что в подобных обстоятельствах казалось несколько странным. Впрочем, Тенки знал точно, этот парень по жизни любил ухмыльнуться, особенно в неподходящих обстоятельствах.

Адепт потянулся было к выключателю, хотел зажечь свет, рассмотреть себя подробнее, хотя в узком прямоугольнике настенного зеркала еле помещалась одна только рожа, — но передумал. Всё ещё казалось почему-то, стоит включить яркие потолочные панели, как свет его ослепит, вобьёт в землю, уничтожит.

Вот если теперь у него боязнь искусственного освещения появится — вообще чудесно.

Слов нет как чудесно.

Нет уж. Обречён ли он теперь вечно пугаться света или всё же сможет жить нормально, лучше узнать сразу.

Решительно Тенки мазнул ладонью по кристаллу.

Панели зажигались медленно, будто неохотно. Постепенно прибавлялся слегка мертвенный, не то чтобы пугающий — неприятный, неживой свет. Неприятный, но вполне терпимый.

Оперевшись руками о края раковины, Тенки снова приблизил лицо к зеркалу.

Только что беспокоившая его возможность зарождающейся фобии исчезла, будто не существовала.

Вниманием адепта завладело совсем иное.

Изменения и в самом деле наличествовали.

Из зеркала на него смотрел теперь в высшей степени серьёзный Тенки. Смотрел чересчур блестящими после эксперимента глазами. И от избытка света зрачки в этих глазах сошлись в маленькие веретёноподобные овалы.

Конец ноября, Огненный город

Вопреки ожиданиям Тенки, после применения заклинания слабость не уходила. Выбравшись из тренировочной, он несколько дней провалялся в постели; не спал, не бодрствовал, находился в странном полузабытье, не различая ни дня, ни ночи. Желудок нинье поначалу отвергал любую пищу, от первой же попытки поесть адепта скрутило не на шутку — вот тогда он и впрямь подумал, что пришло время помирать. По прошествии почти недели Тенки с тусклым удивлением понял, что наибольший подъём сил испытывал на следующее утро после заклатья, а потом нахлынуло серое, мутное бессилие, лишившее его малейших желаний.

Необычная форма зрачков не менялась, на свету они по-прежнему мгновенно сужались в кошачьи полосочки; впрочем, это, единственное заметное глазу, изменение адепту даже нравилось.

Кроме того, других признаков, свидетельствующих об успешном преображении, Тенки не нашёл. Да и никак не мог встряхнуть себя и заняться исследованием собственного организма плотнее: серая муть в сознании не проходила.

Что хуже всего — порой беспамятство овладевало нинье настолько, что он переставал замечать свои передвижения. То оказывался на первом общежитском этаже, в небольшой кухонке, ощущал себя жадно хлебающим ледяную воду прямо из-под крана; то обнаруживал, что стоит перед лестницей и пытается понять, как сюда попал и куда вообще направлялся. С каждым разом радиус этих бессознательных перемещений увеличивался: если поначалу Тенки разгуливал лишь по общежитскому крылу, то потом всё чаще стал «просыпаться» в учебных коридорах, в холле первого этажа, а то и совсем — на территории школы, под открытым небом — как и был, в спортивных штанах и майке, домашнем наряде.

Это весьма бы адепта обеспокоило — если бы непреходящее равнодушие ко всему позволило бы ему всерьёз заинтересоваться собственным состоянием.

То, что на него опять накатил припадок лунатизма, Тенки сообразил, когда увидел перед лицом свои стиснутые на решётке пальцы: он стоял у главных школьных ворот и почему-то тоскливо смотрел наружу.

Ветер, холодный даже для конца ноября, насквозь пронизывал лёгкую ткань домашней майки. От очередного ледяного порыва по всему телу нинье прошла долгая дрожь, от затылка до щиколоток.

— Бр-р, — Тенки с трудом отнял затёкшие руки от решётки — и чего вцепился в неё, как дурак?

Повернулся, чтобы идти назад, домой, глянул на высокое школьное здание, огромный чёрный прямоугольник в серо-голубом небе. Из-за крыши бежали облака. Быстрые перламутровые облака. На миг показалось, что здание наклоняется над Тенки, неотвратно грозя упасть, раздавить.

Только оно на самом деле падало.

Тенки застыл, не в состоянии отвести взгляда от накренившейся школы. Мозг кричал: «Беги!» — но тело не слушалось. Тень от здания накрыла нинье с головой, острый край крыши приблизился, Тенки увидел стену так близко, что мог разглядеть малейшую трещину в кладке.

И ветер вдруг подхватил его, заставил упасть, растеряться, где низ, где верх. А потом взмахнуть руками и лететь.

Вокруг было шумно. И холодно.

Тенки открыл глаза, поморщился: тут ещё и воняло. Вернее всего, человеческой мочой, хотя к этому аромату примешивался запах гнилой селёдки, тухлых яиц и почему-то дешёвых женских духов.

Адепт огляделся. Он находился в узком пространстве, заставленном огромными контейнерами. Помойный угол — теперь ясен источник вони. Нинье поднялся, сел, приваливаясь к стене — та жгла холодом, но без опоры смертельно кружилась голова. Судя по фонарям, оранжевый свет которых виднелся из Тенкиного тупика, сейчас ночь. А судя по воплям и музыке, разносящейся вокруг — он или в квартале развлечений, или...

Фестивали Инея?!

Да нет... Рано ещё. Ещё ведь только ноябрь.

Только Тенки никак не мог сообразить, какое число. И как сюда попал, сообразить не мог тоже.

С трудом собирая разъезжающиеся ноги, нинье встал. Попробовал сделать пару шагов, не отнимая руки от стены. К выходу, к музыке.

Перед ним открылась широкая улица. Сновали люди. На грязного парня, неуклюже застывшего в тёмном проулке, никто не обращал внимания.

На миг Тенки засомневался, стоит ли выходить. Хотелось вернуться к помойке, забиться в угол, заснуть, устроившись на мешках с мусором. Однако изнутри нинье грызло невнятное беспокойство, гнало куда-то идти, что-то делать.

Медленно, с сожалением оставляя спасительную темноту, адепт выбрался из проулка. Побрёл по улице, не совсем понимая, куда идёт.

Надо было довести заклинание до конца. Вот что было важно.

Его прервали, и он не успел закончить опыт. Чего-то не хватало. Какого-то компонента. Этот компонент надо достать. Завершить трансформацию.

Но Тенки забыл, что это было такое.

Кто-то тряс его за плечо и что-то говорил. Возбуждённым, высоким голосом — неприятно.

Чтобы прогнать неизвестного, Тенки оскалил зубы. Зарычал, не открывая глаз.

Чужая рука исчезла. Но голоса не исчезали, мало того, увеличились и переплетались друг с другом. Состояние это вызывало в памяти что-то давно позабытое, что-то из детства. Голоса над его головой. Обсуждают его судьбу.

Через силу Тенки поднял веки. Сначала мутными, неясными красками, потом постепенно прибавляя яркости и чёткости, вырисовались лица. Женщина элхе. Мужчина. Женщина смотрела одновременно брезгливо и жалеюще. У неё были блестящие розовые губы.

— ...оставь, пойдём... — говорил кто-то.

Женщина глядела на нинье.

— Извини, — сказал ей Тенки. Неизвестно отчего улыбнулся. То есть, хотел улыбнуться, но получилось плохо — она испугалась, отшатнулась к мужчине.

— ...бродяга, бездомный... опасен... — нудил чужой голос.

— Уходи, — согласился Тенки. Снова закрыл глаза, откидываясь назад, растворяясь в блаженстве несуществования. На самом краю ласковой тьмы задержался. Слух уловил слова. «Тебе надо попить. Выпить воды».

В губы ткнулось что-то металлически твёрдое. По подбородку, шее полилась прохладная жидкость. Тенки снова открыл глаза — кто-то держал у его рта фляжку. Вода.

Адепт жадно присосался к горлышку. Не подозревал, что так хотел пить.

Вода смачивала пересохшие губы, приятно лилась по горлу. Тенки всё глотал, глотал, не мог остановиться, пока не выхлебал всю фляжку.

— Потерпи, — произнёс женский голос. — Сейчас мы сходим ещё за водой. Ты сходишь, Ольви?

— Ты хочешь, чтобы я оставил тебя одну с этим? — голос мужской, враждебный.

— Пожалуйста, — женский, настойчивый.

Женщина была совсем рядом, присев на корточки, держала фляжку. Но смотрела вверх, на кого-то, Тенки невидимого. Другим человеком нинье не заинтересовался, уставился на женское лицо.

Она сидела так близко, что Тенки чувствовал её запах. Её — не тот фальшивый, от шампуней и духов, а настоящий — запах её тела.

Наверху что-то качнулось, по земле двинулись тени. Женщина вздохнула, взглянула на подростка.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила обеспокоенно.

Тенки хорошо себя чувствовал. Почти прекрасно — вот только была бы она ещё ближе. Непреодолимой силой повело коснуться её лица, открытой шеи с намотанными в несколько рядов ожерельями. Адепт крепко сжал зубы, умеряя неуместное желание.

— Ты откуда? Где ты живёшь? — она всё спрашивала, чудачка.

Во рту появилось странное сухое жжение. Языку сделалось неуютно в тесном пространстве за зубами, Тенки приоткрыл губы, хватая воздух.

Стало только хуже: закружился мир вокруг, желудок скрутился, будто его выжимали, как старую половую тряпку.

— Ты в порядке? — снова спросила она, наклонилась к нему, всмотрелась в лицо.

Она была живая. Живая, настоящая, от неё веяло теплом.

— Ну чего же ты молчишь? — произнесла женщина почти с отчаянием. — Что нам с тобой делать? Ты понимаешь меня?

Тенки хотел ей ответить, что отлично понимает. Не стоит принимать его за провинциала-неуча. Он отлично говорит по-элхески.

Пусть только придвинется ещё поближе. Ещё чуть-чуть.

Нинье смертельно хотелось её поцеловать. Прямо в губы, а потом впиться зубами, схватить за горло, убивая крик. Навалиться, прижать к земле и вцепиться в шею, такую нежную, такую тёплую, светлую.

— Да где же Ольви? — она с досадой отвела глаза, посмотрела куда-то вверх.

Перебирая руками по земле, Тенки по стенке отъехал от женщины. Отодвинулся в сторону, стараясь, чтобы меж ними образовалось порядочное расстояние.

Потом встал, по-прежнему помогая себе руками, опираясь на стену. Женщина-элхе осталась сидеть на земле, смотрела удивлённо снизу вверх.

Тенки усмехнулся. Хорошая. Красивая.

Только нельзя.

Эту — нельзя.

— Ты куда? — спросила она растерянно.

Отвечать адепт не стал. Отцепился от стены — шатнуло; двинулся от женщины, попятился, затем повернулся и быстро, как только мог, зашагал прочь. Надо было уйти от неё подальше. Как можно дальше.

Женщина его не останавливала.

Хорошая. Умная.

Часть вторая, глава 12

Тенки шёл по улице, вокруг прыгали, кричали, пели гимны разодетые маски. Гремела музыка, мимо пробегали люди, смеялись, что-то вопили. С неба падали золотые пряди ленточных фейерверков, пылали огни праздника. Адепта толкали, хватали за руки, несколько раз пытались втянуть в прыгающий круг — танцевали. Но хватающие заглядывали в лицо, и руки исчезали. Празднующие отшатывались.

Здесь было слишком много людей. До невыносимости.

Нинье скалил зубы, чтобы мешать им приближаться. Выставлял клыки на обозрение, отгоняя, отпугивая редких смельчаков из шумной толпы.

Тенки шёл, не смотря по сторонам. Стоило остановить взгляд на ком-то в этом человеческом сборище, как тело, казалось, переставало слушаться, самопроизвольно устремляясь вперёд. В мозгу зажигалась одна мысль: схватить, вытащить из толпы, вцепиться. Вскрыть горло.

Поэтому старался не смотреть. Шёл, уставившись под ноги, хотя всё равно ничего не видел. Здесь было чересчур опасно.

Убраться в тёмное, малоосвещённое место. Охотиться можно только там.

Но сегодня, казалось, во всём городе не осталось малоосвещённых мест.

Через несколько столетий, когда шум вокруг начал утихать, уходить на задворки разума, когда разноцветные огни фейерверков стали зажигаться всё реже, Тенки обнаружил себя стоящим за углом здания в очередном переулке.

Что привело его в сознание, адепт понял сразу.

Звериный, смертельный голод, слившийся с облегчением: добыча найдена, место подходит.

Опять самопроизвольно раскрылся рот, вывалился язык; не останавливаясь, потекла слюна. Зубы, верхние клыки, нижние, ожили, зашевелились сами по себе, словно готовились хватать и впиваться.

Впереди, в двух десятках шагов, вошедший с другого конца переуллка, переваливался человек. Шёл медленно, неуверенно и говорил сам с собой.

Тенки глянул в его лицо — увидел совсем близко, будто на расстоянии протянутой руки, невзирая на темноту вокруг, на смазанные, неуклюжие движения пьяного. Увидел бездумные, затуманенные глаза, слюнявый, не останавливаясь, бормочущий что-то рот. Человек не замечал адепта. Похоже, он вообще ничего не замечал. И он двигался, подходил ближе, ближе, всё ближе.

Тенки напрягся.

До добычи оставалось несколько шагов, когда голод не выдержал и стеганул нинье яростным «Вперёд!». Тенки прыгнул, руки сводило, пальцы превратились в крючья. Он попал человеку локтём в лицо, коленями в грудь, отбросил назад. Навалился всем телом, прижимая к земле, быстро, не давая жертве сообразить, что происходит, вцепился в горло.

Артерию с кровью искать не пришлось: её Тенки чувствовал.

Клыки прорвали кожу, на язык потекла горячая, отдающая железом жидкость. Совсем немного, хватило и глотка, чтобы сознания охотника и жертвы сцепились в одно целое.

Тенки ощутил мгновенную боль в своей собственной шее, боль острую и невыносимо желанную. Вырвался стон удовольствия — так сильно было пронзившее нинье ощущение блаженства.

Приятнее любовных ласк, острее самого пика наслаждения, безумнее любой страсти. Словно бесконечный миг оргазма слился с ощущениями бабочки, трепещущей на острие иглы коллекционера.

Жизнь, жизнь наполняла его, циркулировала по организму, вибрировала в каждой клеточке. Жизнь возвращалась к нему, касалась лица нежным ласковым дыханием, шевелила волосы, овевала кожу. Жизнь, прекрасная, неповторимая, драгоценная жизнь входила в его тело, и Тенки никак не мог насытиться, не мог оторвать окровавленных губ, прервать соединение.

Он выбрал всю энергию, до последней крохи, опустошил всё.

Только тогда сумел наконец отстраниться. Приподнялся на руках, облизнул губы, хранившие такой неповторимый, чудесный вкус. Вкус жизни.

Сознание прояснилось — кажется, такой ясности Тенки не чувствовал никогда. Ночь была замечательной, самой прекрасной в мире. Голова наполнилась звоном, чужим весельем — неподалёку шумел праздник; ветер принёс ароматы фестиваля: аппетитные запахи лоточной еды, сухой перхотный дым фейерверков, холодный воздух зимы. Нинье поднял к небу лицо, увидел высоко над собой бегущие с дикой скоростью облака, оранжево-серые в фиолетовой глубине.

Тело было ему послушно, как никогда — адепт с поразительной лёгкостью вскочил, с наслаждением сжал и разжал кулаки, радуясь яркости ощущений, тёплой шершавости собственных ладоней. Хотелось бежать, танцевать, петь — и холодный ветер, растерянно мятущийся вокруг, словно звал его поскорее лететь.

Тенки глянул на человека у своих ног. По шее лежащего стекала чёрная в полутьме кровь. Энергии уже не было в ней, и желания прикинуть, собрать в ладони драгоценную жидкость не появилось. Сама мысль о ценности её показалась теперь странной — из разодранного горла жертвы на камни мостовой лилась бессмысленная вязкая субстанция, грязь без силы и жизни.

Человек был мёртв — Тенки понимал это так же хорошо, так же ясно, как ощущал сейчас жизнь в каждом уголке собственного тела.

Человек был мёртв — но он, Тенки, жил.

Адепт перескочил через труп и, не оглядываясь, устремился к выходу из переулка — не чувствуя ни своей скорости, ни ледяного ветра в лицо, ни каких-либо ненужных эмоций, ничего, кроме безудержного счастья, радости жить.

Нати брёл по улице, проклиная всё на свете. Холод, щипавший за щёки и нос — вот-вот снег пойдёт; пьянь, то ли дело попадающуюся навстречу — аж до самого рассвета веселились, плебеи; это промозглое, серое утро, которое казалось всего лишь продолжением ночи; и прежде всего своего наставника, много думающего о себе ментальника, учителя-эгоиста Виллемиса.

О, как не повезло ему выбрать именно это безобидное на вид чудовище своим наставником! О, знал бы он, каких усилий ему будет стоять звание боевого мага, через какие

мучения придётся пройти, чтобы блистательно завершить практику и наконец получить место!

И ладно ещё старания, которые приходилось прикладывать на учебной ниве. В последнюю ночь Инея вытащить его из дома, чтобы заставить до рассвета — нет, до Рассвета! — искать неизвестного мальчишку-адепта, загулявшего невесть где на улицах огромной столицы?! Вынудить зябнуть, сосредоточенно меряя шагами улицы, когда вокруг шумят и пляшут, когда в небо медленно поднимаются потерявшие пыл на исходе фестивалей огни, когда город полнится толпами, и искать иголку в стоге сена, парня-третьекурсника, которого не видел ни разу в жизни?!

Поначалу Нати ломал себе голову, придумывая, чем мог провиниться перед наставником — ведь как иначе объяснить подобный приказ? Но ничего не придумывалось, ни одной погрешности практикант вспомнить не сумел; да чего там, не то что нехороших делишек за ним вот уже с полгода как не водилось, так ведь и не планировал ничего, не намеревался, и сколько ни пытался бы увидеть его замыслы ментальник Виллемис — не было никаких замыслов, не было, и всё тут. Так за что же?!

Потом уже и размышлять перестал, просто бродил по улицам, удерживая в памяти описание, данное Виллемисом: мальчишка нинье семнадцати лет, светловолосый, среднего роста, возможно, одет в форму Королевской школы, аура неопределившегося, уровень силы приблизительно два ноль семь.

Два ноль семь — это на третьем курсе. Нати хмыкнул. Неплохо, парень вряд ли останется адептом. Скорее всего, выберет определённый полюс, причём произойдёт это весьма скоро, третий же курс. Выпускной экзамен для третьекурсников означает при успешной сдаче получение третьей магической степени. При уровне два ноль семь это не должно составить труда.

Нати сухо усмехнулся: его собственный уровень по итогам первой половины третьего курса — сколько же лет назад это было! — равнялся двум ноль пяти. На курсе он считался одним из лучших — но и ему пришлось немного поднапрячься на экзамене.

Хотя, конечно, сейчас, после пяти лет обучения на старших курсах, полутора лет практики, он бы справился с теми заданиями одной левой.

В начале ночи, когда, поднятый на ноги Виллемисом, Нати оказался в городе, растерянный, плохо соображающий, он страшно злился на потерявшегося — сбежавшего? — адепта-малолетку. Не иначе, думал Нати, пацан пошёл веселиться в город, ну и напоролся на лихих молодцев, обчистивших карманы юного студизуса, да и подбодривших мальчишку хорошим ударом по затылку. И валяется сейчас этот нинье в одном из тупичков в развлекательных кварталах, с блаженной улыбкой на лице и пробитой башкой, а они, практиканты, давай работай, ищи дурака.

А адепт наверняка находился без сознания: наставник не раз пытался с ним связаться — не получалось. Вот теперь и ищи его свищи на продуваемых насквозь — треклятая городская планировка — улицах.

Нати поплотнее укутался в куртку, спрятал в рукава пальцы. Глянул вперёд, одновременно вжимая шею в плечи — уж больно холодный дул ветер. И вырвалось вдруг удивлённое:

— О!

Нет, светловолосого адепта-нинье с потенциальной магической силой, примерно равной двум ноль семи, он не увидел. Вовсе нет.

Совсем рядом, буквально шагах в десяти, находился кто-то, чья сила эти два ноль семь намного превышала — и Нати завертел головой по сторонам, разыскивая знакомого, потому что подобный уровень не мог принадлежать адепту. Впрочем, практикант знал: не одного его Виллемис отправил этой ночью ловить пропавшего мальчишку, стало быть, Нати ждала встреча с коллегой по розыску.

Практикант установил приблизительное местонахождение мага, внезапно понял, на что глядит, и смутился. Хотя куда там простому «смутился» — Нати залился краской от шеи до корней волос. Чтобы вот так вот ласкать друг друга на виду у всех, на открытой чужим взорам улице, да ещё и... Подобного практикант раньше не видел.

Полураздетая девушка распостёрлась на стене, хватаясь свободной рукой за голову партнёра. Вторая её рука исчезала под складками ткани, пленённая опущенным рукавом, и на обжигающий декабрьский ветер были беззастенчиво выставлены обнажённое плечо, тоненькая линия ключицы, грудь. Парень, тот самый, чья сила заставила Нати встрепенуться, касался закинутой на бедро ноги девушки, тоже оголённой без страха перед холодом, и поддерживал тело партнёрши на весу. Лица его Нати разглядеть не мог.

Практикант сосредоточился, пытаясь рассмотреть ауру, отметил про себя, что из одежды на парне лишь штаны и майка — и, как девушка, он будто ничуть не ощущает холода: о, что страсть творит с людьми. И тогда этот маг, словно услышав зов, оторвался от девушки и обернулся.

Нати его не знал. Да и не мог знать — перед ним был совсем мальчишка. И не элхеский мальчишка, шепнул разум, указывая на круглое широкоскулое лицо, некоторую неправильность черт, грубоватую лепку.

Ниньеский светловолосый мальчишка с заметной сразу магической силой.

И одежда! На штанах эмблема Королевской школы!

Это он!

Это тот самый, о ком говорил учитель!

Нати поспешил к парню. Бросился наперерез через улицу и остановился, всмотревшись в лицо. Да, наверняка, перед ним стоял пропавший, третьекурсник-адепт, только... только сейчас его переполняла сила, превосходящая доступный третьекурснику уровень чуть ли не в полтора раза. От светловолосого веяло поразительной энергией, сила словно бурлила в нём, кипела, подавляла.

Адепт улыбнулся. Тихо, мило, дружелюбно. Будто увидел давно знакомого и уважаемого старшего — но Нати, пусть и был старшим, встречался с ним впервые.

Мальчишка раскрыл губы, произнёс легко:

— Привет!

Нати посмотрел через его плечо на девушку, полураздетую темноволосую нинье: та пришла в себя, поправляла платье, куталась, не уделяя никакого внимания внезапно появившемуся зрителю. Она выглядела невменяемой — но скорее всего, просто была пьяна.

— Это ты... — практикант помедлил, пытаясь отыскать в памяти имя пропавшего — что-то простое, односложное, — это ведь ты ушёл из школы?

— В смысле ушёл из школы? — благодушно осведомился адепт.

— Третий курс Королевской школы? — взял себя в руки Нати.

Подросток кивнул, подобрался.

— Как твоя фамилия? — избрал Нати простой путь.

— Ли. Тенки.

Ах да, точно. Тенки Ли.

— Отлично, — выдохнул практикант с облегчением: он не ошибся, и адепт не стал запираяться, плести чушь. — Пойдёшь со мной.

— Куда это? Ты вообще кто? — светловолосый, как и девушка, казался слегка пьяным.

— Моё имя Наттимери Идаари, Королевская школа, практикант второго года.

Всё-таки адепт ещё соображал: вытянулся, опустил руки по швам, с лица сползла бездумная ухмылка. Понял, что говорит со старшим.

— Идём, — Нати повернулся, не ожидая возражений.

Их не последовало. Оглянуться мага заставила неясная возня за спиной.

Девушка что-то говорила светловолосому, говорила тихим гневным голосом, хмурила брови.

Нати прислушался: любопытство его никогда не покидало.

— Кто это ещё, — шептала нинье, — ты идёшь с ним? А я? Ну ты...

— По своей воле я б никогда тебя не оставил, — будь Нати девушкой, плюнул бы негодяю в рожу — ясно же, играет, смеётся. Но темноволосая посмотрела испытующе, будто готова была поверить.

Нати наблюдал — адепт, всё улыбаясь, коснулся руки девушки, положил ладонь ей на бедро, притянул; темноволосая не только не отстранилась, но и вовсе прильнула к нахалу. Тогда практикант прочистил горло, оглашая пустынную улицу нарочитым кашлем.

— Иду-иду, — откликнулся парень.

Нати свернул в первый подходящий переулок. Чтобы связаться с наставником, необходимо было остановиться; краем глаза практикант посмотрел, следует ли за ним нашедшийся адепт — тот покорно шёл, глаза по сторонам. Безалаберный вид светловолосого нинье не нравился старшему, но упрекать подростка не имело смысла. Пусть всё, что надо, скажет учитель.

Помассировав виски — давняя привычка, бессмысленная, как большинство привычек, Нати сосредоточился. Старательно произнёс слово-заклятие, помогающее собраться, потянулся в далёкое, чуждое пространство, отыскивая сознание учителя, посылая лишь ему предназначенный сигнал.

Чёрное безбрежное поле молчало, никто не отзывался. Ни признака жизни, ни дуновения — далеко ещё, далеко, далеко.

— Неумёх-ха.

Оброненное словечко выдернуло Нати из транса мыслепередачи. Практикант глянул на адепта. Невероятно, невозможно, не ослышался ли он? Но светловолосый подросток скалил зубы, не оставляя почвы для сомнений: это он только что назвал старшего неумёхой.

— Что ты сказал? — попробовал Нати призвать младшего к ответу.

— Неумёха, — во взгляде адепта сквозило превосходство.

«Что ты себе позволяешь?!» — чуть не накинулся на него практикант. Как смеет мальчишка-адепт так обращаться к старшему? Что за взгляд, что за поза, в конце концов?

Но связываться с малолетним, да ещё и явно находящимся в состоянии алкогольного либо же наркотического опьянения адептом было глупо. Такого не призовёшь к порядку.

Наттимери презрительно фыркнул, отвернулся. Коснулся висков, вздохнул глубоко. Сосредоточился.

— Помочь? — да что неймётся этому малахольному?

Светловолосый, нахально улыбаясь, плавно скользнул ближе, оказался совсем рядом,

так что Нати заглянул в зелёные глаза с ненормально расширенными зрачками. На миг в сознании мелькнула ужасающая мысль, что чокнувшийся адепт собирается его поцеловать, но случилось нечто совершенно невообразимое: сумасшедший мальчишка впился зубами в его ухо.

Нати не успел ни отклониться, ни оттолкнуть ненормального — боль пронзила тело и вдруг лишила его возможности двигаться, сковала по рукам и ногам. Практикант застыл, а острая эта боль превратилась в невыносимое счастье, подавляющее волю, и показалось, будто огромный кристальный шар, сверкая гранями, катится на него с вершины горы, и шар этот есть весь мир, и мир вбирает его в себя и растворяет.

В ушах зазвенело от прилива энергии, чёрное пространство зова нахлынуло на него, закрутило, и почему-то мгновенно быстро, как не бывало никогда, он нащупал сознание учителя и прокричал: «Я нашёл его, нашёл!».

Ниточка оборвалась с передачей образа, и одновременно ушло и счастье-боль, прекратилось, словно никогда не приходило.

Задыхаясь от эмоций, с абсолютной пустотой в голове, Нати уставился на довольное лицо адепта и проговорил:

— Идём к учителю, он ждёт.

Из прокушенного уха по шее тёплой щекотной струйкой бежала кровь.

Незнакомый Тенки рыжий элхе, назвавшийся магом-практикантом, притащил его к невысокому домику на одной из городских улиц. Самому Тенки прежде здесь бывать не приходилось, пейзажи эти он видел впервые. Тихая узкая улочка, спускавшаяся с холма незаметной высоты, одинаковые двухэтажные дома по обеим сторонам дороги, окрашенные в нежные пастельные тона. Дом, чью калитку хозяйским движением отворил рыжий, в оранжево-розовых лучах восхода казался жемчужным; на самом же деле, скорее всего, был просто бежевым.

Всю дорогу, что вёл адепта из центра города к этим окраинам, рыжий маг странно озирался и смотрел настороженно, словно подозревал за Тенки тысячу грехов. Такое поведение было, впрочем, оправданным — нинье сам не мог себе ответить, какого хрена ему вдруг вздумалось вцепиться старшему в ухо. Разве что... В длинных элхеских ушах рыжего качались серьги. В каждом ухе по несколько шгук — подобного излишества не позволял себе даже постоянно таскавший украшения Ацу, а у этого целая лавка драгоценностей свисала из-под неровно подстриженных рыжих прядей.

Да и сам старший с этими его ярко-рыжими волосами был видным парнем с весёлой рожей — с таким, верно, любопытно бы пошляться по городу, позадирать симпатичных девчонок.

Только теперь он вряд ли отправится куда-нибудь с Тенки. Куда бы то ни было.

— Подожди, — скомандовал рыжий, метнув на адепта очередной неласковый взгляд. — Никуда не уходи, понял?

Тенки добродушно кивнул: чего ему, жаль, что ли? Постоит тут, ему вообще всё равно, где стоять и что делать, до того хорошо. Нинье наслаждался каждой секундой, каждым своим вздохом — и воздух пах свежестью, и встающее солнце рассыпало цвета, каких он раньше никогда не видел. Чего же ещё надо, когда можно вот так любоваться окружающим и

продолжать жить?

За временем Тенки не следил — наверное, поэтому показалось, прошло не более минуты, когда дверь снова распахнулась и на пороге её появился Виллемис.

Учитель был облачён в голубой шёлковый халат с пушистой оторочкой на воротнике и рукавах. В небрежно — или тщательно продуманно? — распахнутом ворота виднелась бледнокожая безволосая грудь. Поясок халатика был завязан низко на бёдрах кокетливым бантиком.

— А-ах, — протяжно обрадовался Небесный, — нашёлся! Благодарю, Идаари.

Из-за плеча Виллемиса торчала огненная голова мага-практиканта, вид у него был по-прежнему растерянный. В ответ на слова учителя он только кивнул.

— Прости, что вытащил тебя из постели, — Виллемис обращался к подопечному, но смотрел лишь на Тенки. — Ты можешь идти, выспись хорошенько.

«Я?» — жестом удивился Тенки, преувеличенно по-детски показав пальцем на своё лицо. Но Небесный оставил адептовы ухмылки и гримасы без внимания, быстрым кивком велел заходить.

Они с рыжим протиснулись друг мимо друга: Тенки нахально улыбнулся во все зубы, рыжий метнул смурной взгляд, отвернулся.

— Приятных снов, — кинул адепт ему вдогонку. Как мог невинно.

Но реакции жертвы уже не увидел — с негромким стуком захлопнулась дверь.

Виллемис повернулся к своему ученику.

— Ну что же, — вздохнул неглубоко, посмотрел на Тенки долгим задумчивым взглядом. Нинье безмятежно глазел в ответ. Голова была приятно пустой.

— Что с твоими глазами, мальчик? — рука Небесного вдруг коснулась подбородка нинье, серые глаза учителя приблизились, сошлись над ними тёмно-голубые брови. — Вот так так.

Чужая ладонь ушла с лица; Виллемис, не продолжая фразы, двинулся вглубь дома.

— Проходи, — бросил безличное. — Сними обувь, садись. Скоро появится твой учитель.

— Мой учитель? — мимоходом удивился Тенки, следуя приказанию. Какого учителя имеет в виду Виллемис — он же и сам учитель Тенки?

— Йисх. Чему ты удивлён? Да, и помой руки, не терплю грязи.

Тенки послушно переступил порог умывальной. Огляделся: малейшее открытое пространство на полочках, на стенках, на бортиках ванной заполняли различные бутылочки, баночки с мазями, тюбики, прихотливых форм и цветов мочалки. Мыло тоже оказалось до умиления светло-розовым и имело форму ракушки — те же изгибы повторяла и подставка под ним.

Ракушкой адепт задумчиво намылил ладони. Сполоснул, вытер мягким полотенцем с яркой цветочной вышивкой.

Глянул в зеркало — ага, зрачки вели себя всё так же, по-кошачьи. Краем глаза ухватил движение: стекло отразило появившегося в коридоре Виллемиса.

— Йисх поднял на ноги всех своих практикантов, — неодобрительно сказал учитель. — И меня заставил сделать то же. У этого мужчины такой необузданный характер.

— Меня, что ли, искать? — повернулся Тенки к Небесному.

— Кого же иного? — учитель поднял брови. — Где ты только шлялся, мальчик?

— А чего он вдруг? Неужто я так долго пропадал?

Виллемис глянул на него, словно подозревая, что адепт над ним издевается. Подождал, буравя взглядом честное Тенкино лицо, но, видимо, не найдя в нём признаков усмешки, вдруг усмехнулся сам. Качнул головой, откидывая назад длинные бело-голубые волосы и вымолвил:

— Две недели.

— Сколько?!

Усмешка на лице Виллемиса стала шире.

— С первым днём зимы, любезный мой. Поздравляю с Рассветом.

Йисх недолго заставил себя ждать — появился спустя где-то полчаса после того, как Тенки вошёл в дом Виллемиса. Ворвался, не постучав в дверь, не снимая обуви, чем оскорбил легкоранимую душу хозяина — недовольство ярко отразилось на лице Виллемиса. Застыл на пороге комнаты, где Тенки, уютно устроившись в кресле, попивал горячий морс, смерил подростка пламенным взглядом, будто не мог поверить тому, что увидел.

— Ну наконец-то.

Тенки встрепенулся, вскакивать не стал — разнежился в тепле, но рожу соорудил почтительную, для ситуации подходящую.

— Йисх, мой драгоценный, — расстроено начал Виллемис, — не был бы ты так любезен снять свои ужасные сапоги? Они заляпают мне все ковры.

— Прости, — сухо бросил боевой маг, — мы тут же покинем твой дом, будь покоен. — Сурово глянул на Тенки, скомандовал: — Марш.

Нинье запыхтел, выбираясь из глубокого кресла — чуть не утонул под всеми подушками. Выходить на улицу не хотелось — да и холодно там наверняка, но с Йисхом не поспоришь.

— Спасибо, — говорил тем временем Красноглазый, обращаясь к коллеге, — я весьма признателен тебе за помощь. Мои парни прошлись по городу без результата.

— Ах, друг мой, — медово улыбнулся Виллемис, — за одну твою улыбку я готов поднять с ног на голову весь свет.

Тенки поперхнулся морсом, что поспешно доглатывал, отставил кружку.

— Ах, если бы я не был женат, — услышал голос Йисха.

Кажется, от кружки адепт избавился вовремя — сейчас ка-ак опрокинул бы её на себя. Краем глаза взглянул на боевого мага — в уме ли Йисх?! Лицо Красноглазого было подозрительно серьёзным.

Виллемис жеманно хохотнул. Быстрым лёгким жестом коснулся плеча коллеги, тут же отдёрнул руку.

— Я иду у тебя на поводу, — у Тенки чуть челюсть не отвисла, пока он следил за этим невероятным разговором.

Тут же адепт посмотрел на Йисха — что скажет?

Красноглазый усмехался. Радужки его глаз пылали алым.

На улице и впрямь было холодно. Солнце взобралось выше и подсвечивало дома желтизной, в его лучах чувствовалось тепло, но в тени Тенки зазяб.

— Старый пердун! — сердито выдохнул Йисх, когда они оставили позади дом Виллемиса.

Ржать вслух Тенки не стал, пусть и хотелось. Ограничился ухмылкой.

— Ты знаешь, — Йисх кинул на него суровый взгляд, — что выскочил из школы, оставив тренировочную неубранной?

— Вы поэтому стали меня искать?

— Я не ожидал, что ты исчезнешь.

— Вы... — Тенки вдруг понял. Или — лишь начал понимать. — Вы знали о заклинании?

Йисх усмехнулся. На Тенки он не смотрел, но и пойманым с поличным не выглядел. Шёл себе, ни в ус не дую, руки только что в карманы не заложил. Глаза за чёрными прядями сверкали, но то было обычное их состояние.

— Конечно, — признался он благодушно. — Ты меня за дурака держал? Меня и Виддиса?

— Кто это Виддис? — в груди у Тенки чуть ли не набат стучал, в ушах зашумело.

— Виддис Астеаки. Я-то сразу сообразил, что означают твои вопросы. Виддис тоже не дурак, прибежал ко мне, переполошенный.

Тенки чуть не сомлел — Астеаки всё знал? Понял, почему Тенки интересуется соединением заклинаний, и ничего не сказал? Более того, даже не позволил адепту себя раскусить и прямым ходом побежал к единственному в школе боевому магу, Йисху? Кстати, почему именно к нему?

— Почему он к вам-то пришёл? Это же не боевые заклинания.

— Не боевые? — Красноглазый холодно усмехнулся. — Заклинания подобного рода использовали ещё в Великой войне. Лазутчики — слышал такое слово?

— Знаю я, — надулся Тенки. — Ну и чего?

— Дитя моё, — Йисх мастерски спародировал интонации Виллемиса, — ты считал себя хитрее всех? Жаль, но взрослый мир не всегда благосклонен к детским проказам. Ты желал силы? Хотел быть непобедимым, неостановимым, могучим магом? За всё приходится платить, мой драгоценный.

— Вы... — нинье осёкся. Всплыли в памяти очертания человеческого тела, тёмной грудой лежащего на земле, увиделась чёрная струйка крови. Тенки остановился.

Йисх прошёл чуть дальше, тоже застыл, повернувшись вполборота, поглядывал на адепта одним глазом.

Маг знал про убийство. Убийство? Как не хочется называть вещи своими именами. Убийство.

Он знал про заклинание, наверняка предполагал и результаты.

— Ты принимал меня за дурака? — улыбнулся Красноглазый. — Я поставил на тебя. Наши цели совпадали: тебе надо было получить силу, мне — узнать пару вещей. Ты очень кстати обратился с просьбой выступить поручителем. Тысяча мене — моя цена за этот эксперимент. Провались он — я заплачу по твоим долгам, удайся — ты сам достанешь деньги. Не красивая ли схема?

Тенки молчал, оглушённый.

— Ты думал, я не пойму, в чём дело, по твоим вопросам? — Йисх покачал головой, будто удивлялся глупости адепта. — И Виддис не поймёт тоже? Увы, но твой жалкий опыт и в сравнение не может пойти с его или же моим. Смешно, да.

Адепту вовсе не было смешно. Впрочем, Йисх тоже не смеялся. Говорил отрывисто, поглядывая изредка на Тенки.

— Виддис примчался ко мне, как перепуганная курица. Он тоже понял, тебе

заморочили голову слухи об Эллгине. Но, мой дорогой ученик, не безумно ли предполагать, что твои детские старания завершатся успехом? Что ты достигнешь цели, основываясь лишь на школьных знаниях? Отвечай.

Через силу Тенки кивнул. Безумно. Пусть.

— Я наблюдал за тобой, — маг снова улыбнулся, но улыбка эта не принесла Тенки облегчения. — Вряд ли ты разобрал нити, что я вплёл в твоё заклинание, — подтверждения Йисх не потребовал — а нинье, и правда, в голову не приходило усомниться в учителе. Точно, глупо, опять Йисх прав.

— Я наблюдал за тобой, — снова повторил маг, — и за преображением тоже — это был поразительный шанс, таким нельзя было не воспользоваться.

— Наблюда... — Тенки осёкся — в памяти развернулась картинка: слепящий прямоугольник, на его фоне чёрная фигура. Кто-то и впрямь присутствовал тогда в тренировочной, кто-то смотрел на него, а он не в состоянии был это определить.

— Представь себе моё удивление, когда ты вдруг пропал. Ха-ха. Впрочем, всё произошло как нельзя лучшим образом.

— Вы знаете, что я... что мне пришлось... про зависимость...

— Энергетическая петля, — кивнул Йисх. — Конечно. Он умер?

— Я думаю, да, — разговор переставал быть реальным.

— Сейчас отправляемся в школу, в мою лабораторию, — маг двинулся с места. — Я хочу посмотреть, что случилось с твоим телом. И, да... постарайся отныне не высовываться.

— Куда не высовываться?

— Твоё заклятие, драгоценный, но нерадивый ученик, относится к числу запрещённых конвенцией первого года Рейки.

Тенки напрягся. Йисх продолжал:

— За его использование предусмотрено наказание. В твоём случае — семнадцать тебе уже исполнилось — отделаешься, может, тюремным заключением. Срока не скажу, зависит от снисходительности судей. От пяти лет до пятидесяти, впрочем.

Срок? Его посадят в тюрьму? Так значит, Тенки теперь — преступник?

Вчерашний адепт лучшей в стране школы боевой магии. Вынужденный бегать от закона и скрываться по трущобам жалкий убийца. Планирующий новые преступления, чтобы выжить и достать денег. Живущий украдкой — до тех пор, пока не поймают.

Что Красноглазый собирается с ним делать?!

— Это значит, — Йисх будто прочёл по лицу все мысли адепта, — что тебе не надо подставляться.

Йисх на стороне Тенки? И не намерен сдавать его в полицию? Но подставляйся не подставляйся, ауру не спрячешь.

— Аура...

— Я займусь этим вопросом, — учитель равнодушно отвернулся. — Пока старайся ни с кем не контактировать. Потом я найду способ это уладить.

— Как?

— Не твоё дело.

Тенки заткнулся. Свёл брови.

— Что за нити, — и снова не удержался, — вы добавили?

— Безделица, — небрежно махнул рукой маг, — однако необходимая. На одном механическом соединении ничего бы не вышло. Ты лучше побеспокойся оригиналом. Ты

ведь не думаешь, что доступные адептам книги содержат все необходимые сведения?

— Но я не мог попасть в подземные этажи, — а ведь хотел, ещё как хотел.

— Теперь, я думаю, сможешь, — лицо Йисха вновь рассекла мёртвая усмешка. —

Проведём исследование, освоишься со своими новыми возможностями. Заодно и подумаешь, как бы добраться до библиотеки. Тебе небось хочется всё как следует узнать? Почему бы и нет, это будет проверкой твоих сил.

Нет чтобы дать ему допуск, зло думал Тенки, шагая вслед за Красноглазым. Но на лицо постарался выдать лишь любопытство — и лихое безразличие к собственной судьбе.

Получилось легко.

Наверное, потому, что он и впрямь сейчас испытывал лишь любопытство и безразличие — словно глядел со стороны.

42 год Рейки, 4759 всеобщий год

Февраль

— Йисх-илиэ, а что если ошибёшься с выбором? — тянул руку Эвисто.

— Ошибёшься с выбором? — маг стоял спиной к классу, выглядывал в окно, сложив руки на груди. — Ошибиться с выбором невозможно.

Шёл так называемый «свободный» урок. Без обычной лекции, с возможностью задавать любые вопросы, что только в голову придёт. Учитель ответит на все: так или иначе. Для нынешнего состава третьего старшего курса это был последний урок.

Время с середины февраля до начала марта, три коротких недели, отводится адептам на подготовку — к тому самому выбору, который сейчас беспокоил Эвисто. Да и не одного Эвисто — весь класс. Выбору между силой, между её полюсами: светлым или тёмным.

Первого марта состоится церемония определения.

Потом — месяц — будущие маги станут привыкать к новым умениям, учиться управлять своей силой. Вместо уроков будут консультации, встречи с преподавателями один на один, лихорадочный поиск и зубрёжка новых, подходящих по избранному полюсу заклинаний. И в апреле — экзамены.

— Учитель, а что лучше? — Эвисто всё не унимался. — Светлый или тёмный?

— Что лучше? — вновь переспросил Йисх, отвернулся от окна, присел на край стола. Пронзительный взгляд пробежался по классу, чуть помедлил в районе лба Тенки, потом снова унёсся прочь. Нинье оставил взгляд без внимания; да и ответом не слишком интересовался: его собственный выбор был уже предрешён.

— Исключительно просто, — Йисх покачивал ногой, затянутой в чёрную кожаную штанину. — Что выберете, то и будет лучше.

Эвисто утих, по-прежнему неудовлетворённый. И правда, слова учителя походили на насмешку.

— Эвисто, дело всего лишь в отношениях между тобой и магией. Предпочитаешь материальную сторону — тёмный полюс; хочешь полагаться на принципы — светлый. За счёт веры в правильность своих действий светлый маг увеличивает собственные возможности, но так же резко теряет в них, стоит пошатнуться его духовным устоям. Тёмный полюс — более стабилен, светлый — зависим от иных, внешних источников. Разве я сказал вам что-то новое?

— Но если, ну, выбрать неправильно?

— Неправильно? — Йисх, казалось, удивился. — Например?

— Ну, если выбрал быть светлым, а потом понял, что больше нравятся методы тёмных? Ведь потом уже не переметнёшься? — Эвисто вскинул брови.

Выглядел он смешно. Будто пытался добиться от Йисха чего-то определённого, а ведь ясно же, маг ничего не скажет. Не будет ни превозносить преимущества бытия тёмным, ни хвалить светлых.

Впрочем, наблюдать за их схваткой было любопытно.

— Выбор ведь делается раз и навсегда, — тихо поддакнул молчун-Химилиэ, тоже

устремил взгляд на учителя.

— Могу лишь сказать, что жалеть вам не придётся, куда ни опрокинься, — Йисх непонятно усмехнулся. — Но не забывайте, можно ведь остаться и адептом. Это тоже неплохо. Та же боевая магия, но никуда метаться не надо, сиди себе на месте, изучай, исследуй. А вот если определишься, тогда одна дорога: ищи напарника и вперёд, бегай по королевским поручениям.

Тенки с интересом глянул на преподавателя — ему послышалось, или в самом деле в голосе Йисха проскользнула ирония? Похоже, Красноглазый не в восторге от мысли служить королеве. Хотя оно и резонно — иначе чего боевому магу делать на мирной преподавательской должности?

И вообще, у Йисха есть напарник? Ведь был же?

— Учитель, а как получается каждый год, — вместо Эвисто теперь вопросы задавал Химилиэ, — сколько человек из третьекурсников становятся тёмными, сколько светлыми?

— По-разному, — и опять Йисх ответил уклончиво. — В разные годы по-разному. В прошлом, например, трое из девяти стали адептами, трое — тёмными и трое — светлыми.

— А было так, чтобы все выбирали что-то одно? — Эвисто, похоже, вознамерился припереть учителя к стенке.

— При мне — нет. Но был случай, когда из шести третьекурсников пятеро стали светлыми.

Ого! Класс зашумел.

— Но также, — продолжил Йисх, — бывало и так, что четверо из десяти становились тёмными, четверо — серыми, и только двое — светлыми. Год на год не приходится. Вряд ли пример старших может помочь вам сделать выбор, — в уголках глаз мага мелькала насмешка. — Боюсь, решить вам придётся самим, каждому — в одиночку.

Боевой маг глянул на часы, помедлил.

— Время консультаций увидите на доске объявлений. Если у вас возникнут неотложные вопросы, попробуйте связаться мысленно. Для тех из вас, кто станет светлым, это последняя возможность поговорить со мной мысленно, — равнодушная улыбка появилась на лице преподавателя одновременно с разлившейся по школе мелодией гимна.

— Как будто это такое простое дело, — проворчал Эвисто себе под нос, нахмурился.

Мыслепередача и правда не относилась к числу вещей несложных. Возможна она была, во-первых, лишь между людьми лично знакомыми, во-вторых, требовала изрядного количества усилий. Может, именно поэтому Йисх не упускал момента о ней напомнить.

— А ты вспомни, как оно при минимуме было! — поддел соученика Дени-эльви.

— О да, — с жаром согласился Эвисто, — я думал, вообще не пробьюсь!

Ребята говорили о закончившемся на прошлой неделе «курсе применения заклинаний в условиях минимального магического фона», как официально оно называлось.

Курс был интересным, Тенки не мог отрицать. Проводился он не на привычном адептам третьем этаже, а на четвёртом, в зале энергетически замкнутом, с пониженным особыми амулетами магическим уровнем. Стоило зайти вовнутрь, как поначалу казалось, что дышишь водой, с таким трудом воздух вливался в лёгкие.

А уж насколько тяжело давалась магия, и вспоминать не хотелось. Заклинания выходили слабыми, боевые — едва достигали цели, увернуться от них не представляло никакой сложности. Мыслепередача — и так-то непростая — превратилась в жуткие мучения; после окончания урока пот градом скатывался со лбов измученных адептов.

«Зато, — усмехался Йисх, — будете знать, как вести себя, если что. Не раз случались бунты в храмах — наверное, все чувствовали то, что называют «тяжестью Огня»? Храмы тоже место пониженного магического фона; жрецы недолгобливают нашего брата».

В храмах Тенки не бывал, как-то не сложилось. Да и семья их не относилась к числу истовых приверженцев стихии Огня; впрочем, вся деревня предпочитала если уж поклоняться — так морю. Море и почитали богом, храма в Аксе не было. Хотя, можно сказать, в Аксе вообще ничего не было.

— ...почему?!

Тенки глянул в сторону голоса — уж больно сильное изумление прозвучало в несложном вопросе.

Спрашивал Эвисто, и выглядел соученик действительно удивлённым. Йисх покинул классную комнату, предоставив адептов самим себе; в небольшом кружке вокруг Эвисто завязалась беседа.

— Равновесие — к этому надо стремиться, — ответил Эвисто как всегда невозмутимый Намари. — Уже давно на Огненном материке, да и не только у нас, во всём мире — царит спокойствие. Нет ни только войны, но и никаких стычек.

Тенки с интересом уставился на говорящего.

— Со временем исчезнет нужда в боевых магах, — продолжал сокурсник. — Боевые нужны во время войны, а у нас уже почти сорок лет длится мир, возможно, он будет вечен — что хорошо. Для чего нужна тогда сила? Присматривать за ведьмами?

Эвисто порывался возразить, но его перебил Тардис:

— Но адепты же не могут подняться выше третьей ступени.

Эвисто кивнул согласно.

— А больше и не надо, — пожал плечами Намари. — Третья ступень вполне превышает ведьминскую силу, какой бы могущественной природно ведьма ни оказалась. Им же недоступно обучение, подобно нам; они изгои, обречены скитаться, скрываться от властей, если упорствуют в применении своих сил.

— Не знаю, быть серым, по мне, как-то не так, — покачал головой Дени-эльви.

— А ты знаешь, — тихо улыбнулся Намари, — что сами адепты предпочитают называть себя радужными? Потому что считают, что доступный им спектр гораздо богаче, чем монотонные оттенки светлых и тёмных; взгляды шире.

— Считать-то они могут что угодно, — пробормотал Тенки, не стараясь, впрочем, быть услышанным. Только Ацу повёл глазами в его сторону.

Ну и разговорился сегодня Намари — не узнать. Получается, этот желтоволосый щингеец собирается стать адептом. Стать — или остаться; короче, отказывается выбирать.

Сокурсник тем временем говорил дальше:

— Инициация — ограничение свободы, на самом деле, — серьёзно посмотрел на Эвисто, на Дени-эльви. — Причём она насильная, раньше маги меняли способ действий по желанию.

— Ну это тоже не выход, так себе маятником шататься, — горячо возразил Тардис. — То веришь, как светлый, то только, как тёмный, на себя полагаешься. Так и чокнуться недолго.

— А по мне, всё просто, — неожиданно для себя вступил в разговор Тенки. Обезоруживающе улыбнулся устремившимся на него взглядам. — Светлые не могут, скажем, убить только потому, что им надо. Им фетиш нужен, куча моральных примочек. У тёмных

всё проще.

— Тебе что же, хочется убивать? — гневно осведомился Ацу.

Ему тоже пришлось улыбнуться — ласково, как брату родному. И с любопытством пронаблюдать за реакцией.

Ацу отвернулся с каменным лицом.

— Но сила, сила светлых превышает силу тёмных! — Тардис живо вскинул брови, посмотрел на Тенки.

Нинье пожал плечами.

— Значит, надо округеть настолько, чтобы светлые даже со всеми своими этими силами сели бы в лужу, — сказал просто.

— Ты так говоришь, будто твёрдо решил стать тёмным, — снова вмешался Ацу.

Тенки улыбнулся. Как мог радостно.

Едва закончились каникулы, и школа начала заполняться отдохнувшими и оттого чрезвычайно шумноголосыми учениками, на первой неделе января, нинье рассказал темноволосому сокурснику о заклинании и результатах его применения. Рассказал всё подчистую, от начала до конца, не скрывая ни единой мелочи.

Разговор этот вышел забавным.

Полтора месяца назад, Огненный город

— О чём ты хотел говорить? — Ацу смотрел серьёзно.

— Посмотри для начала, — Тенки встал перед соучеником, расставил ноги, засунул руки в карманы. Поза нарочито небрежная, взгляд такой же, вызывающий. Не мигая, уставился в чёрно-голубые глаза элхе.

Ацу отреагировал, как нинье и ожидал, — недоуменно и довольно высокомерно приподнял брови.

— Что, не понимаешь, куда глядеть? — усмехнулся Тенки.

Темноволосый окинул его безразличным взглядом, прошёлся от носков до макушки, снова вернул взор на лицо:

— Я не замечаю в тебе изменений.

Неудивительно: в вечернем январском полумраке общей комнаты трудно было увидеть странности в поведении Тенкиных зрачков. А других очевидных глазу внешних изменений и не наличествовало. Но свет здесь Тенки не стал зажигать специально.

Ацу должен был заметить иное.

— А вот так? — нинье вздохнул и медленно ослабил ободья заклинания, принесённого Йисхом. Прикрытие, помогающее нарушителю закона оставаться безнаказанным.

Ничем не сдерживаемая сила поднялась изнутри, и Тенки показалось, что он вот-вот заколеблется невесомым буйком в сумрачном воздухе.

— Посмотри хорошенько, — нинье нагло вато усмехнулся. — Да не так, чего ты вылутился, как баран на новые ворота? Бородавки на носу у меня не выросло. Тщательней смотри, глубже.

Соученик чуть нахмурился. «Не догадывается», — подумал Тенки, но в следующий миг ресницы элхе ощутимо дрогнули. Увидел. Удивился.

— Молодец, — похвалил его нинье. — Хороший мальчик, хорошо определяешь. До сотой доли, небось, любой магической уровень?

Издёвку Ацу пропустил мимо ушей:

— Что случилось?! Почти в два раза? Как?!

Говорить Тенки начал не сразу. Подождал, потянул терпение однокурсника, пронаблюдал, как удивление сменяется злостью, как, сам того не сознавая, Ацу начинает метать из глаз молнии. И только тогда смилостивился. Упомянул Элгине и его давние разработки, сказал об опыте над собакой, о том, что теперь считается преступником, описал — поверхностно, лёгкими штрихами — собственные ощущения и сообщил о зависимости, которая будет теперь сопровождать его жизнь.

Ацу слушал тихо, не перебивая. Но тогда, когда Тенки замялся, рассказывая о человеке, которого нашёл Йисх, о пьянчуге-моряке, чью кровь маг заставил его недавно попробовать, в рамках эксперимента, тогда поднял руку, останавливая соученика.

— Кровь? — переспросил элхе, метнул твёрдый, суровый взгляд на беззаботное лицо нинье.

— Энергия, — поправил Тенки.

— Итак, теперь ты обречён поддерживать свою жизнедеятельность путём отнятия энергии у другого живого существа? — голос Ацу звучал ровно.

— Не любого существа, — уточнил нинье. — Во-первых, только человека, нинье или элхе, во-вторых, Йисх сказал, что чем ближе профиль, тем лучше. Наверно, немного похоже на мыслепередачу, только...

— Ты сошёл с ума?!

Тенки осёкся. Заглянул в лицо соученика. Увидел беспощадный гнев, прячущийся за невозмутимым взглядом. Ацу был готов взорваться — но максимум, что он позволил себе — звенящим голосом осведомиться, отдаёт ли Тенки себе отчёт в своих поступках.

— А что же поделать? — улыбнулся соученику нинье. — Это последствия заклинания.

— Ты хочешь сказать, что будешь легально убивать людей?

Занятно. Похоже, в один миг нинье превратился для Ацу в одержимое жаждой крови чудовище. Безумного убийцу, да ещё и с невообразимой магической силой.

— Это ужасно, — Тенки не сумел отказать себе в возможности поиграть. Признался сокрушённо: — Я просто совладать с собой не могу, когда вижу кого-то особенно аппетитного. Никогда не знал, что люди выглядят такими вкусными, аж слюнки текут.

— Тенки! — одёрнул его Ацу. Казалось, взглядом соученик собирается пригвоздить адепта-нинье к стене — вот как двинет сейчас бровями, и Тенки хорошенько приложится спиной к жёсткой поверхности.

— А что такое? — как мог невинно осведомился Тенки. Невзирая на риск, он никак не мог не воспользоваться ситуацией. Когда ещё выдастся способ так позабавиться.

— Перестань паясничать.

— Я абсолютно серьёзен.

— Ты...

— Считаю, что я сознательно принял решение.

— Тенки, стой, — вот теперь не только в голосе, но и на лице Ацу стали видны признаки нешуточного волнения: элхе хмурил брови, а ноздри его чуть раздувались.

— Вот, собственно, и всё, — быстро закончил Тенки, чувствуя, что пахнет лекцией. — Люби меня, как прежде, о ласковый и нежный друг!

И выскочил за дверь, оставляя Ацу пережёвывать новую информацию в одиночестве. Свой долг-минимум — поставить элхе в известность, нинье выполнил, а дальше уже не его

дело.

Хотя Тенки и понимал: скорее всего, то был последний их разговор на более или менее равных позициях.

Их отношения обречены измениться. Как именно — Огонь его знает.

Февраль, Хиэй

В коридоре гуляла прохлада, было темно. Тенки остановился, едва выйдя из класса, постоял немного, глянул в сторону перехода меж зданиями, туда, где из длинных прямоугольных окон в школу вливался ослепительный свет. Нинье до сих пор изумляло поведение собственных глаз, мгновенно привыкавших к смене освещения; казалось каждый раз, что солнце ударит болью — но даже на солнце он мог теперь смотреть, не щурясь.

Кто-то двигался к двери классной комнаты: сквозь шум голосов донёсся звук приближающихся шагов. Это тоже превосходило Тенкины прежние способности. Теперь, казалось, он расслышит, как летит ночью летучая мышь.

Ацу вышел из класса и чуть вздрогнул, наткнувшись на замершего в тишине соученика. Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Потом Тенки ухмыльнулся. Ухмылка эта будто послужила сигналом к началу беседы.

— Тенки, — начал было Ацу, но тут же скомкал фразу.

Тенки продолжал улыбаться.

— Мне до сих пор... — элхе покачал головой. — До сих пор трудно примириться с твоей...

— С моей гениальностью? — подсказал Тенки, сверкая зубами. — Силой и смелостью?

Ацу бесшумно вздохнул.

— Отойдём, — шагнул к переходу, к излучавшим яркий свет окнам.

Тенки остановился рядом, мельком глянул на серьёзный, как обычно, профиль. Только орехи колоть такой каменной рожей.

— Я думаю, тебе-то не стоит беспокоиться, — снизошёл нинье. — Йисх же сказал, что всё уладит.

Красноглазый и правда сделал всё возможное. За два с половиной месяца он ухитрился досконально изучить изменения, что произвело заклинание в Тенкином теле, разобрать на составные части саму плетёнку и заставить ученичка всё вызубрить, отдать жертву эксперимента на опыты — Тенки до сих пор два раза в неделю посещал Королевский центр адептов, подтвердить, что жизнь нинье теперь может поддерживать лишь человеческая энергия, а кровь является способом её переработать — не новость, Элгине об этом и писал, обучить Тенки успешно скрывать незаконным образом возросшую магическую силу и сделал ещё многое, многое другое.

А также, и за это Тенки чувствовал поистине неизмеримую благодарность, объяснил, что адепту не обязательно отнимать всю энергию у объекта. Достаточно регулярной подпитки: раз в две-три недели, в месяц, — чтобы вести нормальную — ну пусть почти нормальную — жизнь. Только чувствовать заранее приближение приступа нинье ещё не научился, каждый раз желание «насытиться» приходило внезапно.

— Йисх, — Ацу помедлил. — Ты ему доверяешь?

— Не слишком умный вопрос, — негромко рассмеялся Тенки. — У меня есть другой выход? Он старший, он, в конце концов, учитель, он... единственный, кто знает всю

подоплёку.

— Ты так легко об этом говоришь.

— Откуда такая досада в твоём голосе, о милый соученик?

— И всё же.

Нинье тяжело вздохнул.

— Нет. Не доверяю. Но полагаюсь. За неимением иного варианта. А ты-то чего интересуешься? Вроде сказал, что не собираешься впутываться в мои проблемы?

— Похоже, я уже испугался, — Ацу смотрел в окно.

Тенки еле удержался от желания фыркнуть — что за страдальческий тон? Конечно, была в том и его заслуга: пользуясь тем, что Ацу чувствовал себя перед ним виноватым — не помог, не проследил, не среагировал, — с полтора месяца назад, едва началась учёба, нинье заставил однокурсника составить ему компанию.

Выступить соучастником в краже.

Йисх держал в крепкой хватке нинье, а тот отыгрался на моралисте-однокурснике.

Помощь Ацу на самом деле Тенки не требовалась, он мог бы положиться целиком на свои собственные силы. Ночное зрение, необыкновенная ловкость, послушное малейшему усилию тело — заклинание принесло много плюсов, скрытая в нём «маска вора» работала на славу. Возросшая магическая сила — измерив уровень, Йисх присвистнул, с восхищением сообщив, мол, потенциальный четвёртый, дело практически небывалое, в восемнадцать-то лет, — эта сила позволила с лёгкостью справиться с охранными заклинаниями.

Пригодились и знания, полученные на уроках. Из адептов готовили боевых магов, хранителей и защитников государства, иными словами, противоположность нарушителям спокойствия, однако обязательным среди лекций значилось и ознакомление с методами оных нарушителей — весьма, весьма кстати.

Дом адепт выбрал старательно, хорошо подготовившись. Шлялся сперва по городу, бродил по рынкам, прислушиваясь к разговорам служанок. Наконец повезло — одна из девчонок хохотала, болтая с подругой: мол, жалость-то какая, хозяйева уехали, дом пуст, а она и с хахалем рассорилась, не привести никого. Усмехнулся невольно: дай я тебя навещу, хорошая. Девчонка симпатичная была, лицо, правда, простецкое, нос круглый, уголки глаз слегка книзу клонились — но смеялась задорно, и фигуркой оказалась ничего. И, главное, своя — нинье.

Будущий маг проследил за служанкой, потом завёл разговор, подружился. Представился магом-ремесленником — она вроде поверила. Вечером того же дня пришёл дом посмотреть, и девчонке на глаза уже не показывался, тишком пошарился, быстро; поглядел, и восвояси.

Ту ночь Тенки помнил, как сейчас. Чёрный, почти осязаемый, жидкий мрак затопил улицу, когда тщательно нацеленной ударной плетёнкой нинье вырубил фонарное освещение. Велел Ацу стоять на месте, если что, кинуть мысль и поднять шум в стороне, отвлекая внимание. Сам он, впрочем, надеялся, что обойдётся без шума. Так и получилось.

О краже этой — глупой, неловкой, почти бессмысленной — чего там вынести удалось, побрякушек с горсть, знал Йисх. Знал и смотрел сквозь пальцы, словно подначивал даже, не словами — безмолвно. Ещё, верно, хихикал себе втихомолку, подбирая верёвочки, ремешки, ниточки — чтобы связать адепта, превратить в свою марионетку.

Для чего бы это Йисху — огонь его знает. Но нинье не покидало чувство, что Красноглазый присматривается к нему, ходит вокруг да около, как сам Тенки ходил вокруг облюбованного дома, наблюдает и записывает, чтобы потом найти добытым сведениям

применение.

Пока что приходилось терпеть.

Да и сбыть краденое — хотя к чему такие фразы — Йисх тоже помог.

Нинье готовился повторять ночные вылазки, готовился к новым попыткам и тщательному выбору подходящих для дела домов, ибо за один раз набрать нужной суммы не смог. Сердце захватывало ледяной горстью, когда Тенки представлял, что станет с ним в случае, если попадётся, — но вместе с тем нинье непреодолимо тянуло рисковать, устраивая самому себе неясного смысла проверки. Он непременно отправился бы на ночную прогулку снова, оправдываясь якобы необходимостью. Однако Йисх купил принесённое сполна, за цену, как подозревал адепт, гораздо выше истинной.

Красноглазый же помог Тенки справиться с последствиями заклятия — непомерной силы аурой, никак не подобающей третьекурснику. Откопал где-то хитрое заклинание на тридцать три цепочки, сказал, что государственный секрет, и запретил распространяться. Мудрёная штуковина работала славно, позволяя носителю и притушить свой уровень до неразличимого, и мгновенно раскрыться, выдавая всё полностью. Если ауру станут проверять рассчитанными на точное измерение приборами, прикрытие не сработает, предупредил учитель. Но не привлекать внимания оно поможет.

Таскать его постоянно было неудобно, но очень полезно. Особенно подарок пригодился Тенки в его гулянках по городу: раньше адепт всё опасался не вовремя наткнуться на старших, теперь мог радоваться жизни, стоило только сменить форму на неприметный костюм мастерового.

С Йисхом, в конечном итоге, получилось, как маг и говорил: тысяча мене стали его ценой за эксперимент. Вот только ему достались и доказательства преступления Тенки. Теперь при желании Йисху не составит труда избавиться от присутствия нинье в Королевской школе. Оставалось надеяться только, что желания не появится, и никакой korzyсти в использовании ученичка Красноглазый не обнаружит.

Взбунтоваться Тенки не мог, боевой маг не по зубам адепту-малолетке. Опять же — пока что.

Но вот Ацу против Тенки взбунтоваться мог. Чем и воспользовался.

Сразу после кражи элхе заявил, что не желает больше повиноваться противозаконным идеям сокурсника. Это было предсказуемо, Тенки и так уж удивлялся, что темноволосый не высказался раньше. Видно, история с кражей явилась последней каплей, переполнившей чашу терпения, хотя уже давно Тенки втихомолку ждал бури.

Буря случилась, вопреки ожиданиям нинье, тихо и мирно. Просто — с неживым, как обычно, лицом сокурсник сообщил, что потакать развлечениями Тенки не намерен. Использование знаний, полученных в школе, не на защиту граждан, а вовсе против них, нарушение права частной собственности, неприкосновенности жилищ, воровство — выйди хоть малая доля этого на белый свет, и нинье придётся распрощаться с Королевской школой.

Останавливать соученика Ацу не стал. Видимо, рассуждал, что тот и сам в состоянии принять правильное решение. Только отстранился и свёл к минимуму разговоры между ними. И с самого января словно видел в нинье преступника, более того — опасного, невменяемого маньяка, стараясь каждой фразой будто осадить мерзавца.

Быть мерзавцем Тенки не нравилось.

Но дразнить Ацу — другое дело.

Жаль, нельзя было продолжать эту забаву вечно — сейчас на первый план вышли иные

проблемы.

— Вот и закончился последний урок, ага? — Тенки глянул на застывшего под солнечными лучами сокурсника.

Ацу медленно кивнул.

— Определение, — прозвучало одно лишь слово.

— Трудно тебе, а? — усмехнулся нинье.

Темноволосый сузил глаза, посмотрел на соученика строго:

— Ты хочешь сказать, что уже решился?

Тенки оскалился в улыбке, выставляя на обозрение все зубы.

— Боевая пара состоит из светлого и тёмного ведь, ага? — сказал, не спуская глаз с лица однокурсника. Ацу молчал.

Тенки усмехнулся шире:

— Выбирай светлого.

Часть вторая, глава 14

Адепта окликнули из канцелярской, когда он, покачиваясь на носках, интересовался доской объявлений и обозначенным на ней расписанием консультаций. Хоть последний урок завершился только что, Тенки посчитал нелишним составить планы на предстоящие две недели. Впрочем, пока ещё доска была пуста, ни строчки — зря Йисх разорвался и посылал их смотреть.

— Ли-диэ!

Нинье обернулся.

— Есть письмо для вас, — улыбнулась ему женщина-секретарь, миловидная элхе средних лет. Имени её адепт не знал, да и встречал редко, но вот она, очевидно, его знала.

— Письмо? — удивился на миг Тенки. Потом сообразил: — Аксе, Валиссия? Семья Ли? Отправьте его обратно.

Никак не может мать уняться.

— Валиссия, — кивнула она, опустила взгляд на конверт. — «Одий Искан», — прочитала с мелодичным элхеским напевом.

— Одий? — кто это?

Или...

Как многие коренные жители столицы, секретарь-элхе не выговаривала букву «з»: в истинном элхеском её не было. Зато была во всеобщем и ниньеском.

Тенки схватил протянутое письмо — Озий!

Конверт и правда был подписан именем Искана. Хрен морской, сколько лет прошло! Сколько лет прошло с тех пор, когда они не то что виделись — последний раз слышали друг о друге?

Озий, как и Тенки, уехал из Аксе, оставив в деревне родителей; поселился в столице ниньеского княжества, Валиссе. Но обратный адрес указан деревенский — стало быть, старый товарищ вернулся в Аксе?

Нинье распечатал конверт тут же, не отходя от стойки, за которой приветливо улыбалась секретарь. Глянул, усмехнулся — письмо пестрело ошибками. Интересно, что побудило давнего приятеля вдруг взяться за явно чуждые ему письменные принадлежности?

Дело оказалось в матери.

Та узнала, что Озий вернулся в Аксе и, видно, решила воспользоваться случаем. Заявилась к Исканам, потребовала от старшего сына, писал Озий, связаться с приятелем, велела передать Тенки «не выкаблучиваться» и отвечать на послания как следует.

Тенки поморщился. Мать и в самом деле считает сына идиотом, если полагает, что письмо друга заставит его образумиться.

Однако Озий не только передавал материнский приказ. Он также писал о том, что происходило в деревне, писал, словно взял на себя обязанность ознакомить Тенки со всеми изменениями в Аксе.

Местный богач купил ещё одну лодку и набирает команду. Тракт, проложенный через Аксе, всё разрастается, чаще появляются новые люди. В центре выкопали новый колодец, гораздо глубже прежнего — тот совсем пересох.

Тенки скользил глазами по строчкам, особо не вчитываясь.

«Алли», — зацепился взгляд, — «ребёнка». Вернулся, перечитал: «в октябре прошлого года». «Девка». Это кто девка, родилась девка?

Невольно выползла на губы дурацкая ухмылка, неожиданно искренняя: так Тенки теперь, получается, дядька? Нинье снова хмыкнул, на этот раз как-то смущённо — не ожидал от себя подобных эмоций.

«Приструнить Алли». М-м? Это о чём? «По рукам»? «Ходят слухи»? Что за слухи? «Спит с кем попало»? Алли? Так свадьба-то была?!

Озий писал о серьёзном. Сквозь ошибки и полное отсутствие запятых, сквозь неуклюжий текст упорно вставал тревожный, предупреждающий тон. Приятель волновался, и это чувствовалось.

С упавшим сердцем Тенки быстро дочитал письмо до конца.

Прислонился к стене, запрокинул голову, закрыл глаза. Рука с зажатой бумагой опустилась. Слёз не было. Возмущения не было тоже. Только пустота.

Замуж Алли не вышла. Вернее всего, никакого жениха никогда и не было — Озий писал, что Алли давно уже повадилась спать с проезжающими через Аксе, то за деньги, то за побрякушки, то и вовсе — за просто так. Деревня судачила, кумушки шептались за спиной у девки Ли, всерьёз на неё никто не глядел, хотя некоторые из парней и соблазнялись.

Забавно. Тенки усмехнулся, не открывая глаз.

Его сестра была шлюхой, вот оно как.

— Ли-диз, — выглянула женщина из канцелярии, заставляя его собраться, — вы в порядке? Плохо себя чувствуете?

— Спасибо, — ответил адепт через силу. — В порядке.

Отлепился от стены, поспешил подняться на второй этаж, вошёл в библиотеку — шагал быстро, мысли цеплялись за какую-то чушь. Ступеней в лестнице оказалось тридцать восемь — надо же, никогда не знал.

Сел за пустой стол и только тогда сообразил, что смял конверт, так сильно сжимались пальцы.

Озий писал не только о сестре. В июле Тенкина мать заявила в единственный трактир Аксе и торжественно объявила, что отдаёт долг. Собравшихся эти слова заинтересовали: все знали, Ли пьёт не просыхая и любая монета в их доме идёт на алкоголь. Трактирщик уже отказал женщине несколько недель назад: он и надеяться почти перестал, что когда-то Ли заплатит по счетам; баба тогда вопила как оглашённая и чуть ли в волосы хозяину не вцепилась, хорошо, оттащили невменяемую. А тут вдруг пришла сама, да не снова в долг просить — с хвастливым: «Теперь-то вы все мне в ножки поклонитесь, денежка, чай, всем любя». И правда — денег у вдовы оказалось немерено.

Конечно, у неё спросили, мол, где взяла, посмеялись: с дочерью на пару разделали небось какого чужака, младшая заманила, а старшая по черепу тюкнула. Однако баба с гордостью заявила, что деньги ей прислал сын, дескать, в городе магом промышляет, зарабатывает хорошо, вот и снабжает семью.

С тех пор вдова Ли заявлялась в трактир чуть ли не каждый день, а дочь её гуляла напропалую, даром что уже сильно брюхатая ходила. Потом, правда, после рождения внучки, баба поуспокоилась, да и мамаша молодая — не сказать, за ум взялась, но вроде присмирела. Деревенские кумушки, однако, болтали, что нечисто дело с этими деньгами — ежели и взаправду сын прислал, так отчего же сам не едет, чай, и племянница вот народилась? Впрочем, Тенки и так бывал в Аксе нечасто, благодаря этому всерьёз его имя не

трепали.

Тем пуще удивился Озий, когда притащилась вдруг к Исканам мать Тенки.

Старый приятель писал сообразно не столько даже настоятельным просьбам неугомонной вдовы, сколько согласно внутренней нужде, не ограничившись простой передачей чужих приказов. Спрашивал: слышал ли он, Тенки, что в деревне творится, чем его сестра промышляет? И не прояснит ли наконец, откуда взялись те деньги?

На том письмо заканчивалось.

Тенки скомкал бумагу. Смял изо всех сил, словно пытаясь отделаться от гадливости, которую вызывало прикосновение. С отвращением отбросил, проследил, как бесформенный комок катится по ровной столешнице. Докатившись до конца доски, бывшее письмо замерло, будто раздумывая, и медленно перевалилось за край, исчезая с виду. Послышался тихий шорох — бумага упала на пол.

Мать.

Значит, всё это с самого начала было выдумано. Сказки о каком-то парне, который не хочет жениться на Алли без денег, просьбы поторопиться, беспрестанные упрёки и угрозы. Хотя Алли и правда была беременна, то есть, какой-то парень точно существовал. В любом случае, винить этого предполагаемого человека Тенки не мог — кто ж захочет жениться на шлюхе? Да и знал ли он вообще, что подружка его на одну ночь понесла? Знала ли сама Алли, от кого именно из своих любовников — а их, без сомнения, было немало — она зачала ребёнка?

Ха-ха.

А мать, небось, ещё и подначивала. Понимала, что без веской причины ей не добиться от сына денег. Трактирщик перестал отпускать в долг — не в том ли причина? Вот и придумала хороший, безотказный план? Не погнушалась использовать дочь, не задумалась перед тем, чтобы поставить в безвыходное положение его, Тенки.

Ха-ха. И правда ха-ха.

И что ещё смешно — она ведь, как писал Озий, с гордостью рассказывала: мол, деньги от сына. Ещё, наверное, в какой-то момент сама принялась себе верить: и что Тенки сам вызвался помочь им, и что Алли тоже нагуляла ребёнка лишь по своей собственной небрежности, и что она, мать, поступила абсолютно правильно. Да ведь она и изначально не считала, будто ошибается, вовсе нет. Наоборот: сын должен помогать матери, а чем и как помочь — решать ей.

Так ведь с самого детства было.

Мать никогда не относилась к ним с Алли как к самостоятельным, свободным людям. Считала их частью самой себя, придатком, обязанным служить безропотно.

Ну что ж, ничего не изменилось.

Адепт усмехнулся.

Ничего не изменилось, и то, что сделано, уже сделано, не поправить. Уже год как ему семнадцать, и по законам Тенки в состоянии сам располагать собственной жизнью. А ещё через два года сможет создать семью, не нуждаясь ни в чём разрешении и благословении.

Хотя чего-чего, а намерения создавать семью у него точно нет.

Еле-еле от одной избавился.

Избавился. Забавно.

Вот так. Вот и ответ на вопрос Искана: Тенки не собирается ехать в деревню и пытаться остановить мать, устроить жизнь сестры. Адепт вообще не собирается возвращаться — да и

зачем? Больше ему нечего делать в валиссийской деревушке на побережье, он ушёл, исчез, умер. Да, умер — и пусть о нём забудут в том месте, где он родился.

В канцелярии нинье скажет, чтобы письма с аксеским обратным адресом шли обратно — с пометкой «адресат выбыл». Третий курс заканчивается — впереди четвёртый и пятый, когда школа уже не будет связывать твёрдым расписанием, когда будущие маги окажутся вольны располагать временем по желанию. И...

Нет.

Нет, перестать отсылать матери ежемесячные гроши, что оставались с каждой стипендии, Тенки не может. Пусть подавится, но будет хоть какая поддержка — она ж пропёт тысячу мене за пару лет, что потом будет делать?

Пусть. Десять мене раз в месяц — его откуп от сыновних обязанностей. Пусть мать получает свои деньги, может, так хоть Алли достанется меньше поправок.

Адепт поднялся, не беспокоясь об упавшей на пол бумаге — подберёт уборщик.

Мать, сестра, Аксе — эти слова отныне значили для Тенки не больше, чем ненужное письмо. И как письмо, он смял их и выкинул из своей жизни. Его будущее теперь не связано никакими обязательствами — осуществил сполна. И можно заняться тем, чем хочется заниматься на самом деле. Тем, к чему он чувствует склонность. Тем, чем надо заняться, в конце концов.

Сегодня ночью Тенки наконец попробует проникнуть в подземные библиотечные этажи. Искать сведения о заклинании Элгине — до сих пор нинье медлил, сам не зная, чего ждёт. Наверное, как раз подобного толчка, вроде этого письма, которое скажет: уже нечего терять.

Сожалений нет — ну так пойдём вперёд.

Чтобы штурмовать учебные твердыни, Тенки дождался ночи: теперь именно в это время суток он чувствовал себя наиболее уверенно. Заклинание лишило его необходимости во сне, подарило ночное зрение и сделало тьму верной подругой.

Школа спала — и общежитские крылья, наполненные сопением учеников, классные помещения, гулко пустые ночью, коридоры в свете кривого месяца, изредка проглядывающего сквозь тучи, холл главного здания в желтоватом служебном освещении — везде разлилась тишина, доверху наполнила помещения, словно стоячая вода заболотившегося озера.

Нинье шёл в этой тишине, едва различая собственные шаги — так осторожно двигался. Йисх рассказал ему, куда надо попасть и что искать, снабдил подробнейшими инструкциями — ещё один непонятный поступок учителя. Мотивами его поведения Тенки устал задаваться, действия Йисха казались непостижимыми. Оставалось лишь подстроиться под эти действия и ждать, когда жизнь повернётся иначе.

Двери подземного хранилища школьной библиотеки запирались заклинанием. Резонно: справляться с замками, закрытыми лишь механически, ребят научили ещё на первом старшем, детская забава. Здесь же игрушками не обойтись, необходимы знания и сила.

Знания, благодаря Йисху, у нинье имелись, да и без его подсказок заклинание оказалось знакомым. Как с ним совладать, Тенки понимал. Теоретически.

Вот только хватит ли уровня его силы — понять лишь предстояло.

Адепт остановился в двух шагах от массивной железной двери, выделявшейся на фоне стены огромными заклёпками. Не понять, то ли для красоты, то ли для устрашения — вряд ли украшения эти имели практическую функцию.

Вздыхнул, выгоняя из головы посторонние мысли. Снял маскировку ауры, по приказу Йисха ставшую с января его неотъемлемой частью; обрадовался непривычной свободе. Выстроил в мыслях отпирающую цепочку, сосредоточился.

Сила знакомо запульсировала в кончиках пальцев, пробежала по губам болезненной кислотоватой молнией. Тенки поднял руку, нащупывая узы, наложенные на дверь. По телу пробежала горячая волна, выступил пот.

Хороши заклинания.

Нинье осторожно коснулся фигуры ключа — завязанная в чарах магия ответила мощным дыханием, жарким, оглуляющим, — стиснул зубы. Кончики пальцев зудели, саднили, жалуясь на переизбыток энергии. Сила текла сквозь тело Тенки, вливалась в цепочку на двери, медленно, очень медленно начинала ключ энергией, достаточной для оживления.

На лбу выступили, скатились по лицу капли пота. Тенки досадливо сморгнул.

Знак ключа засиял. Ещё чуть-чуть.

Есть!

Сила переполнила ключ, разбежалась огоньками по всей сети заклинания. Дверь бухнула, будто ударил гром где-то вдалеке — Тенки чуть не отпрянул. Испугался на миг, что услышат сторожа-надзиратели, прибегут, потом сообразил: воспринял звук не ушами, во внешнем мире по-прежнему плавала тишина.

Железные углы двери загорелись сине-чёрным, по заклёпкам побежали холодные серебристые линии.

Так и есть — для украшения это железо и присобачили, делать им нечего, что за тяга к бесполезной эстетике.

Дверь подалась назад, скользнула в сторону. Перед нинье открылся серый сумрачный проход, где тут же загорелись прямые тускло-зелёные линии, ведущие вперёд. Неизвестно зачем предварительно оглянувшись, Тенки шагнул в приглашающе разверзшийся проём.

Ладонью провёл по лбу — рука вернулась мокрой. Да и одежда была влажной. Жар ушёл, стало прохладно.

Отлично, он попал внутрь. Теперь, по сведениям Йисха, надо искать архивы экспериментов. Ключевое слово — Эллгине. Буква «э», первая по алфавиту. Следовательно, где-то недалеко от входа.

Шкафы с горевшей над ними «э» Тенки нашёл легко. Двинулся вглубь, одним глазом скользя по табличкам с названиями, искал раздел «элл». «Эю», «экиме», «эггана», «эл»... а вот и «элл». Глянул вправо: ага, тут уже «эма».

После затяжных манипуляций с чарами — как здешние работники ухитряются доставать нужное?! — удалось вытащить ящик «Эллгине». Тенки отбуксировал его до одного из столов, заставил опуститься на твёрдую деревянную поверхность. При соприкосновении раздался глухой стук: ящик был заполнен доверху.

Отыскать в массе архивов записи об энергетических экспериментах вышло далеко не сразу — кажется, Тенки потратил не меньше часа, перебирая книги, и ноги изрядно затекли, жалуясь на отсутствие стульев, которых не нашлось нигде: то ли предполагалось, что засиживаться в подземной библиотеке никто не станет, то ли мебель прятали в скрытых от

взгляда шкафах. Зато, когда адепт напал наконец на нужную информацию, ниточки потянулись быстро, одна за другой, и нинье, забыв обо всём, погрузился в чтение с головой.

Задействованных в эксперименте оказалось немало, больше, чем адепт ожидал. Вокруг Эллгине собралась кучка энтузиастов, наперебой кричавших о важности его исследований; одно время изысканиями учёного заинтересовались маги королевской службы — предшественники нынешних боевых, в каком-то смысле старшие Тенки. У старика-философа в подчинении пребывало порядочное количество народу, а «Алый бутон», как Эллгине называл свою плетёнку, «пробовал нектар» двенадцати человек.

Нинье поморщился: даже здешние архивы не избежали цветистых выражений. Под «нектаром», видимо, понималась кровь, «пробовал» двенадцать человек означает, что действию заклинания подверглись двенадцать. Интересно, почему именно такое число. Когда-то оно считалось божественным — не в том ли дело?

И что случилось с теми двенадцатью?

После изобретения заклинания прошло больше двух сотен лет, за это время сыграет в ящик любой долгожитель. Но всё же узнать, что происходило с его предшественниками, Тенки очень хотел, хоть и не питал надежды найти здесь полноценные биографии.

Двенадцать человек — все мужчины. Девятеро — элхе, трое — нинье. Старикан и впрямь подходил к задаче основательно: испытуемые различались не только расовой принадлежностью, но и возрастом. Младшему на момент испытания исполнилось шестнадцать — Тенки чуть не присвистнул: на два года младше него! Старшему было около шестидесяти, для элхе не так уж много.

Один из этих двенадцати умер сразу в ходе эксперимента, «сердечная мышца не выдержала интенсивного энергетического воздействия», писали архивы. Нинье поморщился, кивнул понимающе: ещё бы, ни в чём винить того человека не получается, слишком свежа ещё память о собственном опыте. Да и заклинание тогда применялось впервые, действовали вслепую, на ощупь.

По прошествии недели умерло ещё пятеро, причиной стали «изначальные проблемы со здоровьем». Все умершие, говорилось в архивах, являлись немагами — основываясь на этом наблюдении, экспериментаторы во главе с Эллгине заключили, что возможность управлять магической энергией облегчает испытание. Маг, в обыденной жизни непременно сталкивающийся с необходимостью пропускать через себя большие количества энергии, переносит заклинание намного легче.

Тенки покивал — сделалось забавно, будто нинье притворялся, что отлично понимает всё до мелочей. Ну да, может, именно своей «магической составляющей» адепт обязан был тем, что выжил. Хотя с другой стороны — выжила ведь и собака?

Но ладно, что в архивах дальше?

Шестеро немагов погибли. Шестеро магов остались жить. Среди них — как много тут шестёрок, прямо хоть демонов приплетай, их ведь цифра — и шестнадцатилетний элхеский мальчишка, и шестидесятилетний мужчина. Оба они были магами, значит.

Нинье на миг задумался, пытаясь представить сгинувшего в дали прошедших лет ровесника. Впрочем, неизвестный мальчишка был элхе, то есть ровесником мог называться лишь номинально. Наверное, он не слишком понимал, что с ним происходит, чего хотят старшие маги.

В отличие от него, Тенки сделал свой выбор более или менее сознательно.

Адепт поднял голову, без особого смысла глянул вверх. Горели неяркие зелёные линии

вспомогательного освещения, остальное тонуло в плотном сером тумане. До эксперимента ему бы здесь, верно, показалось темно, хоть глаз выколи. Тенки коротко вздохнул и снова принялся за испещрённые буквами страницы.

Шестеро магов перенесли необходимые изменения. Пятеро из них, как того и требовал опыт, получили доступ к «нектару жизни», то есть опять же крови. Один был оставлен для сравнения результатов, называли его «контрольным образцом». И этот один — Тенки вымученно усмехнулся — натурально, окочурился. Экспериментаторы предположили, что изменённый организм не имел другой возможности получать энергию. Прежние энергетические потоки перестали удовлетворять затраты подвергнувшегося заклинанию тела.

Вот как. Значит, на улицу Тенки гнал своеобразный инстинкт самосохранения? Не выйди он в город, не встреть в подходящем месте подходящий «объект», давно бы уже отписали матери, мол, так и так, не извольте беспокоиться, похороним за свой счёт.

Или жизнь — или жизнь. Когда одна из них твоя собственная, а другая принадлежит чужаку, выбирать не так уж сложно.

Зато теперь Тенки знает, что будет с ним в случае долгого воздержания.

Или смерть — или смерть. Всё в этом мире и правда друг на друге завязано.

Оставшиеся пятеро, интересно, радовались ли тому, что выжили, или же проклинали судьбу и безразличных ко всему, кроме науки, мучителей? Никакие сведения о жизни, происхождении подопытных в архивах не указывались — пошли ли они на этот эксперимент добровольно, или же их заставили? Ещё Астеаки говорил, что иногда опыты проводят на приговорённых к смерти, пообещав им вместо казни пожизненное заключение; быть может, те двенадцать были осуждёнными, преступниками?

За выжившими тщательно наблюдали. У каждого из них заклинание трансформировалось по-своему, проявились разные черты — но разница эта была лишь в мелочах. Главная задача, поставленная Эллгине, оказалась выполнена: все пятеро получили способность настраиваться на магический профиль жертвы и забирать у неё необходимое для поддержания жизни количество энергии. Первая часть эксперимента на этом завершилась. Исследователи занялись второй — возможностями, которые даровало подобное заклинание.

Нинье оторвался от чтения, потянулся, расправил затёкшие слегка плечи. И снова нагнулся над записями.

Погодите, эксперимент завершился? Так а что случилось с выжившими?

Тенки зашелестел бумагами. Наконец углядел: «описание результатов наблюдения над объектами исследований». Жадно раскрыл папку, впился глазами в ровный текст.

Здесь данные указывались отдельно — для каждого из пятерых своя тетрабочка, тоненькая, но полностью исписанная графами, таблицами, расчётами поглощения энергии. Тенки просматривал цифры бегло, искал пресловутое описание результатов, громко обещанное в заголовке.

Данные пятерых следовали в алфавитном порядке, но подопытных называли не по именам, — это Тенки заметил и раньше — по буквам: первым шёл «Э», элхе, на момент начала эксперимента тридцати двух лет, маг седьмого уровня силы.

Тогдашний седьмой уровень, быстренько посчитал Тенки, соответствует нынешним два ноль восьми. Эх, на сегодняшний день — уровень третьекурсника Королевской школы, пусть многообещающего третьекурсника, но, как ни крути, ещё адепта! А тогда называлось торжественно — «седьмой».

«Э» перенёс опыт хорошо — разумеется, оценка выдана в сравнении с общим фоном. Переход на новый способ поглощения энергии тоже прошёл удовлетворительно. Наблюдение установлено. Через полгода после эксперимента подвергся измерению уровня. Поднялся до одиннадцати.

Невероятно.

До одиннадцати?! Столько времени назад? До открытия полюсов, до деления на тёмных и светлых?! Да тогда же «десять» считалось потолком для любого мага, а «двенадцать» недаром было божественным числом — достигавших подобного уровня по пальцам одной руки можно было пересчитать. За всю историю магического мира!

Одиннадцатый уровень — от трех ноль пяти до четырёх — это ведь и нынешние показатели Тенки.

С лихорадочным жаром нинье кинулся читать дальше.

Через год после эксперимента — объект жалуется на недостаточность энергии. По результатам проверки решено повторить употребление «ци» — так здесь называли кровь, «жидкость «ци», — вернее всего, заключил Тенки, от первой буквы слова «циэми», что и означало кровь.

Повторить употребление?

Неужели они хотят сказать, что «объект Э» не... питался год?

Тенки перелистнул назад, заметался глазами по странице. Потом спохватился, вернулся к прежней книге, описанию самого эксперимента. Ведь умер же у них один, потому что не давали крови?

Однако всё было правильно. После заклинания пятерых завязали на кровь, точнее, на чужую энергию. А один отправился к праотцам, потому что не получил к этой чужой энергии доступа. Но выжившим пятерым, и в самом деле, больше крови не давали. «Э» выдержал год, остальные... от возбуждения Тенки помял тонкие тетрадные листы, стремясь скорее заглянуть вперёд.

Так и оказалось. Симптомы нехватки энергии у всех пятерых проявились примерно в одно время, через год после эксперимента. Адепт глянул кстати и уровень — и тут тоже увидел ожидаемое: сплошь цифры одиннадцать и двенадцать, не меньше.

Ох ты морской зелёный осьминожий хрен!

Тенки болван — конечно! На что им было тратить ту энергию, никто не накладывал на них жрущую безмерно «маску вора». Неудивительно, что жили все те маги себе тихо-мирно целый год, пока... пока не оказалось — не так и просто заклинание иле Эллгине.

И что же? Что потом?!

После вторичного употребления «жидкости ци» объект «Э» не проявлял никаких отклонений от нормы — своей новой нормы — ещё примерно десять месяцев. Тенки посмотрел результаты остальных: период варьировался от девяти месяцев до четырнадцати; но всем пятерым опять потребовалась энергия.

Что ж, логично. После наступления Рассвета Тенки приходилось «жрать» примерно раз в месяц — тем, стало быть, раз в год.

По независимым от исследователей обстоятельствам, рассказывала тетрадка, в случае с одним из подопытных, объектом «Ллин», предоставить энергию вовремя не удалось. Адепт закусил губу: что скрывалось за сухими строчками отчёта? Почему не удалось, не было ли это намеренным действием, ещё одной проверкой, очередным экспериментом?

После смерти «Ллина» — чего ожидали хреновы экспериментаторы? — выживших

осталось четверо. Трое элхе, один нинье. Тридцатидвухлетний «Э», шестнадцатилетний «Лэй», шестидесятилетний «Иэ» и единственный нинье, двадцатилетний «Ээн».

К слову, диагноз — такой же сухой, как всё остальное — был одинаковым во всех случаях: смерть в результате чрезмерного истощения.

Тенки на миг оторвался от бумаг. Поднял голову к тонущему в серой мгле потолку. Зелёные огни горели ровно, успокаивающе. Но архивы по Элгине не обладали свойством успокаивать.

Было почему-то смертельно страшно читать дальше.

Но для чего тогда он сюда явился?

Тенки глянул в самый конец раздела «Э». Дата смерти. Шесть лет после эксперимента. Раздел нинье «Ээна» — четыре года после эксперимента. Мальчишка «Лэй» — восемь лет. Самый взрослый «Иэ» — пять.

Диагноз: чрезмерное истощение.

Все четверо. Да что там, все шестеро магов. Все двенадцать подопытных.

Нинье усмехнулся. Отложил тетрадку.

Сердце билось тихо и мерно, стучало себе, как ни в чём не бывало. Мир стоял на месте, ночь дышала вокруг.

Тенки провёл ладонями по лицу, впиваясь пальцами в кожу, сильно, до боли.

Он-то ещё жив.

Ещё жив и не собирается умирать. Ни через четыре года, как тот нинье, ни даже через восемь, как элхеский его сверстник под буквой «Лэй».

Да и рано отчаиваться.

Адепт выдохнул, выдохнул глубоко-глубоко, выгоняя из лёгких весь воздух, до последнего предела, пока не показалось, что уже не сможет дышать. Тогда медленно и плавно, еле-еле ощущая движение воздуха в грудной клетке, вдохнул.

И снова притянул отодвинутую на край стола тетрадку.

К обложке в конце её крепились отдельные листы с загадочным: «непроверенные сведения, позднейшие исследования». Тенки глянул с интересом — но тут же он потерял: здесь перечислялись основные слухи, сопровождавшие проект. Увидел пару-тройку забавных, усмехнулся.

Похоже, из-за обилия шестёрок в чьих-то не слишком умных головах зародилась мысль о замешанных в эксперименте демонах; демоном считали и самого Элгине, и его главных помощников; также наличествовало мнение, что, помимо перечисленных двенадцати человек, заклинанию подверглись и сами представители демонского мира; по иному мнению, Элгине служил лишь марионеточной куклой для опять же пресловутых демонов.

Демоны-демоны-демоны — Тенки скривился — разве ж демоны вмешиваются в нашу жизнь? Зачем им нужны эксперименты с людьми? Разве мало своего материала? И какая связь между шестёрками и демонами, кроме глупых суеверий? Неудивительно, что место этим предположениям в серьёзной книге не нашлось, так и оставили, прикрепленными к тетрадке-описанию листами.

Элгине провёл подобный эксперимент на себе самом — кричали строчки. Элгине заставил окружающих поверить в свою смерть, а на самом деле ушёл в демонский мир. Элгине никогда не был человеком. Элгине был женщиной — Тенки фыркнул. И закрыл тетрадь — с него хватит. Элгине-баба — да, это было бы сенсацией.

Вот только за такое количество лет подобное неизбежно выплыло бы наружу.

Ладно, про Элгине адепт выяснил. Маг ненадолго пережил своего последнего подопытного — того мальчишку-элхе. Умер Элгине на девятый год после величайшего творения своей жизни, заклинания, что он назвал «Алым бутоном».

Элгине умер. А спустя несколько десятилетий после смерти учёного-философа его изысканиями заинтересовались боевые маги. Шла Великая война — любой способ достичь победы казался драгоценным.

Йисх как-то обронил: мол, использовал в отношении Тенки чары, которые накладывали когда-то на магов-шпионов. Чары, замешанные на заклинании Элгине, по действию очень похожие на «маску вора», сообщавшие хозяину поразительные ловкость и скорость, замечательный слух, орлиное зрение — массу положительных эпитетов придумывали поэты, но маги знали, чем оплачены подобные возможности.

Тенки нагнулся над ящиком.

Вот оно.

«Применение магии в военных условиях». Тоненькая брошюра с жирной пятёркой на обложке — ну хоть тут не шестёрка — «пятый номер, разведывательная деятельность».

Посмотреть адепт хотел только одно. Сколько лет после применения заклинания оставались в живых те шпионы?

«Идемес Аторана». Восемь лет.

«Эйели Гиннеру». Четыре года.

«Инневен Вейст». Как странно, элхеское имя, ниньеская фамилия. Неужели полукровка? Пять лет.

«Атери-иле Ваиму». Четыре года.

Взгляд Тенки устал путаться в именах, потеряв способность их воспринимать. Двигался вниз по тонкому столбику в огромной таблице общих сведений.

Шесть лет. Четыре. Семь. Десять. Восемь. Восемь. Шесть. Пять. Десять.

Причину смерти здесь не сообщали.

Но светловолосый адепт догадывался. Два слова: «чрезмерное истощение».

Никто из них не прожил больше десяти лет. Никто, ни один. Ни элхе, ни нинье, ни тот старый «Иэ», оставшийся лишь буквой в отчёте, ни молодой «Лэй».

Никто, испробовавший «Алый бутон» на своей шкуре. Зависимость от чужой энергии, необходимость перерабатывать количество, намного превышавшее обычные способности человеческого тела — вот в чём причина бесстрастной формулировки: истощение. Это не духовное истощение, это физическое — когда организм сходит с ума и начинает гнать энергию сквозь себя, не находя способов распределить её, справиться с избытком.

Значит, десять лет.

Нинье усмехнулся. Выпрямился, посмотрел на груды разбросанных книг и тетрадей, желтоватых от старости листков, на внушительный ящик с надписью «Элгине».

В январе Тенки исполнилось восемнадцать. В январе сорок второго года Рейки.

Увидит ли он Рассвет пятьдесят второго?

Осталось десять лет.

Часть вторая, глава 15

1995 год от Рождества Христова

Таллинн

Этот апрельский денёк выдался тёплым. Недавно ещё накрывавший весь Таллинн снег растаял, превратился в серые лужи, размочил землю, и Мирт бегал по этим лужам, как сумасшедший, как щенок, довольный и весёлый до невозможности. Время от времени пёс скашивал на хозяйку круглый лиловый глаз, радостно ухмылялся жарко открытой пастью и угрожал забрызгать грязной водой, когда крутился рядом с неторопливо шагающей девушкой.

— Давай, иди от меня! — приказала Юля, нарочито презрительно морща нос. — Нечего, нечего!

Направлялись они на Штромку, туда, где пустынная в середине весны полоска коричневого пляжного песка отделяла жилые районы от моря. Место, любимое обоими, и собакой, и его хозяйкой. Мирт будет прыгать в воде, мотать ушами и кусать набегающие волны, а Юля сядет на качели и улетит в другой мир. Больше всего на свете девушка любила качели.

Когда закрываешь глаза и взлетаешь в холодном весеннем ветре, замрёт, бывает, сердце и засосёт под ложечкой, и покажется вдруг, что действительно летишь, взаправду, по-настоящему. И только ледяное на ощупь железо под ладонями мешает поверить — а так хочется иногда отпустить его и не держаться вовсе.

Мирт учуял море, оглянулся на хозяйку, глаза блеснули.

— Ну чего? — кивнула ему Юля. — Я ж тебя не держу — беги!

Пёс умчался, только длинный хвост взметнулся и исчез между поросшими редкой травой песчаными холмами. Пройдёшь по тропинке между этими холмами и ты уже на пляже, по левую руку качели, впереди — море. Впрочем, море уже виднелось на горизонте серой полоской, выглядывало в промежутках между барханами.

Юля последовала за собакой. Вышла на пляж, ступни утонули в песке. И сразу недовольно скривилась: качели оказались заняты. На обеих досках устроились мальчишки лет по тринадцати-четырнадцати и, взлетая чуть не вверх тормашками, оживлённо переговаривались. Сказать вернее, даже перекрикивались, ребячьи голоса далеко разносились по безлюдному пляжу.

Подходить к качелям девушка передумала, уселась на скамейку сразу за ними, вытащила из рюкзака книжку. Ладно уж, подождёт, пусть и Мирт насладится себе игрой с морем.

Дети на качелях Юлю не замечали, болтали беззаботно.

— Кстати, спасибо за кактус! — донеслось до девушки.

— А, да ничего, — эхом ответ. — Не стоит, как говорится, благодарности.

— Прикольный подарок, мне ещё никто не дарил кактусов. Надо будет ему имя дать.

Смешок.

«Ну у них и подарки, — подумала Юля, — кактусы — ещё и имена дают». На этом решила не вслушиваться, тем более что книжка была из интересных, не оторваться.

Выглянуло солнце и гладило теперь по скамейке, рядом шумело море, Мирт где-то

бегал — словом, идиллия. Периодически Юля поднимала голову, выбираясь из книжного мира, смотрела на качели, с неудовольствием убеждаясь, что мальчишки ещё не ушли, и снова погружалась в приключения героев.

Книга была фантастической и как раз про другой мир, — возможно, именно поэтому схваченное слухом: «снится другой мир» не унеслось вместе с ветром, а ворвалось в сознание, заставляя девушку снова взглянуть на качели. Недоуменно.

— Особенно на каникулах, — ребята не взлетали теперь так высоко, что казалось, ещё чуть-чуть, и качели перевернутся, железные прутья с насаженными на них деревянными досками сидений ходили тихо. И сами голоса мальчишек звучали тихо.

— Что за мир? — переспросил левый, повернулся к Юлиной скамейке боком, с явным любопытством глянул на друга.

— Не знаю, — растерянно повёл плечом второй, на вид постарше и покрепче. — Но там есть магия, это точно.

— Магия и здесь есть, — убеждённо ответил собеседник.

Юля хихикнула про себя. В их возрасте она тоже верила в магию. Правда, верит и сейчас, только не в ту, которую показывают в мультиках и описывают в книжках. Там она слишком явная: огненные шары, зелёные молнии, полёты всякие. Подобной, как ни жаль, точно не бывает.

— Ну смотри, а что такое магия? У меня сестра такое иногда творит, магия и есть.

— Что творит?

— Ну, с птицами разговаривает. С кошками тоже. Ещё знаешь, у неё иногда так получается, как начнёт всякое вокруг летать! Тарелки бьются, — голос правого мальчишки звучал обиженно.

— Это как?

— Ну я не знаю, как-то мысленно, без ничего. Это если её разозлить.

— Так вы всё-таки иногда ссоритесь?

— Конечно, ссоримся, — кивнул мальчик серьёзно. И тут же добавил: — Только редко. И миримся сразу.

Разговор сменился, слушать о чужих семейных проблемах Юля посчитала неинтересным. Глянула на море — Мирт копал яму в мокром песке, играл. Потом снова устала в книжку.

И опять из иного мира её вырвала фраза одного из мальчишек.

— Представь, что есть боги.

Говорил мальчик, который выглядел потоньше, помладше своего друга. Не тот, что рассказывал про сестру.

— Угу.

— Они же бессмертные. Бессмертные и всемогущие. Захотел — сотворил мир, захотел — уничтожил.

— Круто.

— Круто? — левый мальчишка усмехнулся. — Ну не знаю. Мне кажется, им всё это смертельно надоело.

— Что? Всемогущество?

— А ты только подумай — если чего захочешь, так сразу получаешь! И всё знаешь, что произойдёт. Всё знаешь наперёд.

— И что?

— Скучно это, вот что! Жутко скучно, — по лицу говорящего пробежала гримаса отвращения. Или недовольства, презрения?

— Разве? По мне, так интересно было бы попробовать. Захотел — у себя наверху развлекаешься, захотел — притворился человеком, поприкалывался. Столько всего интересного можно сделать! — даже по спине правого мальчишки стало заметно охватившее его возбуждение.

Юля забыла смотреть в книгу: разговор снова принял любопытный оборот. Сначала магия, теперь боги? Забавные дети.

— Ты не понимаешь, — в словах младшего прозвучали раздражённые нотки. — Говорю ж тебе — надоедает это! Жутко! Знаешь, как можно устать вообще от всесилия?

Мальчик рассуждал так, будто знал наверняка. Юля усмехнулась. Все дети такие: сначала придумают несусветные истории, а потом сами же в них верят.

— И что тогда делать? Если они даже умереть не могут?

— Можно... — друг помедлил, — можно родиться человеком.

— В смысле «человеком»?

— Ну, можно на какое-то время отобрать у себя всесилие. По собственному желанию. Как бы запереть себя в человеческую жизнь.

— Хм.

— Ну да, смотри — человеком ведь быть трудно. То есть не трудно даже, а как-то... Ну, ты ничего не можешь, никак на всё, что вокруг, не повлияешь. Вообще ничего не можешь.

— По-моему, это не так уж и весело.

— Ну, когда ты бог, тогда думаешь, что будет забавно. Как бы игра. А потом, когда уже стал человеком, уже поздно. Ничего не поменяешь.

— И что тогда?

— Тогда живёшь всю жизнь как человек. Но когда умираешь, тогда возвращаешься к себе-настоящему.

— Хм. Интересно.

— Вот так-то.

— Получается, богам тоже непросто?

Мальчишка на левых качелях усмехнулся:

— Да не, я думаю, им с этого весело. Надо же чем-то развлекаться.

— А не скучно, наоборот? Разве человеческая жизнь такая весёлая?

— Так это же тоже боги сами решают. Перед тем, как в кого-нибудь вселиться. Или родиться. Выбирают себе жизнь. Если хотят, чтобы было тихо и спокойно, тогда рождаются себе где-нибудь на Тибете, в монастыре. Хотят быть необыкновенным человеком — рождаются экстрасенсом, там.

— Ух ты, выбрать целую жизнь?

— Да, они могут заранее прописать всё, продумать. И воплощаются, чтобы испытать. Вот, например, подумал, что лучше убрать все свои способности, а оставить только, скажем... ну, процентов десять, — и ты уже считаешься необыкновенным, там, обладающим магическим даром. А на самом деле используешь-то всего десятую часть, — мальчик выглядел задумчивым.

— Ты бы какую себе жизнь придумал? — друг его перевёл разговор.

— Я бы? — мальчик словно удивился, но сразу же хитро усмехнулся. — Я себе вполне интересную придумал.

— Чем интересную?

— Почти не стал ничего ограничивать. То есть ограничил свои силы, а знания почти не стал убирать.

— Знания о чём?

— О своём воплощении, о чём ещё. И вообще, вот увидишь — ещё масса всего интересного случится.

— Это что такое случится? — мальчик, что покрепче, заинтересовался, да и Юля прислушалась старательней.

— Откуда мне знать? — обманул друг его ожидания. — Я только знаю, что непременно случится.

— А когда?

— Этого тоже не знаю. Может, лет через пять, а может, и вовсе завтра, — Юля в который раз поразила уверенность, с какой говорил подросток.

Собеседник его привалился плечом к прутьям качелей. Он молчал, и Юле на миг показалось, что мальчишка разочарован.

— А с кем случится? — спросил он осторожно.

— Со мной, — ответил быстро друг. — За это могу поручиться.

— А со мной?

Мальчик, сидящий слева, не отвечал.

— Ну Азик, ну скажи, — заканючил правый.

«Азик? Имя какое-то восточное», — отметила Юля равнодушно.

— Ну хочешь — будет, — наконец снизошёл названный Азиком. — Только ты потом не жалуйся.

— Я не буду! — обрадовался приятель. — А Хиден?

— А чего Хиден?

— С ней что-нибудь случится интересное?

— За Хиден ты не беспокойся, — мальчишка прищурился и внезапно метнул быстрый взгляд на Юлю — девушка смутилась и поспешила опустить глаза в книгу. — С ней уже.

— Откуда ты знаешь?!

Спрошенный молчал, лица его Юля не видела, смотрела вниз, на заполненные чёрными строчками листы, но показалось почему-то, что мальчик наблюдает за ней, знает, что она слушает, и именно поэтому не хочет отвечать.

Оставаться дальше на скамейке, под чужими взглядами, было неудобно, а эти двое не проявляли никакого намерения уходить. Юля поднялась, нашла глазами Мирта, свистнула призывающе. Овчарка метнулась к хозяйке, та захлопнула книгу и, не достаивая мальчишек взором, подчёркнуто небрежно зашагала к морю.

Пара десятков шагов по побережью влево, и взгляду откроются другие качели. Надо было сразу туда идти, как только увидела, что те заняты. Вот ещё, слушала зачем-то всякий детский вздор.

Ожидания оправдались, качели были пусты. Юля уселась на деревянное сиденье, раскрыла снова книгу и начала медленно раскачиваться. Рядом пасса Мирт, гудело море, в волосах путался прохладный апрельский ветер.

Недалеко отсюда, за парой холмов, на качелях сидели двое мальчишек.

— Ты чего? — спросил один из них, глядя на друга — тот словно задумался, молчал, уставившись на море.

— Не люблю я таких, — ответил второй, продолжая смотреть на живую серую воду.

— Каких?

— Таких. Есть люди, которые не любят верить даже самому явному. Особенно если имеют дело с кем-то, про кого думают, что он ниже их. Или младше.

— Хм.

— Вот она как раз такая.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, и всё.

— Хм.

41–42 год Рейки, 4758-59 всеобщий год

4 день фестивалей Инея, Хиэй, Хоко

Льдянка чуть раздвинула бумажные двери, поставила поднос с едой на порог. Почтительно поклонившись гостям, а также развлекающей их нарии и птичкам, собралась было удалиться, но её остановил мужской голос:

— О-о! Вестница зимы! Почему я тебя не помню? — обратился к птичке один из гостей. — Входи и посиди со мной! Мне надоели летние пташки!

Льдянка вскинула испуганный взгляд. Она ещё никогда не принимала участие в вечернем приёме гостей, только в утренних церемониях — когда пьют чай и говорят о делах, и у птичек нет иной обязанности, кроме как наигрывать затейливые мелодии. Развлекать утренних гостей беседой или танцами не надо, даже нария-хозяйка обычно лишь ненавязчиво разливает по чашкам чай и подаёт угощение. А тут... Что делать? Может, убежать, притворившись, что не расслышала, не поняла, что обращаются к ней?

— Ну же! Я не кусаюсь! — мужчина рассмеялся, похлопал по полу рядом с собой. — Проходи! Садись вот сюда!

За его спиной поймала взгляд девочки Чайка, нария-хозяйка сегодняшнего вечера, кивнула: «входи, не перечь гостю».

— Быстрее! Не напускай холод! — зашептала Кукушка, подхватывая поднос. — Закрой дверь и сядь, где сказали.

Пламя негасимое! Обычно до вечерних церемоний птенцов допускают только спустя два года прислуживания на утренних чаепитиях, после длительного обучения. А тут так просто: заходи — садись — развлекай! А эта дура ещё сомневается, медлит в дверях. Кукушка неодобрительно нахмурилась.

Нет, ну точно дура. Сомнения беловолосой ещё можно было бы понять, окажись гости страшными старыми индюками. Но сегодня вся тройка как на подбор симпатичная. Молодые, красивые. Кукушка многое бы отдала, чтобы этот рыжеволосый мужчина обратил внимание на неё, а он почему-то заметил эту неуклюжую клушу в синем абито. Ну что в ней интересного? Ледышка и есть! К тому же ещё и запуганная: села за полкилометра от него.

— Как тебя зовут? — рыжеволосый подбадривающе улыбнулся.

— Льдянка, — робко, чуть слышно, испуганно пряча взгляд. Жеманничает! Дура!

Кукушка взяла кувшин с вином, подвинулась ближе к понравившемуся гостю, словно бы случайно втискиваясь между ним и ледяной птичкой:

— Господин, позвольте налить вам вина?

— Пусть Льянка нальёт!

Ну что он нашёл в этой бесцветной неумеке? Тонкая, высокая, словно жердь, нескладная. Ей даже лицо выбеливать не надо — такая бледная, ненатуральная, словно кукла. Абито толком носить не умеет: путается постоянно в длинных рукавах, подол задирает аж лодыжки видно. И эмоции — всё, что думает, на лице написано, — даже маска не помогает скрыть. Дура невоспитанная!

— Оставьте его, милая Кукушка, — позвал другой гость. — Подарите своё внимание нам.

— Выпей со мной! — потребовал мужчина, придвигаясь ближе.

— Я не... — Льянка попыталась отодвинуться.

— Не отказывайся! Я ведь не предлагаю ничего неприличного.

Девочка бросила отчаявшийся взгляд на Кукушку и Вьюрка, но птички развлекали двух других гостей, не обращая на Льянку никакого внимания.

— Ну что же ты? — рыжеволосый нахмурился. — Не будешь?

Птичка отрицательно мотнула головой. На плечи вдруг легли чьи-то руки — Льянка вздрогнула, испуганно обернулась. Нария-хозяйка, успокаивающе улыбаясь, присела рядом.

— Простите ей нерешительность, господин, — Чайка обратилась к гостю. — Льянка пришла в гнездо с прошлым Рассветом и ещё не имела счастья общаться со столь высокими гостями.

— Эрилен, так ты поймал дикую пичужку! Повезло же!

Ну вот. Ещё один гость — темноволосый, что сидел дальше всех, — обратил внимание на Льянку. Как будто ей рыжего мало! Девочка досадливо поморщилась — хорошо, что под маской не видно.

— Поймать — это полдела, — в обсуждение вступил и третий гость. — Главное теперь — приручить. Она ведь так и норовит выпорхнуть из рук.

— Ерунда! — фыркнул темноволосый. — От Эрилена ещё никто не убежал: он женщинам нравится. Правда, Кукушка?

— Да, господин, — Кукушка опустила глаза, спрятала лицо за рукавом. — Почти так же, как вы.

— Смотри-ка, знает, как сказать приятное и никого не обидеть! Умница!

— Ну а тебе я нравлюсь? — рыжий вдруг наклонился близко-близко, заглядывая Льянке в глаза. — Нравлюсь ведь?

— Нет, — ни секунды не колеблясь, ответила девушка, отвернулась от пряного винного дыхания.

— Что?! Прямо так и сказала? — Ласточка не поверила своим ушам. — «Нет»?!

— Именно, — Кукушка презрительно скривила губы, развязала придерживающие маску ленты. — Дура! Ещё и отвернулась от него, словно ей и вправду противно.

— Она сказала: «Пьяные люди не могут нравиться, потому что в них нет достоинства — одни недостатки», — Вьюрок плеснула на лицо водой, смывая макияж.

— Маленькая идиотка! Молчала бы лучше, если врать не умеет! — Кукушка выскользнула из абито и принялась надевать домашнее платье. — Не повезло тебе с

младшей, — обратилась к Ласточке, — совсем безмозглая она у тебя.

— А дальше что? — не выдержала Синичка. — Рассказывайте дальше!

— А что дальше, — сероволосая птичка пожала плечами. — Замолчали все. Даже Чайка растерялась, не знала, как неловкость загладить. Я вино пролила.

— Тоже неуклюжая дура! Испортила мне абито! Смотри какое теперь пятно на рукаве!

— Успокойся уже, — Вьюрок устало вздохнула. — Я же сказала, что всё вычищу.

— Ну а Туоррэ-илиэ? Что он?

— Я думала, он её ударит. За такое можно ударить. — Кукушка сунула испорченное одеяние сероволосой и обернулась к Ласточке. — Я бы на его месте непременно дала пощёчину. Льядянка заслужила.

— Туоррэ-илиэ взял её за подбородок, повернул к себе лицом, — Вьюрок занялась складыванием чужого абито, — целую минуту в глаза заглядывал. Мы сидели, даже дышать боялись...

— Смотри, чтоб завтра к вечеру было чистое! — Кукушка провела рукой по жёлто-коричневой ткани. — Это моё любимое абито. Не приведи Огонь, отчистить не сможешь.

— Да выведу я пятно! Сказала ведь, что выведу! — Вьюрок не выдержала, вспылила.

— А ты на меня не кричи! Тоже мне, нашлась тут... — девушка зло сверкнула глазами. — Мала ещё выступать. Чай, не нана и даже не нария!

— Хватит ссориться! Что дальше-то было?!

— А ты не лезь! — Кукушка зашипела и на Синичку.

— Дальше он рассмеялся.

— Рассмеялся?! — Ласточка недоверчиво покосилась на сероволосую. Нашла тоже время шутить.

— Да, заржал, как конь! — подтвердила Кукушка слова Вьюрка. — Так, что беседка задрожала.

— Фи! Как грубо ты выражаешься! — Синичка презрительно скривила губки.

— В отличие от некоторых идиотов, я знаю, когда можно так говорить...

— Значит, рассмеялся он, — Вьюрок продолжила рассказывать Ласточке. — И говорит, мол, это по крайней мере честно.

— Тоже головой ударенный! — Кукушка отпустила ещё один ядовитый комментарий.

— Так он на Льядянку не разозлился?! — переспросили Ласточка с Синичкой в один голос.

— Дурам везёт!

— Нет, — Вьюрок понизила голос, поманила двух птичек поближе. — Он сказал, что ещё к ней придёт, когда не пьяный. Поэтому Кукушка так и взбешена.

— Совсем не поэтому! Просто ты мне абито испортила!

— Она весь вечер Туоррэ-илиэ глазки строила, а он нашу Льядышку предпочёл. Представьте только!

Кукушка не ответила — отвернулась, гордо вздёрнув носик.

На некоторое время воцарилось молчание: девушки осмысливали произошедшее.

Вьюрок думала о том, что Льядянка поступила очень смело. С пьяными очень неприятно общаться: они, бывает, позволяют себе лишнего — и за коленки хватают, и обниматься лезут. Птичке иногда тоже хотелось отказать таким гостям, но не хватало решительности. А Льядянка — смогла. Сказала «нет». И не просто кому-нибудь, а сыну министра. Конечно, этого так просто не забудут. Нана-илиэ, возможно, выгонит девочку из Гнезда за

неподобающее поведение. И Туоррэ-илиэ, известный своей вспыльчивостью и непредсказуемостью, найдёт способ отомстить за то, что птенчик поставила его перед друзьями в глупое положение. Скорее всего, достанется семье девушки — Туоррэ-илиэ не играет по-мелкому. Кукушка тоже обид не забывает...

Ласточка размышляла, какие неприятности может ей принести столь явный проступок младшей. Совершенно ясно, что нана-илиэ этого так не оставит, а значит, Ласточке, как опекающей провинившегося птенца, грозит в лучшем случае выговор — недосмотрела, не научила подопечную правильному поведению, элементарной вежливости. Эх!

А Синичка жалела, что её не было в «Доме шорохов» и ей достался лишь пересказ случившегося там скандала. Почему всё самое интересное происходит там, где нет Синички? Как бы девушке хотелось увидеть, какое лицо было у господина Туоррэ в тот момент, когда Ледышка ему отказала.

— Ну что в ней есть такого, чего нет у меня? — Кукушка вынула из волос последнюю заколку, позволяя им свободно рассыпаться по плечам. — Не однотонностью же эта малявка всех очаровывает! Моль белая!

— Пожалуйста, не отзывайся о Льянке так пренебрежительно, — попросила Ласточка. — Как-никак она моя младшая.

— Ой! А я прям не знала! — русая взялась за расчёску. — Ты сначала манерам её научи, а потом уж я посмотрю, что и как о ней говорить.

— Стой, ты сказала «всех очаровывает», — в зачинающуюся ссору вмешалась Синичка. — Там что, ещё кто-то на Ледышку глаз положил?

— Я вроде не заметила, — Вьюрок непонимающе пожала плечами.

— Я не о сегодняшнем вечере, — Кукушка уселась перед зеркалом, провела расчёской по волосам. — Вот смотрите, нана-илиэ взяла Льянку сразу птенцом. Мы же все начинали с безымянных прислужниц — мыли полы, бегали по поручениям. Почему?

— А ведь и правда! — протянула Синичка задумчиво. — Интересно, как Ледышке удалось это проверить?

— Может, её отец заплатил побольше, чтоб дочке руки пачкать не пришлось? — несмело предположила Вьюрок.

— Ты думаешь, мой не заплатил бы?! — Кукушка смерила отражение товарки надменным взглядом. — Он нане-илиэ предлагал, я точно знаю. Тем не менее, мне, дочери главы купеческой гильдии Ци, пришлось горбатиться наравне с вами целых два года.

— Вот только происхождением кичиться не надо! — Синичка фыркнула. — То, что твой папочка управляет торговлей с земными, ещё не делает тебя важной персоной. Если уж на то пошло, мой отец хоть и не глава гильдии Мида, но играет в ней не последнюю роль. А мать — Водная аристократка. Так что социальный статус у меня повыше будет!

— Не знаю, не знаю, дитя однобраслетных. Может, на Воде ты и аристократка, а здесь — простая купеческая дочка.

— Пока мы в Хоко, неважно, чьи мы дочери, — рассудительно заметила Вьюрок.

— Действительно, оставим эту тему. Мы же о Ледышке говорили. — Кукушка поторопилась согласиться, вернуться к обсуждению Льянки — если вспоминать о том, что Вьюрок является третьей дочерью пусть малоизвестного и не очень богатого, но дворянского рода, то абито придётся чистить самой. — Значит, малявку сразу птенчиком взяли, и дело тут не в деньгах... Она должна была чем-то зацепить нану-илиэ, чтоб так получилось. Вопрос — чем?

— Тут дело в возрасте, — Ласточка взялась оправдать свою младшую. — Обычно девочек отдают в Гнездо в возрасте восьми-девяти лет, как было и с нами. Мы ведь три года привыкали к дисциплине и здешним порядкам, только потом получили имена. Помните? До вечерних гостей нас допустили ещё года через два — после утренних...

— Всё это мы и без тебя знаем, — прервала рассуждения черноволосой Синичка. — Только связи с тем, что Ледышка сразу птенчиком пришла, я не вижу.

— Когда Льянка появилась в Хоко, ей было уже двенадцать — слишком поздно, чтобы оставаться безымянной.

— Ладно, Ласточка, может быть, ты и права, — милостиво согласилась Кукушка. — Вспомним тогда прошлое Коронование Весны, когда младшие всей стайкой ходили на Хиэнне смотреть...

— А что тогда было?

— Как, ты не знаешь?! — Синичка удивлённо глянула на Вьюрка. — Вот позору-то было! — девушка поспешила поведать сплетню. — Ледышка тогда пошла без маски.

— Без маски?! — сероволосая переспросила, думая, что ослышалась.

— В узорах, как нария... — Кукушка кивнула в подтверждение. — Представь только! Безмозглый птенец в узорах взрослой птицы!

— Ей Сойка-нии разрешила! — Ласточка снова встала на защиту младшей. — Мы учились читать рисунки на лицах.

— У вас в доме Полутеней все сумасшедшие?

— Я бы попросила! — никогда раньше Вьюрок не слышала, чтобы Ласточка сердилась.

— Извини, но это действительно глупо — выпускать в город птенца-неумеху, написав у неё на лице, что она нария, — Кукушка ответила гораздо аккуратнее, чем можно было ожидать.

— У неё были узоры, положенные птенцу. Любая нария могла это прочесть.

— Хорошо, — Синичка согласно кивнула, — допустим. А как ты ноги объяснишь?

— Ноги? — Ласточка непонятливо выгнула брови.

— Ну как же! Мне Снегирь говорила, что твоя Льянка возвращалась, задрал абито по самые колени.

— Больше того, Куропатка мне сказала, что Ледышка специально подол подняла, — дополнила рассказ Синицы Кукушка, — пыталась королевских «грачилов» соблазнить.

— Льянка?! Соблазнять?! Учеников Королевской школы магии?! — Ласточка рассмеялась. Громко, искренне. — Вы меня простите, но моя младшая до сих пор не доросла до того, чтобы интересоваться мальчиками. А уж прошлой весной ей точно было не до соблазнения кого-либо — она тогда была просто счастлива, если удавалось на собственный рукав не наступить.

Март, 42 год Рейки

— Что же ты такое, Льянка? — рыжеволосый элхе откинулся на подушки. — Я четыре месяца пытаюсь тебя поймать. Всё Гнездо на уши поставил, а ты словно сквозь землю провалилась. Я уже начал думать, что действительно тогда перепил и ты мне в алкогольном бреде привиделась.

— Вам не стоило меня искать. Я не буду извиняться, — девушка гордо вздёрнула подбородок. — Что бы ни говорили, я вела себя вполне корректно. В отличие от вас.

— Льянка! — испуганно пискнула Ласточка и согнулась перед гостем в глубоком поклоне, затараторив: — Пожалуйста, простите её, господин Туоррэ. Она приехала с Воздуха и ещё плохо владеет анедвем-ми. Совершенно не понимает, что говорит...

Поток извинений Ласточки был прерван звонким смехом. Кажется, мужчина находил ситуацию чрезвычайно забавной и даже не думал злиться на младшую птичку.

— Милая Льянка, мне твои извинения нужны не больше, чем казначею ихина из кружки нищего слепца.

— Тогда зачем же вы пришли? — холодно полюбопытствовала беловолосая, расставляя на столике чайные принадлежности.

— Чаю попить. Веришь?

Мужчина задорно улыбнулся, увидев, что Льянка отрицательно мотнула головой.

Ведь с огнём играет младшая! Туоррэ-илиэ на весь город известен своим непредсказуемым характером: сейчас улыбается, а через секунду... Ласточка предпочла не додумывать, что может случиться через секунду.

— Я просто умудрился пообещать тебе, что приду, в присутствии четырёх свидетелей. Ну а потом, мне просто стало интересно...

Бумажные двери раздвинулись: в беседку плавно скользнула нария — невысокая синеволосая женщина с изумрудно-зелёными узорами на лице. Сойка-нии. И сразу отпустило напряжение: Ласточка больше не старшая, теперь за покой дома отвечает нария.

— День добрый, Туоррэ-илиэ. Я рада приветствовать Вас в доме Полутеней, — Сойка улыбнулась сомкнутыми губами. — Вижу, мои младшие сёстры не дали Вам скучать. Позвольте теперь мне составить Вам компанию.

Нария чуть заметно повела рукой, и птички ушли в глубь беседки, уступая место у стола Сойке. Ласточка взяла лютню, ласково тронула струны. Мелодию подхватила флейта Льянки — всхлипнула, почти срываясь на ультразвук, и зашептала нежно, едва слышно, — заставляя «Песню утра» искриться морозной свежестью.

Так странно: одна и та же мелодия каждый раз звучит по-другому. На вчерашнем чаепитии она дышала весенним теплом, а сегодня в ней явно слышатся холодные нотки. Одну и ту же песню не получается сыграть одинаково.

— Льянка! — Сойка-нии пригласила птенчика к столу, и Ласточка почувствовала легкий укол одиночества. У младшей появился собственный гость: кто-то, кто приходит в нарайю только ради неё. Хотя, по всей видимости, такой гость Льянке не очень нужен. А может, птенчик просто предпочла бы в качестве личного гостя иного, не Туоррэ-илиэ? У

Ласточки нет своего гостя. А ведь так хочется быть нужной кому-нибудь.

Интересно, а почему Туоррэ-илиэ выбрал Льянку? Ведь не за то же, что она его оскорбила и отказалась извиняться? Чем она его зацепила? Для чего он пытался вызнать о беловолосой всё? Что заставило сына министра заинтересоваться белёсым хокоским птенцом?

Туоррэ-илиэ расспрашивал буквально всех, и разумеется, нарии и птички отсылали его в дом Полутеней к Сойке и Ласточке. Он пытал вопросами старших Льянки: из какой девушка семьи, как давно она пришла в Гнездо, куда исчезла. Ласточка с удивлением поняла, что не может ответить. Не знала ответов и Сойка.

Сейчас Туоррэ-илиэ наконец получил возможность узнать всё из первых рук, чем не преминул воспользоваться. Вот только Льянка не желала о себе рассказывать: неохотно роняла слова, только когда молчать становилось совсем невежливо.

— Как ты попала в Хоко? — рыжий задал очередной вопрос.

— По глупости, — Льянка грустно усмехнулась. — Меня сюда в наказание отправили.

— В наказание?! — изумлённо выдохнула Сойка. Рыжий удивлённо приподнял бровь.

— Вы не подумайте, что находиться здесь мне в тягость, — беловолосая обратилась к нарии. — Мне нравится в Хоко: здесь многому можно научиться. И я не знаю другого места, где удалось бы встретить столько интересных людей самых разных профессий и социального статуса. Сейчас пребывание здесь совсем не кажется мне неприятным, но изначально меня хотели наказать. И пожалуй, первые три месяца, проведённые в нарае, действительно были для меня наказанием. Но сейчас это скорее праздник.

На пару секунд в беседке повисла странная пустая тишина. Сойка, кажется, от удивления умудрилась растерять все слова. И Ласточку, похоже, откровенный ответ Льянки смутил настолько, что она прекратила наигрывать мелодию.

— И за что же так наказывают? Если не секрет, какой проступок ты совершила? — любопытствовал гость.

— Можно, это останется моей тайной? — Льянка подняла на гостя взгляд, робко улыбнулась. — Я и так уже, кажется, наговорила много лишнего и напугала Сойку с Ласточкой.

Этот рыжий задает слишком много личных вопросов, зачем-то пытается вывернуть душу Льянки наизнанку, вызнать всё. Для чего ему это надо? Что за игру он затеял?

Полтора года назад, Хоко

— Нет, не так! — Ласточка устало прикрыла глаза рукой. — Маленькие шажки. Слышишь меня, ма-лень-ки-е! Всего в полстопы. Попробуй ещё раз!

Беловолосая послушно засемила по беседке, изо всех сил стараясь не запутаться в узком подоле и не наступить на длиннющие, волочащиеся по полу рукава.

Ещё неделю назад ей казалось, что самое ужасное — это полтора часа неподвижно стоять, вытянув в стороны руки, пока портниха булавками отмечает на каждом из пяти слоёв ткани длину и места, где пойдёт вышивка и лягут складочки.

Сегодня днём девочка поняла, что лучше бы она ещё часок-другой провела в ателье, чем сама одевалась в абито — наряд нарии. Хиден пришлось четыре раза начинать всё заново, пока наконец Ласточка, опекающая её девушка-птичка, — то ли по доброте душевной, то ли

от полного отчаяния в способности навязанной ей белобрысой малявки справиться с чем-либо самостоятельно — не помогла, показав, в какой последовательности что надевать.

Теперь же Хиден, нет, Льянка — здесь всех называют именами птиц — осознала, что и примерки в ателье, и процесс облачения — это только цветочки по сравнению с тем, что её ожидает. В абито ей придётся провести весь вечер. И не просто молчаливой, улыбчивой куклой сидеть за невысокой ширмой в самом тёмном углу домика-беседки, следя за действиями старших товарок, учась церемонии, как она делала последние семь дней — «познавая в наблюдении». С сегодняшнего вечера Льянка наравне с другими птенцами должна помогать птичкам и наряям принимать гостей: провожать посетителей до гнёзд-беседок, носить подносы с угощением, разливать напитки по чашечкам, играть на флейте и — упаси Огонь! — танцевать.

— Подбородок выше! Движения плавней! — черноволосая красавица продолжила давать указания. — Не надо всё время глядеть себе под ноги: ты же не служанка. Ты птенец, будущая нария, хозяйка. Покажи это гостям.

«Подними глаза. Двигайся плавней!»! Как будто Хиден из скромности в пол смотрит. Да если не смотреть вниз, мигом упадёшь!

Девочка в очередной раз наступила на рукав. Не платье — сущее наказание! Эти абито словно особо изошрённые орудия пыток — широкий, туго затянутый пояс заставляет всё время держать спину прямо; подметающие пол рукава постоянно лезут под ноги; многослойный наряд опутывает тело, сковывает движения. А ещё непривычно голо плечам, и ткань норовит сползти всё ниже и ниже, особенно когда наступаешь на рукав. Ну зачем нужны такие длинные рукава?!

А обувь! Неужели Ласточка — хрупкая, похожая на фарфоровую куклу-принцессу, присланную мамой с папой из Китая на прошлое рождество, — согласилась носить тинэ добровольно? Они же такие неудобные: узкие, на высоченной платформе, которая в основании в два раза меньше стопы, неустойчивые.

Всё время думаешь о том, как не упасть, а ещё ведь и тяжеленный поднос с чашками и угощением удержать надо — ничего не пролить и не рассыпать. Тут не до лёгкого порхания по беседке и не до улыбок!

— Молодец! Теперь садись возле стола и... Да не падай, а грациозно опустишься! Попробуй ещё раз без подноса.

Хиден покорно встала и вновь присела.

— Отлично. Видишь, ты всё можешь, стоит только постараться!

Уф! Хорошо, что это утро уже закончилось! Четыре часа подряд играть на флейте под взглядами незнакомых людей совсем не весело. Беловолосая сняла тинэ, подобрала рукава абито и сразу почувствовала себя увереннее. Девочка направилась в заброшенную часть сада, туда, где пару дней назад обнаружила старые скрипучие качели. До начала занятий ещё есть часик, можно побыть в одиночестве — отдохнуть от всех.

Как было бы здорово, если бы рядом оказался Тайо! Хиден так устала от этого странного пансионата для девочек — от молчаливой услужливости безымянных, зависти птенцов, недружелюбия птичек, равнодушия нарий, постоянного зубрения правил этикета, от уроков ходьбы и сервировки...

Зачем наставник отдал Хиден в Хоко? Уж явно не для того, чтобы «обучить манерам, послушанию и всему, что положено знать женщине», как он заявил Цапле, хозяйке этого заведения. Всему этому девочка могла выучиться и дома — у госпожи Мару. Для чего он отправил её в эту школу?

Здесь у Хиден совсем не остаётся свободного времени. Ни капли. Чайные церемонии, уроки музыки и танца, элхе-ми, литература, этикет, философия, история, учение о цвете, психология и флористика, а также выполнение заданий по всем этим предметам не оставляют места ни для чего больше. Не удаётся даже с Дани увидеться и Воздушную магию поучить.

С другой стороны, занятия здесь не оставляют времени и для глупостей. Вроде той весенней грозы, устроенной Хиден. Может, оно и к лучшему, что девочка здесь. Да, наставник несомненно поэтому беловолосую сюда и отдал.

Хиден ведь до сих пор не могла вспомнить, чем точно закончился её эксперимент с погодной магией и как она очутилась в Нижнем мире. А наставник на эту тему разговаривать не желал, на все расспросы только безразлично пожимал плечами: «не помнишь — и не надо». Иногда девочке начинало казаться, что она вспоминает, как Орриэ-лаэ ругал её за грозу. Но воспоминания эти всё время ускользали, просачивались сквозь пальцы, словно сон — как будто кто-то не очень аккуратно стёр тот вечер, ту грозу из памяти Хиден, оставив только размытые пятна. Единственное, в чём девочка точно была уверена, — это то, что учинив бурю, она каким-то образом умудрилась почти полностью лишиться жизненных сил своего брата. Что-то тогда пошло не так, и гроза стала пить энергию Тайо.

Он мог умереть. Умереть по глупости Хиден. Но ни сам Тайо, ни родители не желали даже слышать, что в болезни мальчика виновата сестра. Не верили!

Девочка чувствовала ответственность за сложившуюся ситуацию, но не знала, как можно всё исправить. Она бы с радостью отдала брату всю свою энергию до последней капли, но он не умел её принять — ему становилось только хуже.

Наставник фактически силой утащил Хиден в Верхний мир, и только тогда Тайо пошёл на поправку, если, конечно, верить хрустальному шару, при помощи которого Орриэ-лаэ разрешил девочке наблюдать за братом.

Нет, хорошо, что у Хиден не остаётся ни капельки свободного времени. Хорошо для благополучия Тайо, для его здоровья. Девочка продолжит учиться в этой школе — не сбежит, хотя и очень хочется, — потому что так будет лучше для брата.

44 год Рейки, 4761 всеобщий год

Пятый день второй недели, пацу

— Спасибо, что почтили дом Полутеней своим присутствием, Туоррэ-илиэ, — Льянка согнулась в поклоне. — Смеем ли мы надеяться в скором времени видеть вас вновь?

— Спасибо, что осветила мне утро улыбкой, — рыжеволосый нарушил заведённый ритуал непривычной фразой. — У меня есть для тебя подарок.

Девушка удивлённо вскинула взгляд. Что? Зачем? Какой ещё подарок? Разве подношения не должно оставлять в рэйто? Раньше Туоррэ-илиэ так и делал: все два года их знакомства оставлял подарки в резной клетке, в которой прятался бумажный фонарик с изображением белопёрой птицы-льянки. Почему же сегодня?..

На ладони легла маленькая белая коробочка, перевязанная васильково-синей лентой.

— Открой сейчас!

Льдянка послушно дёрнула ленту, освобождая подарок от пут. С любопытством потянула вверх крышечку. Что же там такое? Почему он решил отдать это лично?

— Нет, — мужчина вдруг накрыл пальцы девушки ладонью. — Лучше открой, когда я уйду.

— Как вам будет угодно, — птенчик спрятала подарок в рукав абито. — А что там?

— Увидишь.

— Сойка-нии, — робко позвал голос Льдянки.

Нария отложила книгу, встала со скамьи:

— Гости?

— Нет, — птенчик отрицательно качнула головой. — Я хотела спросить, — замолчала в нерешительности.

— О чём же? — Сойка опустила обратно и жестом пригласила беловолосую присесть рядом.

Льдянка сошла с круглых булыжников садовой дорожки и заняла предложенное место — забралась на скамейку с ногами, обняла колени. Совсем как маленькая девочка. Когда-то в далёком детстве Сойка тоже любила сидеть подтянув колени к подбородку, а сейчас, пожалуй, уже неприлично будет. Да и Льдянка, в принципе, давно вышла из возраста, когда ещё пристойно сидеть задрав ноги, — из него годам к десяти вырастают, — но у беловолосой всегда были какие-то странные понятия о приличиях.

Сколько раз ей уже говорили, что не стоит сидеть в кресле, перекинув ноги через подлокотник, Льдянка всё пропускает мимо ушей. Как не обращает внимания на упрёки в том, что нельзя так нагло разглядывать гостей, нехорошо показывать человеку, что он тебе не нравится, и совсем уж плохо без предупреждения исчезать из нарайи — неизвестно куда и с какими целями, да еще и на полгода. Ей говорят, что не следует по вечерам гулять с гостем за пределами Хоко — благовоспитанной девушке вообще нечего делать в городе после наступления темноты, — а она жмёт плечами и уходит на прогулки с Туоррэ-илиэ.

Что самое удивительное, в исполнении Льдянки все эти неприличные вещи не кажутся такими уж страшными — так, шалости девочки-иностранки.

— Сойка-нии, — птенчик тронула нарию за рукав, словно ребёнок привлекая к себе внимание. — А зачем мужчины ходят в нарайи?

— Зачем? Отдохнуть от забот, приятно провести время в хорошей компании. Обсудить дела с партнёрами, отметить удачную сделку, — нария пожала плечами, — ещё ходят поговорить о поэзии или посмотреть танцы и послушать пение. У каждого из гостей своя причина.

— Я, верно, не совсем понятно выразилась. — Льдянка расстроено качнула головой. — Почему они идут в нарайи? Разве они не могут говорить о поэзии с жёнами и хорошо проводить время дома?

Странные вопросы. Неужели птенчик издевается? Зачем спрашивать о столь очевидных, всем известных вещах?

Сойка бросила на девушку внимательный взгляд, пытаясь поймать следы насмешки. Но

младшая, похоже, спрашивала совершенно серьёзно. Что же у них за порядки такие на Воздухе, что Льянка до сих пор не понимает элементарных вещей. И как же ей всё объяснить?

Говоря о банальном, лучше смотреть на что-нибудь привлекательное — получается не так скучно. Нария устремила взор на вышивку, белыми птицами разлетающуюся по рукавам и подолу абито Льянки — птицы хлопали крыльями, словно живые, прячась в полупрозрачных складках дымчато-серой ткани.

— Мужчина — опора, глава семьи, её защитник, — синеволодая начала издалека. — Он хранит покой и благополучие, материально обеспечивает семью, бережёт жену и детей от проблем. У мужчины нет права быть слабым и сентиментальным дома.

Сойка замолчала, переводя дыхание и собираясь с мыслями, подняла взгляд на лицо слушательницы: не заскучала ли? Храмовое пламя! Если на занятиях Льянка хоть вполтину так внимательна и заинтересована, неудивительно, что учителя от неё в восторге. Широко распахнутые глаза безотрывно следят за каждым жестом нарии, и словно весь мир сосредоточился для птенчика в её словах — кажется, замолчишь надолго и девушке станет нечем дышать.

— Но нельзя быть сильным всё время. Даже самым выдержанным людям иногда нужно выговориться. В нариях мужчины могут показать то, что в любом другом месте считается их слабостями. С нами они могут открыто выражать чувства, делиться заботами и беспокойствами. Нария — это не жена, не слабая женщина, нуждающаяся в защите. Она — друг, умный собеседник, который может дать совет, посочувствовать. Гости приходят в нарии, потому что мы умеем видеть силу в их слабостях.

Льянка чуть слышно усмехнулась — интересно, какие выводы она сделала? — и задала следующий вопрос:

— И поэтому мы носим маски и узоры на лицах? Чтобы создать иллюзию анонимности? Безликие хранители чужих тайн...

Сойка никогда не смотрела на это так.

Маски нужны птенчикам и птичкам, чтобы девушки сняли их и ушли неузнанными, когда придёт время покинуть Гнездо навсегда. Почти все меняют свободу Хоко на изящные клетки семейной жизни, становясь жёнами, а потом матерями... «Фарфоровые лица» помогают воспитанницам Хоко заглянуть в тайные уголки мужских душ, держа дистанцию. Улетая, птицы оставляют секреты маскам, забывая свою хокоскую жизнь: Грач становится госпожой купчихой, не знающей, что у её мужа есть слабости и тревоги.

Но тогда получается, что отказавшимся от золочёных клеток, решившим идти путём нарии всю свою жизнь маски не требуются. Социальный статус можно выразить через одежду, причёску и те же самые украшения: серьги, заколки, ожерелья — нет особого смысла в рисовании узоров на лицах. Ни Сойка, ни Канарейка, ни Журавлик, ни любая другая нария не боятся показать гостям лица, а нана-илиэ так вообще принципиально не носит узоров.

Что касается гостей, им действительно должно быть легче общаться с «фарфоровыми лицами», чем с обычными женщинами, иначе бы они не приходили. Маски и узоры помогают создать атмосферу непринуждённой лёгкости, игры. Маска значит отсутствие каких-либо обязательств, сохранность тайн, женскую мудрость и понимание.

— Да, пожалуй, и поэтому тоже. Узоры на лицах дают иллюзию анонимности и защищённости нам и интригуют наших гостей. У каждого из них остаётся неразгаданная

загадка — что там под маской: какое лицо, какие эмоции, какие чувства?

Льдянка захихикала, спрятала лицо в колени. Хорошо, что она в маске, иначе непременно испортила бы макияж.

— Туоррэ-илиэ на тебя плохо влияет, — Сойка нахмурилась. — Ты ведёшь себя невежливо.

— Простите, — птенчик не перестала смеяться. — Я просто представила толпу гостей, затаив дыхание ожидающую под окнами нашего домика, пока мы снимем маски, а нарии смеются.

— Льдянка! — имя упало упрёком. Сойка сокрушённо покачала головой. Ведь птенчик знает, что нехорошо смеяться над гостями. Даже когда их нет рядом — нехорошо. И в то же время у нарии не хватит сил ругать младшую, картина-то и вправду весёлая.

— Извините, — беловолосая постаралась успокоиться: глубоко вдохнула, сложила большие и указательные пальцы треугольником и с выдохом распрямила руки, отводя его от груди.

Какой странный жест — похожие делают некоторые маги, когда колдуют, ну и жрицы иногда.

— Знак отрешённости. Помогает взять себя в руки, — пояснила Льдянка, словно заметив опасения на лице старшей. — Никакой магии, чистая психология. Меня папа научил.

Будто бы мысли читает! Или Сойка настолько поддалась влиянию открытого характера птенчика, что перестала скрывать эмоции? Нария недовольно нахмурилась, попыталась повторить жест, показанный Льдянкой. Помогло! Словно холодным ветром овеяло, в разуме поселился покой.

— Папа говорит, что беспокойство и весь мир сосредотачиваются на кончиках пальцев и перестают будоражить голову.

— Твой отец, должно быть, очень интересный человек. Хотела бы я с ним познакомиться, — синеволосая вдруг сообразила, что за два года пребывания в нараие девушка впервые заговорила о семье. До этого Льдянка всё дичилась, отмалчивалась. Пожалуй, вот так непринуждённо птенчик с Сойкой разговаривают впервые — то утро, когда Льдянка призналась, что попала в Хоко в наказание, в расчёт не идёт.

— Боюсь, у вас нет шансов. Мой папа не посещает нарайи, — девушка улыбнулась. — Можно, я ещё спрошу?

— Да, конечно, — нария позволила девушке уйти от разговора о семье. Не всё сразу. Дикая птаха не летит сразу в руки, она привыкает к птицелову постепенно. Возможно, в следующий раз Льдянка расскажет больше.

— Если мужчины культурно просвещаются с нариями, проблемы решают в нарайях, дела обсуждают с друзьями и партнёрами, а чувства тоже для нарий берегут, то для чего им жёны нужны? — глаза честные, светлее январского неба, девочка-цветок, но как спросит что-нибудь, так сомлеть впору.

Нет, ну как на такое ответить?! И самое главное — что?!

— Не знаю, — Сойка решила сказать, что думает. — Я ведь не была женой. Может, чтобы было к кому возвращаться. А может, чтобы было от кого к нам уходить. Тут тебе лучше у них самих поинтересоваться... — нария осеклась. Ведь Льдянка же спросит, действительно спросит.

— Я уже интересовалась у Туоррэ-илиэ, — смущённо созналась беловолосая. Помолчав

немного: — Два раза спрашивала. Его ответы мне не понравились.

— И что он сказал? — женщина в зелёном абито позволила себе проявить любопытство.

— Первый раз отшутился, что детей делать, — Льянка недовольно надула губки, вспоминая рыжеволосого. Нария закашлялась: «отшутился» — подобные пошлости молоденьким девочкам обычно не говорят. — А второй раз сказал, что жена ему нужна для карьерного роста. Она у него дочь какого-то министра-конкурента, и женившись он заключил с ним политический союз.

— Льянка, могу и я задать вопрос? — Сойка решила воспользоваться разговорчивостью младшей.

— Попробуйте, — собеседница хитро усмехнулась. — Но ответа я давать не обещала.

— Тебе повезло, — Сойка пропустила мимо ушей неподобающую вольность, — хотя ты ещё птенчик, у тебя уже есть личный гость. Причём, гость важный — сын и будущий преемник министра внутренних дел. Вспыльчивый, привыкший ко вседозволенности молодой человек, — нария постаралась тщательно подобрать слова. — И он тебе не нравится. Почему ты продолжаешь с ним общаться? Ведь не потому, что так предписывают правила Хоко?

— С чего вы взяли, что не нравится? — в голосе Льянки скользнуло удивление.

— Чайка рассказала мне о том, как вы познакомились. Вашу вторую, третью, четвёртую и многие последующие встречи я наблюдала сама. Из чего и делаю выводы: в близком общении он тебе неприятен. Это видно из жестов, из того, как ты подаёшь чай... Ты стремишься хранить дистанцию.

— Чтобы общаться с кем-то, совершенно необязательно виснуть на нём по поводу и без, — девушка брезгливо подёрнула плечами, видимо, вспомнив поведение ластящейся ко всем гостям подряд Кукушки. — Туоррэ-илиэ интересный. Он со мной разговаривает, не читая нотаций за все мои ошибки, — птенчик запрокинула голову, оперлась затылком о спинку скамейки, устремив взгляд в небо. — Он серьёзно выслушивает все мои глупости. Он меня смешит. Он добрый.

Это младший Туоррэ добрый?! Человек, по вине которого из Венка лет десять назад выгнали Маргаритку, по определению не может быть добрым и хорошим. Мелочный, взбалмошный мужчина! Он действует прежде всего в угоду своим желаниям, не думая, что при этом калечит чужие жизни.

Когда после того скандала в Венке старший Туоррэ-илиэ привёл сына в Гнездо, решив покончить со сплетнями простой сменой нарайи, а заодно и основать семейную традицию совместного отдыха, хокоские нарии принесли жертвы Огню, чтобы рыжеволосый не стал постоянным гостем их домиков. И Огонь их услышал — Эрилен Туоррэ с компанией друзей появлялся в Хоко лишь эпизодическими набегами не чаще пары раз в год, своим незабвенным присутствием каждый раз одаривая новую беседку.

Сплетни утихли, о скандале забыли. Новое поколение птичек и птенчиков смотрело на бесхозного гостя уже не со страхом, а с интересом. Но он, к счастью, не стремился найти постоянную хозяйку своему досугу. Пока не встретил Льянку...

Маленький неуклюже-дикуватый птенец дома Полутеней пробудил охотничий азарт Туоррэ-илиэ. Как паук-птицеед, рыжеволосый зачастил в Хоко, выпытывая у его обитательниц информацию о неуловимой белопёрой, втираясь в доверие.

А Льянка позволяет Туоррэ-илиэ расставлять силки: воспринимает всё на удивление беспечно — не как охоту, а как игру, — с ленивым равнодушием разрешая себя ловить. Это

наталкивает на мысль, что птичка может оказаться несъедобной. Нельзя вести себя так беззаботно, если у тебя нет ядовитых когтей и ты не убедилась, что паук вегетарианец.

Однако это шаткое равновесие сохраняется вот уже который год. Ловкости, с которой шестнадцатилетняя едва девочка, почти ребёнок, управляется с опасным гостем, могла бы позавидовать и гораздо более опытная нария.

— А почему вы спрашиваете, Сойка-нии? — беловолосая горько усмехнулась. — Неужели, уделяя гостю внимание, я опять делаю что-то предосудительное?

Бедная девочка! В Хоко её так замучили нотациями, что в любом вопросе ей чудится упрёк. А старшая только хотела предостеречь. Но, наверное, не стоит: девушка не последует совету, обязательно поступит наоборот.

— Просто стало интересно, что может заставить тебя подчиняться правилам, а не нарушать их, — ответ показался притянутым за уши даже самой Сойке, но Льянка, кажется, не обратила внимания, успев задуматься о чем-то своём.

На некоторое время разговор затих. Младшая продолжала следить за бегом облаков по темнеющему небу, точно собираясь с силами спросить что-то важное. Или не спросить.

В небе можно утонуть — тихо захлебнуться в бархатисто-холодной синеве, рассыпаться на множество осколков-звёзд, раствориться, забыть.

В небе так легко утонуть. Нужно лишь прекратить держаться за окружающий мир — отпустить скамейку, перестав вжиматься в неё спиной и затылком, больше не слышать мелодию голоса синеволосой женщины, что сидит рядом, — отпустить себя на волю. Забыться и упасть вверх, в затягивающую глубину, позволить небу заполнить легкие...

— Вы когда-нибудь бывали у моря? — тихо-тихо, всё ещё запрокинув голову и упираясь макушкой в спинку скамейки, адресуя вопрос облакам.

— Нет, ни разу, — облака никогда не ответят в голос: слова произнесла Сойка.

— Хиэй не хватает моря: тихого шелеста, прохладной свежести, солоноватого привкуса волн, — Льянка облизнула губы. Нестерпимо сильно захотелось вдруг очутиться на набережной, пройти пешком от Русалки до самого Пирита, почувствовать запах соли и тины, а потом сидеть рядом с Тайо на пирсе и есть чуть подтаявшее мороженое, наблюдая за тем, как белые треугольники парусов играют в пятнашки. Захотелось домой.

Беловолосая тряхнула головой, отгоняя неисполнимое на данный момент желание, и решила наконец перейти к вопросам, ради которых затеяла этот разговор со старшей. Засмеёт, так засмеёт. Посчитает дурочкой, ну и ладно!

— Сойка-нии, скажите, почему подарки оставляют в рэйто? Разве не проще отдавать их прямо в руки? — глупо, наверное, спрашивать то, что знают даже безымянные. Но однажды обжёгшись на молоке, начинаешь дуть и на воду. Лучше перестраховаться, чтобы не получилось как с серёжками.

Длинные, звонкие серёжки из кусочков синего перламутра привёз ей из Марокко папа. Хиден носила их не снимая целую четверть, пока не пришла пора зимних каникул — время отправляться в Верхний мир. Рассудив, что украшения очень подойдут к абито, девушка не пожелала расстаться с сувениром и в Хоко. И в первый же день птички и птенчики засыпали Льянку совершенно идиотскими вопросами: «кто он?», «это к нему ты каждый раз исчезаешь?», «вы давно встречаетесь?». Оказалось, что нарайя — это мир символов. И любая мелочь говорит здесь о социальном статусе и жизненной позиции своей владелицы. Длинные и крупные серёжки означают наличие любимого мужчины, любовника. Маленькие камушки-серёжки говорят о том, что птичка не имеет желания заводить какие-либо романы. А по узорам на лице нарии можно узнать всё: начиная от имени и возраста, заканчивая отношением к жизни.

— Подарки — вещь очень личная... Чаще всего они требуют какого-то ответного дара или действия. Это обязательство, — Сойка не сказала ничего нового. Но и смеяться не стала. — Оставляя подношение в рэйто, гость даёт нарии возможность сохранить лицо. Ты сама говорила об анонимности. Так вот, рэйто её обеспечивает. Считается, что мы не знаем, кто и почему кладёт в клетки-фонарики свои дары, а значит, не должны никого за них благодарить и делать ответные.

Что же означает подарок, отданный прямо в руки? Есть же, точно есть какой-то подвох. Обязательно должен быть! Что хотел сказать или спросить Туоррэ-илиэ, даря эту заколку? Ведь не извиниться же... Нет, он не станет извиняться — не за что.

Хотя, конечно, здесь могут попросить прощения за всё что угодно. Вчера, например, Лейда-ирхе, гость Трясогузки, долго сокрушался, что пришёл на целых пять минут раньше, чем обещал, и помешал отдыху птички. Но она же всё равно его уже ждала — извиняться стоит, если опаздываешь. Мурани-ирхе всегда просит прощения, когда случайно прикасается даже к краешку абито, а ведь прикосновения к ткани неизбежны. Студенты-магики извинялись за то, что пришли впервые и не знают, как себя вести. Художник — за то, что слишком пристально разглядывает. И даже рыжеволосый несколько раз просил прощения: что рассказывает о скучных вещах — словно Льянка стала бы слушать, если ей было бы неинтересно, — и что подхватил её под локоть, когда птенчик, подвернув ногу, чуть не упала.

Но не подарками же прощения просить. Чтобы извинения из слов стали вещами, должна быть очень веская причина.

Огонь яркогорящий! Льянка закрыла лицо руками: она вспомнила, что Туоррэ-илиэ мог счесть причиной.

...Ночь принесла с собой стрекот кузнечиков и приятную свежесть, приглашая сменить родное Гнездо на неизведанные просторы города, выманивая на улицу в поисках приключений. Этому искушению Льянка не умела и не хотела противостоять. Стараясь не потревожить засыпающую нарайю, она тихонько выскользнула за ворота и почти столкнулась с рыжеволосым мужчиной.

— Ты почему так долго? — Туоррэ-илиэ выглядел довольным, как кот, только что вылакавший целую миску сметаны.

— Долго? — холодно удивилась девушка. — Я не помню, чтобы мы договаривались о встрече.

— Не договаривались, — легко согласился рыжий. — Но сегодня ведь ночь фейерверков. Ты не откажешься пускать фейерверки? — он зашелестел пергаментным свёртком.

Сидеть на корточках и любоваться разноцветными огоньками? Не откажется — от этого чудесного времяпрепровождения невозможно отказаться. Льянка кивнула, соглашаясь поехать на окраину города, к реке.

Яркие искры слетали с кончиков длинных тонких палочек, пёстрыми рыбками плескались в воздухе, звёздами отражались в воде. Так похоже и не похоже на бенгальские огни, которые жгут на праздник Нового года в Нижнем мире. Так волшебно и очень красиво.

— Можно мне ещё один? — палочка погасла, и Льянка потянулась за другой. — Туоррэ-илиэ, почему вы со мной возитесь?

— Не знаю, — рыжий пожал плечами, наклоня свой огонёк, чтобы девушке было удобнее зажечь об него новый. — Иррациональное желание. Неужели обязательно нужна причина, чтобы общаться с красивой и умной женщиной?

— Хоть раз ответьте серьёзно, — птенчик насупилась. — Почему со мной? В Хоко все красивые, умные и женщины.

— Что ты хочешь услышать? — мужчина усмехнулся. — Ты неправильная нария: забываешь быть почтительной, говоришь честно и всё, что думаешь, удивляешься совершенно заурядным вещам, вопросы задаёшь необычные... Ты просто не представляешь, как мне порой надоедают притворная вежливость и раболепие окружающих. Они исполняют все мои прихоти, ни одна моя выходка не выводит их из себя. А ты реагируешь...

Беловолосая чуть заметно наклонила голову, благодаря за ответ. Странно получается: Туорррэ-илиэ заинтересовало то, что другие, да уже и сама Льянка, считают недостатками, достойными немедленного искоренения: несдержанность, открытое проявление эмоций. Да, странно. Какая-то непоследовательная двуличность общества: старание скрывать свои чувства, но в то же время желание видеть неприкрытые, искренние эмоции других, при этом порицая их проявление.

— Льянка, — рыжеволосый вдруг оказался неуютно близко, отобрал у девушки затухающий огонёк, отбросил далеко в сторону.

— Что вы де...

Интересно, что приятного люди находят в поцелуях? Горячее дыхание прямо в лицо, влажные губы скользят по щеке, тыкаются в твои. Чужие пальцы, быстро пробежавшись по ключицам, неуверенно обхватывают шею, путаются в волосах, дёргают ленты. В голове куча совершенно идиотских мыслей: куда девать руки, стоит ли закрыть глаза, как нужно реагировать, что чувствовать. Разве есть в этом удовольствие? Сплошная неловкость.

И всё-таки, почему людей так тянет целоваться? Объяснить подобное поведение нижнемирцев довольно легко: нинье спешат жить, стремятся всё и всех попробовать за свой короткий век — пусть элхеские учебники мироведения молчат о Нижнем мире, в любом из них можно найти сведения о гипертрофированном любопытстве и жажде жизни представителей круглоухого народа, населяющих Анедве. Но зачем поцелуи нужны элхе? Выказать расположение? Обозначить свою власть, заявить «ты принадлежишь мне»? Убрать барьеры общения? Искусственно создать напряжение и неловкость? Оскорбить? Сделать неприятно? Бред какой-то!

Жаль, что нельзя заглянуть в мысли Туорррэ-илиэ. Хотя, если судить по его действиям, рыжеволосый полез целоваться лишь для того, чтобы снять с Льянки фарфоровое лицо: уже развязал спрятанные под волосами девушки ленты, аккуратно ведёт ладонью по щеке, пытаюсь словно случайно задеть маску. Не выйдет!

— Туорррэ-илиэ, — оттолкнуть мужчину удалось на удивление просто. — Вы забываетесь!

Неужели в этом дело? Так вот в чём причины желания вручить подарок напрямую!

Огонь! Ну не стоит это извинений. Подумаешь, поцеловал. Нет в этом ничего такого. И он ведь вроде с первого раза понял — теперь не лезет. И Хиден не мучается больше любопытством: нет разницы — когда нарушают границы личного пространства, некомфортно одинаково, элхе это или нинье. Поблагодарить бы друг друга за интересный опыт да забыть. А он извиняется! Дипломат нашёлся!

— На твоём месте я бы приняла этот подарок, — нария задумчиво крутила в руках коробочку с украшением.

— Сойка-нии, простите меня за грубость, но я не спрашиваю, что делать с заколкой, — взор Льянки налился холодом. — Меня интересует значение подарка.

— Пойми, — синеволосая ничуть не разозлилась на непочтительность младшей: слишком привычное явление, — такой дар преподносят не каждый день...

— Какой дар? Что особенного в этой заколке, кроме того что она передана прямо в руки?

— Не каждой птичке посчастливится так к празднику обретения крыльев, а ты ещё

совсем птенец, — нария аккуратно достала двурогую шпильку, повертела её, любуясь тонким плетением серебра, мягким блеском лунного камня и жемчужин. — Тебе нужен канэн.

— Канэн?

— Конечно, о младшем Туоррэ говорят разное, но он всегда был к тебе добр, — Сойка задумчиво прищурилась: Льянка только-только успела войти в Гнездо, а ей уже дарят крылья. Ласточке же не сегодня-завтра лететь, но канэна, который поможет ей не упасть, до сих пор не нашлось. Как необычно порой горят костры судеб. — Тебе уже открылся дальнейший путь? Куда он ведёт?

— Какой путь? — растерянность, написанную на лице Льянки, сейчас не могла бы скрыть ни одна маска. — Что такое «канэн»?

— Так ты ещё не думала, что выбрать? — нария удивилась такой недалёковидности. Впрочем, девочка ещё птенец, а птенцу негоже далеко загадывать судьбу — молодость должна жить одним днём. А может, путь за девочку давно выбран, и прока в размышлениях нет — вспомнились горькие слова Льянки, что в Хоко её отправили в наказание. — Как-нибудь попроси Чайку посмотреть на рунах Воздушных, как ляжет твой путь. Или я попрошу?

— «Канэн» это украшение? — беловолосая проигнорировала вопросы, задавшись целью выяснить то, что интересно ей самой.

— Нет, — Сойка покачала головой, в очередной раз дивясь неосведомлённости подопечной о порядках нарайи. — Канэн — это человек.

— И зачем он «мне нужен»? Туоррэ-илиэ — канэн? Как это связано с заколкой? — посыпались на женщину новые вопросы.

— Ш-ш-ш, — Сойка поспешила остановить поток. — Нехорошо быть такой нетерпеливой.

Птенчик насупилась, недовольно сверкнула глазами, вновь подтянула колени к груди, всем своим видом показывая, что никуда не уйдёт без ответов. Подол её абито распахнулся, обнажив ногу до самого бедра, но девушка не стала менять позу — то ли не заметила, то ли её это не смущало.

— Льянка, тут иногда ходят гости.

— Ну и? — флегматично пожалала плечами беловолосая. — Не нравится, пусть не смотрят.

Словно из другой реальности — демонёнок, идущий к цели, не обращая внимания на такие мелочи, как местные приличия. Нария тряхнула головой, отгоняя странные ассоциации. Птенец тем временем, словно опомнившись, опустила ноги, поправила абито, аккуратно положила руки на колени.

— Пожалуйста, Сойка-нии, расскажите, кто такой канэн? — взгляд небесно-голубых глаз как будто извинялся за настойчивость хозяйки — на несколько секунд задержавшись на лице нарии, скользнул дальше, чтобы заблудиться в зелени кипарисов.

— Канэн — это покровитель. Тебе не стать настоящей нарией, если у тебя нет канэна, — знание опять не желало складываться в слова. Канэн есть канэн. Что тут ещё скажешь? — Обычно птичка получает вот это, — синеволосая сообразила, что всё ещё держит серебряную шпильку, и отдала её Льянке, — перед самым праздником первого полёта или сразу после того как стала формально считаться нарией.

— И что? — осторожно спросила девушка. — Её дарит канэн?

— Да. Гость, от которого нария принимает подарок, становится её канэном.

— Канэн является просто покровителем нарии? — подозрение в голосе Льянки усилилось. — Или он ещё и её любовник?

— Нет, — Сойка почувствовала, что краснеет под гримом: ведь сейчас она не абстрактно говорит о возможных вариантах — о своей жизни рассказывает. Пусть не называя имён, пусть очень кратко, но о личном: о себе, о Кёлле-илиэ и о Яннали. — Любимый человек может стать канэном, но канэн не обязательно любимый человек. Это... Это могут быть два разных мужчины.

— Хорошо, — птенчик одобительно кивнула. Как учительница не совсем подготовившемуся к уроку ученику. — И зачем тогда нужен канэн?

— Канэн покровительствует нарии, — куда подевались все слова?

Почему нана определила эту странную девушку в Дом Теней? В чём Сойка провинилась?

Что породило это обескураживающее, непозволительное поведение — как будто за спиной белокурой девочки стоит кто-то могущественный? Откуда такой жёсткий, абсолютно недевический стиль общения?

О Льянке не знают в Хоко почти ничего — приехавшая с Воздуха иностранка. Но почему она не даёт себе труда слиться с толпой? Почему так смела и сильна? Почему сейчас грудь Сойки тугими кольцами сдавливает страх, шепчет: «не прекословь, не бунтуй, подчиняйся»? Кто он, её негласный покровитель? Кто её семья?

Кто ты, неизвестная маска?

— Как он покровительствует нарии? — ласковый взгляд Льянки напомнил старшей мага-дознавателя, что приходил иногда к Сове на чай. Где эта девочка научилась так пронзительно смотреть?

Сойка невольно бросила взгляд на оберег, приколотое к вороту абито металлическое коричневое пёрышко, но тот был, как следовало ожидать, спокоен, и она упрекнула себя за горячность. Льянка не обладает магическим даром, дело всего лишь в силе характера.

— Что такое нария, Льянка? — Сойка взяла себя в руки, задала вопрос и тут же сама на него ответила: — Нарии — это произведения искусства, его дети. Нарии несут в себе гармонию красоты внешней и внутренней. Мы живём своими умениями, смысл нашей жизни есть совершенствование искусства. Мы — живые статуи, средоточие музыки, наши лица — картины. У каждого произведения искусства должен быть свой покровитель или, если хочешь, хранитель. Канэн заботится о том, чтобы нария всегда жила в достатке и её красота не угасала.

— Канэн выбирает себе нарию? — во взгляде птенчика опять поселилась растерянность. Видно, она всё же решила отказаться от подарка.

— Нет, — женщина в зелёном абито отрицательно шевельнула рукой, улыбнулась. — Считается, что нария выбирает канэна...

— Но? — умная девочка: уловила, что в предложении есть вторая часть.

— Но нарии редко получают даже два подобных подарка. Поэтому вопрос чаще стоит так: хочешь ли ты стать нарией или женой. Сейчас ты должна выбрать, какой судьбы хочешь. Смотри не ошибись!

Девушка запрокинула голову, утопив взгляд в небе. Тоненькая фигурка в лучах заходящего солнца, казалось, охвачена огнём: по волосам стекают красно-оранжевые блики, алеют губы, пылают птицы на абито. Уже не дитя, но ещё не взрослая женщина — слишком

рано перед ней встал выбор. И Сойка ничем не может помочь — даже советом — путь Льянка должна выбрать сама. Смотри, девочка, не ошибись!

Льянка встала, повела рукой, поправляя причёску, и нарии вдруг привиделось, что солнечные блики опадают с волос искрами.

— Спасибо, Сойка-нии.

Нария ждала продолжения, ждала, что птенец скажет о своём выборе, но девушка молча ступила на дорожку, ведущую к Дому Теней.

— Льянка, — окликнула её нария: почему-то ей было важно узнать решение этой девочки прямо сейчас, важно до боли, до невозможности отринуть любопытство. — Какой путь?

Кокетливый взгляд, загадочная улыбка.

— Я не хочу быть куклой, — дала беловолосая ничего не проясняющий ответ. — Я не буду куклой.

Часть третья, глава 1

46 год Рейки, 4763 всеобщий год

Февраль, Хизэй

— Холодно, — в тишине неосвещённой спальни прозвучал сухой женский голос. — Огонь, как холодно. Всесильное пламя, будь ко мне милостиво.

Пленённая покрывалами рука никак не могла нащупать путь наружу. Ноги ощущались безжизненным льдом, голова болела от холода.

Женщина с трудом села на постели и затряслась, кожей чувствуя прикосновения воздуха. Да что же это такое, почему так холодно?

— Цую! — крикнула она в тугую ночь. Хотела крикнуть, но горло словно сжимала ледяная рука, получился лишь хриплый возглас. — Цую! — она повторила ещё раз, уже безнадежно.

Никто не придёт, никто не придёт, она одна. Она одна и обречена. Смерть уже подвесила над её головой свой знак, своё ледяное, невидимое обычным людям клеймо. Вот отчего так холодно, вот почему она не может согреться даже в королевских покоях, даже под тяжёлыми покрывалами.

— Ты звала меня? — Цую! Она услышала!

Королева чуть не расплакалась от облегчения. Тут же поёжилась, услышав стон ветра за стенами дворца. За тонкими стёклами окон. Так близко.

Женщина натянула на плечи одеяло.

— Что случилось, Дева?

Маленькая фигурка приблизилась к постели, устремила на королеву тревожный взор.

— Присядь рядом со мной, прошу тебя, — с трудом вымолвила Дева. Хриплый голос не хотел повиноваться.

— Я принесу тебе воды, — Цую отошла в глубь комнаты, зазвенела графином. Полилась вода — какой приятный звук.

Девочка вернулась, осторожно переступая босыми ногами. Королева окинула взглядом её фигурку и неожиданно для себя чуть улыбнулась. Пышное ночное платье превращало единственную признанную официально женщину-мага Огненного материка в сонного маленького ребёнка. Большие синие глаза были полуприкрыты, длинные распущенные волосы касались пола.

— Присядь рядом со мной, — повторила королева, приникая к драгоценной воде.

Кровать едва заметно дрогнула — девочка выполнила просьбу.

— Что случилось? — произнёс детский голос. — Почему ты проснулась?

Поморщившись, Дева коснулась виска. Почему? От холода? Но кроме холода было ещё что-то, что-то страшнее холода.

— Мне... мне снился сон.

— Какой сон?

— Снилось, что Огонь оставил меня. Я потеряла все силы, не могла двинуть ни членом. Холод поднимался к моему сердцу, — женщина снова поморщилась. Слова были несостоятельны, они не передавали ощущений. Это было похоже на смерть. На вечную

пустоту. Это было ужасно.

— Плохой сон.

— Огонь несла девушка. Она могла меня спасти, — разрозненные обрывки воспоминаний ускользали.

— Какая девушка?

— Не знаю. Молодая девушка. Незнакомая мне. Она была не одна.

— Сколько? — длинные волосы Цую коснулись руки королевы, девочка наклонилась, заглядывая в лицо Девы. Синие глаза были серьёзны и внимательны.

— Я не помню. Они путались, как тени. А девушка забрала у меня Огонь. Она обладала магической силой.

— Ведьма? — нахмурилась девочка-маг. — Или жрица Огня? Служанка богов?

Королева покачала головой:

— Не знаю. Но она взяла Огонь. Я больше не могла его удерживать.

Цую молчала.

— Огонь разрушил бы нашу страну, он искал вместилище. Ему нужна была сильная душа. Она остановила его, не пустила дальше.

— Не была ли это твоя дочь?

— Янаги? Нет, то была взрослая девушка. Наследнице всего восемь лет.

— Может быть, ты видела сон о будущем? Ведь когда-то ты передашь власть новой Деве. Своей дочери.

— Но это не была Янаги, — неуверенно сказала королева. — Я узнала бы свою дочь. Хотя сейчас путается всё в туманной дымке.

— Что ещё ты помнишь? — мягко спросила Цую.

— Их было несколько. Девушка и несколько юношей. И элхе, и нинье. Мнится, все они обладали силой.

— И девушка тоже?

— Да, — Дева вздохнула. Холод отпуская её, выливаясь из тела по мере того, как Дева рассказывала о видении.

— Позволь мне успокоить тебя, — Цую двинулась рядом. Не дожидаясь ответа, сползла с кровати, встала перед королевой, положила тёплые ладони ей на виски.

Женщина не возражала. Закрывает глаза, отдаваясь ласке магии. По коже побежали щекотные прикосновения маленьких молний. Они уносили страх и холод, стирали одиночество.

Захотелось спать.

— Спасибо тебе, моя хорошая, — прошептала королева, едва сумев приподнять веки и кивнуть в знак благодарности. Приснившийся кошмар уходил. Оставалась лишь бездумная, ласковая пустота, качающая королеву, словно на тихих волнах.

— Спасибо, — повторила женщина, касаясь затылком подушек.

Она ещё успела почувствовать, как Цую поправляет, укрывая её, одеяла, и королеву принял в себя благословенный сон без всяких видений.

Север Маанэ, март

— Митен! Ми-ите-ен!!

«Ага. Не обманешь», — подумала Митен, устраиваясь поудобнее. Камень осыпался под

ногами, стенка казалась неустойчивой, но Митен не сомневалась — выдержит. Эти развалины что дом родной, девочка знала тут каждую трещинку, малейшую выщербинку. В конце концов, она с шести лет проводит здесь всё своё время.

— Ми-ите-ен!

Не-ет, врѣшь, найти — не найдѣшь, а на зов она не выйдет, не такая дура.

— Ну Митен же! Выходи, я тебе что покажу!

Ха-ха, вот ещё! Так и поверила! Зря стараешься, Неи.

Двоюродную сестрёнку Митен привела сюда специально.

Неи с родителями приехали погостить, повидаться с родственниками, и, самое главное — поздравить прабабушку по случаю юбилея, благо сотня лет не каждый день исполняется. Праздник отшумел вчера, а сегодня Митен решила показать младшей сестре своё любимое место для игр.

Сестра, Неи, была совсем малявкой — семилетка. С высоты двенадцати лет Митен так и вообще — почти в два раза младше, во что с такой играть? А взрослые, как назло, спихнули на старшую эту назойливую доuku и занялись своими делами. Теперь возись Митен тут с мелкой.

— Мите-е-ен! — в голосе девочки угрожающе плеснули плаксивые нотки.

«Пока не назовѣт Митен-нии, — мстительно решила прячущаяся, — не выйду». Осторожно перенесла ногу на камень поодаль — тот грозно качнулся, но Митен знала: этот, хоть всегда качается, держится крепко. Подтянулась, приникла к узкой щели чуть выше своего роста: отсюда видны были окрестности.

Сразу под стеной, шагах в десяти, стояла Неи. И, против ожиданий, лицо у неё было вовсе не заплаканное. Девчонка хмурилась и оглядывалась по сторонам. Пыталась определить, где прячется старшая.

Развалин в Маанэ всегда хватало — а тут, на севере, равно далеко и от столицы Маанэ, и от Огненного города, за ними особо и не смотрели. Стоят себе и стоят, тихонько разрушаются от времени — кому они нужны? Все важные памятники давно находятся под охраной государства, служат приманкой для туристов, а здесь, в глухой провинции, никаких туристов отродясь не водилось.

Митен нравилось воображать, что она принцесса, Огненная дева, а здесь — её личный замок. Думать так было тем легче, что тутошние развалины сохранились лучше всех в округе, целых два надземных этажа и один подземный. Родители не возражали против игр в старых камнях, только прабабушка иногда шептала, укоризненно качая головой, мол, нехорошо, богов прогневаешь.

В богов Митен не верила — да и кто они такие против Огня? А Огонь, по её задумке полностью девочке подчинялся, ведь недаром она являлась Огненной девой окрестностей.

— Митен, смотри, идѣт кто-то. Тѣтя идѣт, взрослая. Сейчас тебе попадѣт!

Ого, это что-то новенькое. Теперь какая-то тѣтя?

Митен хитро ухмыльнулась. Неи небось и не подозревает, что ей отсюда всё видно. Девочка снова потянулась к щѣлке. Так и есть, никакой «тѣти» в помине нету, тихо, только ветер колышет суховато-зелѣную траву, далеко, до самого неба.

— Митен, ну где ты!

Вот ведь, никаких правил вежливости не знает. Митен — старшая сестра, так пусть Неи употребляет суффикс «нии».

Родных братьев-сестѣр у Митен никогда не было, может, именно поэтому ей так

хотелось услышать от младшей заветное. Но велеть в открытую казалось унижительным. Не подобающим положению. Пусть младшая догадывается сама.

Поначалу Митен не собиралась долго изводить Неи. Спряталась, чтобы напугать сестрёнку, заставить растеряться от внезапного одиночества.

Но Неи не растерялась. И даже недавние плаксивые нотки оказались лишь очередной уловкой, чтобы старшая вылезла. Неи, похоже, не испытывала никакого благоговения ни перед развалинами, ни перед Митен, так хорошо в них разбирающейся. Это злило.

— Здравствуйте, — раздался внезапно голосок Неи.

С кем это она говорит? Неужели и правда кто-то пришёл? Загораясь любопытством, Митен снова глянула в щель.

Под стеной стояла Неи. Одна. Стояла боком к развалинам и смотрела прямо перед собой. Как если бы говорила с человеком, который, видя маленькую девочку, присел на корточки.

«Переигрывает, — злорадно подумала Митен. — Думает, я её не вижу».

— Нет, — малявка помотала головой. — Я с сестрой!

Задирает голову Митен устала, опустилась на пятки, щель уползла вверх. Шумно вздохнула. Ладно уж, так и быть, выйдет она, надоело. Но надо же до чего Неи на выдумку горазда. Вот ведь притворяется.

— Где-то здесь, — послышался из-за стенки тоненький детский голосок. — Прячется.

Митен сползла чуть пониже, ухватилась за балку. Присела, нащупала ногой стенку, начала спускаться.

— Куда? Я не могу!

Чего она там не может?

Ш-шш, оцарапалась. Ободралась о камни. Меньше надо вслушиваться в бредни младшей. Митен лизнула тыльную сторону руки.

Снаружи раздался тонкий писк, сразу исчез, словно задушенный.

Да что такое, сколько можно притворяться?! Митен фыркнула, метнулась по непрочным камням, протиснулась сквозь щель в стене, прыгнула в траву с другой стороны здания. Ступни больно ударились о землю, неприятная волна прошла по телу, но, не обращая на боль внимания, девочка вывернула за угол и возмущённо выдохнула приготовленное заранее:

— Да хватит уже!

И осеклась: в траве лежала Неи, а над ней словно вилась туча мошкеры, плавало дрожащее, как от жары, колеблющееся облако.

Что это?!

Женщина! За прозрачным, мешающим смотреть облаком прослеживались длинные тёмные волосы, высокая, одетая в мужской наряд фигура. Эта фигура застыла, протянув руку над лежащей Неи, и смотрела прямо на Митен.

Смешанная со страхом ярость затопила грудь. Что ещё за шуточки! Кто это такая, что она делает с Неи!

— Ты кто такая! — крикнула девчонка, бросаясь к неизвестной. Да чего там, практически невидимой.

Женщина, скрытая облаком, размахнулась и что-то бросила. Яркий белый шарик, мелькнувший звёздочкой и вмиг исчезнувший.

Вокруг потемнело.

— Внизу ждёт Дени-эльви.

— Тардис! О-о, — непритворно обрадовался Тенки. В самом начале практики, почти два года назад, щингеец вернулся домой, в свою столицу, и практику проходил там. — Здорово!

— Защита, — обронил Ацу, — ибо она состоится здесь.

Элхе был прав: Тардис, без сомнений, приехал на защиту. Практику разрешалось отбывать в любом уголке материка, но экзамен на звание мага студиязусы сдавали в родных стенах. В Королевской школе, где провели столько лет. Ещё неделя, и больше никто не назовёт их магами-практикантами.

Защита — присяга — служба. Казалось бы, простенькая цепочка.

Но отчего-то стоило подумать о предстоящем, как непроизвольно сжималось горло. Обыкновенные слова таили в себе неизвестность.

Как-то оно повернёт дальше? Что скрывается за обыденным «служба»? Почему кажется, хотя тысячи старших прошли до них этот путь, будто подобных чувств не испытывал никто? Трудно поверить, что много лет уже стены Королевской школы привыкли видеть взволнованных выпускников.

Спускаясь в холл по широкой лестнице — и здесь Тенки преследовали те же ощущения, сколько лет отмеривали они шагами ступени этой лестницы, — нинье покосился на Ацу. Тот выглядел, как обычно. Ни признака волнения, ни капли неуверенности перед надвигающимся экзаменом. Небось уже до мелочей продумал свой план защиты, расписал по фразам всё, что собирается говорить.

А Тенки не решил даже, какой именно случай взять в пример. Какое происшествие за два года практики, а до того — за два последних курса окажется достойным внимания экзаменаторов?

— Ацу, ты, — позвал нинье неожиданно для себя самого. И, встретив прямой взгляд сокурсника, передумал. — Не, ничего.

Спросить элхе означало нарушить границы. Но дело было не в этом — Тенки никогда не придавал большой важности элхеским церемониям. Он не хотел спрашивать. Не хотел знать. Ответ соученика ничем ему не поможет.

Тут у каждого свой путь.

Тардис почти не изменился. Только стали чуть взрослее черты лица да твёрже взгляд. Рядом с бывшим одноклассником стояла элхеская девочка лет восьми-десяти и опасно смотрела на приближающихся практикантов.

— Ацу! — восторженно крикнул Тардис. — Тенки! Всё сидите в Хиэй?

Тенки ухмыльнулся. Щингеец остался тем же добродушным парнем, готовым распахнуть душу первому встречному.

— Немало прошло времени, — ответил привычной фразой Ацу, но и в его голосе слышалась радость.

— Слушайте, ну и теплынь у вас, ребята, — Тардис оживлённо делился впечатлениями. — В Умане холод ещё, на севере так и вовсе снег не сошёл, а у вас тут птички поют, небо синее, деревья прямо листву будто не сбрасывали.

— Быстро ж ты забыл Хиэй, — усмехнулся нинье. Глянул на девочку, упорно хранившую молчание, — что за ребёнка притащил с собой Тардис?

— Юна-тиэ, — и Ацу обратил внимание на девчонку, — как ты выросла.

У Тенки чуть глаза на лоб не полезли: быстрым движением девочка отцепилась от штанины Дени-эльви и переметнулась к Ацу, спрятавшись за ним от бесцеремонного взгляда нинье.

— Кто это? — не выдержал Тенки.

— Моя сестра, — мягко произнёс Тардис. — Юнави, представься как следует.

Девочка молчала, только сопела шумно, чуть ли не на весь вестибюль. Они с Тардисом и впрямь были похожи — не столько даже черты лица, сколько волосы: тёмно-коричневые, прямые, гладкие. Из ровных прядей выглядывали светлые треугольнички детских ушей, и Тенки отчего-то не смог сдержать улыбку.

— Юнави, — повторил старший брат строже. — Ты поступаешь невежливо.

Девочка помялась ещё, осторожно выглянула из-под руки Ацу. Она явно опасалась лишь Тенки — с Ацу, не иначе, была давно знакома.

Нинье слегка растерялся, не умея общаться с маленькими детьми. Хотя, если подумать, сестра Тардиса, наверняка, как все элхе, выглядела младше своего возраста. Тенки едва дал бы ей восемь, на самом деле ей может оказаться больше десяти.

— Привет, — попробовал сказать нинье.

— Ну же, Юнави, как тебя зовут? Скажи Тенки-дии.

Практикант опять усмехнулся, на этот раз немного вымученно. Тардис воспитывал сестру, пользуясь любыми подходящими для этого объектами. Суффикс «дии», «старший братец», в связке с собственным именем нинье услышал впервые в жизни.

Ацу вежливо молчал, не вмешиваясь. Тенки тоже не оставалось ничего иного.

Наконец девочка снова выглянула. Посмотрела с опаской, словно проверяла, не накинется ли.

— Юнави Дени... — подсказал брат.

— Юнави Дени-эльви! — выкрикнула она неожиданно. И, словно испугавшись собственных слов, опять юркнула за Ацу.

— Сколько тебе лет? — терпеливо напомнил Тардис.

— Восемь! — раздалось из-за спины темноволосого.

— Ты прости, Тенки, она боится незнакомых, — вздохнул Тардис. — Никак не приучу вести себя вежливо.

— Да не, она вполне вежливая, — запротестовал нинье, хотя девочка и впрямь показалась ему слегка инфантильной. В конце концов, восемь лет! Он к тому времени уже вовсю участвовал в драках между рыбаками и горниками. А ещё через пару-тройку годков всерьёз начал раздумывать, как бы удрать из деревни.

Впрочем, Тенки опять упускает из виду: они принадлежат к разным расам.

— Пойдём играть, — Юнави обращалась к Ацу, тянула его за руку.

Играть?!

Ацу тоже казался удивлённым. Но глянул на Тардиса, получил в ответ согласный кивок. И повиновался ясно обозначенному приказу.

Целеустремлённо Юнави потопала куда-то вглубь Королевской школы.

— Ну ни... — изумился Тенки, глядя вслед двум фигурам. — Во даёт!

— Юнави любит Ацу, — рассмеялся Тардис. — Собирается за него замуж. Только тсс, это секрет.

— Замуж?! Ха-ха-ха! Жаль, придётся подождать. Не любитель же он маленьких девочек.

— Ацу? — задумчиво посмотрел Тардис в ту сторону, где исчезли двое. — Ну-у...

Юнави твердит, что замуж хочет, «потому что он красивый».

— И чего-то он с детьми возится? Девушку бы ему хорошую, ласковую и послушную.

— Нарию? — улыбнулся и Тардис.

Тенки окинул взглядом честное сокурсниково лицо. В глазах того плескалась подозрительная радость. Так и виделось большими буквами написанное: «спроси меня, спроси меня, спроси!»

— А как у тебя, — медленно начал нинье, не спуская взгляда с собеседника. — Как с личной жизнью у тебя?

Вместо ответа Тардис широко ухмыльнулся. И принялся копаться по карманам.

Нинье следил за щингейцем со всё растущим подозрением. Наконец тот отыскал в недрах костюма овальную пластинку величиной с детскую ладошку и со смущённой усмешкой на губах протянул собеседнику.

На пластинке была изображена девушка-элхе. Симпатичная, большеглазая, розовые губки. Волосы тщательно зачёсаны назад и вверх, убраны драгоценностями — обычная причёска замужней женщины. На открытой стройной шейке пара бус.

Взгляд Тенки прошёлся по лицу, опустился ниже, нинье полюбовался широко развёрнутыми красивыми плечиками, тонкой линией ключиц. Грудь слегка выдавалась в глубоком вороте — да, ничего не скажешь, и впрямь очень и очень аппетитная девочка.

— Ну, симпатичная, — признал практикант.

— И всё? — удивился Тардис. — Не узнал, что ли?

— Э? — Тенки снова взглянул на портрет.

Черты лица девушки и правда кого-то напоминали. Но не так уж и много у него было знакомцев среди девушек-элхе! Разве что...

Этот открытый, доверчивый взгляд. Манера смотреть прямо, не скрываясь, не жеманясь. Он уже видел подобный взгляд, это точно. Прибавить бы ещё коротко остриженные спереди волосы, спадавшие на лицо лесенкой мелких тонких прядок, сзади длинные, распущенные. Немного косметики бы, хитрых узоров по лбу, левой щеке — что там было, растения какие-то, цветы?

— Мать твою, Облако! — раззявив рот от изумления, Тенки уставился на картинку.

Точно, это была Облако. В обычном платье, с причёской взрослой женщины, забыты причудливые нарийские узоры, улыбка искренняя, без смущения открывающая ровные зубки.

И, мать вашу ещё раз, Тенки наконец понял значение наряда и причёски — она замужем?!

— Вы что, поженились?! — никакая интонация не могла бы передать сейчас его изумление. Тенки пялился на щингейца, словно перед ним было какое-нибудь восставшее из Нижнего мира чудовище, а то и сам Йерх, пугало ниньеских детей, пришёл за его душой. Облако и Тардис поженились?!

— Ага, — кивнул с готовностью Тардис, задрал рукав, показывая свадебный браслет. — Она — её, кстати, зовут по-настоящему Миневея, Мине. Так вот, она же из купеческой семьи. На нарию учиться её отец отдал. И мы вовсе не дворяне — никто и словом не возразил.

— Слушай, но тебе же всего двадцать пять! — нинье никак не мог прийти в себя.

Тардис пожал плечами:

— Может, пойдём хоть в столовую? Надоело стоять на месте.

— А, ну да, конечно, — спохватился Тенки. Торчать посреди холла и впрямь не было

смысла.

— Мне-то двадцать пять, — объяснял Тардис, поднимаясь по ступеням, — но Мне же меня старше, ей и так уже пора было замуж. Ещё чуть-чуть, и кумушки начали бы судачить, мол, в девках засиделась. Вот мы и решили.

— А я ведь думал, вы так и расстались, — поделился Тенки воспоминаниями, — вы же вроде хорошо поссорились на третьем курсе.

— «Хорошо», говоришь, поссорились, — криво усмехнулся щингеец. — Ну да, я тогда уже думал, что всё, навсегда.

Тенки, собственно, думал так же: увлечение нарядями у Тардиса временное, погулял, и хватит.

Ан нет, вон оно как.

— И что, ты так и собираешься жить в Щинге? — когда практиканты устроились за столиком, поинтересовался Тенки.

Тардис кивнул. Восхищённо просмотрел меню:

— Два года прошло, а у них ничего не изменилось! А что тут так пусто?

— Так лекции идут. Что, и расписание позабыл уже за ненужностью?

— А вы с Ацу так тут и живёте? Кто из наших ещё остался?

— Эвисто снимает квартиру в центре, редко появляется, — Тенки откинулся на стуле, начиная доклад. — Иногда, как понадобится что, присылает мысль. Впрочем, довольно редко.

— У Эвисто напарник-то появился? — Тардис подозвал официанта, назвал пункты заказа. — Будешь что-нибудь?

— Мне курицу. Ага, взял кого-то из младших. Ну, про Намари ты знаешь, ушёл в науку.

— Вот Намари мне жаль, зря он адептом стал, — Тардис подпёр рукой голову. — По мне, так из него отличный светлый получился бы.

— А вот скажи-ка мне, — Тенки не смог подавить досаду, — чем вам так светлые мёдом намазаны? Не напрягает ли, постоянно быть словно по рукам, по ногам связанным?

— Кто же связывает? — поднял брови щингеец. — Сам решаешь. И стоит решить правильно, как такая энергия приливает, всё можно с дороги смести.

— А обязательное повиновение законам?

— Слушай, ну так на то они и законы? Если им не повиноваться, все устои рухнут.

— Но ведь даже законам свойственно порой ошибаться? Мне вот не по вкусу отдавать свободу, менять её на чужое навязанное мнение, — Тенки принял из рук официанта тарелки, помог расставить.

Тардис помолчал, ожидая, пока посторонний отойдёт.

— Но ведь эта твоя «свобода» — просто эгоизм, нет? — нагнулся наконец над едой. — Светлые тоже вполне свободны, да и...

— И? Чего, договаривай.

— Ты же знаешь, светлым больше доверяют. Они лояльней. Если два одиночки претендуют на государственную службу, предпочтение отдадут светлomu, почти наверняка.

Тардис говорил правду. Тенки поморщился:

— Кому нужна ваша государственная служба, в мире полно других способов заработать на жизнь.

— Да и обычные люди тоже больше доверяют светлым, — напомнил собеседник. — А в конкретно моём случае — мне просто хотелось иметь крепкий тыл.

— Ну, мне-то он ни к чему, — усмехнулся нинье. — Была бы возможность поразвлечься.

— Но ведь и ты когда-нибудь заведёшь семью? — прозвучало это философски.

— Семью? — Тенки рассмеялся. — Я? Может, ещё и детей с пяток? Сомнительно чего-то. А симпатичная покладистая девочка всегда найдётся.

— Эх, вот ваша беззаботность вас, тёмных, и погубит, — пошутил щингеец.

— Кстати, как твой напарник-то? После защиты с тобой в Щинге поедет? У тебя вроде кто-то из старших был в напарниках?

— Сейчас он одиночкой, — кивнул Тардис. — Думаю вот, придётся нам разбежаться. Да не беда, поищу кого в Умане.

— А чего так?

— Да этот тёмный даже «Щинге» выговорить не может! — вскинулся собеседник. — Идиотский лисский акцент! «Шы-ынге», — изобразил он. — Мы уже не требуем, чтобы нашу страну называли «Щинги-эй», как раньше. Но, Огонь, пусть научатся уже выговаривать хотя бы первый слог!

Тенки хохотнул в ладонь. Тардис на удивление горячо защищал правильное произношение. Захотелось подшутить над его страстностью.

— Не страна ведь, провинция.

В ответ нинье получил гневный взор.

— Для меня Щинги-эй — всегда страна! Независимая и прекрасная, как прежде!

— Ну ладно, так что там с твоим напарником?

— А-а, — Тардис безнадежно махнул рукой, — разве лиссец по доброй воле поедет в Щинге? Да и вообще, это с самого начала была дурацкая идея: боевая пара из лисса и щингейца.

— Мы с Ацу тоже не слишком обычная пара, — пожал плечами Тенки. — Самодовольный высокомерный сорэнарэский дворянин и изворотливый валиссийский плебей-нинье.

— Да не, вы с самого начала... ну сразу было ясно, что вы того.

— Что «того»? — нинье недоуменно глянул на говорящего. — Когда это «сразу»?

— Ну-у, — протянул тот. — Вроде предназначения?

— Какое ещё предназначение, не пори чушь.

— Ну-у, короче, было видно, — завертелся собеседник. — Нить судьбы, что-то такое. Все видели.

— Сейчас по уху дам.

— Да ладно, чего ты.

— А вот настроение такое, игривое.

— Сделай магию! — голосок Юна-тиэ звучал требовательно и одновременно просительно, словно девочка очень боялась отказа.

Внутренний двор между двумя крыльями общежитий: по правую руку корпус младших, по левую — старших, был пуст. Девочка привела сюда Ацу сама, по коридорам шла уверенно, а увидев зелёную траву под ярким весенним солнцем, немедля выскочила наружу.

— Какую магию ты хочешь?

— Красивую! — ответ звучал весьма решительно.

Красивую. Ацу задумался. Потом присел, поднял ладонь вверх. Затанцевали разноцветные язычки пламени.

Девочка взвизгнула, восторженно уставилась на пламя.

Удивительно, что Юнави до сих пор Ацу помнит. Последний раз элхе видел сестрёнку Тардиса два года назад — девочке в её возрасте подобный срок должен был показаться вечностью. Тогда, после длительного экзамена — сдача всех теоретических предметов — в школе вновь состоялся выпускной. Шумная толпа гостей, младших, старших, практикантов волновалась в зале, а адепты вытянулись перед вручающим свидетельства директором. Закончился пятый курс обучения.

По левую руку стоял тогда Тенки. Выражение ниньеского его лица было на удивление серьёзным, подбородок вздёрнут, губы крепко сжаты.

С таким же серьёзным лицом в начале пятого курса нинье предложил Ацу стать его напарником.

На самом деле Ацу давно предполагал: рано или поздно Тенки об этом заговорит. Ещё на третьем курсе нинье дал понять, что станет тёмным. Однажды заявил напрямую: «выбирай светлого». Не то чтобы те слова оказали большое влияние на решение элхе, тёмным он себя в любом случае не представлял. Но роль свою сыграли: Ацу узнал, что Тенки рассматривает его как возможного будущего напарника.

Время подумать у адепта имелось. Больше года.

Часто забывавший о приличиях нагловатый валиссиец, готовый не поступиться ни перед какими нарушениями ради достижения цели, изворотливый хитрый змей — да в нагрузку к подобным природным качествам ещё и заклятие, превратившее его в зависящего от чужой крови психопата — каким-то он станет напарником? Пусть даже «психопат» — небольшое преувеличение, но всё же — получаемая насильственным путём энергия требовалась светловолосому ежемесячно.

Сказать, что Ацу чужие проблемы не касаются, было легко. Но действительно выкинуть из головы оказалось трудно.

Сочувствия Тенки не желал, над беспокойством смеялся. Предложения помощи норовил использовать в противозаконных делишках. От серьёзного разговора уходил, насмешничал, отвечал язвительными замечаниями.

Одно время Ацу подумывал отклонить приглашение, буде оно получено. Слишком много хлопот предвещало подобное сотрудничество, слишком беспокойной грозила стать жизнь. Элхе размышлял над тем, чтобы поговорить с Эвисто: тот также выбрал тёмную сторону; посматривал на одного из «м-братьев», как прозвали неразлучную парочку Мецани и Матаки; думал поискать кого-нибудь среди одиночек-старших. Впрочем, Мецани и Матаки потому и выбрали разные полюса, чтобы оставаться вместе, и вряд ли тёмный Матаки согласился бы стать напарником Ацу. Элхе мог рассчитывать лишь на Эвисто и кого-то из старших.

Тогда, в период беспокойных метаний, Ацу даже спрашивал директора, кто из тёмных старших мог бы составить ему пару. Просмотрел список ничего не говорящих имён, искал знакомые; не нашёл. Но да — искал. В то время искал, не желая делать выбор от недостатка знаний.

И Тенкино предложение решил принять, лишь тщательно взвесив все другие возможности.

— Сделай шарики! — в мысли Ацу ворвался голос Юнави.

— Какого цвета? — девочка тоже присела, следя за пламенем, их головы теперь были на одном уровне. Как дети, жгущие фейерверки в ночь летнего солнцестояния. Нахлынуло откуда-то блаженное спокойствие — словно время застыло, окружая их. Словно проснулись забытые воспоминания о собственном детстве.

— Жёлтенький! И синий!

Пламя сменилось лёгкими цветными пузырями. Тоже простенький, в общем-то, фокус. Множество маленьких пузырьков слились в один покрупнее, надулись прозрачным шаром. Жёлтый? Пусть будет янтарь. Символ Огня.

— И синий! — потребовала девочка, хватая с протянутой ладони тёплый оранжевый шар.

А синий тогда — цвета сапфира. Символ Воды.

Ацу положил второй шар в жадную ручонку. Юнави свела ладошки, любуясь игрой солнца в прозрачной насквозь синеве и в тёплой глубине янтаря. Пусть и не настоящие камни — для неё они сейчас были вполне настоящими.

Огонь и Вода.

Он и Ллия.

В последнее время дома замолчали. Не требований вернуться, ни вопросов о намерениях сына. Впрочем, Ацу не обманывался — приказ возвращаться может прийти в любой день. Хрупкое равновесие между свободой располагать собой и неизбежной необходимостью повиноваться — малейший толчок, и оно нарушится. Жизнь его враз изменится. Не воспротивишься.

Да и зачем?

Иного пути Ацу не видел. Не жаждал, не искал. Можно сказать, с самого детства он знал свою жизнь заранее, словно написанную чёрной тушью на тонкой до прозрачности бумаге. Исправления на такой бумаге невозможны — только испортишь.

В голове развернулась тупая боль. Серый туман, зудящий, как тысячи ос. Вызов.

— (Вернись в школу. Йисх-илиэ хочет поговорить с нами перед церемонией защиты).

Тардис.

Ацу поднялся. Юнави взглянула удивлённо. «Что случилось?» — читалось в её глазах.

— Идём, — ответил он девочке. — Время.

Защита

Сердце стучало всё сильнее, так, словно хотело вырваться из груди. Тенки облизнул губы. Последний раз он волновался до такой степени, наверное, когда стоял в Валиссе перед закрытой дверью, за которой ждали экзаменаторы. За которой скрывалось его будущее. Девять лет назад это было, девять лет уже миновало.

Сегодня за дверью в соседнюю комнату тоже ожидала комиссия. Однажды в эту дверь нинье уже входил — когда они с Ацу ухитрились сцепиться в бессмысленной магической драке.

Ну и тряслись же тогда поджилки. Тенки был практически уверен, что изгнание из школы неминуемо. Лишь в самом дальнем уголке рассудка, безжалостно загнанная в потёмки сознания, жила надежда: а вдруг обойдётся? вдруг случится чудо?

И оно случилось. Возможно, благодаря Ацу?

Сейчас Ацу — Тенки глянул на противоположный ряд, где выпрямились светлые — стоял как ни в чём не бывало. Взгляд устремлён перед собой, и кажется, элхе ничем не интересуется. По правую же руку от Тенки ждал Эвисто — он пойдёт первым. А вторым — сам Тенки.

Защита — венец девяти лет обучения. На самом деле — смотрины. Можно говорить о чём угодно, можно нести полную чушь, если это поможет оказаться признанным.

По итогам защиты решится будущее практикантов. Решится будущее Тенки — и повязанного с ним Ацу. Сегодня за выпускниками-практикантами будут наблюдать придворные маги Огненной девы. Выбирать себе помощников: сначала в качестве мальчиков для чёрной работы, исполнителей скучных, неинтересных старшим дел, потом уже доверенных лиц; будут выбирать, чтобы взрастить себе смену, новую опору государства, закусисную гвардию. Попадёшь во дворец — узнаешь изнутри всю дворцовую кухню, всю подоплёку магического искусства на службе у светлых голов.

Церемония защиты — лишь предлог, чтобы дать возможность королевским магам ознакомиться с будущими подчинёнными. Помочь им принять решение на основании экзаменов двухгодичной давности и поведения, именно поведения практикантов во время защиты.

Ждать чужого решения сложив руки Тенки не собирался. Чтобы попасть на службу в Огненный дворец, надо запомниться невидимым наблюдателям, показать себя. Скорее всего дворцовые маги будут выбирать между парой Тенки-Ацу или «м-братьями» Мецани и Матаки. Скорее всего. Они предпочитают уже сложившиеся пары, такие, маги в которых привыкли работать вместе.

Значит, шансы не столь уж малы.

«Ацу, — глянул Тенки через проход, — не подведи. А я попробую не подвести тебя».

Взгляд элхе был невозмутим.

— Реикаэ Эвисто! — от неожиданного возгласа нинье чуть не вздрогнул.

Сокурсник рядом неловко двинулся, вышел в середину просторного коридора, остановился перед широкими дверьми. Медленно деревянные, покрытые резными узорами

створки разошлись.

Краем глаза Тенки следил, как Эвисто заходит в экзаменационную аудиторию. Сомкнулись двери, вновь оставляя практикантов в мучительном ожидании. Нинье еле сдержал вздох. Он — следующий.

Взгляд заледенел. Наверное, со стороны Тенки выглядит сейчас, как Ацу — такая же бесстрастная рожа. Наверное, все они сейчас одинаковы. Посмотреть со стороны — застывшие истуканы. Но изнутри каждого грызёт волнение.

Дурацкое ощущение.

Очередь Тенки пришла быстро. Показалось, протекло не больше двух минут, как двери снова раскрылись, прогремело его имя. Не чувствуя пола под ногами, нинье вошёл в комнату и оказался перед полукругом столов. Слева практик магии Лестани, рядом с ним теоретик Астеаки, посередине директор Юстеддия, по его левую руку — Йисх, линию замыкает Виллемис. Секретарь — как и тогда, восемь лет назад, — за отдельным столиком. На миг практиканта обдало жаром: взгляд старика с белыми косичками ничуть не изменился, всё так же буравил его, будто подозревал в тысяче грехов.

Наблюдателей, понятно, видно не было. Эвисто тоже отсутствовал. Тенки глянул вправо, на узкий прямоугольник двери, вовсе не такой парадной, как двустворчатые за его спиной. После защиты и нинье уйдёт через ту дверь — чтобы не встречаться с ожидающими своей очереди.

Хотя — пусть даже Тенки и рассказал бы им о собственном опыте — разве ж оно поможет?

— Ли, практикант, — забубнил секретарь, — двадцать два года, полнос силы — тёмный.

Члены комиссии зашелестели бумагами, отыскивая данные: результаты экзаменов, отзыв наставника, написанный самим Тенки доклад о практике.

Результаты экзаменов, пламя морское. А ведь животноведение он мог сдать и получше. Да и мироведение получилось не блеск, а о древнеэлхеском и говорить нечего. Жаль, не было в программе ниньеского — вот тут бы он обставил любого элхе, даже из самых полиглотов.

— Хм, ну что же, — пробурчал директор. — Удовлетворительно. Кто его наставник? Йисх-илиэ? Хм-хм-хм. Ну что же.

Слегка водянистый взгляд Юстеддия-илиэ обратился к практиканту.

— Мы вас слушаем.

В груди стукнуло глухо. Хрен, о чём он будет говорить? Два года практики — что такого успело запомниться? Обычные дела: опыты в королевской тюрьме, выезды типа «установить, поймать, обезвредить, доставить на место», редкие посещения дворца, нудные часы практикантских дежурств. Всё банально, всё известно, никого этим не удивить.

Надо что-то совершенно другое.

Тенки глянул на Йисха. Наставник сидел с невозмутимым лицом, смотрел на собственного ученика, как на малоинтересное насекомое. Затруднения нинье Красноглазого ничуть не волновали.

Но равнодушный взгляд учителя Тенки помог.

Это случилось не во время практики, нет. За два года до неё, на четвёртом курсе. Летом.

Нинье вскинул голову, посмотрел на директора. Приняв движение за сигнал готовности, Юстеддия-илиэ благожелательно осведомился:

— Инициатор задания?

— Йисх, — коротко ответил практикант.

Комиссия молчала, но нарочитая невежливость нинье не осталась без внимания. Без сомнения, к Тенки относились во многом так же, как к его учителю — чёрная овца в стаде белых, тёмная лошадка, от которой всего можно ожидать. Яблоко от яблони недалеко падает, и слава Красноглазого повлияла и на репутацию его ученика.

Употребить одно лишь имя, без уважительного суффикса, по отношению к собственному учителю было ещё одним штрихом к портрету наглеца-тёмного. Обозначение позиции: или вы признаёте меня, как есть, или...

Или дело не выгорит. Сухие равнодушные рекомендации, ссылка в глухую провинцию вместо должности при дворе. Эх, и разозлится тогда Ацу.

Но об этом лучше не думать.

— Объект? — снова задал вопрос директор.

— Подвергшееся магическому влиянию животное. Бешеный пёс.

Брови Йисха чуть дрогнули — Тенки следил за ним краем глаза. Боевой маг сообразил.

— Ну что же, — повторил в который раз директор, устраиваясь поудобнее.

— Поступило сообщение от наставника, — начал Тенки. В памяти медленно всплывали дни четырёхлетней давности. — В городе появилось бездомное животное. Опасное для жителей. Было атаковано двое людей, в обоих случаях летальный исход. Судя по описаниям очевидцев, животное походило на обычную собаку, но в момент нападения наступала трансформация. Внятных сведений о трансформации получить не удалось, однако все очевидцы сходились в том, что животное отличалось необыкновенными для собаки скоростью и силой и атаковало, пользуясь зубами и когтями, которые значительно превышали стандартную длину.

Юстеддия-илиэ кивал, постукивая по столешнице карандашом: «так-так-так».

— Прежде всего я попросил разрешения снять отпечаток ауры из воспоминаний очевидцев. К сожалению, среди них не оказалось людей с повышенным уровнем восприятия, отпечаток получился неразборчивым.

Отпечаток получился неразборчивым, но для Тенки оказалось достаточно.

Предположения сбылись, нужда в очевидцах отпала. Вместо неясных, зыбких чужих воспоминаний нинье располагал собственными, яркими и чёткими, как ничьи иные. Чего ведь там — с того дня, когда он сам выпустил собаку на улицы города, прошло едва-едва полгода.

— Однако потом удалось получить чёткий след. Пользуясь реконструкцией ауры, я прочесал город, разделив его на районы. При поиске использовался аппарат из лаборатории практикантов, разрешение наставника получено. Отклик, похожий на искомое, был зафиксирован в Восточном районе. Тогда было решено перейти на полевые действия. Поиски были продолжены в Восточном районе с помощью портативного искателя.

Юстеддия кивал. Йисх молча слушал. Боевой-то маг знал эту историю досконально, сам ведь велел Тенки заняться псом, сам расспрашивал его о поисках, сам подсказывал методы действий и подходящие для работы заклинания.

Что ж, в конце концов, Красноглазый всё же наставник.

— Конечно, было бы желательным найти животное днём. Все нападения свершались ночью, видимо, днём объект отсыпался и прятался в укромном месте, шансы застать его врасплох были высоки.

— Позвольте вопрос, — медовые интонации Виллемиса нельзя было ни с чем перепутать.

Сердце ухнуло в пятки. Морской огонь! К чему вздумал прицепиться этот хренов франт?

— Пожалуйста, — мягко ответил директор Юстеддия.

— Уважаемый Ли, — ласково начал Небесный, — скажите, прежде чем отправиться на поиски, вы пытались узнать, какому именно заклинанию подверглось животное? — он сделал паузу. — И ещё один вопрос. Какие меры вы предприняли для того, чтобы обезопасить собственную персону?

— Э-э, — сказал Тенки, чтобы потянуть время.

Разумеется, ему и в голову не приходило интересоваться заклинанием — сам наложил чары на собаку! Да и никаких особенных мер «обезопасить собственную персону» Тенки тоже не предпринимал, надеялся на свои обычные силы. Собака не могла бы причинить нинье большой вред: что её зубы и когти против магии? А заклятие Элгине действует одинаково и для животного, и для человека — так что и тут псу его не превзойти.

Только объяснить это комиссии вряд ли удастся.

— Да, — кивнул Тенки решительно, — мне показалось, что на животном было испробовано заклинание Тамассаре, «Новый демон».

Кажется, Йисх с трудом скрыл широкую ухмылку. Что-то он думает? Радуетса способности ученичка выворачиваться, импровизируя?

Тамассаре когда-то занимался уничтожением разносящих заразу бездомных псов: во времена последней эпидемии чума проникла даже в тщательно оберегаемую столицу Огненного материка. И маг нашёл для этого довольно изящное решение. Оборотил меч против меча. Специально натасканных и снабжённых противочумными амулетами псов превращали в боевые машины. Такие твари атаквали лишь себе подобных и были безопасными для людей. С бродячими животными совладали за считанные дни.

— Видимо, пёс изначально был не совсем здоров психически, или же маг-экспериментатор ошибся в своих действиях, — сокрушённо вещал нинье. — Животное под «Новым демоном» считается для людей безобидным, но в данном случае, очевидно, что-то пошло не так.

Виллемис кивнул. Тенки заторопился продолжать, пока маг не напомнил о втором вопросе.

— К сожалению, до наступления ночи местонахождение животного локализовать не удалось, — а вот и враньё сплошное, где пёс прячется, Тенки определил. Но ждал ночи, не желая действовать при свете дня. Ждал, хоть и понимал — преимущества в ночном зрении у него не будет, пёс обладает теми же качествами.

— Однако к ночи голод заставил объект покинуть убежище, — нинье чувствовал себя так, будто зачитывал вслух странную смесь сводки новостей, древних хроник и художественной литературы. — К счастью, его удалось обнаружить раньше, чем зверь совершил очередное нападение.

Ещё бы — Тенки следил за псом, не спуская глаз. Даже естественные надобности оправлял в переулке по соседству, не отходя далеко от места, где залегло животное. И дождался — когда стемнело, собака появилась на улице.

Вот тогда свежеиспечённый тёмный маг почувал дыхание страха. Глаза пса горели в темноте слабым фосфоресцирующим светом, животное двигалось плавно, словно плыло по воздуху. Это была уже совсем не та собака, за которой Тенки ухаживал несколько дней,

опасаясь поминутно, что она вот-вот издохнет. Не та, что послушно слизывала с руки пищу. Эта — его самого посчитала пищей.

— Против объекта были применены боевые заклинания, — будничным голосом сообщил Тенки, вырываясь из хватки воспоминаний, — животное удалось уничтожить.

— Не торопитесь, Ли, — прервал его Виллемис. — Вы уничтожили его? Почему не попробовали сначала обездвижить объект, не попытались сохранить ему жизнь? В случаях, подобных вашему, рекомендуется оставить животное для дальнейшего обследования. Это ценный материал.

Ага, конечно. Чтобы вы распутали, что там было за заклинание? Увольте, Тенки не привык настолько недооценивать собственных учителей.

— Увы, — с покаянным видом Тенки опустил голову, — к сожалению, действовать так оказалось невозможным. Объект двигался чрезвычайно быстро, и обычно рассчитанные на животное подобного размера заклинания заморозки оказались неэффективны.

Как хорошо, что Виллемис не вправе сейчас заглянуть в его голову, попытаться прочесть эмоции. Как хорошо, что Тенки давно научился чувствовать малейшие попытки мысленного зондажа.

Обездвижить собаку, оставляя её в живых, Тенки, понятно, не намеревался. И думать не стал метать в неё парализующим «арссе» или другими подобными чарами. Бил только на поражение.

Собака прыгнула сразу, едва заметив чужого на своей территории. Без сомнения, пёс привык к безнаказанности, к силе и скорости, позволявшим догнать и одолеть любого. Тенки отлично понимал, что не может позволить животному даже коснуться зубами своей кожи — малейшая капля крови станет прямой дорогой к смерти. Рассчитывать на то, что животное питается не энергией, было бы глупо. В таком случае не появились бы жертвы.

Собака прыгнула, и Тенки встретил её одним из любимейших заклинаний — направленным огнём.

Да только заклинание, пусть и задело пса, не подействовало в полной мере. Охваченная пламенем собака, с оскаленными клыками, горящими глазами, с растопыренными в прыжке лапами — зрелище действительно впечатляло, хоть и длилось недолго. Тенки едва успел уйти от молниеносного броска, как пламя стекло со шкуры зверя, не нанеся видимых повреждений.

Недооценил противника. Не учёл, что имеет дело не с обычным диким псом — с военной машиной.

Пришлось вилять, прыгать, скакать в невообразимой пляске, убегая от обезумевшего противника. Думать не получалось, вспоминать подходящие удары — тоже. Одно время нинье уже почти поверил, что погиб, что смерть заберёт его вот здесь, на этой тёмной улице, но тогда заметил, что и животное начало уставать.

Между ними было всего-то шагов пятнадцать — три прыжка для быстрой собаки, — но вымотались оба. Животное наступало, шло медленно, не спуская с противника глаз. Тенки пятился, тщательно следя за движениями пса. Эту передышку надо было использовать, и Тенки сосредоточенно пытался вспомнить подходящее боевое заклинание. Всего-то несколько секунд длились те мгновения.

Показалось, не успел практикант и глазом моргнуть, как вспыхнула в голове плетёнка «белой смерти», одно из известнейших заклинаний. Проклиная предательницу-память, лишь тут соблаговолившую снизить, все силы Тенки употребил на то, чтобы вложить в удар

максимум энергии. Взвыл, задрожал амулет, отдавая запасённую мощь, магия понеслась по жилам, скручивая тело. Наружу вырвался ослепительно-белый луч, пронзил воздух, втыкаясь в собаку, и растворился в густой шести, вобранный телом.

Тенки замер, ожидая результата.

Пёс тоже стоял на месте, словно не понял, что произошло.

И заклинание сработало. Плеснули на дорогу ошмётки мяса, кровавая дрянь разбрызгалась по рукам, хлестнула горячим по лицу.

Уничтожил. Победил.

— К сожалению, я допустил несколько ошибок, — Тенки потупил глаза: теперь следовало мягко подытожить, показать, что он понимает свою малоопытность и готов к порицанию, — не осознал необходимости сохранения материала для исследований; по неопытности воспользовался чересчур сильными заклинаниями; превысил лимит собственного амулета.

Еле добрался до школы. Шатало, кровь на руках и лице высохла, стянула кожу, а Тенки даже не сообразил очиститься. Так и зашёл на территорию школы, подобрался к общежитию окольным путём. И только увидев в оконном стекле своё непрезентабельное отражение, отправился в душ. Сил не было, ни физических, ни духовных.

Под напором воды слабо-коричневыми струйками стекала чужая кровь.

Когда-то Тенки чувствовал себя таким великодушным, отпуская пса на волю. Почему-то поверил, что собака не станет нападать на себе подобных, и уж тем более на людей. Тогда ещё Тенки незнакома была сводящая с ума жажда, при которой в каждом встречном видишь лишь способ поддержать собственную жизнь.

Заклинание иле Элгине с самого начала было настроено на людей. На людей в качестве объектов, на людей в качестве пищи. Неудивительно, что пёс стал нападать на жителей города, пусть поначалу и мог довольствоваться другими животными.

Впрочем, собаке наверняка недолго оставалось жить. И без вмешательства Тенки пёс бы погиб. Рано или поздно, сейчас или через полгода.

Как и сам Тенки лет через шесть.

— Ну что же, спасибо, — разнёсся по помещению мягкий, низкий голос директора. — Не желает ли уважаемая комиссия задать вопросы практиканту?

Тенки ждал, стараясь не допускать на лицо волнения. Выбранный им случай — самостоятельное расследование, уничтожение опасности для жителей города — был неплох. На фоне однообразных докладов он должен выгодно запомниться.

Но чем больше вопросов, тем больше зацепок, тем ниже шансы быть отобранным. Пусть молчат, пусть не вздумают интересоваться какой-нибудь ерундой.

В полнейшей тишине чуть шевельнулся Йисх, и к нему тут же обратились взгляды собравшихся. Тенки тоже впился глазами в боевого мага — не хватало ещё, чтобы сам наставник заметил недочёты в рассказе ученика. А Йисху сейчас подставить его легче прочих, уж он-то знает всю изнанку представленного случая. Один вопрос с подковыркой, на который практикант не сможет придумать ответа, и пищи пропало — он выставит себя мямлей и дураком, а тогда прощай, мечтания о должности при дворе. Молчи, Красноглазый, молчи.

— Йисх-илиэ? — вопросительно повернулся к магу директор.

Мужчина поднял голову. У Тенки сжалось сердце.

— У меня нет вопросов, — глядя на практиканта, обронил маг.

Повезло. С большим трудом нинье удержался от облегчённого выдоха. Продолжал стоять с прямой спиной, расправив плечи, взгляд перед собой.

— Виллемис-илиэ? Астеаки-илиэ? Лестани-илиэ? — Юстеддия по очереди называл имена. Ни один не откликнулся. — Ну что же, — снова произнёс директор, обратился к практиканту: — Итак, церемония завершена. Вы свободны, Ли.

Тенки поклонился. Стремительно ускоряя шаг, направился к двери.

Завершилось. Закончено. Всё.

Гладкая деревянная ручка показалась на удивление настоящей, твёрдыми краями впиалась в ладонь. Эта ручка и дверь, в которую она врезана, — рубеж между двумя жизнями: жизнью школьной и существованием в качестве полноценного, самостоятельного мага.

Что будет дальше — ещё неизвестно.

Но всё, что зависело от него, Тенки сделал.

Очередь за Ацу.

— Мурасе-Ито, практикант, двадцать пять лет, полюс силы — светлый.

— Ну что же. Инициатор задания?

Светлые глаза наставника коснулись лба Ацу и тут же отпрянули, спрятались в бумагах.

— Заявление было подано с моей стороны, — чётко ответил практикант.

Юстеддия-илиэ не удивился — знал. Именно к нему, к наставнику, Ацу и обратился тогда, с полгода назад. Удивились остальные члены комиссии. Это было ожидаемо: обычно приказы заняться тем или иным случаем приходили сверху, от старших, и очень редко, почти никогда наоборот.

— Объект? — снова спросил директор.

— Незаконная магическая деятельность. Ведьма.

Ведьма. Это случилось зимой. Едва успел прийти Рассвет.

О ведьме Ацу узнал не от отца, не от брата, даже не от матери. К нему, пряча глаза, подошёл замковый магик. Сдавленным шёпотом попросил совета. В тихой пустоте кабинета сообщил, что на вверенных его надзору территориях появилась ведьма. Крестьяне жалуются, сетуют на возможную опасность, просят защиты.

Магик ходил туда, смотрел на указанную женщину. Она и впрямь оказалась ведьмой, пришедшей, взрослой женщиной лет тридцати. Силу её магию определить точно не удалось, но понял одно — скорее всего, дар женщины превышает его собственный. Вероятно, именно поэтому ей до сих пор удалось избежать поимки. А может, она лишь недавно избрала преступный путь, оттого и оставила свой дом, пришла в незнакомую местность и не успела ещё попасться на глаза ни магам из челяди, ни полиции.

Магик рассказывал трудно, постоянно запинаясь, подыскивая слова. Ацу, кажется, догадывался о причинах: мужчина боялся, что не хватит знаний совладать с ведьмой, сил и умений. Боялся, но не хотел дать это понять ему, Ацу, — ведь прежде всего Ацу являлся сыном господина, и только потом уже старшим магом. Замковый магик боялся потерять место. Но и смотреть на появление ведьмы сквозь пальцы тоже было нельзя.

— Прежде чем переходить к определённым действиям, было решено согласно инструкции пронаблюдать за объектом со стороны. Во избежание риска оказаться обнаруженным пришлось отказаться от мысли подобраться вплотную, наблюдение велось

издалека. Точный уровень объекта установить не удалось. Предположительно он колебался в районе двух ноль семи — трёх.

Для ведьмы — природной, необученной, дикой крестьянки — неимоверно, непозволительно много. Будь Ацу ещё адептом, третьекурсником, неизвестно, кто одолел бы в схватке.

Хотя, конечно, разве позволили бы неопытному адепту выйти против взрослой, сильной ведьмы?

— Доложив о появлении ведьмы старшим магам, я велел местному магику продолжать наблюдение. Однако, к сожалению, в скором времени появился сигнал о человеческих жертвах.

Принёс весть не магик. Прибежал взъерошенный, взволнованный, готовый проглотить язык от возбуждения крестьянский мальчишка. «Ведьма, — кричал он, — ведьма убила сына портного!»

Ацу оказался в деревне одним махом, давно ему не приходилось так пришпоривать коня. Мальчишка отстал на первых же шагах, вопил что-то неразборчивое, спотыкаясь то и дело, падая на колени и почему-то безумно радуясь происходящему.

Вокруг растерянного деревенского старосты собралась разгорячённая толпа. Поутру в одной из речушек был обнаружен известный любитель выпить, сын портного Атони, лежащий лицом в воду, мёртвый. Всем было ясно, кого винить. С тех пор как ведьма поселилась в округе, несчастья посыпались на деревню одно за другим. Страдал скот: пала старая корова кузнеца, охромела лошадь школьного учителя — не иначе, проделки сумасшедшей бабы; да и, пусть мелочь, но всё же — окотившаяся недавно кошка пропала, бросив котят — известно кто тут замешан, издавна ведьмы использовали котов в своих целях.

А теперь, стало быть, пришёл черёд людей.

— Подозрения крестьян были проверены, — докладывал Ацу, — к сожалению, труп коровы был уже уничтожен, на лошади следов проклятия обнаружить не удалось. На человеческом трупе слабые следы магического воздействия имелись.

Ацу вспомнил, как опустился на колени рядом с уложенным на рогожку трупом. Мельком глянул на лицо — черты Атони он знал.

В груди закипала холодная ярость.

Пришлая ведьма осмелилась губить его людей. Нести зло его подзащитным. Пусть даже на теле Атони не будет следов магии, уже одного присутствия преступницы во владениях Мурасе-Ито достаточно. Пусть у страха велики глаза, и крестьяне больше придумывали, чем страдали в действительности, пусть даже Атони утоп по собственной вине — уже неважно. Преступление должно быть наказано. Женщина, осмелившаяся пойти против закона, не желающая отказаться от использования магии, заслуживает смерти.

Практикант медленно водил руками над телом. В отдалении почтительно замер староста, собравшиеся за его спиной деревенские зеваки жадно следили за происходящим. Все эти люди только и могли что проклинать ведьму — пойти на неё самим не хватало смелости.

И правильно. Не дело деревенскому люду пытаться своими силами разобраться с преступницей. Это задача магов.

Обращённую вниз ладонь мягко ударило.

Деревенские оказались правы. Перед смертью на Атони и впрямь наложили заклятие.

— К сожалению, состав плетения выявить не удалось. Как известно, в случае рядовых ведьмовских чар эффект кратковременен. Видимо, в данном случае произошло обычное самопроизвольное затухание, или же ведьма намеренно приложила усилия к скорейшему исчезновению следов.

Дальше было просто.

Вернуться в замок, связаться с наставником, доложить о произошедшем. Потребовать полномочий.

— Согласно закону, ведьма старше семнадцати лет, повинная в смерти человека, подлежит обязательному устранению. Согласно разделу о полевой работе, боевой маг может принимать решение об уничтожении ведьмы самостоятельно. Практикант же обязан получить разрешение, и таковое разрешение было испрошено и даровано.

Юстеддия-илиэ доверился словам Ацу. Официально в подобном случае полагалось передать полученные от практиканта сведения боевой паре, но пока такая пара доберётся до земель Мурасе-Ито, минует слишком много времени. Переполошённая ведьма успеет удрать. А ввиду усилившейся в последнее время ведьмовской активности действовать надо было немедленно: слишком участились случаи похищения обладавших даром девочек; нападения на деревни, не находящиеся под наблюдением магов; кое-где были замечены полёты в открытую, шумные безбоязненные пляски в ночном воздухе. Слишком долгое время с ведьмами обращались мягко — они вообразили себе вседозволенность. С появившейся на замковой территории преступницей необходимо было совладать быстро.

Директор положился на своего ученика.

Дальше тоже было несложно. Прийти к маленькой хижине на отшибе, обменяться кивками с оставленным сторожить ведьму магом: «на месте?» — «да», приблизиться к двери, краем глаза отмечая кошку — не она ли пропала из деревни? — с размаху пнуть разбухшую деревянную створку.

Ведьма знала, что за ней придут. Вжалась в угол, не спуская глаз с вошедшего. Она и правда была магически хорошо одарённой, а вдобавок сильной и умной — кажется, поняла сразу, что сопротивление бесполезно. Взрослая женщина с длинными нечёсанными волосами. Глаза дико блестели в полумраке неосвещённого, продуваемого всеми ветрами помещения. И вызывала ведьма не ярость, не страх — брезгливость. Неуместную жалость.

Ацу потратил некоторое время на то, чтобы объяснить женщине причины, её вину. Это был совершенно ненужный поступок, но почему-то убить её без промедления практикант не мог. Механическим ровным голосом зачитал список преступлений: от нежелания отказаться от магии и незаконного проникновения на чужую территорию до обвинения в приманивании чужих животных и порче чужого имущества, и, наконец, самое главное — нападение на человека.

Женщина мотала головой, стоя на коленях, сверкали безумные глаза. «Это не я, — шептала она, — это не я, не я, не я».

Но Атони умер по её вине — и это было доказано. Она применяла магию — это было доказано. Она была виновна.

— В отношении преступницы был применён удар «камелия». Тело передано прибывшим впоследствии магам и отправлено в Хиэй.

Ацу поймал взгляд наставника. «Объясни, почему Хиэй», — говорили глаза Юстеддии-илиэ.

— Хотя случай произошёл на территории Сорэнэрэ, — поспешил добавить элхе, — тело

было решено отправить в Хиэй, ибо ведший дело практикант зарегистрирован именно в Хиэй, — странным казалось говорить о себе в третьем лице.

Теперь вроде бы Ацу сказал всё. Остаётся подытожить.

— Я не вижу ошибок в своих действиях, — практикант вздёрнул подбородок. Краем глаза уловил взгляд учителя.

Юстеддия-илиэ смотрел строго и серьёзно, молчал, будто глубоко задумался. Пауза длилась чуть дольше, чем должна была.

Ацу упёрся глазами в стенку за спинами комиссии. Сердце в груди стучало чуть громче, чем должно было.

— Есть ли вопросы? — наконец произнёс директор. Посмотрел влево, вправо, проходясь долгим взором по лицам учителей.

— М-да, — не выдержал взгляда Виллемис-илиэ. И поспешил отрицательно качнуть головой: — Э-ээ, нет.

Поднял руку Лестани-илиэ.

— У меня есть один вопрос, — сказал он.

— Пожалуйста.

— Скажите, — учитель посмотрел на Ацу долгим внимательным взглядом, — вы не сомневались? Я имею в виду, всё-таки это было впервые для вас, не так ли?

— Да, — Ацу не совсем понимал, что от него хотят узнать.

— Вы, я надеюсь, тщательно проверили всех жителей деревни? Других подозреваемых не было?

— Да, — чётко ответил практикант. Теперь он понял, что обеспокоило Лестани-илиэ: вдруг истинный виновник смерти Атони остался безнаказанным. — С помощью моего коллеги младшего уровня мы проверили всех жителей деревни и попросили о том же ответственных за соседние селения. Иных незарегистрированных обладателей магической силы было не обнаружено.

— Что ж. Спасибо за ответ, — Лестани-илиэ кивнул, хотя выражение его лица как будто ещё хранило слабую неудовлетворённость.

Ацу оставался внешне невозмутим, но сердце колотилось, как сумасшедшее.

— Ну что ж, — Юстеддия-илиэ откинулся на спинку кресла. — Другие вопросы?

— Нет, — ответил Йисх.

— Нет.

— Нет.

Часть третья, глава 3

Как всегда, ощущение голода ударило внезапно. Скрутилось в груди, взвыло, ватными комочками забило уши. Тошнотворная пульсация толчками двинулась по телу.

Тенки непроизвольно сглотнул, поморщился. Приступа он ожидал со дня на день, время подходило. Но угадать точно не получалось никогда.

Нинье остановился — длинный коридор был пустынен, никто не станет интересоваться внезапной бледностью и испариной на лице только что защитившегося практиканта. Привалился к стене, закрыл глаза. Рот пересох. Как обычно, ухудшение шло стремительными темпами.

Не открывая глаз, Тенки сосредоточился. Впустил в сознание непроницаемую тьму мыслепередачи.

«Немедленно — пятый этаж — комната практикантов», — на большее сил не хватило. Или не хватило терпения.

Тенки оторвался от стены и, перепрыгивая через ступеньки, полетел по лестнице вверх. Хорошо, на верхних этажах школы сейчас никого не встретишь: учителя заняты в комиссии, практикантам первого года велено не появляться во время защиты старших, а единственный кроме Тенки уже прошедший церемонию Эвисто, верно, сидит где-нибудь в столовой, а то и вовсе убрался прочь из школьных стен — после защиты ему здесь делать нечего.

Пятый этаж тоже пустовал.

Тенки ворвался в помещение, глянул быстро по сторонам. Мальчишка ещё не появился. Где носит этого оболтуса? Какого хрена пацан медлит?

Раздражение нарастало, сливаясь с тошнотой. Пока ещё, впрочем, ощущения были терпимы — но если голод не утолить сегодня, завтра нинье к мальчишке лучше не подпускать. Неизвестно, сможет ли Тенки вовремя прийти в себя. И если не окажется рядом Йисх, единственный, кто в состоянии остановить практиканта, одержимого жаждой энергии, за жизнь пацана нельзя будет поручиться.

Чтобы умерить глухое раздражение, Тенки заходил по комнате кругами, забегал, косясь на разбросанные по помещению привычные каждому магу амулеты, справочники заклинаний, на безобидно разряжённое магическое оружие и на него же, только заряжённое и потому опасное. Воскресли в памяти слова учителя: «С любым человеком маг должен справляться без какого-либо оружия». Красноглазый частенько это твердил и никогда не отказывался продемонстрировать правдивость своего заявления. Даже с гроздью глушителей-«гирь» на теле Йисх атаковал по-змеиному стремительно, ошеломляя противника неожиданными выпадами.

Йисх был хорошим учителем. Тенки всё чаще думал, что, останься в живых тот неизвестный светлый, напарник Красноглазого, вряд ли боевой маг удовлетворился бы тихой и мирной должностью в Королевской школе — владея заклинаниями настолько виртуозно, нельзя было не сожалеть о невозможности применять их в деле.

Дверь открылась тихо — но обострённый сейчас и чуткий к любому шороху слух практиканта отреагировал безошибочно: инстинкт вмиг развернул владельца лицом к входящему, заставил напрячься. Совершенно непроизвольно и от воли нинье независимо. Тенки пришлось напрячься, чтобы оставаться на месте, не ринуться вперёд.

В комнату заглянул мальчишка-элхе, прямые коричневые прядки рассыпались, закрывая острое ухо, тонкую линию скулы. Мальчишка вёл себя осторожно, словно делал что-то недозволенное. Собственно, так оно и было: на верхние этажи корпуса старших ученикам первого года вход запрещался.

Не умея больше терпеть, Тенки двинулся к мальчишке. Увидел огромные глаза — первокурсник, видно, не заметил затаившегося в полумраке старшего и не сразу смог определить, кто именно перед ним, испугался возможной нотации. Но тратить время на увещания нинье не стал. Взял пацана за плечо, втянул вовнутрь, захлопнул ногой дверь. Перехватил тонкую мальчишескую кисть.

Во рту шевелились клыки, нахлынула слюна. Прорвать кожицу на запястье было делом мгновения.

— Наставник... — пискнул элхе.

Тенки не слушал. На язык пролилась пара капель, пара капель отдающей железным привкусом жидкости, сводящей с ума, ароматнее вина, вкуснее любого нектара. Зашумело в ушах, накатило затягивающее блаженство, и сразу же боль мальчика отдалась в кисти Тенки — привычная, сладостная боль.

Жизнь снова улыбнулась ему: «Не бойся, не оставлю».

С трудом практикант заставил себя оторваться от ранки. Как обычно, послушно текущая к нему энергия подталкивала не задумываться, пить до конца, вычёрпывать всё, пока есть возможность. Перед тем как прервать соединение, Тенки зарастил кожу — мальчишка и так делает что может, не хватало ему ходить в шрамах.

Когда Йисх привёл к нинье первокурсника, то взял обещание заботиться о младшем. Хотя самой большой заботой было бы, верно, оставить парня в покое.

— Сколько раз говорил тебе, не зови меня «наставником», — Тенки отстранился от мальчишки.

На нинье поднялись большие серо-синие глаза. В них ещё плавала слабая дымка не успевшего забыться блаженства. Младший бессмысленно улыбнулся.

В таком состоянии говорить что-то бесполезно. Не услышит.

Тенки чуть вздохнул, отошёл к окну. Отодвинул тяжёлые занавески, глянул наружу.

Садилось солнце. Ещё полчаса, и из комнаты защиты выйдет Ацу.

Можно бы взять Ацу, подхватить Тардуса, отыскать ещё Эвисто и завалиться в город. Напиться, наконец. Хотя размеренный ритм, неизбежный в компании только прошедших церемонию защиты и желающих отдохнуть элхе, Тенки сейчас не подходил. Хотелось чего-то более... будоражащего.

Нет. Вылавливать смурного, как обычно, молчаливого Ацу он не станет. Не станет и выискивать Тардуса — к тому же однокурсника сопровождает сестрёнка, вряд ли щингеец сегодня куда пойдёт. Пусть и Эвисто пьёт в одиночестве.

— Наставник, — оставленный у двери мальчишка, кажется, пришёл в себя.

— Дари, сколько раз тебе говорить, не зови меня «наставником», — привычно бросил Тенки. Зная, впрочем, что очередной упрёк не окажет на пацана никакого влияния — тот с непреклонным упрямством продолжал обращаться к Тенки именно так.

— Наставник, — так и есть, пропустил мимо ушей, — расскажите про тёмных и светлых.

— Что тебе рассказать? — рассеянно отозвался практикант: внимание привлёк не до конца разряжённый кристалл-«подслушка». Подкинуть бы его к дверям комиссионного

помещения, послушать бы, что плетёт Ацу. Да только кто ж позволит. — Не стой у дверей, проходи.

Дари послушно зашевелился, тенью скользнул к табурету. Сел, чинно сложив на коленях руки.

Тенки окинул мальчишку долгим взглядом. Прямые тёмные волосы, в предзакатных лучах отливающие рыжиной, серьёзные глаза — не пацан, воплощение покорности и послушания. Сколько ему сейчас лет? Четырнадцать-пятнадцать? Конец первого курса. С июня — второкурсник.

— Как получились тёмные и светлые? — звонкий голосок до идеальности правильно пропел все интонации вежливой фразы.

— Тебе на уроках не рассказывали? История магии.

— Нам ничего не рассказывают, наставник, — Дари чуть ли не губы надул обиженно. — Пока что мы проходим про богиню Солнца и как она послала внука завоёвывать новые земли. Это и так все знают!

— Ещё раз скажешь «наставник», получишь по лбу, предупреждаю, — усмехнулся Тенки. Поймал быстрый взгляд из-под чёлки. — И что тебя про тёмных и светлых интересует? Как возникло деление по полюсам силы?

Мальчишка кивнул. В глазах плескалось любопытство.

Тенки устроился на краю стола. Первокурсник тут же вскочил, предлагая старшему занять место на табурете; нинье мотнул головой: «сиди».

— Ну, вначале, как тебе известно, были лишь, скажем так, «обычные». Маги прежних времён. И маги эти по уровню силы выше тройки подняться никак не могли, ага? Когда адепт Королевской школы достигает тройки? — нинье поднял брови, пытливо уставился на Дари.

— К третьему старшему курсу, — без запинки отрапортовал мальчишка.

— Именно. То есть к двадцати примерно годам. Маги до разделения по полюсам достигали своего пика силы, той же тройки, годам к тридцати. Если, разумеется, изначальные данные вообще это позволяли. Потому и система исчисления была другой. Понятно, в чём дело?

Мальчик замялся, не отвечая. Блеснул глазами на старшего.

— Сейчас у нас измеряют от первого до пятого уровня и используют дробные цифры. Тогда у них были в ходу числа от одного до двенадцати, причём двенадцать соответствовало нашей примерно четвёрке. Четыре ноль один, где-то так. Почему же они останавливались на четвёрке? Почему не было цифр, соответствующих нашему четыре с половиной, пять? — Тенки замолчал, выразительно глядя на Дари.

— Потому что... — тот уставился в пол.

— Смотри, — подсказал Тенки, — почему у нас нет уровня «шесть»?

— Потому что никто его не достигает? — глянул мальчик вопросительно.

— Именно. Нам не нужна шестёрка, потому что выше пяти люди, как считается, подняться не могут. То есть в цифрах больших попросту нет нужды. Так и до открытия полюсов: люди не могли подняться выше тройки — по прежней шкале девятый-десятый уровень, — поэтому цифры одиннадцать и двенадцать считались божественными, для человека невозможными.

Дари кивнул. Поднял на Тенки внимательные глаза и снова спрятал.

— Твой уровень сейчас по старой шкале... — нинье прищурился, посылая луч

определения, — пожалуй, между первым и вторым. На грани. По-нынешнему — ноль ноль девять, один ноль один.

«Ух ты», — прочиталось в быстром взгляде первокурсника. Восторг и нечто вроде смутного благоговения — то ли перед Тенки, так легко определяющим чужой уровень, то ли перед воображаемым уровнем самого «наставника». И ещё радость — от осознания себя магом, пусть и будущим.

Первый младший курс — ещё бы. Сейчас любое подтверждение собственной принадлежности к миру магов кажется им чудесным, пронзает до глубины души.

— Это потенциальная сила, — поспешил светловолосый охладить ученика, — знание теории её увеличит, отсутствие знаний, соответственно, уменьшит. И вообще, результаты тестов, которые вы проходите за время обучения, понятно, гораздо точнее, чем мои эти беглые прикидки.

Мальчишка преданно кивнул.

— Значит, насчёт уровней, — продолжил Тенки. — Разумеется, им, тогдашним магам, хотелось силы. Больше силы, больше энергии, больше возможностей — короче, как обычно. И умные головы начали думать, как этого добиться. Как сделать так, чтобы получить больше силы, но при этом не создать всемогущих зазнаек, с которыми никто не сможет совладать. Как сделать новое поколение — магически сильных, умных, хорошо обученных, но при этом идеально лояльных и послушных государству воинов.

Дари кивнул, отвечая направленному на него взгляду.

— Намерение, в общем-то, понятное, ага? Но, как водится, у этих магов были и противники. Те, которым не по нраву было подчиняться государству. Те, которые превыше всего ставили собственную волю. Эти люди стали искать свой способ поднять магический уровень. Открыть новые способности. И обе эти группы независимо друг от друга такой способ нашли.

Солнце село — или садилось, уползая за раму — в комнате темнело. Лицо мальчишки, сидящего напротив, чёрным красили тени. Дари сидел неподвижно, внимая словам старшего.

— Ну, как ты, я думаю, уже догадался, из одной группы получились теперешние светлые. К заклинанию полюса привязаны определённые изменения в личности, они настраивают мага на неукоснительное следование законам. Это уже неизбежно, раз выбрал светлого — будешь вынужден подчиняться, — Тенки спохватился — объяснение перестало быть объективным. Включились эмоции: постоянное неодобрение методов светлых, — и, понятно, не остались незамеченными этим пацаном с внимательными глазами. — Ну а с другой стороны, мнящие себя свободными тёмные издавна считаются ненадёжными типами, готовыми предателями, преследующими сплошь только личные выгоды, — поспешил нинье исправиться.

— Наставник, — подал голос Дари, — а если не нравятся ни те, ни другие?

Тенки наклонился, легко шлёпнул по макушке — Дари не успел отдёргнуть голову, только зажмурился. Почуввав, что наказание окончено, раскрыл элхеские большие серо-синие глаза, снова уставился на практиканта.

— Ну, недостатки можно найти везде, было бы желание искать, — пожал плечами нинье. — Вообще считается, что светлые — хорошие исполнители, но в случаях, когда поколеблена их вера, незыблемая обычно... вера в законы и принципы, они становятся беспомощны. Зато в этом их уравнивают тёмные. Там, где светлый растеряется, не

находя ответа в привычных формулах, тёмный поступит так, как ему в тот момент покажется правильным. Или же, как предпочитают говорить светлые — выгодным. Там же, где тёмный решит сворачивать делишки, светлый выполнит порученное досконально.

Дари слушал.

— И ещё, — добавил Тенки, — светлый, объективно говоря, считается более сильным, нежели тёмный того же уровня. Это связано именно с верой светлого в некие абстрактные, ну или не всегда абстрактные — категории. Вроде счастья, благополучия и мира в королевстве, порядка и отсутствия преступлений. Светлый также, поскольку более привязан к государственным устоям, с большей лёгкостью найдёт себе работу и пользуется большим доверием, — вспомнились слова Тардиса, сказанные утром, и Тенки чуть поморщился.

— А вы же — тёмный?

— Ага. Сейчас на службе Огненной девы предпочитают боевые пары — впрочем, тому «сейчас» уже добрая сотня лет. В общем, у каждого из магов есть свои достоинства и свои недостатки. И, если тебе не нравится ни светлый путь, ни тёмный, — выбирать никто не заставит, ты можешь остаться адептом.

— Это несколько, — Дари поморщил лоб, — неинтересно.

Тенки усмехнулся:

— Подбираешь слова? Невежливость меня не испугает, мог бы и сообразить, — и, стремительно протянув руку — Дари опять не успел отпрянуть и только сощурился, вжал голову в плечи, ожидая шлепка, — взлохматил мальчишке волосы.

— Принципы светлых мешают им жить, как мне кажется. Ну и своим выбором я вполне удовлетворён, — нинье ухмыльнулся, не глядя долго в широко раскрытые глаза первокурсника.

Ещё бы ему не быть удовлетворённым своим выбором. Стань Тенки светлым, наверняка сдох бы при первом приступе, не осмелясь перейти невидимую грань. Стань Тенки светлым, сейчас — выбери Ацу другую сторону и окажись опять его напарником — остался бы темноволосый в одиночестве, перед неизбежной нуждой искать нового товарища. Тёмный маг-одиночка. Как Йисх.

Интересно — на миг Тенки позабыл о присутствии Дари, — отчего умер напарник Йисха? Почему Красноглазый так хорошо осведомлён в заклинании Элгине? Зачем наблюдает за ним, за Тенки, каких целей добивается?

Что вообще побудило боевого мага преподавать в Королевской школе — ведь не тяга же к самопожертвованию? Что за личную выгоду он преследует, пестуя новые, хм, таланты?

— Наста... — Дари заткнулся на полуслове, поймав неожиданно суровый взгляд. — Простите.

— Послушай, Дари, — Тенки поднялся, машинально потёр оставшийся на заднице след от края столешницы. — Послушай, я пойду в город — дела, всё такое, а с тобой мы потом ещё поговорим, ага?

— Да, наставник, — первокурсник тоже вскочил. Метнулся к двери, уходя от подзатыльника.

— Прошу прощения за вторжение, — донеслась оттуда ещё предписанная правилами вежливости фраза.

— Проси-проси, — отозвался Тенки фразой совершенно не предписанной. Оглянул по привычке комнату — всё ли выключено, — и отправился следом.

Сидеть в четырёх стенах было невозможно — скорее выбраться в город, истратить

избыток переполняющей энергии. Скорее — куда угодно, двигаться, ощущать, наслаждаться.
Жить.

Город пылал огнями. Ночное апрельское небо опустилось низко, так низко, что казалось — можно дотронуться, что ещё чуть-чуть — и заденешь макушкой. Звёзды терялись от света на улицах, и Огненная столица являла собой центр земли, место, где единственно возможна жизнь, средоточие её, сжатую пружину мира. Люди, текущие по ярко освещённым дорогам, составляли основу той пружины, двигались по одним им известным законам, закручиваясь спиралью, многократно перекрещиваясь и стремясь к неведомому сердцу.

В толпе, окружённый со всех сторон людьми, в наполненном криками и смехом ночном воздухе, огнях и веселье города Ацу ощущал себя настолько одиноким, каким не чувствовал бы, даже спрячься он в своей комнате и закрой наглухо окна и двери. Чужое веселье казалось нарочитым, ненастоящим, огни — призрачными, люди, мечущиеся вокруг, — бесплотными духами.

Зачем он пришёл в город, практикант не знал.

Верно, хотелось уйти из школы, оставить за собой внезапно показавшиеся душными, тесными стены. Забыться в шумной толпе, никогда не иссякавшей на улицах столицы.

Но забыться не получилось.

Наоборот — чем дальше он шёл, невольно заставляя расступаться до отвращения беспечный сброд, тем бессмысленней виделась ему вся затея прийти в город.

Может быть, именно для того чтобы избавиться от неправильного одиночества, чтобы отказаться от притворного участия в чужом веселье, темноволосый и свернул на когда-то неплохо знакомую узкую улочку. А может, ноги привели его сюда сами, по собственной воле — Ацу давно перестал задумываться о направлении.

— Мы так рады, господин, — девушка в маске склонилась перед ним, открывая взору нежно-бледную кожу, ложбинку меж грудей, обнажённые ключицы. Волосы соскользнули с её плеча и рассыпались тёмным покрывалом, девушка тут же плавно повела рукой, убирая их.

Подняла глаза, улыбнулась, не показывая зубов:

— Может быть, Вы желали бы назвать имя подходящей собеседницы? Кому дозволено скрасить Ваше драгоценное время?

Ацу сдвинул брови. В голове вертелись яркие лоскуты ткани, слышался полузабытый беззаботный смех. Когда-то здесь была девочка, с которой удобно разговаривать.

— Облако, — наконец память выдала имя бывшей возлюбленной Тардиса.

— Ах, какая жалость, — нария перед ним снова глубоко склонилась. — Облако оставила нас около года назад, так горестно, что мы не можем выполнить Ваше желание. Быть может, кто-то иной?

Вот как, Облака здесь больше нет?

Что ж, это лишь естественно. Время не стоит на месте. Но кого же тогда назвать? Имён других нарий Ацу не помнил.

Девушка ждала, не поднимая глаз.

— Тогда, — практикант замялся, — тогда... — узор на правом плече одеяния нарии

вдруг показался ему знакомым. Жёлтые листья, сошедшие в ноябрьском хороводе, сезонный мотив, не подходящий для апреля. Но что-то напоминающий. — Тогда Осень.

Ацу произнёс это имя и сразу же с запоздалым сожалением подумал, что, верно, Осени уж точно нет в этой нарайе, если ушла и Облако. Осень тогда, пять лет назад, выглядела старшей из присутствующих. Значит, должна была уйти раньше, чем Облако. Значит, сейчас ему скажут, что и её нет. Значит...

Что же, тогда Ацу уйдёт. Желания знакомиться и флиртовать с новыми юными девочками он не испытывал. Хотелось отдохнуть, расслабиться в компании с кем-то знакомым, с кем-то, кто выслушает и помолчит в нужных местах.

— Осень! — радостно улыбнулась нария. — Мы рады исполнить Ваше желание и счастливы, что Ваша память сохраняет имена наших жалких служанок.

Осень здесь?!

Ацу постарался скрыть удивление.

— Соблаговолите проследовать за провожающей, — нария повела рукой, и в комнате появилась девочка в маске. — Осень осмелится нарушить Ваш покой спустя несколько мгновений, простите заранее за неудобство ожидания.

Девочка улыбнулась ему одними сомкнутыми губами.

Её Тенки заметил сразу же, как только заглянул в эту тёмную, заполненную дымом и пьяными голосами, пропахшую потом и жареным мясом пивную. Девочка резво сновала между беспорядочно расставленными столами — тут, в квартале рабочих и портовых грузчиков, столы расставляли, следуя не законам красоты, а лишь бы больше вместились, — разносила кружки с пивом, шампурсы с нанизанными кусочками говядины, глубокие тарелки, полные овощей. Маленькая, симпатичная, в заляпанном жиром и красными пятнами от помидоров передничке.

Тенки понравился жест, которым она закидывала за спину распущенные и всё норовившие попасть в пиво волосы — длинные, прямые, коричневые — одним грациозным, очень женственным движением. Да и передничек чудесно сидел на девчонке, обрисовывал маленькую, но красивую грудь, подчёркивал талию.

Есть не хотелось — сюда нинье пришёл не за жратвой. Западный район: главный речной порт столицы, ремесленные кварталы, самый большой процент ниньеского населения. Здесь можно было почувствовать себя дома, будто в Валиссии — если забыть о неизбежных элхезычных строчках меню, о прихотливо завитых элхеских же буквах на вывесках и постоянно встречавшихся на улицах ушастых экстремалах из числа коренного населения, желающих попробовать на вкус атмосферу сборищ нинье.

Сюда Тенки пришёл не за едой — за развлечением. Потому и не стал проходить, садиться за столик рядом с каким-нибудь хмурым работягой, подзывать девчонку, чтобы выговорить ей заказ. Торчал столбом у входа, в полумраке — свет сюда почти не доходил, — нахально пялился на неё, ждал. Хотел, чтобы почувствовала взгляд, обратила на незнакомца внимание, чтобы обеспокоилась.

Беспокоиться она начала где-то спустя полчаса. Тенки устал подпирать стенку, но взгляды, что темноволоска начала на него бросать, вознаградили за долгое ожидание.

Было интересно наблюдать за сменой эмоций на её лице. Сначала недоумение, тревога:

зачем пришёл, если не собирается есть, зачем торчит там без движения — потом уже яркое, явное волнение, когда девчонка поняла, что взор симпатичного практиканта следит за ней неотрывно. Смесь кокетства с некоторым страхом — что ему надо?

Тенки ждал. Девчонка должна была или сбежать, возможно, пожаловаться хозяину, мужчинам-работникам, — и тогда на время придётся ретироваться, — или же, побуждаемая любопытством, приблизиться к нему, заговорить. Могла, правда, притвориться, словно ничего не замечает, и тогда уже нинье должен будет сменить политику. Тенки, однако, надеялся, что совершать лишние телодвижения не придётся. Хотелось, чтобы подошла сама.

Тенки ждал. Всё чаще ловил её взгляды. Пару раз ответил улыбкой — широкой, неподдельной, окидывая заодно красноречивым взором её ладную фигурку. Пусть не обманывается, принимая его за поджидающего дружка парня, за ещё какого бездельника, пусть поймёт сразу — интересуется практиканта только она. И только с единственной целью.

Пусть понимает сразу, по глазам.

— Господин что-то желает? — она всё-таки не выдержала.

Пробралась к нему сквозь толпу, на маленьком личике читалась забавная решительность. Собралась, видно, намекнуть застывшему на месте гостю, что пора бы и честь знать, не отпугивай, мол, честных едоков, не маячь: или садись и плати, или топай восвояси.

— Тебя как звать? — Тенки улыбнулся как мог простодушно.

Девчонка сдвинула тёмные бровки, глянула сурово. Лет ей было не больше семнадцати — по привычке Тенки прибавил сперва пару годков к всплывшей в голове цифре, потом спохватился: соплеменница же, скорее всего, ей столько, на сколько выглядит.

Девушка немного смутилась — бесцеремонный взгляд, не упустивший ни одно из достоинств красавицы, оказал действие.

— Чем я могу вам помочь? — попыталась сохранить достоинство, сказала отчуждённо.

На мгновение нинье удалось поймать её глаза — быстрое неуловимое движение, тёмные ресницы взметнулись и снова опустились, элхеская манера. Сразу видно, столица — даже ниньеские девушки тут перенимают стиль общения вышестоящего народа.

— М-м, чмокнуть? — предположил Тенки задумчиво.

Вот тут она смутилась всерьёз — оглянулась на зал, порозовела. Даже странно: небось, такого рода просьбы ей приходится выслушивать каждый день и каждый день отбиваться от наскучивших ловеласов.

— Если вы не будете заказывать, — начала девчонка и застыла: движимый не разумом, исключительно эмоциями, собственными желаниями, Тенки провёл пальцами по её щеке, откинул мешающие прядки, продолжая заглядывать в тёмные глаза.

Мыслей в голове практически не оставалось — только бездумное желание вот так касаться девичьей кожи, смотреть в чужие глаза, любоваться лёгким смущением и растерянностью. Хорошо, что здесь царит полумрак — никто не заинтересуется стоящей у стенки парочкой.

— Ты красивая такая, — слова вырвались сами, и Тенки тихо усмехнулся, — ну просто не уйди никак, прямо хоть тут ложись и помирай.

Её губы дрогнули, словно девчонка собиралась сказать что-то в ответ. Но ничего не сказала.

Тенки, впрочем, смотрел уже не на лицо — скользил глазами ниже, по шее, по длинным

волосам, по лямкам передника, светлому нагрудничку. На двух чашечках, приподнимавших грудь, взгляд застыл намертво, прикипел — не оторвать. Грудь девочки волновала нинье неизъяснимо.

Служаночка всё не отстранялась, не уходила, не пыталась вытолкать назойливого гостя. Значит, имело шанс попробовать.

А ведь ему уже двадцать два — как некстати лезет в голову чушь. Ещё лет пять-шесть — и, возможно, дольше он не проживёт. А так хочется в этом мире чего-нибудь оставить.

Или кого-нибудь?

Чушь.

Как во сне Тенки увидел собственную руку: она коснулась серой ткани девчонкиного передника, провела по тяжеловатой на вид правой округлости, под пальцами нинье почувствовал тепло чужого тела.

Сейчас он или получит по роже — и такое случалось, или...

Опустив глаза, закусив губу, девчонка смотрела на ласкающую её чужую ладонь.

— Как тебя зовут? — второй рукой Тенки провёл по её плечу, смахивая волосы, дотронулся до открытой шеи.

Она всё не поднимала головы. Только через безумно долгое мгновение донёлся неуверенный шёпот:

— Ина.

На губы нинье выползла ухмылка.

Сегодня ночью... возвращаться в общежитие необязательно.

Помещение, как свойственно нарайе, наполняла музыка — две девочки в масках сидели поодаль и тихо играли старые баллады, одну за другой, одну за другой. Осень улыбалась каждый раз, встречая взгляд практиканта, улыбалась одновременно серьёзно и ласково — от этой улыбки становилось легче на сердце.

— Знаешь, — доверительно говорил Ацу — просто потому, что нельзя было не говорить, нельзя было молчать и сидеть неподвижно: казалось, тогда музыка вырастет и нахлынет на них, накрывая с головой, заставляя захлебнуться и перестать существовать. — Знаешь, мне пришлось убить человека, убить женщину.

Он удивительно быстро захмелел — может, сказалось сегодняшнее напряжение, может, что-то иное; но язык слегка заплетался, не желал повиноваться, и от этого Ацу чувствовал себя неуклюжим, неотёсанным провинциалом, и, может, именно поэтому хотел говорить, говорить что угодно, освобождаться от любых мыслей, которые только появлялись в сознании.

— Согласно закону, знаешь. Преступница, она была преступница, напала на человека. Только знаешь... — он снова глотнул из предложенной чашечки, глянул на задумчивое лицо Осени, встретил её внимательные глаза. — Он ведь действительно умер по её вине, утонул по её вине. Но я думаю, так получилось случайно. На него наложено было заклятие, только это, знаешь, было не... не такое, не смертельное заклятие. Наваждение, да? Хотела, может, отвести глаза... Не знаю. Только предполагаю.

Осень кивнула, показывая, что слушает. У неё был тёплый взгляд.

— Я думаю, он оступился сам, свалился, знаешь, там так много рек. Везде вода, везде —

так легко случайно оступиться. Трезвые выплывут, пьяные — утонут. Он, верно, из-за магии потерял путь? Я не знаю, я ничего не мог понять — следы так быстро исчезают. И она в любом случае виновата. Она напала. И я её казнил. Понимаешь? Согласно закону. Другого пути не было. Я тогда не сомневался... и не вспоминал... Но сейчас почему-то... почему, откуда это?

— Убивать — страшно, — медленно сказала Осень.

Чтобы не упустить её слов, Ацу почему-то раскрыл глаза широко, как только мог, будто слушал глазами.

— Даже если ты уверен, что никак нельзя поступить иначе. Жизни тех, кого ты убил, всегда будут за твоими плечами. Всегда останутся в памяти.

— Как же... как же жить тогда? — он испугался. Почувствовал себя беспомощным, словно котёнок. — Ведь придётся убивать снова... закон... Ведь это... это...

«Моя работа», — хотел он сказать, но не смог выговорить. Слова не хотели быть произнесёнными. Противились, как будто, случись им стать услышанными, решится чья-то судьба.

— Если убиваешь, — ровно ответила Осень, — будь готов взять на себя чужую память. Это тоже — закон. Закон жизни, — фразы её падали на пол отрубленными кусками, падали, словно головы с плеч неведомых жертв: тяжело, непоправимо, страшно. Будто творилось недопустимое. — Если совершаешь поступок — любой поступок — будь готов отвечать за него. И за смерть тоже.

Ацу молчал, только заглядывал в лицо нарии и сам чувствовал, каким жалобным, должно быть, кажется его взгляд, каким испуганным, ищущим.

— Отобратить чужую жизнь — это действие. Его не совершит никто, кроме тебя. Как и любой другой поступок. И никто, кроме тебя, не будет за это в ответе. За любой твой поступок.

Обеими ладонями практикант накрыл лицо. Ледяные пальцы приятно охладили разгорячённую кожу. И слова Осени тоже — вдруг легли на жаркое, иссушенное сердце дарующей освобождение прохладой, обернулись пониманием.

Она была права. Следовало принять свою судьбу, свою судьбу в каждом мгновении жизни.

— Даже всего лишь просыпаясь утром, принимая пищу, слушая слова учителей, мы живём, — говорила Осень тихим мягким голосом. — Каждую секунду, каждый миг мы совершаем поступки. Только мы, мы сами, никто иной. И каждый поступок создаёт нашу жизнь. Нельзя существовать, не внося изменения в окружающий мир. И смерть, и рождение — есть лишь события, которые ничем не отличаются от прочих.

Ацу слушал. Закрыв лицо руками, сомкнув веки, только слушал, внимал.

— Имеет значение всё. Надо лишь помнить об этом.

Тёплая ладошка прикоснулась к его кисти, мягко повела, отнимая от лица.

— Не нужно страшиться неизбежной ответственности. Не нужно вовсе страшиться неизбежности.

Теперь Осень смотрела в его глаза, смотрела долго, серьёзно, словно протягивала мост между двумя мирами. Словно подавала руку, помогая выбраться из тьмы. Алые её радужки виделись пламенем. Горячим, нежным пламенем — такое не жжёт, лишь согревает, лишь освещает.

Кажется, наконец-то овладевшая Ацу беспощадная обречённость немного ослабила

хватку.

Осень, словно уловив изменения в его настроении, ласково улыбнулась. Бросила взгляд в сторону, на безмолвные маски, шевельнула губами, сделала едва заметный жест. Музыка сменилась — вместо плавных, тягучих мотивов заиграли весёлые колокольцы, флейта исчезла, послышался стук тамбуринов.

Лёгкий огненный ритм с нотками древних песен.

Ацу поставил локти на колени, отдаваясь мелодии. Осень рядом снова наполнила чашечку, придвинула ближе, приглашая взять. Бездумно практикант поднёс вино к губам.

— Скажи, что случилось с Облаком? — весёлый простой мотив вдруг напомнил о девушке с таким же, весёлым и простым, характером, о равнодушных словах встретившей мага нарии: «Она оставила нас».

— Облако... — собеседница Ацу чуть усмехнулась, показалось на миг — грустно. — Все уезжают рано или поздно, какая иначе дорога женщине?

— А ты?

— Я... — Осень глянула в сторону, в пространство, улыбнулась невидяще. — Только здесь я могу быть свободной.

— И что же дальше? Ты не выйдешь замуж?

— Пока могу, буду принимать гостей, — девушка вдруг посмотрела на него, усмехнулась неожиданно лукаво. — Потом стану учить младших, присматривать за ними. Потом, когда скоплю достаточно, открою свою маленькую нарайю. Под крылом нашей наны. Может, и рожу ещё.

— Не выходя замуж? — изумился Ацу.

— Это Вас отвращает? — её огромные алые глаза оказались совсем рядом, мягкие волосы проехали по руке, рассыпался сухим шелестом смехок и тут же исчез.

Сердце застучало сильнее.

Ладонью Ацу завладели её тонкие тёплые руки, пробежались подушечками пальцев, вызывая дрожь.

Пересохло горло, темноволосый застыл, как истукан, боясь пошевелиться, не зная, что делать. Щекой он чувствовал взгляд девушки и очень страшился посмотреть в её сторону. Пока не раздался новый смехок и прикосновения пальчиков исчезли.

Тогда глянул несмело, опасаясь увидеть в алых глазах вызов, приглашение — но Осень смотрела по-прежнему мягко и ласково, по-сестрински.

— Ты ещё не знаешь Огня, — произнесла она, и Ацу почудился в этих словах отголосок разочарования.

— Огня? — переспросил практикант, хватаясь за спасительную чашечку.

— Да. Встретишь когда-то её — ту самую, единственную, тогда и поймёшь. Сейчас ты всё равно что сложенный костёр, без прикосновения жизни, без пламени. Придёт срок — и узнаешь священное пламя.

И опять её слова упали тяжело, заставив задуматься.

Сначала показалось, что Осень ошибается — присутствие женщины совсем рядом, так близко, не оставляло Ацу равнодушным, и полным отсутствием интереса к существам противоположного пола он тоже похвастаться не мог, тем более что порою такой интерес случался весьма некстати. Просто эти чувства никогда не пережлестывали через край, не разливались так, чтобы затопить внешнее спокойствие и размыть его, разрушить.

Но потом пришло в голову иное.

— Я следую за старшими, подчиняюсь чужим приказам, — медленно произнёс Ацу. — Так и надо, я знаю, но что будет далее? Всю жизнь мне суждено прожить согласно чужим словам?

Отец, учителя, наставник Юстеддия-илиэ. Впоследствии — старшие маги. И опять отец — власть его над жизнью сына не ослабнет никогда. Это естественно, на этом зиждется мир: младшие обязаны повиноваться старшим, чтить родителей.

Но иногда оживали сомнения. Верно ли поступает Ацу, не пытаюсь найти своей дороги? Хорошо ли, если нет захватывающих душу желаний, не наполняют сердце сводящие с ума страсти? Правильно ли это?

— Ты просто ещё не проснулся. Ещё не пришёл срок.

— Что за срок? — Ацу метнул на Осень быстрый взгляд, будто в чертах её лица мог увидеть ответ.

Нария лишь улыбнулась:

— Ты узнаешь Огонь.

Окрестности Хиэй, май

В чёрном небе горела яркая звезда. Одна-единственная, словно королева мира. Ночь перевалила за половину, превратилась в колыбель, лелеющую в своей глубине новый день — ещё несколько часов, и королева мира потеряет сияние, уступая солнцу.

— Зачем мы пришли сюда? — спросил гортанный мужской голос, слегка ворчливый, с неотчётливым выговором.

— Посмотреть. Полюбоваться, — ему ответил такой же голос, голос-близнец, разве что не ворчливый, а напротив — благодушный.

— Людской столицей? Не смеди.

— Они называют себя элхе, — поправил благодушный. — И отделяют от других, от нинье, — не забавно ли?

— Все они одного племени, — презрительно бросил собеседник.

— Разумеется.

На несколько минут голоса пропали, был слышен только ветер, касающийся листвы, дрожащий на кончиках травяных стеблей. И задумчивый и тихий стрекот насекомых.

— И тем не менее взгляни, — продолжил вновь благодушный. — Взгляни, вон там, как та звезда в вышине, одна-одинёшенька, лишь посреди земли, располагается звезда этой страны — столица Огня.

Ворчливый хмыкнул.

— И в самом центре этой столицы, за огромным кольцом смыкающихся рек, во дворце, в свою очередь, окружённом двойным кольцом огня, находится женщина, средоточие силы и власти этого материка. Посмотри туда — разве не прекрасны мосты, перекинутые через подобно морю широкую реку? Взгляни на их отражение в медленной воде. На ажурные узоры, на тонкие пересечения металлических основ. И посмотри дальше, в город, посмотри, как поднимаются в воздух отблески пламени — даже здесь чувствуется сила стихии.

— Ты лишился разума? Ты привёл меня сюда, чтобы воспевать хвалу их постройкам?

— Посмотри, — благодушный словно не слышал раздражения в голосе собеседника, — там, за этими стенами, за этими бесконечными кольцами, спрятавшись в глубине своих покоев, живёт женщина.

— Их Дева, да. И что?

— Их королеве приходят видения, ты знаешь?

— Какое нам дело до её видений? Она всего лишь верхнемирка, она не имеет к нам отношения.

— Но не в этот раз, — в ночном воздухе зазвенел негромкий добродушный смех. — Не в этот раз.

— Говори, — потребовал ворчливый.

— Их королева боится смерти. Боится смерти, что видит в своих снах. Она мечтает о спасении. И её сила, этот Огонь снисходит к отчаянным мольбам. Посылает знаки. Показывает тех, кто может послужить ей спасением.

Ворчливый нетерпеливо, шумно вздохнул.

— И среди них...

— Среди них? Ну же.

— Она. Наша осторожная девочка. Наш ключ к успеху.

Собеседник молчал, словно опасался молвить лишнее.

— Столько лет приготовлений! Наконец-то мы заставим её выйти из укрытия.

— Как? Столько лет до неё было не добраться.

— Было не добраться, — благодушный, вмиг потеряв всё своё благодушие, жёстко подчеркнул первое слово. — Ныне же — благодаря видениям их королевы, всё изменилось. Мы вытащим её наружу.

— Как?

— Через эту королеву. Найдём человека рядом с ней. Подберёмся изнутри. Рядом с каждым правителем хватает готовых предателей. Каждый гонится за своей выгодой.

— Теперь ты говоришь интересные вещи.

— Мои люди уже повлияли на видения королевы. Она грезит о спасителях...

— И что же?

— Мы изменили её видения. Среди её драгоценных героев МиУ-04.

Хозяин ворчливого голоса не скрыл изумления и радости.

— Ты будешь использовать МиУ-04? — недовольные нотки в его голосе пропали.

— Конечно. Она долго простояла без дела. МиУ-04, какой-нибудь тщеславный проходимец из здешних, и всё будет решено. Вытащим девчонку из её гнёздышка, лишим возможности спрятаться, вскрыем защиту. Уничтожим физическое тело. Тогда вступите вы. Перехватываете связь. И шлюз в наших руках.

— Мне нравится тебя слушать.

— Мы затопим этот мир энергией. Мы сделаем его доступным. Наконец-то.

Ветер в ночи гонял листья, заставлял ветки приветствовать себя. Небо равнодушно созерцало землю.

На этот раз голос благодушного был тих и по-настоящему благодушен:

— Сколько бы лет ни прошло. Я всегда довожу задуманное до конца.

Май, Хиэй

Огненный город расцвёл майским зноем — нежным, ласковым теплом, предвещающим скорое начало лета. Но после сдержанной прохлады, царящей в Таллинне — люди едва-едва стали менять пальто и куртки на более легкие кофты и пиджаки, — этот зной казался Хиден изнуряющим.

В Нижнем мире слишком холодно, в Верхнем — слишком жарко. Неуютно и там, и там. И в одном, и в другом словно не дома. Хоть переселяйся в пресловутое междумирье, о котором столько книжек пишут, — в нём, по идее, и температура должна быть подходящая, и окружающее пространство из твоей же мечты соткут. Рай! Только кто туда пустит.

В Таллинне уже начали считать Хиден не местной — туристкой; одной из путешественниц, захавших в столицу Эстонии на пару дней в поисках новых впечатлений, но навсегда влюбившихся в красоту маленького ганзейского города и оставшихся в нём жить. Эстонцы при знакомстве начали удивляться, что Хиден в совершенстве владеет государственным языком, а русские перестали подшучивать над её акцентом, уже не в состоянии по первому же слову определить принадлежность девочки к титульной нации. Даже Тайо — подумать только! — любимый брат. Даже Тайо, и тот теперь относится к Хиден как к гостю. Девушка не могла бы точно сказать, какие именно мелочи позволили ей заметить, что он изменил свой взгляд на статус сестры, и когда это случилось, но осознание этого события стало для Хиден своего рода шоком. Она больше не дома — в гостях. И ей не устанут об этом напоминать.

А в Хиэй Хиден с самого начала была чужой. Всегда была и всегда останется. Как бы девушка ни стремилась стать своей, сколько бы ни пыталась казаться местной, в ней всегда узнают иностранку, безошибочно выделяют из толпы. Слишком велика разница культур, слишком поздно девочка попала на Огненный континент — Нижний мир успел дать ей очень много. Верхний мир чересчур непонятен и чужд, чтобы стать по-настоящему родным.

Слишком холодно или излишне жарко? Никак не удаётся выбрать что-то одно, остановиться. Нижний мир держит семьёй: в нём остаются Тайо и папа с мамой. А Верхний манит магией — опасностью, от которой Хиден уже не сможет отказаться.

Беловолосая тяжело вздохнула. Почему после того, как воспользуешься порталом, всё кажется таким сложным и таким ужасным? Может, это своего рода аллергия — защитная реакция организма на резкие перепады магического фона? Надо будет спросить у наставника.

Интересно, а что почувствовал бы Тайо, окажись он в Верхнем мире? Испытал бы он будоражащую душу лёгкость? Ощутил бы он, как искры силы бегут по позвоночнику, туманят разум и приятной истомой растекаются по всему телу? Показалось бы брату, что тут дышать гораздо легче, чем в Нижнем мире, и воздух сладковатый на вкус? Что случилось бы здесь с его аурой — она окрасилась бы магией или так и осталась пустой? Жаль, что Тайо сюда не попадёт.

— Открой мне свои мысли, и получишь мене, — рядом с тенью девушки легла ещё одна — пухлая, взъерошенная, могущая принадлежать только Дани.

— Так, глупости разные думаю. Тебе неинтересно будет, — обернулась Хиден с улыбкой. — А ты разве не в школе должен быть?

Элхе отрицательно покачал головой:

— Не-е. Я же теперь старшекурсник. Каникулы дольше — только через две недели заканчиваются.

— То есть, теперь до июня отдыхаете? Везёт!

— Угу, — Дани довольно улыбнулся, поднял руку с книгой, показывая название: «Прикладное животноводство». — Есть время учебники нормально почитать.

— Странный ты. Кто же на каникулах учебники читает — на каникулах отдыхать надо: развлекаться. Сходил бы лучше в нарайю...

— Хи-тиэ! — элхе прервал девушку. — Приличные женщины не должны говорить о нарайях, — по старой договорённости объясняя, что беловолосая сказала неправильно.

— «Приличные женщины», — беловолосая поморщилась, — если следовать всем местным правилам, вообще говорить не должны. Закуталась с головы до пят в несколько слоёв ткани, заперлась у себя в комнате и молча вышиваешь — тогда ты приличная. А я вышивать не умею! — Хиден упёрла руки в боки, вызывающе посмотрела на кузена.

— Пойдём, может, в парк погуляем? — Дани сменил тему.

Девушка фыркнула — какой весь из себя правильный нашёлся! Опять делает лицо кирпичом: «я этого не слышал». Дурак! Всё равно же не получается.

В парк спускались молча.

— Знаешь, чего не хватает? — Хиден не выдержала, заговорила первой.

— Чего?

— Ливня. Тогда посвежее будет, — она глянула в небо, разыскивая несуществующие облака. — У нас в мае всегда дожди.

— Рано ещё, — Дани присел на поребрик фонтана. — Ты только сама устраивать не вздумай.

— Жарко! — беловолосая скинула сандалии и, задрвав юбки выше колен, шагнула в воду.

— Да нет, в этом году май холодный. Вот в прошлом... — элхе поднял взгляд на подругу и осёкся. Покраснел густо-густо и вновь зарылся глазами в книгу.

— Дани, ты чего? Тебе плохо? — босые ноги прошлёпали по воде. Хиден-эли подошла почти вплотную, заглянула ему в лицо.

— Нет, — студиозус отрицательно замотал головой. — Просто...

— Что? — голубые глаза подозрительно сощурились. — Я опять что-то не то делаю?

Дани закрыл книгу, вновь глянул на девушку и тут же отвернулся:

— Просто...

— Что? — требовательно зазвенел голос.

— Просто... — юноша вздохнул: Хиден-эли так легко не отстанет. Надо что-то сказать. Правдоподобное. Надо отвлечь её внимание. — Я подумал, май месяц на дворе — вода ещё очень холодная.

— Дани, — в голосе девушки послышались недовольные интонации. Не поверила. Требовательно топнула босой ногой — брызги полетели во все стороны. — Да-а-ни?

Элхе почувствовал, как кровь новой волной прилила к щекам, — узенькие ступни кузины не позволяли отвести взгляд.

— Не принято, — Даниллен встал, отошёл на пару шагов от фонтана, зажмурился и

проговорил скороговоркой: — Не принято так ноги оголять.

Отвернулся, надеясь, что кузина поймёт правильно, не обидится на его поведение.

— А я и не... Ты серьёзно? — недоверчиво выдохнула Хиден-эли.

— Да, — Дани кивнул, всё ещё не поворачиваясь, протянул руку. — Давай, помогу вылезти. Играть в фонтанах у нас тоже не принято.

— Здесь ведь нет никого! Никто не увидит, — беловолосая возмущённо фыркнула, но помощь приняла. — Спасибо.

Оперлась на протянутую руку, забралась на бортик фонтана, спрыгнула на землю. Зашелестела юбками, беззлобно ругая жаркую погоду и любовь местных дам к многослойным нарядам до пят.

— Всё, можешь поворачиваться.

Дани осторожно покосился на свою невоспитанную кузину: вдруг ещё чего отколола. Но Хиден-эли стояла смиренно, аккуратно разглаживая складки пышного платья, — тонкие щиколотки, острые коленки больше не торчали из-под юбки.

— Пойдём в тень? — мальчик поспешил увести беловолосую подальше от водоёма, пока она не надумала снова в него залезть. — Или, ещё лучше, в дом?

— Дани, а как вы тогда купаетесь? В одежде, что ли? — Хиден почти бежала, едва поспевая за широким шагом ученика школы травников.

— Купаемся? — темноволосый переспросил, не поняв, в чём же заключается подвох.

— В море, в реке, ну или в бассейне... Неужели вы плаваете в одежде?

— Нет.

— Ну вот видишь. А говорил, что нельзя ноги показывать.

— На море есть специальные купальни, где тебя никто не увидит. А бассейны и источники там разные — они всегда отдельные для мужчин и женщин, — объяснил Дани, а затем осторожно спросил: — А на Воздухе неужели совместное купание принято?

Задал вопрос и залился краской, представив себе подобную картину: мужчины и голоногие женщины в одном источнике.

Хиден-эли невнятно пожала плечами, сокрушённо покачала головой:

— Ты ведь на доктора учишься, да?

— Ну вроде того, — в ответе чувствовалась благодарность за то, что девушка переменяла тему разговора.

— Так чего ты всё время краснеешь? Вот представь: ты уже доктор, и к тебе приходит пациент. Женщина. Она упала и поранила коленку. Как же ты её лечить-то будешь, красный как помидор?

— Хи-тиэ! — Даниленахватило только на возмущённый писк. — Давай не будем об этом!

Просьба прозвучала так жалобно, румянец на лице элхе стал ещё ярче. Кажется, Дани покраснел до самых кончиков ушей.

— Прости, — девушка едва сдержала смех, — ты такой милый, когда смущаешься.

— Хиден-эли! — травник уже просто взвыл.

— Всё, молчу!

Хи-тиэ. Нария. Нет. Хи-тиэ нария?! На-ри-я. Хи-тиэ.

Этот факт никак не желал укладываться в голове. Маленькая, смешливая, совершенно не самостоятельная кузина просто не может быть нарией. Разве получится у неё выслушать не насмехаясь? Разве сумеет девчонка дать мудрый совет? Неужели иностранка может вести беседу об искусстве огненного континента?

Нет. Это точно какая-то неудачная шутка.

— Чаю, Энари-ирхе? — голос совсем другой: ровный, спокойный, мягкий, без единой требовательной нотки. Хи-тиэ так не говорит. И фамилию Даниллена кузина едва ли помнит, даже если элхе сообщал, — она имя-то всё время коверкать умудряется.

К тому же эта девушка даже выглядит старше. Элхе успел исподтишка рассмотреть нарию, когда она вносила в беседку принадлежности для чаепития. Дани показалось, что она выше, чем кузина, изящнее, взрослее. Хиден-эли всегда отличали резкие, надорванные, словно незавершённые движения, а нария движется плавно, изысканно — жесты отточены, аккуратны, правильны. Длинные рукава её платья чудятся крыльями, кажется, она передвигается не касаясь пола, словно парит в воздухе.

Хи-тиэ просто запуталась бы в таком платье с узким подолом, наступила бы на рукава — не умеет она носить такие вещи, даже обычный наряд норовит поднять выше колен.

Не может кузина быть нарией!

— Энари-ирхе, — имя прозвучало чужим, но полученный вместе с ним мысленный толчок заставил отбросить все сомнения. — (Пиалу возьми!)

— А? Что? — элхе поморщился: только Хи-тиэ использует мысленную речь наравне с обычной, словно у неё не мутит сознание от вторжения в чужие мысли.

— Не изволите ли откусать? — медовым голоском пропела кузина. Глаза опущены, руки сложены на коленях — всё по правилам. Прямо истинная обитательница Гнезда. А ведь и правда...

Хи-тиэ нария. Когда она успела так вырасти? Как Дани не заметил? Почему не понял раньше?

Это же так много всего объясняет. Хиден-эли нария! Поэтому она так часто отсутствовала — принимала гостей в своей нараие. Поэтому она так странно себя вела — чтобы Дани ничего не заподозрил — ей, скорее всего, очень неуютно оголять коленки и требовать, чтобы кузен подавал чай. Поэтому так интересовалась тем, что Дани учит, и сама училась магии — чтобы было о чем вести беседу с гостями.

Все загадки решаются так просто: Хи-тиэ нария.

Всё было бы очень весело, если бы не было так грустно. Даже удивление и неверие, столь явно написанные на лице Лягушонка, не могли заставить Льянку отвлечься от печали.

Ласточка-нии — подруга, советчица, защитница — уходит. Беловолосая остаётся одна и должна получить статус птички. А значит, Туоррэ-илиэ снова предложит Льянке двурогую шпильку, и на этот раз отказать под предлогом несвоевременности не будет возможности. У птенцов не может быть канэнов, но у птичек... А Льянке не хочется ни принимать предложение об опеке, ни отказывать.

Если бы только Ласточка осталась в Хоко нарией, а не уходила в семью, с обучением можно было бы так не торопиться: Льянка ещё пару лет побыла бы птенчиком. Но старшая уходит. И после того, как она выйдет замуж, у беловолосой не будет никакой возможности

общаться с подругой — таковы правила. Глупые правила!

— Позвольте поблагодарить вас за то, что вы нашли время нам помочь, — Ласточка-нии склонила голову, обращаясь к Дани.

— Ну что вы! Это вам спасибо, что пригласили меня, — Лягушонок, похоже, пришёл в себя и вспомнил о манерах. — Если честно, то я должен попросить прощения, ибо не совсем понимаю, какая помощь от меня требуется.

— Одно ваше присутствие уже неоценимая помощь, — старшая выразительно посмотрела на Льянку, уступая ей дальнейшие объяснения.

— Дело в том, Энари-ирхе, — птенчик наполнила опустевшую пиалу чаем, — что Ласточка-нии в скором времени покидает Хоко и должна передать мне все свои умения. Мы очень благодарны вам за то, что вы согласились стать гостем на наших уроках.

— Я? — Похоже, наставник не предупредил Лягушонка о том, что ему предстоит. — Я, да. Я рад помочь.

Ещё три месяца осталось. Так мало, чтобы всё успеть!

Хотя, с другой стороны, может и не стоит. Льянка слишком странная, чтобы стать нарией. Слишком неправильная.

Когда нана-илиэ отдала её под опеку дома Полутеней, Льянка совсем не скрывала эмоций — словно не умела, словно пришла из такого места, где это было не принято. Почти четыре года ушло у неё, чтобы научиться не показывать свои чувства другим. И едва выучившись, беловолосая ударила в другую крайность: вот уже второй год она старается всё держать в себе. Перестала задавать вопросы, удивляться, делает вид, что ей всё безразлично и неинтересно. К её лицу словно приросла маска равнодушия. И это, пожалуй, пугает гораздо больше изначальной непосредственности: теперь стало совершенно невозможно понять, что Льянка выкинет в следующий момент, когда она взорвётся. Показное равнодушие птенчика заставляло Ласточку пребывать в постоянном напряжении.

Ветер неизменно затихает перед самым началом шторма, барс замирает перед прыжком. Волна отходит назад, прежде чем накрыть с головой. Так будет и с Льянкой: её молчание — лишь затишье перед бурей. Чем меньше чувств она покажет сейчас, тем громче будет скандал, когда она наконец сорвётся. А в том, что девушка рано или поздно не выдержит, Ласточка не сомневалась. Вулкан всегда выплёскивает лаву. Льянка научилась терпеть и сдерживаться, но это не значит, что она сможет делать это постоянно. Эмоции невозможно запереть внутри навсегда. Не показывать — не значит сдерживать.

Когда-нибудь дождь обязательно пойдёт. И чем дольше этого не происходит, тем больше вероятность того, что он выпадет бурей, тем больше вероятность того, что он выпадет в следующую секунду. Это понимает даже сегодняшней гость.

Интересно, кто он ей? Они явно уже давно знакомы — Энари-ирхе узнал Льянку и не смог скрыть удивления. А теперь сидит и периодически опасно косится на беловолосого птенца, словно ожидая подвоха. Да, они явно давно знакомы.

На учебные чаепития обычно приходят домочадцы: братья, отцы. А может, это жених Льянки?

— Энари-ирхе, простите мне нескромный вопрос, — в конце концов Ласточка может позволить себе немного любопытства напоследок. — Чем вы занимаетесь?

— Я студент школы травников, — гость ответил радостно, словно только и ждал этого вопроса. — Через два-три года получу диплом практика.

— Вы будете врачом?

— Не знаю, — элхе странно покосился на Льянку. — Не уверен уже. Может, ветеринаром.

— Если это из-за фонтана, — беловолосая вмешалась в разговор, — то не сомневайтесь. Я просто неудачно пошутила.

— Нет, Хи...

— Льянка, — подсказала птенчик.

— Нет, Льянка. Тот разговор здесь ни при чём, — юноша покрылся румянцем. — Просто, если я стану врачом, то буду привязан к Хиэй, и не смогу помогать дяде.

Что связывает этих двоих? О чём они говорили у фонтана, если Энари-ирхе приходится за это краснеть? Жаль, что у Ласточки хватит такта не спросить, даже когда они останутся с младшей вдвоём.

— А ты... вы давно здесь? — гость обвёл глазами беседку, стол с угощением. — Ты давно нария? — он спросил осторожно, словно опасаясь ответа.

— Я в Хоко уже шесть лет. Только я не нария.

— Не нария? — элхе взглядом попросил помощи у Ласточки.

— Льянка — птенец, моя ученица, — принялась объяснять темноволосая. — Когда я уйду, она станет птичкой, ещё через несколько лет нарией.

— Не стану, — птенчик отрицательно покачала головой, извиняющимся тоном повторила: — Нарией не стану.

— Ты?... — Ласточка осеклась: спрашивать о дальнейших планах младшей было бы некорректно. Особенно если они связаны с Энари-ирхе.

— Нет, — Льянка отрицательно замахала рукой, уловив ход мыслей старшей. — Я не замуж пойду.

Гость, кажется, тоже понял, о чём подумала птичка, и поспешил разъяснить:

— Хи... Льянка моя кузина. Мы не... — элхе покраснел.

Огонь! До чего невежливо получилось. Так неловко!

— Может быть, если я и соберусь замуж, то лет через пятнадцать и непременно за королевского мага, чтобы было много путешествий, приключений и магии, — птенчик мечтательно прищурилась. — Не хочу сидеть в какой-либо клетке, — фыркнула упрямо.

Льянка совсем ребёнок: думает абсолютными категориями, как свойственно только детям. Всего один вариант правильный — остальные даже не рассматриваются. Но какая всё же скользкая тема для суждений.

— Ты не говорила, что учишься в нарае, — Энари-ирхе тоже решил, что матримониальные планы не стоят подробного рассмотрения. — Ты вообще о себе почти не говоришь, — в голосе элхе чуть заметной тенью скользнула обида.

— Для женщины услышать слова мужчины гораздо важнее, чем сказать свои, — лукаво улыбаясь, беловолосая произнесла поговорку. — Я слушаю своего кузена и забываю говорить о себе.

Нет, Ласточке не будет стыдно за подопечную перед Сойкой: Льянка хорошо усвоила уроки. Мудрость, немного лести и как можно меньше слов о себе. Нария должна оставаться тайной, неразгаданной загадкой. Когда птенчик подрастёт и поймёт ошибочность преждевременных решений, увидит, что нараяя — в отличие от замужества — даёт свободу, из неё получится хорошая нария. Жаль, что Ласточка не может остаться.

С нариями Даниллен чувствовал себя как-то очень хорошо, как со старшими сёстрами — в принципе, Хи-тиэ и была сестрой, только не старшей. Беседа шла легко: хотелось поведать девушкам все заботы, все тревоги, хотелось выслушать их советы — ведь кузина хорошо знает Дани, и советы, которые она даст, будут глубоко личными. Но с другой стороны, Хи-тиэ член семьи, младшая родственница, которую элхе должен оберегать, а не обременять своими проблемами...

— Иногда врачам приходится говорить неправду, — Дани всё же заговорил о своих сомнениях, обращаясь к темноволосой нарии. Элхе чувствовал, что не сможет обманывать больных, обнадеживать их, когда надежды нет.

— Им нет необходимости лгать. Достаточно просто не говорить всю правду, — ответила Хи-тиэ, тактично уводя разговор в сторону от близких элхе ситуаций, но в то же время давая совет. — Как политикам.

Дани по-новому посмотрел на кузину — удивился, как незаметно ребёнок превратился в здравомыслящую девушку. А может, это всего лишь эффект восприятия, вызываемый тем, что Хи-тиэ прячется под маской? Вот снимет её, и сразу в её словах перестанет таиться мудрость, взгляд станет моложе и выражение лица не таким строгим.

— Недостаток фактической информации заставляет человека додумывать. Если он расположен к тебе, то сам сочинит выгодный для тебя вариант, — Льянка чуть слышно усмехнулась, словно вспомнив что-то. — Люди гораздо охотнее верят в то, что придумали сами. Ну а если ты неприятен человеку, то, что бы ты ему ни сказал, он всё равно не поверит — он уже придумал тебя плохим. Для себя же человеку прежде всего хочется верить в хорошее. Поэтому достаточно дать самый минимум информации, и надежду человек придумает сам.

Ведь не может Хи-тиэ действительно так думать. Это как-то слишком жёстко и расчётливо — не по-женски. Да, наверное, маска всё же накладывает своё влияние на её слова.

Кажется, Льянка слишком разоткровенничалась — Дани испугался, ушло куда-то хрупкое доверие. Ещё один плюс в пользу молчания: чем больше слушаешь, тем меньше открываешь себя.

Элхе, кажется, понял, что беловолосая воспитанница нарайи говорила не о врачах и не о политиках — о себе. Понял и сделал выводы — для Хиден неутешительные. Понял, что та Хи-тиэ, которую Лягушонок знает, всего лишь плод его воображения.

Да. Хочешь как лучше, а получается...

Льянка обратила взгляд на старшую подругу. Может, она сумеет помочь — подскажет, как исправить.

Напряжённая тишина возникла неожиданно. Разговор словно надломился. И гость, и младшая с надеждой уставились на темноволосую птичку.

— Энари-ирхе, прошу прощения, — Ласточка склонила голову, опустила глаза. — Возможно, мой вопрос не к месту, но очень скоро придёт мой гость, и мне придётся покинуть вас. Вы не откажетесь прийти на дневное чаепитие ещё раз?

На учебном чаепитии старшая может позволить себе не очень вежливые вопросы — гость заранее даёт согласие ближе к концу урока ответить, понравилось ли ему, как за ним ухаживала ученица, и согласен ли он прийти ещё раз.

— Вы очень любезны, что предоставляете мне такую возможность, — элхе откликнулся стандартной фразой, означающей согласие. — Могу ли я просить вас об одолжении? Не найдёте ли вы с Льянкой времени принять меня послезавтра?

Август, Хиэй

Мякнула лютня, взметнулись вверх руки, разлилась в воздухе алая ткань. Огонь.

Девушка упала, как подкошенная, — белые волосы рассыпались шёлком, сливаясь с дымчатой серостью её платья. Лёд.

Всхлипнула флейта. Огненная распласталась рядом с ледяной, обнимая её длинными рукавами, — словно пытаюсь согреть то, что согреть невозможно.

Раненой птицей забилась дымчатая, пытаюсь выбраться из объятий алой. Взлетела вверх, метнулась в угол, спряталась в тени, свернулась калачиком, скрыв лицо за рукавом. Огненная грациозно встала, огляделась, не замечая, закружилась по сцене, плавными движениями разгоняя сумрак. Замерла, заблудившись в звуках лютни. Серой дымкой ожила ледяная. С рваной грацией приблизилась к фигуре в алом, робко коснулась её плеча, оживляя.

Сплелись в танце руки-крылья, уже не ясно стало, где чьё движение. Две фигуры кружились по сцене, то взлетая высоко-высоко, то падая вниз. Две стороны одной монетки. Те, которым не суждено встретиться — лето и зима, огонь и лёд. Две хрупкие фигурки, танец которых заставлял замереть дыхание.

Музыка закончилась неожиданно — оборвалась вместе с движениями девушек, разбежавшихся на противоположные края сцены, перестала существовать. Ещё несколько мгновений древняя легенда, рассказанная в танце, продолжала жить в мыслях зрителей — зал молчал. Лишь через долгие сорок секунд ветром зашелестели голоса, дождём посыпались комплименты. Сойка может гордиться своими воспитанницами.

Чайка оглядела беседку. Танец огня и льда завершал вечер, но гости не спешили расходиться, желали ещё раз поприветствовать танцовщиц.

Королёк, Кукушка и Ласточка, для которых сегодня был праздник первого полёта, упивались мгновениями славы — улыбаясь, кружили меж гостей — уже не в масках, а с узорами на лицах. Жаль, что только одна из них останется в Хоко нарией. Подопечная Чайки, Кукушка, впрочем, и не достойна этого звания — слишком много самомнения и слишком мало честолюбия — такую не обидно терять. А вот Ласточка... Зря её забирает семья.

В уголке, поближе к выходу, сгрудились новоявленные птички — Куропатка, Клёст и... А где Льянка? Неужели опять пропала в неизвестном направлении? Куда только смотрит Сойка?!

Дымчато-серое абито мелькнуло возле двери. Возможно, Чайка ещё успеет перехватить беглянку. Нария направилась к выходу из зала, улыбаясь и кивая знакомым гостям.

— ... нет. Я с большим удовольствием продолжу здесь учёбу, если Сойка-нии и нана-илиэ не будут возражать, — как оказалось, Льянка и не думала никуда уходить, а тихо-мирно беседовала с одним из гостей.

— Полагаю, они не будут, — собеседником оказался алор Орриэ-лаэ.

Умеет девочка находить себе компанию! Метящий в министры Туоррэ-младший, учитель какой-то магической школы — как же его звали? впрочем, не суть важно, — Аикки-

ирхе, придворный музыкант и интриган, а теперь ещё и его сиятельство Орриэ-лаэ, канцлер государственной безопасности. Рискованное сочетание гостей.

Вечер закончился, приглашённые разошлись по домам, уехала, не дожидаясь утра, Ласточка. Хоко начало засыпать. Ещё немного, и можно будет незаметно выскользнуть за ворота и отправиться в особняк.

— Льянка! — какой у Чайки всё же строгий голос! — Ты куда-то уходишь?

— Нет, — беловолосая покачала головой. Этого ещё не хватало! Только соберешься домой... — Нет.

— Позволь мне тебя поздравить, — интонации сменились, стали мягкими, почти мурлыкающими. — Танец получился просто потрясающим.

— Спасибо, Чайка-нии, но это не моя заслуга. Это всё усилия Ласточки.

Интересно, почему Чайку называли Чайкой? Ведь образ и поведение этой женщины никак не вяжутся с повадками суетливой морской птички. Разве что цвет волос...

— Подумать только, — нария, похоже, вознамерилась прочесть Льянке очередную лекцию, — ты уже птичка. Теперь тебе надо осторожнее выбирать гостей, смотреть на их репутацию, просчитывать последствия.

— Не мы выбираем гостей, — возразила беловолосая. — Они — нас.

— Но в наших силах сделать так, чтобы нас не выбрали. Ведь правда?

— Может быть. Чайка-нии, а женщины могут быть гостями нарайи? — возможно, глупый вопрос заставит нарию отвязаться от Льянки.

— Иногда ты меня пугаешь, — Чайка вознамерилась отвечать. Каким же проступком птичка удостоилась такого пристального внимания старшей? — За шесть лет жизни в Хоко ты хоть раз видела женщину-гостя? — нария подождала, пока Льянка отрицательно качнёт головой. — Тогда делай выводы.

— То есть, не могут. Даже чисто теоретически?

— Благовоспитанная дама никогда, даже наедине с собой, и думать не будет о нарайях и нариях. Это тема — табу.

— Почему? Здесь ведь не происходит ничего плохого и запретного.

— Просто так заведено. И теперь, если ты встретишь Ласточку на улице, она сделает вид, что тебя не узнаёт. Просто потому, что так принято.

Льянка грустно вздохнула.

— На самом деле, иногда нас приглашают во дворец быть хозяйками больших приёмов, и там, разумеется, гости и мужчины, и женщины. Но в самой нарае женщин-гостей не бывает.

— Понятно.

— Льянка, я хотела бы тебе погадать, — Чайка почему-то почувствовала необходимость спросить разрешения.

— Какой в этом смысл? — и получила невежливый отказ.

— Идём! — нария потянула птичку за собой. Откуда-то пришло ощущение, что девушка должна услышать свою судьбу. — Так надо.

В конце концов Чайка старшая, и Льянка должна ей подчиниться.

— Если вы настаиваете...

В особняк Хиден сегодня вечером не попадёт, а значит и домой тоже — пропустит отъезд родителей. Хозяйка Дома Шорохов оказалась на удивление навязчивой — обычно она избегала общения с беловолосой, но сегодня, наоборот, нария просто жаждала одарить Льянку вниманием. И птенчик не была бы против — Чайка всегда казалась интересной, — но только не этим вечером. У девушки были запланированы дела в Нижнем мире. Впрочем, похоже, эти дела так и останутся планами.

— Проходи, пожалуйста, — в комнате нарии было темно. — Присаживайся, — Чайка зажгла свечи и указала на одно из кресел, стоящих возле маленького резного столика.

— Свечи? — Льянка огляделась. Комната была заполнена всевозможными статуэтками, вазочками и гобеленами — мягкая и уютная.

— Да. Не люблю искусственный свет. Подожди немного.

— Хорошо, — со скучающим видом птичка откинулась в кресле.

Льянка, кажется, согласилась. Хорошо! Руны уже не шепчут — почти кричат, зовут во весь голос, привнося в сознание боль. Гадание должно быть совершено. Немедленно.

Ни для кого не было секретом, что в Дом Шорохов гости приходили именно за предсказаниями — за удачей, которую вещают раскинутые Чайкой воздушные руны. Ни одного гостя не останавливало то, что гадает женщина. «Руны — просто камешки с непонятными рисунками, а толкование рисунков — не колдовство», — так они рассуждали. Но Чайка ведь не толкует рисунки, она лишь умеет слышать ветреные камни — символы, нарисованные на них, для нарии ничего не значат. И сейчас руны горят желанием рассказать судьбу беловолосой.

Нария поставила на стол деревянное блюдо, развязала мешочек с рунами, высыпала их на ладонь — воздушные камни любят ритуалы.

— Подождите, — Льянка не разрешила бросить. — Мне не нужно гадание. У меня нет вопросов.

— Ты не понимаешь, — Чайку лихорадило, камни так и норовили выскочить из руки. — У тебя есть какая-то тайна. Твоя жизнь — тайна, незавершённость. Пустота, которая должна быть заполнена, иначе... иначе будет плохо.

— Неужели, — взгляд беловолосой наполнился холодом, голос прошелестел ледяным ветром.

Камни рассыпались по тарелке, начали говорить. Шептать десятком голосов, перебивая друг друга. Нария едва успевала повторять:

— Ты не лёд, не воздух. Огонь! Ты — огонь... только кажешься ледяной, но в тебе огонь. Пламя, от которого не получится отвернуться... Бойся огня! Он постарается тебя подчинить. Бойся! Не подходи близко! Ты не та, кем ка...

— Хватит! — Льянка чуть повела рукой, и камни замолчали, смешались на тарелке, спутали узор.

Они её послушались!

Воздушные руны! Магические символы, которые Хиден изучает уже пятый год. Двадцать четыре камня, набившие оскомину одним своим видом, в руках не понимающей, с чем имеет дело, женщины. Только этого не хватало!

— Подождите! Не надо гадания, — нет у девушки вопросов. Не хочет она слышать никаких предсказаний.

Поздно! Руны упали на деревянный поднос. Прозрачным серебром сложились в узор жизни. А Чайка знает, слышит — своенравные камни дают ей знание!

Не обращая внимания на бормотание нарии, Льянка принялась изучать свой путь. В самом начале легла «аппэ» — руна бессилия и бездействия. Дальше скрестились «лэи» — ворота — и «энье» — посредник. Нижний мир и наставник, открывший Хиден путь в Анедве? «Ойя» — встреча или знакомство, «ттэ» удваивает её значение. «Раво» в сочетании с «ику» предрекает опасность. «Ная» — важное решение — способна изменить значение всех последующих рун, тут надо вытаскивать дополнительную. Дальше «уми». Что же значит «уми»? Да ещё и перевёрнутая? Болезнь? Смерть? Но тогда почему путь ложится дальше? «Ити» — радость. Перевёрнутая «кки» — боль, обида или страх. Дальше, дальше...

Дальше Льянка смотреть не будет. Незачем знать. И так уже неуместным любопытством предрекла себе слишком много — теперь ведь придётся жить тем путём, который увидела.

— Хватит! — заклинание само сорвалось с кончиков пальцев, смешало руны.

Чайка подняла на Льянку удивлённый взор:

— Почему?

Что «почему»? Почему девушка смешала камни? Почему не хочет знать свою судьбу?

— Не следует заглядывать в будущее, — Льянка повторила слова любимой поэтессы. — Заглянув, мы не сможем творить его сами.

— Гадание помогает найти верный путь, — нария начала аккуратно складывать камни обратно в мешочек. — Руны привели меня в Хоко.

— Они направляют лишь тех, кто ищет совета. Тех, у кого нет вопросов, они только связывают. Опасно гадать просто так...

Последний камушек словно живой выпрыгнул из рук Чайки, подкатился к самому локтю Льянки и замер. Вот и пояснение к руне решения — «тии», согласие, мир. Что же, если вопрос возникнет, то ответ на него уже есть.

— Может быть, чаю? — общение с рунами изматывало, выбивало из колеи.

— Да, — Льянка согласно кивнула.

Чайка зажгла очаг — огонь для хорошего напитка должен быть живым, — налила воды в котёл:

— Ты, если хочешь, маску сними.

— Спасибо, — птичка тут же воспользовалась разрешением. Избавилась от фарфорового лица, потёрла переносицу, уютно свернулась в кресле.

Женщина достала чайные листья, бросила их в прогретый фарфоровый кувшин, залила кипящей водой и вновь обратила внимание на гостью.

Маленькая, хрупкая фигурка, закутанная в серый шёлк и неровные тени. Белоснежные волосы рассыпались по плечам, веки устало прикрыты. Дыхание ровное, едва слышное — словно девушка задремала.

— Льянка, — следующего вопроса нария сама от себя не ожидала. — Могу я тебя поцеловать?

Птичка сделала вид, что не услышала — не открыла глаз, даже дыхание не сбилось.

Наверное, оно и к лучшему, если действительно спит. Чайке не будет позже так мучительно стыдно за странное желание.

— Чайка-нии, — чуть слышно шепнула Льянка целую вечность спустя. — А зачем

люди целуются?

Голос девушки заставил нарию вздрогнуть: значит, всё-таки не спала.

— Ты спрашиваешь именно о моём желании?

Девушка достойна откровенности. Да и Чайке стоит постараться объяснить свой порыв вслух, чтобы избавиться от наваждения.

— Наверное, — в глазах птички пляшут огоньки, завораживающие отблески свечного пламени. И в то же время взор девушки остаётся холодным.

— Ты непонятная. В тебе есть какая-то тайна, неправильность. Ты как будто существо из другого мира. И совершенно невозможно противостоять желанию тебя познать. А телесный контакт — не худший способ.

— Вот как, — Льянка холодно усмехнулась какой-то своей мысли. — А если брать людей в целом? Не конкретно вас и меня.

— Чтобы сделать приятно. Поцелуй — знак доверия и близости, — Чайка поднялась, обошла столик, встала за спинкой кресла, в котором сидела младшая. — Хотя всё зависит от ситуации.

Девушка беззащитно запрокинула голову, поймала взгляд нарии и тут же смущённо отвела глаза.

— Я... я не нахожу в поцелуях ничего приятного, — сказала тихо-тихо, словно признаваясь в ущербности.

— Ничего страшного, — Чайка позволила себе улыбнуться и сочувственно потрепать Льянку за плечо. — Просто твоё время ещё не пришло. Ты обязательно научишься получать удовольствие от случайных прикосновений и поцелуев, когда рядом окажется Твой человек.

Беловолосая поёжилась, и нария тут же убрала руку — главное, не спугнуть:

— Не стесняйся говорить, если тебе неприятно.

— Нет, — Льянка отрицательно качнула головой, заглянула Чайке в глаза. Взметнувшаяся вверх ладошка смущённо вернула руку нарии обратно на плечо. — Мне интересно.

Август, Таллинн

— Доброе утро! — Тайо сладко потянулся.

С кухни доносились приятные запахи, солнце ленивым взглядом смотрело в комнату. Вставать не хотелось совершенно. Так бы и валяться весь день под одеялом, смотреть анимэ! Но Хиден не позволит. Да и Азик уже скоро придёт — сегодня по плану велосипедная прогулка в Виймси.

— Доброе! — сестра зазвенела посудой, выглянула в комнату. — Ты ещё не умылся?

— Иду, — обречённо вздохнул Тайо, направляясь к ванной. — Ты прям как мама.

Хайди еды не даст, пока умытый, одетый и причёсанный Тайо не сядет за стол и не произнесёт дурацкую абракадабру, которую всё время умудряется забывать. Зачем это Хиден нужно, фиг его знает — может, из вредности. Но еды без абракадабры сестра не даст. Это как у любого среднестатистического злодея из анимэ — сначала речь, а потом уничтожение мира. Только Хайди добрая, поэтому ограничивается речью.

— Амиэн велени кка? — сестра поставила чашки на стол и чуть наклонила голову.

Как же там было? Ээпа вере? Эига беле? Живот просительно заурчал. Омлет сейчас остынет — сдуется.

— Может, хоть сегодня без этого обойдёмся? А?

— Амиэн велени кка? — Хиден нахмурила брови.

— Эпгавели? — несмело предположил Тайо и взялся за вилку. — Эпгавеле. Теперь можно?

— Оохиса кадавеле, — сестра кивнула, подвинула ближе мисочку с салатом, налила чаю. — «Э» длинное и согласные произносятся не так твёрдо, запомни на будущее.

— А кофе нет? — юноша проигнорировал замечание. Что с сестры возьмёшь — собирается на филолога, вот и тренируется на родственниках. Мама с папой в разъездах, так что отдуваться за всех приходится Тайо.

— Ты не купил, — Хиден глянула исподлобья и тут же опустила взгляд, словно бы извиняясь.

Ну да. Сам виноват. Разделение обязанностей — это хорошо. Сестра, когда соизволяет появиться дома, готовит и пылесосит, а Тайо ест, моет посуду и ходит в магазин. А вот человека, составлявшего бы список покупок, как-то не хватает.

— И этого, как его, твоего странного... сия? — Хиден виновато качнула головой. — Ну и ладно, — Тайо взял пиалу с чаем. — Чёрт! — рука дрогнула, жидкость вылилась на пальцы. — Горячо!

Лет пять назад из дома пропали все чашки и кружки с ручками — им на смену пришли небольшие пиалы. Лёгкие, красивые и хорошо ложащиеся в ладонь, но, на взгляд Тайо, совершенно непрактичные. Пока дело касается холодных напитков, всё просто здорово, но если налить в пиалы горячий чай или кофе, держать их просто невозможно.

Тайо отвоевал себе большую толстостенную кружку, но сестра упорно подавала напитки только в пиалах. Хорошо, что Хайди хоть вилки и ложки оставила — хотя и пыталась заменить их черпачками и странного вида палочками.

— Не ругайся в моём присутствии, пожалуйста.

— Я не ругаюсь, — юноша поставил чай, подул на саднящую ладонь. — Просто обжётся.

— Позволь, — беловолосая потянулась через стол, коснулась больного места. Холод разлился по ладони, зуд и покраснение исчезли.

Как она это делает? Себе, что ли, боль забирает? С самого детства Хиден, как ангел-хранитель, оберегает брата. Тайо заболел, упал или ударился — если сестра рядом, сразу становится легче, быстрее приходит выздоровление, заживляются царапины и ушибы. Наверное, Хайди просто делит с ним боль пополам. Может, Тайо, сам того не замечая, пьёт из сестры энергию?

— Как мама с папой? Не звонили ещё? — Хиден взяла свою пиалу в руки, словно не чувствуя жара, словно там и не кипяток вовсе налит.

— Звонили вчера, — Тайо кивнул. — Долетели нормально, устроились уже.

Интересно, почему сестра не пришла родителей проводить? Вроде собиралась ведь вернуться из своего лагеря к их отъезду, а не вернулась. Да и они совсем её не ждали, не волновались. Странно.

— Слушай, а вы с ними случаем не поссорились? — молодой человек подозрительно покосился на Хайди.

Хотя с мамой и папой невозможно поссориться. Добрые они — любящие, понимающие и всепрощающие. Идеальные родители.

— Разумеется, нет! — Хиден удивлённо приподняла бровь. — Откуда такие мысли?

Хм. Тут ведь и не объяснишь толком. Ведут себя странно все трое. Ну, Хиден-то уже давно отстранилась от родителей: живёт чем-то своим лет с двенадцати, большую часть времени проводит у дяди Георга в Финляндии. Но мама с папой... Они и не вспоминают о Хайди, когда её нет рядом — словно у них никогда и не было дочери, один только Тайо. А если сестра дома, то вроде и общаются нормально, но всё равно ощущается какая-то натянутость, отдалённость.

— Ну, просто... ты не приехала их проводить.

— Не смогла, — Хиден нахмурилась, словно вспоминая что-то не самое приятное. — Обстоятельства так сложились.

— Понятно, — Тайо вздохнул.

— Но не расстраивайся за меня, — сестра хитро улыбнулась, сверкнула глазками. — Я зато опыт интересный получила.

— Поделишься?

Что же это за «интересный опыт» такой? Глазки-то вон как довольно заблестели.

— Не стоит. Всё пустое, женское, — отмахнулась, встала из-за стола.

— Ладно, — Тайо пожал плечами. Не сейчас, так потом расскажет. Всегда ведь всем делится.

Юноша принялся убирать посуду в раковину. Когда Хиден готовит, всё хорошо — только посуды очень много получается. Любит сестра, чтобы каждый продукт отдельно от других готовился и на своей тарелочке лежал.

— Я тут подумал, — Тайо оглянулся на сестру, — что, наверное, на следующей неделе к родителям полечу по пирамидам полазать. Ты как?

— Нет, — девушка отрицательно покачала подбородком. — Я лучше в Хиэ... в Хельсинки тогда вернусь.

Хиэй, август

Он шёл с прямой спиной, чеканя шаг. Коридоры, переходы меж залами, убранные искусными декораторами комнаты сменялись одни другими. Чтобы попасть во дворец, он воспользовался мини-порталом, отправившись в путь напрямик из собственного особняка — так ему не пришлось вдыхать раскалённый воздух столицы. А здесь, как и в любом достаточно обеспеченном доме Хиэй, на протяжении всего лета работали кондиционеры и вентиляторы, создавая приятную прохладу. Но ни один дом Хиэй не был настолько огромен. Настолько величествен.

У входа в покои Огненной девы он остановился, ожидая, пока почтительная фрейлина доложит о его прибытии. Глянул вправо от дверей, потом влево, на места, что обычно занимала боевая пара из магов-новичков, глянул просто так, отмечая, нет ли знакомых лиц.

Знакомых лиц не было. С одной стороны вытянулся темноволосый молодой парень с невозмутимым взглядом; судя по редкой форме ушей — потомок одного из древних родов, кажется, Ито. С другой стоял светловолосый нинье и нагло посверкивал зелёными глазами. Нинье и парень Ито — да, он помнил. Подписывая бумаги о назначении, он отметил, что магическая гвардия обзавелась в этом году любопытной парой.

Двери наконец-то раздвинулись. Он шагнул вперёд, в ослепительный солнечный свет, и краем уха выловил обычную формулу представления:

— Его сиятельство канцлер государственной безопасности алор-суэ Орриэ-лаэ.

Дева поднялась навстречу старому знакомому. Жест алор оценил — хоть меж ними не было уже прежней доверительности, она всё так же полагалась на знания его и ум. Вот и сегодня призвала, желая, не иначе, спросить совета.

Невзирая на годы, и поныне королева Огненного материка с полным правом могла зваться красавицей: хоть из уголков глаз и побежали тонкие светлые морщинки, алые волосы струились шёлковой киноварью без следа седины, а сине-серый взор оставался царственным.

— Отойдёте к окну, — проронила женщина.

— Прошло немало времени, — ответил Орриэ-лаэ общепринятым приветствием — но с момента последней их встречи прошло и впрямь немало времени.

Дева выглядела грустной — или очень задумчивой. Над переносицей залегли три тонких вертикальных морщинки, «когти птицы Синь», как звали их поэты. Когти птицы Синь — вечного спутника бога забот и горестей.

— Что беспокоит вас?

На правах старого знакомого он мог бы обращаться к ней на «ты», но уже много лет не пользовался этим правом. Не получалось. Её высокое положение — а более того посадка её головы, холодная неприступность, сквозившая в каждом движении, отстранённость — не разрешали.

Дева молчала. Глядела в окно, за которым палило яростное солнце.

Орриэ-лаэ попробовал зайти с другой стороны:

— Ваши покои сегодня охраняют новые маги. Один из них — нинье; среди придворных боевых магов давно не приходилось встречать нинье. Довольны ли вы ими? Ведь это выпускники нынешнего года.

— Да, — ответила она равнодушно. — Я знаю, с июня они во дворце. Каждый год приходят новые, я устала уже запоминать лица.

— Вот как, — алор не нашёлся что сказать.

— Да.

— Однако люди с магическими силами — ваша защита.

— Да. Да, в этом ты прав, — Орриэ-лаэ не хотел, чтобы слова его прозвучали упрёком, но Дева будто спохватилась. — Мне снится всё чаще, что меня может спасти кто-то, обладающий магическими силами, тот, кто находится рядом.

— Снится? Кошмары? Не последствия ли это бесед с суеверными придворными дамами? — уже произнеся фразу, алор понял, что звучит она несколько неподобающе. Попытался исправить, и голос невольно стал мягок: — Чего вам страшиться? Зачем искать спасителей?

— Не говори так. Я думаю, это Цую. Среди моих спасителей... кажется, я видела во сне Цую, — слова Девы падали сухими лепестками. — Угораздило рассказать ей. Она твердит, что спасёт меня. Бедная девочка, я верю, как ей не хочется меня терять — кроме меня, у неё никого нет. Как и у меня нет никого, кроме неё.

Орриэ-лаэ проглотил эти слова молча.

— Я вижу нескольких людей, — снова заговорила королева. — Двое из них принадлежат нашему миру. Двое — Нижнему.

Невольно у алора затрепетали ресницы. Кажется, впервые за много лет он услышал от Девы упоминание Нижнего мира. Обиталище демонов и ужасных чудовищ, пожирателей человеческих душ, как считалось в народе. Мир-ссылка для преступников государственного уровня, мир-ссылка без единой надежды вернуться домой, как известно было о нём в узком кругу посвящённых. Мир нинье. Место с пониженным до невероятности магическим фоном — там почти невозможно пробудить дар.

— И одно существо с аурой, совмещающей признаки обоих миров. Хиэнне, жрица Огня.

— Хиэнне!

— Да. Хиэнне, Цую и ещё одна девушка, неизвестная мне светловолосая элхе. Двое неизвестных мужчин, смутными тенями, не разглядеть лиц.

— Всего пятеро?

— Да. Их судьбы переплетаются, изменяя себя и друг друга. И они могут спасти меня.

— От чего вас спасти, Ваше Величество? — алор не выдержал, обратился сурово. Необходимо без промедления собрать подчинённых — от тревоги королевы нельзя отмахнуться, будто от назойливой докуки; но для правильной оценки ситуации требуются знания.

— Мне грозит опасность, — Дева смотрела в окно, не достаивая старого друга ни взглядом. — Мне грозит опасность. Я не знаю, как они могут спасти меня. И весь мир. Огонь грозит вырваться из моих рук.

— Ваше Величество, — Орриэ-лаэ постарался произнести эти слова ласково, словно увещевал больного, — необходимо проверить Ваши видения. Позвольте мне незамедлительно прислать к вам людей из отдела душевных универсалий.

— Быть может, у Хиэнне родится мессия, — она будто не слышала. — Не знаю, мне отчего-то кажется, у неё должен появиться ребёнок.

— У жрицы Огня?! От кого?!

Дева помотала головой. Сейчас она сама напоминала ребёнка.

— Я посмотрю. Посмотрю, спрошу Огонь. Вдруг я смогу как-то этому содействовать.

— Быть может, вам выдать замуж кого-нибудь из ваших фрейлин? — Орриэ-лаэ пришло

в голову внезапное предположение: возможно, Деве всего лишь хочется поиграть в матримониальные игры, посоставлять планы? Откуда иначе подобные безумные идеи: рождение мессии, поиск супруга для Жрицы? Какую угрозу видит Дева, когда о ней не осведомлён ни один человек из могущественного аппарата госбезопасности — ни даже сам её глава?

— Алор-суэ, замолчите.

Он замолчал, оборванный, возмущённый, обиженный.

Она продолжала смотреть в окно.

Маленькая черноволосая девочка недалеко от них, в тех же покоях, спрятавшись от солнечного света за тяжёлыми занавесями, играла сама с собой. Расставляла на доске деревянные фигурки и тут же их смахивала, повинуюсь сложным, неизменным с древних пор правилам. Синие глаза внимательно следили за расположением фигур, а разум сосредоточенно просчитывал ходы.

Время летело, не останавливаясь ни на миг.

Светловолосый нинье с нахальным зелёным взглядом и до подозрительности невинным выражением лица глянул на напарника — не проявляет ли тот признаков усталости, — потом на часы — далеко ли ещё до конца смены. Ждать предстояло немало, стража у покоев королевы всегда чувствовалась бесконечной. Зато потом — придёт ночь, и город раскинется перед нинье, распахивая в объятиях руки, обещая наслаждение, дразня жаром беспокойных огней.

Время отсчитывало секунды.

Элхе с необычной формой ушных раковин стоял неподвижно, будто не ощущал ничего: ни тяжести в ступнях, ни неудобства от неизменной позы, ни боли в затёкших плечах. Чёрно-голубые его глаза смотрели прямо перед собой, в пространство, а в голове медленно переплетались совершенно посторонние мысли: о заклинаниях, круговороте энергии, преимуществах светлого полюса перед тёмным.

Элхе не обращал внимания на бегущее время.

Девушка, склонившаяся над зелёными травяными макушками, устало выдохнула, потёрла лоб запачканной в земле рукой и смахнула с крыльев носа выступившие капли пота. Тёмно-фиолетовые волосы упрямо лезли в глаза, мешали смотреть, путались, пачкались. Кольца ножниц уже начали резать пальцы, а жёлтенькие цветки зверобоя норовили разлететься от каждого неосторожного движения, и девушка проклинала ту минуту, когда в голову ей пришла мысль заняться сбором трав. А ведь ещё надо разбирать собранное, чистить и раскладывать для сушки. Нет чтобы приступить к этому завтра с утра.

Солнце клонилось к закату.

Темноволосый молодой человек лет восемнадцати посмотрел вдаль, туда, где в жарком мареве дрожали занесённые песком серые камни развалин. Вокруг них копошились люди, гортанные возгласы пронизывали горячий воздух. Желудок жалобно взвыл. Где там родители? Небось, ещё не скоро вылезут.

Поскорей бы пришла пора ужинать — и спать.

Красивая девушка с тонкими острыми ушами, длинными белыми волосами равнодушно взглянула на окно. Скоро вечер, скоро ночь — и можно будет тихо выскользнуть из особняка, отправиться в заманчивую прогулку по улицам Огненной столицы. В самый раз: и спадёт жара, и благословенная темнота позволит сумасбродам насладиться неузнаваемостью, вновь поиграть с огнём.

Ночь постепенно захватывала город, время неумолимо двигалось вперёд.

Одинокая тень сидела на качелях. Это был молодой человек, не старше восемнадцати. Привалившись плечом к прутьям, он смотрел на тихое, дышащее волнами море. Потом глянул на усыпанное звёздами небо, зажмурился. Губы растянулись в усмешке.

Время наступало.

Через два года придёт смерть. А вслед за ней — новая жизнь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net